

Библиотека
Владимир Воронин

КАПИСИ СВЕЧА

ВЛАДИМИР ВОРОШИЛОВ

КАПЛЯ СВЕТА

РОМАН

Кемеровское
книжное
издательство
1982

Текст романа
печатается по изданию:
В. Ворошилов. «Капля света».
М., «Советский писатель», 1981

Ворошилов В. С.

Б-75 Капля света.—2-е изд.—Кемерово: Кн. изд-во,
1982.—432 с.

В пер.: 1 р. 60 к.

Владимир Ворошилов хорошо известен читателю своим романом «Солнце продолжает светить», получившим высокую оценку читателей и критики. Роман «Капля света» тесно связан с первым романом писателя, но представляет собой совершенно самостоятельное произведение. Главному герою, Сергею Томилову, ослепшему при аварии в шахте, однажды показалось: он увидел каплю света. После операции перед ним встает трагическая проблема: остаться деятелем, рискуя снова погрузиться во мрак, или изъять себя из жизни, оберегая последнюю каплю света. Сергей принимает трудное, но необходимое решение.

В 70302-10
М 145(03)-82 82-4702010200

Р

© Советский писатель, 1981

© Кемеровское книжное издательство, 1982, оформление,
послесловие

КАПЛЯ СВЕТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь темная, слепая. Небо затянуто тучами, как бельмом. Ни звезд, ни горизонта не существует. Вокруг мгла. Но вот по небу чиркнула молния. От электрической вспышки обозначилась солнная земля. Воздух со дрогнулся от громового вздоха... Промежуточная тишина — обманчивая, настороженная. Накопив новую энергию, туча опоясала себя огненной лентой, басовито прогрохотала: тра-так-тра-рах!! Удар мощный, тугой. Кажется, от его волны качнулась земля, у домов дрогнули стены.

Тучи сдвинулись к северу, унесли с собой грозу. Где-то облачность разрывается, проглядывает чистый островок и на нем несколько слюдинок-звезд. Какая-то незримая метла расширяет синеватую прогалину, по сторонам у горизонта образовываются наметы облаков, потом и они тают. На восточном краешке неба пробивается робкий, слабый луч рассвета. Он наливается румянцем, крепнет. Полнеба осветилось пока невидимым солнцем, западная половина еще синеет, на ней поблескивают еле заметные звезды.

Утро как утро — ничего особенного. Но для Сергея Томилова это утро было особенно значительным. Не для его глаз, не для него самого вспыхивали зори, полыхал дневной свет, разливались краски радуг. Вечный холодный, затвердевший мрак прочным черным занавесом лежал между ним и окружающим миром. Он приучил себя машинально размыкать по утрам веки, встречать все ту же тьму и оставаться спокойным, воспринимая слухом, осязанием окружающую жизнь. Иногда нет-нет да

защемит внутри, когда приснятся ему свет, краски, какая-нибудь зrimая сценка — то он на рыбалке и видит бурье линии на спине окуня; то разбирает часы, и ему видны не только колесики, зубцы, а даже оси; то, разговаривая с кем-нибудь, видит его лицо, движение губ, выражение глаз. После такого сна намного тягостнее, обиднее и горше. Вообще-то во сне он никогда не видит себя незрячим. Видит дорогу, дома, а идти без сопровождающего, один, боится. А если уж зашагает, то наугад, так же, как наяву. Заснятое ранее живет, не стирается. Но и настоящее диктует свое. Сегодня ему снилась огненная хвостатая комета. Она то вспыхивала, то гасла, то жгла правый висок в том месте, где бугрился небольшой рубец от раны, полученной при аварии в шахте, той ранки, которая выключила зрение. После того рассвет, ночь или день — Томилову безразлично. Эти понятия не для него. Он слеп, для него всегда ночь.

За стенками комнаты, где он спал, пока тихо. Слева, в кроватке, сонно дышит сын. Через комнату от него с маленькой дочкой спит его жена Аня.

Сергей зашел в гостиную, остановился у балкона, чтобы открыть дверь, и замер. Солнечный луч, обдавая теплом кожу лица, проник в глаз, в правый уцелевший глаз. Сергей сжался, боясь шевельнуться, чтобы не потерять, не вспугнуть световое пятнышко. Может быть, это мистика, продолжение сновидения, чудеса той кометы, не успевшей исчезнуть вместе со сном? «Или я сплю?» Так случалось: видишь сон, будто просыпаешься. Веришь, радуешься, безжалостно обманываешься, а проснешься окончательно — тебя сжимает та же черная тьма.

— Что это?! — вырвалось у Сергея.

Он прислонился лбом к стеклу. Оно холодное. Нет, он не спит. А светлое пятнышко продолжает существовать. Словно волшебник оживил мертвый глаз, разбудил какой-то нерв и подал по нему световой сигнал. Правда, точечка света настолько мала, что, кроме бледного фосфоресцирующего облачка, ничего не видно. Но Сергей видит его, и это уже сверхмилость. Мир ожил — пусть всего-навсего светлой точечкой. Появился светлячок, больше ничего — ни предметов, ни красок. Одна капелька света. Не было ничего — и вдруг что-то. Безнадежно умершее заявляет о себе, начинает жить. И это

ничтожное «что-то» заставляет держаться за хилый стебелек надежды, чтобы снова не сорваться в ту же пропасть мрака.

Томилов, словно оглушенный, не знал, радоваться или вновь готовиться к потере. Его охватили торжествующее смятение, волнующая растерянность.

Он стоял перед балконной дверью и рассматривал крохотного светлячка, как давно потерянную вещь, уже забытую, пропавшую навсегда, но вдруг случайно нашедшуюся.

Казалось, какой-то чудотворный забойщик прокладывал и прокладывал тоненькую ниточку туннеля от слепой роговицы до далеких участков зрительного центра. И вот сейчас по этому туннелю течет свет, течет слабой струйкой... Но все-таки свет... Сергей повертыает голову вправо, влево — темно. Там и там темно, а лицом к солнцу — снова свет. Свет словно разливается по всему телу. Сергей чувствует физическую легкость. Голова кружится. Он еще раз пытается разобраться, не обман ли это: закрывает глаз, отходит от двери — мрак. Подходит к стеклу — свет. Глаз не просто ощущает свет, а видит лучик солнца. Сказать немедленно Ане? А если это всего-навсего какая-то случайность? И все временно... Нет, он подождет. Анию тревожить пока не будет, по крайней мере до завтра. Если ничего не изменится — скажет. Погаснет — переволнуется один.

Теперь предстояло бесшумно одеться и уйти из дома. Иначе Аня, увидев выражение его лица, уловив в голосе необычные нотки, все равно вынудит признаться. У нее особый нюх на его настроение. Волей-неволей скажешь.

Он спустился с третьего этажа на второй, задержался. У Тиховых тоже спокойно. После сноса дома Ивана Ивановича Томиловым дали четырехкомнатную квартиру, а Тиховым на двоих — двухкомнатную. И хотя их теперешняя квартира просторная, комфорtabельная, все равно сохранилось тепло к тому домику, в который привела его любовь, где родились их дети.

Тогда, давно, после операции левого глаза в Одессе, Томилов с тревогой ожидал, когда его пригласят, чтобы снять повязку. Он шел в ordinаторскую осторожно, стараясь не тряхнуть головой, словно под бинтом было не глазное яблоко, а хрупкий хрусталь. Сейчас Сергей за-

шагал быстро, как бы в отместку за ту осторожность, которая казалась тогда совсем ни к чему. Чему быть, того не миновать. Солнце теплом коснулось лица. Он обернулся к нему — тот же блеск. Значит, пока все в порядке.

Предприятие общества, где несколько дней назад работало около трехсот слепых, молчало. Не слышно металлических голосов станков, машин. Их шум для Сергея был настоящим хором, а не какофонией звуков. Басовой партией бухали прессы. Баритонами щелкали автоматы. Тенорами пели электромоторы. И все это сопровождалось скрипом, урчанием, вздохами и завыванием других каких-то станков. И так с утра до вечера. Сергей всегда с наслаждением и любовью вслушивался в эту механическую симфонию, испытывая гордость, душевный подъем.

И — ничего. Глухо, сиротливо.

Вчера демонтировано последнее оборудование. Выехали запоздавшие рабочие. Они теперь там, в областном городе, на центральной базе. Томилов сам поддерживал курс Центрального правления на ликвидацию мелких предприятий, объединение их в крупные, хорошо оснащенные современной техникой заводы. Задачу он выполнил, а сам вернулся сюда, на старое место. Теперь в пустых помещениях предстояло ему организовать школу восстановления трудоспособности слепых. Отказавшись исполнять должность председателя областного правления общества, он принял предложение о назначении его на должность директора совсем новой, единственной в Союзе школы.

Сергей подолгу сидел за столом и на работе, и у себя дома, ломал голову — с чего начинать? Опять с нуля. Как тогда, при организации предприятия. Но это не производство, не мастерская, в делах которой он разобрался быстро, кое-что переняли из опыта уже существующих предприятий. Пока для него одни неизвестные в задаче, которую предстоит решить.

Томилов зашел в главный корпус. Здесь совсем недавно разрозненные детали собирались в готовый вид продукции — в автосигналы. Теперь нет этого конвейера. Пустота.

В механическом цехе привычно пахнет машинным маслом — все, что осталось от воркующего семейства

механизмов. Томилов принюхался, уловил еще запахи керосина, металлического перегара и вздохнул.

Бывший директор предприятия поднялся на второй этаж. И тут тихо и пусто. А сколько энергии затрачено, сколько поисков, споров было, чтобы доказать руководителям заводов, что отдельные узлы выпускаемой ими продукции могли изготавливать незрячие на своем предприятии.

А освоение, неудачи, волнения...

И только потом — победа!

И в шнурковом цехе пусто, безмолвно, неуютно, как в гроте. Пахнет резиной, канифолью.

Прежде, когда здесь ключом била людская радость, кипела работа, — было все ясно, просто. Предприятие имело технический, промышленный, финансовый план. Все обусловливалось показателями, цифрами. Сбивался ритм; прислушайся к дыханию участков, прослушай пульс служб, сделай анализ — и диагноз готов. Соответствующее административное вмешательство, моральное воздействие — и болезни конец.

А какими показателями будут измерять успехи и неудачи в новом деле? Это тебе, Сергей, не производство. Нелегкое дело вернуть инвалидам, находящимся в состоянии депрессии, радость, желание и умение трудиться. Какие тут могут быть показатели? Готов ли он, бывший горный инженер, производственник, возглавить такое учреждение? Хватит ли у него сил, умения, опыта, терпения? Сергей вышел в сад. Фонтан молчал, не плескался, не выбрасывал говорливых струй.

Сергей любил постоять тут, помечтать о чем-нибудь, подышать влажной свежестью. Аромат цветов и зелени смешивался со звуками и вызывал живые картины. Картины не имели красок и все равно были чудесными.

И окна жилых домов, откуда в любое время на улицу вырывались людские голоса, музыка, тоже молчали. Томилов уныло побрел к конторе. В приемной директора на двери, обитой дерматином, все еще висела старая табличка: «Директор производственного предприятия». «Да, брат, мы остались вдвоем, — поглаживая пальцем по стеклу, подумал Сергей. — Тебе придется сойти, а мне переходить в новое звание. На твоем стекле напишут другие слова, а меня назовут другим титулом».

Первый рабочий день в новой должности. Пока ни

штатов, ни программ, вообще ничего, кроме сиротливо пустующих зданий.

Войдя в свой кабинет, Томилов случайно попал в полосу солнечного света. В глазу блеснул зайчик. Вмиг сняло сковывающую тяжесть. Сергей словно черпнул живительной энергии, воспрянул, сел за письменный стол и с присущим ему вдохновением взялся за шильце — орудие письма слепых. В первых прямоугольничках специального прибора на плотной бумаге появились вмятины, а с обратной стороны рельефные точки. Точки называли штатные единицы. Совершалось первое движение от нуля. «Директор...» — и шильце повисло над очередным окошечком. А дальше... Кто еще нужен? Завуч, преподаватели, мастера, медики, младший обслуживающий персонал.

Открылась дверь. Сергей удивился: кто бы мог? Попросил:

— Проходите.

Вошедший приблизился.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович. Узнаете?

Томилов вскочил, шагнул навстречу.

— Даниил? Кулакков?..

— Он самый, Сергей Михайлович.

Руки их встретились.

— Садись, Даниил, вот сюда... — Томилов подвел его к приставному столику, придинул стул. — Это что, лет пять не виделись? Ты какими судьбами к нам?

Кулакков тряхнул коробком спичек. Спросил:

— У вас можно курить?

— Да, да. Можно.

Томилов провел рукой по столу, нашел пепельницу, стукнул ею для ориентира.

— Кури.

Даниил потрогал стеклянный предмет, понял, что это такое. Не видя друг друга, собеседники пользовались звуками, различными по силе, окраске, тонам. Звуки создавали образы, позволяли определять направление движения предмета, его местонахождение.

— Где путешествовал? — спросил Томилов.

Кулакков не торопясь закурил, побрякал коробком и, словно наконец отыскав нужную фразу, произнес:

— Длинная история, Сергей Михайлович. — Он опять замолчал. — Потеря друга — Кости Бессмертного — крепко пришибла меня. Надо ж было такому слу-

читься... Машина, а?.. Задавила машина... Да он так ориентировался, так был осторожен...— Даниил кашлянул, понизил голос: — Извините, я иначе тогда не мог. Только бегство спасало. Вам известно и мое отношение к Тане. Я любил ее... Мы двое любили, с Костей. Но он считался названным братом... Не погиб бы он, мы, может быть, с ней...— Он не договорил. Жадно затянулся. Густо запахло дымом.— Нас троих тогда покалечило... Что мне оставалось? Бежать, чтобы не наделать глупостей...

— Каких глупостей? — спросил Томилов.

— Боялся запить. А там...— Кулачков махнул рукой.

— А где же ты все-таки странствовал?— Томилов по шороху рук, водивших по столу, понял: Кулачков ищет пепельницу.

— О, дорога с завитушками...— повеселившись голосом сказал Кулачков.— Побывал в Средней Азии — не понравилось. Жара собачья... Потом побывал в Сибири. А там мороз. Потом махнул в Поволжье. Недурно, не скрою. Работал на предприятии Общества. Сперва рабочим, затем заметили мою склонность к самодеятельности, перевели заведующим клубом. Там и осел. Побывал на курсах кульработников, набрался опыта. И все-таки заскучал...

— Ты в гости или как?

Даниил сразу посерезнел, заговорил не спеша:

— Вернулся совсем. Здесь, в краю родном, дышится легче. Председатель областного правления, Иван Арсеньевич, обрадовался моему возвращению: «Есть вакантная должность заведующего клубом,— сказал.— Бывшего освободили».

— Так ты не к нам? — разочарованно спросил Томилов.

— Не к вам, Сергей Михайлович. Дал согласие Ивану Арсеньевичу. У вас что здесь? Дом инвалидов. С ними делать мне нечего.

Шильце Томилова поспешно заклевало.

— Погоди. Запишу очередную штатную единицу: «Культмассовик»... Чуть не пропустил. Спасибо, напомнил. Давай принимайся. Как, согласен?

Даниил встал.

— Извините, Сергей Михайлович, там все мои ребята. Предприятие все-таки... И работа знакома. А у вас

как на вокзале: одни будут приезжать, другие — уезжать. С ними борща не сваришь. Да и сколько их будет — сотня? А там — коллектив! Звучит? И вам бы туда надо.

Томилов тоже встал, не зная, чем можно переубедить Кулачкова. Тот был по-своему прав. Там — производство, его стихия. Огромные возможности массовой работы. Здесь...

— Ну что ж, Даниил. Сладко угостить пока нечем. Кругом пустырь. Поживем — увидим... У Тани был?

Внезапный вопрос точно обжег Даниила. Он думал о ней, собирался встретиться, поговорить.

— А она тут? — спросил он, хотя знал, что здесь. Затем и ехал.

— Ее уговорил остаться. Будет работать кладовщиком. — Томилов постучал пальцем по записи. — У нас должностей как в магазинах товара.

— Она где живет? — поинтересовался Кулачков.

— В новом доме. В одной квартире с учительницей Надеждой Васильевной. Каждая имеет по комнате.

Кулачков присвистнул.

— Вы еще один дом отгрохали. Кому же теперь?

— О, Даниил, были бы соты — пчелы найдутся.

Томилов говорил, а сам прикидывал на ходу: «Один дом пойдет под жилье учащимся, другой — обслуживающему персоналу».

Скрипнула дверь. Сергей отметил — появилась еще одна живая душа.

— Это я, Сергей Михайлович, — прозвучал мужской голос.

С минуту Томилов вспоминал, потом воскликнул:

— Поляков! Ты ли, Илья?

— Я, Сергей Михайлович.

Поляков внимательно разглядывал Томилова и Кулачкова. Четыре года, может быть, и несущественно, но наложили на них отпечаток. Высокая фигура директора слегка пополнела, густые русые волосы поредели. Даниил похудел — сразу не узнаешь.

Томилов обнял бывшего механика.

— Рад, Илья, очень рад встрече. Как училище?

— Окончил, Сергей Михайлович.

— Техник?

Поляков сдержанно ответил:

— Электромеханик.

— Куда направление: на шахту или на завод?

Поляков помедлил, потом попросил:

— Я бы к вам, если примете. У меня диплом свободный.

— Слышишь, Даниил, слышишь?! — не скрывая ликования, радовался Томилов.—Конечно, приму! И немедленно... — и осекся.—Только у нас еще не утверждены штаты. Временно придется пожить без зарплаты.

— Ничего, понимаю. Не все сразу.

Томилов подал руку:

— Тогда — союз! Будешь моим замом по технической части.

— А что это такое? — насторожился Поляков.

Томилов отмахнулся:

— Сам не знаю. Пока не знаю, потом разберемся. Нас уже трое.

— А кто третий? — осторожно спросил Илья и указал на Кулачкова: — Он?

— Надежда Васильевна Ильина — наш преподаватель.

Надо было видеть, как счастливый румянец озарил смуглое кареглазое лицо Ильи.

А Томилов теребил Кулачкова:

— Давай, Даниил, оставайся. Квартира — сразу же, клуб ждет.

— Нет, Сергей Михайлович, не лежит у меня сердце,— признался Кулачков.—Повидаю Таню и поеду к ребятам. Не могу без них. К тому же у меня в областном правлении оставлено заявление, неудобно дезертировать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солнце тугими лучами упиралось в белую стену, образуя светящийся экран.

Аня улыбнулась ему, улыбнулась началу ведренного дня и, сбросив с себя простыню, накинула на плечи легкий халат. Она прикрыла одеялом Светланку, вышла из спальни. Поставив на электропечь чайник, прибрала рабочую комнату, где они с Сергеем занимались, читали книги. Потом прихожую. В конце уборки она заглянула в спальню мужчин. Детская кроватка пустовала. Костя блаженствовал в постели отца. «Опять сбежал ни свет ни заря. И без завтрака». Такое с ним было нередко.

Случись что неприятное на работе, он забывает о еде, плохо спит, работает с рассвета до заката. Но сейчас предприятия нет, школа не открыта. Что ему рано делать там? «Беспокоится,— с уважением заключила она.— Он у меня непоседа».

На кухню в одних трусиках вбежал Костя. Невысокий, плечистый крепыш с крепкими ногами.

— Мамочка, я уже сделал физзарядку и умылся холдной водой,— старательно доложил он.

Мать знала: усердие к сыну приходит тогда, когда ему надлежит в чем-то покаяться.

— Я слушаю...— как бы между прочим спросила Аня.

Мальчик растерянно заморгал, насупился. Манера деда — тот точно так же, если не по нему, насупится, засопит.

— Ну, что у тебя? — уже настойчиво потребовала она.

— А ты как узнала? — удивился Костя и открыто, доверчиво посмотрел матери в глаза, точь-в-точь как Сергей. В Косте перепуталось многое: карие глаза Ани, а взгляд отца. Полноватые, упрямые губы — Сергея. И раздвоенный подбородок. Зато низкий, крутой лоб, темные густые волосы — все Анино. На кого же похож их сын? Когда он с отцом — говорили: «Вылитый папа». Когда с матерью — утверждали: «Копия мама».

— Мамочка!.. — Косте хотелось сказать: «Я случайно», но он передумал: его учили говорить только правду: — Я... Я посмотреть...

— Не понимаю. Говори яснее.

Костя выбежал из кухни и тут же вернулся с игрушкой в руках.

— Самоходный танк, мама...

Аня взглянула и все поняла. Самоходный танк был изувечен, точно и в самом деле побывал в бою. Башня оторвана, колес нет, вместо фар торчали одни шпеньки.

Аня спокойно поинтересовалась:

— Кто же его искалечил, враги?

Мальчик смотрел на игрушку такими негодующими глазами, словно увидел ее только что.

— Я сломал... — твердо сказал он.— Молотком и щипцами...

— Зачем? — Аня разговаривала с ним, продолжая готовить завтрак.— Когда сломал?

— Вчера и еще за вчера.

— А папе сказал?

Мальчик с жалостью поглядывал на никудышную игрушку.

— Нет,— упавшим голосом произнес он.

— Как же так? Папа подарил тебе танк, вез его издалека, думал обрадовать тебя, а ты сломал и прячешь.— Мать говорила с сыном без раздражения, спокойно, как с равным.— Какой же ты мужчина? Напроказничал, а ответа боишься.

— Я сегодня скажу папе,— пообещал Костя.— Я не наказания боялся. Не хотел обидеть папу.

— А если бы он сам узнал, ему стало бы обиднее вдвойне.

Аня подождала, что скажет сын. Но он стоял в полной растерянности. Ей стало жаль его. Прижать бы к себе, погладить по головке. Но нельзя. Пусть до конца все поймет и осознает сам.

— Я так больше не буду, мама! Всегда стану говорить сразу.— Он поставил машину на журнальный столик в гостиной, возле которого в кресле любил отдыхать отец, слушать телевизор, второе кресло, с другой стороны, подготовил для себя.

— Мамочка, доброе утро!

Еще один птенец зачирикал в томиловском гнезде! На всю квартиру заявила о себе самая младшая, Светлана,— в этой ветви Томиловых повторение матери, словно Аня вернулась в детство. Темные волосы, карие Анины глаза, прямой короткий нос, румянец во всю щеку. Только смех Сергея — звонкий, чистый.

— Я проснулась, мамочка! И кроватку свою управила хорошо-хорошо. А у Кости еще разбросанная.

Светлана любит докладывать, что сделала она и не сделал Костя.

— Не ябедничай! — раздалось из прихожей.— Сам знаю. И все приберу. Лучше тебя!..

— А я не бядничу!

— Не ябедничаю,— поправила мать.

— Не ябедничаю, не ябедничаю! Правильно, мама?

— Теперь правильно.

И Светлана, получив поддержку матери, горделиво пропела:

— Не бядничу...

— Скажи просто, спокойно: «Не я-бэд-ни-чаю...» —

еще раз поправила Аня...— Вот и отлично! Ну, дети, заканчивайте сборы, будем завтракать.

— А в детский сад не пойдем? — полюбопытствовал Костя.

— Он на ремонте. У дедушки с бабушкой будете.

Томиловы-младшие захлопали в ладоши. У бабушки им было привольно. Бабушка всегда угощала чем-нибудь вкусным.

Иван Иванович обнял внучат, поцеловал их и повел к Валентине Алексеевне. Она обрадовалась, заговорила:

— Мои воробушки! Прилетели! Завтракать будете?

Завтракать еще раз «воробушки» не отказались. Зная, что внучата сегодня будут у них, Валентина Алексеевна напекла пирожков, а главное — их любимое воздушное печение.

— Дедушка, а мы во что играть будем? — озабочился Костя.

— Жалею, внучек, не удастся. Надо по делам идти.

Тихов уже давно был на пенсии. Но не сразу оставил шахту, проработал дополнительно более трех лет. Потом почувствовал усталость и навсегда простился с забоем. Однако свободного времени не прибавилось. Он исполнял обязанности внештатного торгового инспектора. На прежней работе регулярно избирался членом шахткома, председательствовал в совете ветеранов труда при горисполкоме. Одним словом, только разворачиваясь, считай километры,правляйся. И Тихов не сетовал на занятость, не нуждался в лежачем отдыхе. Надо — значит надо. Значит, ему доверяют. Он нужен на шахте, городу. Не поселку, а именно городу. Поселок вырос и переименовался в город. Многое изменилось за последнее пятилетие. Сданы в эксплуатацию две крупные шахты всесоюзного значения. Против этих гигантов их шахта Дальняя просто карлик. Построено три завода, выросли два жилых микрорайона, которые, подобно наводнению, снесли старые хатенки — частную собственность, заполнили курганы, рощи, прилески. Строительная волна снесла и дом Тиховых, их фамильную тиховскую усадьбу. Но четыре тополя, когда-то сторожившие крошечный мирок, выдержали, устояли, по-прежнему о чем-то шепчутся. Иван Иванович часто подходил к ним, по-родственному оглядывал, похваливая: «Мо-

лодцы. Не захирели, выжили». И вспоминал юность, молодость. Деревья и тогда были — только ниже ростом, осанистее. «Держитесь!» — подбадривал он их, напутствуя, чтобы и впредь они хранили память об их дружбе, верно служили новым хозяевам. Правда, тополя среди многоэтажных зданий как-то потеряли свое величие и все-таки радовали зеленью, покрывали землю прохладной тенью. Вначале Иван Иванович тосковал. Его тянуло к грядкам, где росли огурцы, морковь, лук, где летом всегда пахло цветами, травами. Потом свыкся. А Валентина Алексеевна вынужденный переезд почти не заметила. Здесь готовая вода, ванна, электрическая плита. Ни угля не надо, ни дров. Никакой заботы. Всегда тепло, чисто. В новой квартире ей нравилось все, в ней она по-настоящему отдыхала, а это для старости немаловажно.

— Ну что ж, ребята, мне надо уходить. Удастся вернуться скоро, займемся делами, — пообещал дедушка.

— Я папу буду ждать, — заявил Костя и вздохнул.

— И я буду папу ждать! — подражая брату, отозвалась Светлана.

Костя рассудительно заметил:

— Тебе не обязательно... Ты машину не сломала.

Томилов пришел до обеда.

— Мама! Есть что-нибудь перекусить? Голоден, так случилось, даже утром не поел.

Светлана бросилась к отцу. Костя стоял поодаль и выжидал, когда настанет момент подать ему свой голос.

Валентина Алексеевна засуетилась, загремела посудой.

— Да как же так, уходишь без завтрака! — И, словно разговаривая с ребенком, утешила: — Сейчас, Сереженька, сейчас! Суп разогрею, котлеты.

Косте надлежало спешить. Отец сядет обедать, а потом может опять уйти.

— Папа! — с какой-то торжественностью обратился он. — Мне надо тебе что-то рассказать.

«Ничего себе начало! Растет парень, а?» — подумал Сергей, а вслух сказал:

— Ну что ж, давай поговорим, пока бабушка собирает на стол.

— Не здесь, папа. Пойдем к нам.

Ого! Оказывается, нужна конфиденциальность. Ну что ж, надо идти, ничего не поделаешь.

Валентина Алексеевна забеспокоилась:

— Куда же вы! Я уже печь включила.

— Мы недолго. Успеем как раз.

Сергей вышел. За ним — сын. На лестнице Костя молча легонько взял отца за руку, так молча вошли они в их комнату, Костя распорядился:

— Садись вот тут. Я... — Он взял со столика игрушку и подал отцу. — Я сломал самоходный танк, твой подарок...

Сергей ощупал бесформенный предмет. Башня снесена, внизу дырища, ни колес, ни фар — кусок железа. Костя смотрел на пальцы отца, ожидая сердитого укора. Но отец внимательно ощупывал каждый выступ, каждую щель, словно собирался приступить к ремонту.

— Как это ты сумел? — спокойно, будто ничего особенного не произошло, заметил отец.

— Не знаю, папа... Мне было интересно, почему вращаются колеса, зажигаются лампочки. — Костя перешел на шепот: — И не заметил, как все сломалось...

— В чем-нибудь разобрался? — спросил Сергей.

Костя обреченно вздохнул:

— Не знаю...

— Как же так, сломать вещь для того, чтобы разгадать, что в ней, и ничего не понять?

Косте не терпелось узнать, какое же решение примет отец. Бить не будет — его никогда не били. Поставить в угол может или не отпустить поиграть во дворе. Правда, сейчас отец не сердится, спокойно разговаривает с ним.

— Я сделал плохо, папа, — поспешил признаться он. — Сломал, а сразу не сказал. Мама постыдила меня... Больше не буду.

Сергею все стало ясно. Значит, Костя пытался скрыть от него проступок.

— Давай-ка, Константин Сергеевич, договоримся на всегда — ничего не скрывать от нас с мамой. Если уж натворил что, умей и отвечать. Не трусь.

— Мама тоже так же сказала...

— Ну вот видишь, — Сергей старался не улыбаться. — Человек должен быть честным во всех случаях. — Он поставил танк на столик. — Если тебе понадобится, я буду специально покупать разные машины, чтобы ты их разбирал.

В словах отца мальчик заподозрил насмешку и заверил:

— Я даю честное слово, что больше не буду ломать.

— Да нет, сынок, я хвалю тебя за любопытство. Если игрушка пропадет ради того, чтобы ты открыл для себя что-то новое, сам раскрыл какой-то секрет, это не беда. Но только если уж ты решил посмотреть, что там внутри,— значит разбирайся всерьез. А теперь давай вместе посмотрим, что ты здесь не понял.

Костя сорвался с места, бросился к отцу, обхватил его за шею и прошептал:

— Папочка! Мой папочка!

Отец растроганно похлопал сына по спине.

— Ну-ну, мы ведь мужчины. Принеси-ка вынутые из танка части.

Костю словно ветром сдуло с колен.

— Вот они!

На столике загремели предметы. Сергей ощупал детальки, определил каждой назначение.

— Смотри: это что?— он указал пальцем на ось, обвитую стальной пружиной.

— Пружинка,— назвал ученик.

— А для чего она?

Мальчик нахмурился:

— Наверное, колесики крутит.

— Хорошо. А как она крутит?

Костя смотрел-смотрел, гадал-гадал и признался:

— Не знаю...

Сергей укрепил ось, вставил на место оторванный тросик, сдерживающий напряжение заводного механизма, прикрепил башню, нацепил колеса, приделал фонари и вставил заводной ключ в гнездо.

— Заводи,— велел он.— Видишь, пружинка свертывается, накапливает силу.

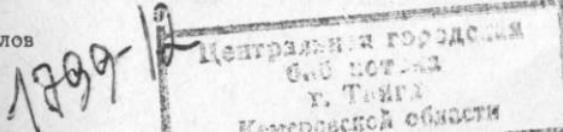
— Все, папа, завел,— доложил Костя.

— Теперь гляди: нажимаем вот на эту кнопку. Рычажок от нее куда идет?

— К башне,— подсказал Костя.

— Теперь нажми и следи, что сделает рычажок.

Костя впился глазами в ту точку, где рычажок хомутиком держал зубчатое колесико. Кнопка вдавилась, хомутик отпустил колесико, ось завращалась, поворачивая башню.

— Папа! Танк опять цел! — крикнул мальчик.

— Теперь ты что-нибудь понял?

— Понял, понял! — радовался Костя.

Сергей попросил принести щипцы, заделал днище, выпрямил вмятины и подал игрушку сыну.

— Вот, машина готова. Можешь заводить.

Костя недоверчиво посмотрел на отца: отец собирал игрушку уверенно. Как же он смог это сделать? Костя знал — отец не видит. Он без глаз, а тоже ходит один! Черпает ложкой суп и подносит ко рту! Да мало ли что он делает! И вот наладил танк. «Значит, папа все-таки видит. Значит, он не слепой», — рассудил Костя.

— Сколько вас ждать?! — раздалось из прихожей.

Мальчик побежал на голос.

— Бабушка! У меня опять есть самоходный танк! Смотри! — Костя завел пружину, поставил машину на пол, нажал на кнопку, и танк с горохом пополз прямо к ногам Валентины Алексеевны. — Я тебе сейчас расскажу, как он включается...

— Ладно, потом расскажешь, — отмахнулась Валентина Алексеевна. — Папа у нас голодный. Пойдемте.

До прихода Ани оставалось еще много времени, и Сергею в такой чудесный теплый день сидеть дома не хотелось. Он пошел с детьми к их излюбленному месту отдыха — к речке, притянувшей на свои песчаные берега березки, пушистые пихты, елочки. Смешанный лесок местами расступался, и на полянках густилась трава, пестрели цветы. Это была единственная зеленая зона, не захваченная половодьем города. У речки дети уже бывали, поэтому Костя, держа отца за руку, вел его с видом заправского проводника. Светлана шла медленно, и Сергею пришлось взять ее на руки. Раньше вот так, ухватившись за шею, ездил сын. Костя ревниво и высокомерно взглянул на сестренку: бессовестная, папу самого надо вести, а она забралась на руки.

На одной из полянок они остановились. Влажность воздуха подсказывала Сергею о близости речки. До потерии зрения он видел ее — узкая, мелкая, ленивая. Где-то около нее они бродили с Аней. Может быть, именно вот тут. Давно. И сколько с тех пор воды утекло!

Светлана, как только соскочила на землю, вприпрыжку понеслась по поляне, захлебываясь от восторга, что-то бормоча себе под нос. Ее маленькая фигурка в желтой кофточке и голубых брючках то исчезала, то

снова появлялась и цветастым комочком катилась дальше. Потом Сергей услышал шелест травы под ее ногами.

— Папочка, я жука поймала! — сообщила она. — Посмотри, папочка, какой он красивый!

Сергей взял хрупкое существо, посадил на ладонь и почувствовал, как, щекоча кожу, существо поползло.

— Брось его, папа, я еще найду, во какого! — И уверяла.

Жук для нее больше не представлял интереса. Ее ждали другие чудеса, притаившиеся в траве, на деревьях, в речке.

Сергей вернул дочь.

— Почему я должен бросить его? А если ему сделается больно или он сломает ножки?..

— Так это жук!.. — удивилась Светлана.

— А разве жук не хочет жить? Разве не хотят жить вон те птички? Ишь как поют! Все живое хочет жить.

— А львы? — припомнила дочь страшного зверя из сказок.

— И львы, и тигры, и медведи хотят жить. Их надо беречь.

— А мухи? — Светлана вспомнила, как мать поймала муху, бросила в унитаз и смыла водой.

— Мухи?.. Мухи — другое дело. Мухи, комары, тараканы вредят человеку, поэтому их уничтожают.

— А рыбы тоже вредят? — не унималась девочка.

— Они не вредят.

— А зачем их уничтожают? Я видела, мама рыбу жарила. Я спросила: «А где ты ее взяла?» Она сказала: «Дядя в речке поймал».

Ну что ж, таких вопросов будет до бесконечности много. Изворачивайся, отвечай, не промахнись.

— Рыба нужна людям для еды. Если не будет мяса — значит мы будем голодными.

Светлана намеревалась спросить еще что-то, но, вспомнив о чем-то своем, очень важном, побежала к берегу и вскоре вернулась.

— Этого тоже уничтожать не надо?

На ладонь Сергею легло что-то шевелящееся, скользкое, мягкое. Наверно, червяк. Противно... Придется терпеть, не подавать виду.

— Пусть живет. Кому он мешает? — Сергей, определив пальцем, как гробится и ползет по ладони червяк, пояснил: — Это гусеница.

Девочка опять убежала и, видимо, занялась сбором цветов. Сергей слышал, как она что-то тихонько напевает и голосок ее постепенно удаляется.

Пока Сергей разговаривал со Светланой, Костя молчал. Вопросы сестренки его не интересовали, он уже мог сам отвечать на них. Сейчас он силился разгадать более важные для себя вопросы — каким образом ориентируется отец? Сегодняшний случай с танком заставил его впервые по-настоящему задуматься о слепоте отца. Слыша от других, что его папа слепой, Костя так и воспринимал это: слепой — значит не видит совсем, ничего. Тогда как же ходит, как все делает?

Только сегодня со всей беспощадностью открылась перед ним истина. В нем проснулась острая жалость к отцу.

— Папа! Почему тебя называют слепым?

— Потому что я ничего не вижу, — ответил Сергей.

Наступила томительная, тягучая пауза. Сергей не прерывал ее.

— Совсем-совсем ничего? — В голосе сына было недоверие.

— Совсем-совсем... — подтвердил Сергей.

Костя не унимался:

— А траву, деревья видишь?

— Тоже не вижу.

— А вон те красные цветы?

— Не вижу и цветы.

— А что они красные, белые?.. — допытывался Костя.

— Я, сын, вообще ничего не вижу. Ни красное, ни желтое.

— А как же ты велел Светлане надеть голубые штаны и желтую кофту? — припомнил Костя сегодняшние сборы.

— По памяти. Я знал, что у нее есть такие брючки и кофточка. Мы их вместе с мамой покупали.

— А как же тогда ты ремонтировал танк? Ты все правильно сделал и мне показал.

Не меняя тона, Сергей раскрыл секрет:

— Я, Костенька, делал на ощупь, ну, пальцем щупал и определял, что за деталька, куда ее надо поставить.

Костя закрыл глаза, пощупал на безрукавке пуговицу. Пуговицу он узнал потому, что до этого ее видел.

— Значит, ты ничего не видишь, как я, когда закрою глаза?

— Пожалуй, так,— подтвердил Сергей.

— Но я могу открыть снова — и все видно.

— А я и открою — все равно не увижу. Меня ранило в шахте, и глаза перестали видеть.

Костю почти не занимала история потери зрения. Он не мог, никак не мог себе представить, что отец не видит света. Никогда не видит. Перед ним всегда темнота. И на всякий случай, для того, чтобы окончательно убедиться, спросил:

— А солнце видишь?

Сергей покачал головой.

— Папа, а как ты живешь?..

Косте казалось, если не видеть дороги, неба, земли, не видеть людей, значит, и жить нельзя. Тут день, а у папы ночь. Тут светло, а для папы темно. Выходит, он не живет, всегда спит.

Философский вывод сына ошеломил Сергея.

— Кроме зрения, Костенька, у меня есть уши, руки, ноги. Я слышу звуки, голоса и узнаю их. Трогаю руками предметы и знакомлюсь с ними... — рассказывал сыну Сергей. И вдруг неожиданно признался: — Знаешь, а сегодня я увидел лучик света. Вот он... — Он показал рукой на солнце.

— Так ты все-таки видишь?! — облегченно воскликнул Костя, вскакивая.

И, чтобы не сбить с толку сына, Сергей пояснил:

— Я вижу чуть-чуть свет. И только. Больше ничего.

— Ничего... — повторил Костя и сник. — Ты все равно слепой, да?

Впервые пришлось вымолвить ему тяжелое слово «слепой».

— Да, это так. Но я, сынок, ты же знаешь, работаю, дома помогаю маме. Я читаю книги. И, наконец, чуть-чуть вижу свет.

— Папа, а теперь я всем ребятам расскажу, что ты мне танк починил, сам! Пусть знают! — Костя бухнулся в траву, несколько раз перекувыркнулся через голову.

— Где наша Светланка? — спросил Сергей.

Костя вскочил на ноги, осмотрелся. Девочки не было видно.

— Сейчас найду.

Светлана рвала цветы на соседней поляне.

— Ты зачем ушла от нас? А если бы потерялась? — с важностью старшего выговорил Костя. Он струхнул порядком. Сестренка могла заблудиться, упасть в воду.

— Я папе цветочков набрала.

— «Набрала»!.. — передразнил Костя. — Нужны они ему! Он все равно не увидит.

— Увидит, увидит! Я их покажу!.. Вот красненькие. Вот желтенькие.

— Папа не увидит никаких. У него не видят глаза.

Девочка и слушать не хотела.

— Увидит, увидит! Ты обманываешь...

Ну что ж, он, Костя, не будет разуверять сестренку, он сам тоже недавно думал, как и она. Он знал, что отца надо держать за руку и вести. Так делала мама. Понимал — у отца что-то с глазами. Отец хотя и ходил один, но стукался о дверь, запинался. И Костя упрекал: «Ты что, не видишь?» Теперь-то он так не скажет!

— Я расскажу папе, что ты его дразнишь! — погрозилась Светлана и захныкала: — Где папа?..

— «Папа», «папа»... Кричи теперь! Заблудилась, насилиу нашел, — возмущался Костя.

Сергей слушал говорящую книгу, записанную на магнитофонную пленку. Но слушал рассеянно. Основное внимание было приковано к голосам детей и Ани. Дети, встретив в прихожей вернувшуюся с работы мать, наперебой рассказывали о прогулке. Аня вот-вот должна была зайти. Предстояла нелегкая задача — продержать в секрете хотя бы до завтра, что в глазу появился свет. Дверь открылась. Вошла Аня.

— Добрый вечер, Сережа! Я рада за ребятишек, сколько впечатлений у них.

Он выключил магнитофон, повернулся к ней и, стараясь не выдать себя, пересказал беседу с Костем. И все-таки он ничего не мог поделать со своим лицом, губами. От Ани это не могло ускользнуть. Погасни улыбка сразу после рассказа, она могла бы отнести ее к рассказу. Но лицо Сергея не меняло прежнего выражения и после того, когда они сменили тему.

— Чему ты хитренко улыбаешься? — спросила она.

— Да так... — Сергей наконец улыбнулся широко. — Первый день в новой должности отработал.

Штаты состряпал. Капитан на корабле есть. Дело за командой.

Томилову не терпелось оставаться одному в своей рабочей комнате. Он закрыл поплотнее дверь, включил говорящую книгу для маскировки — будто занимается, и подошел к окну. Солнце горело ярко, по-летнему: он чувствовал его тепло. У него не было даже необходимости щурить глаза. Ослепительный блеск не тревожил его. Но лучи, всепроникающие лучи, все-таки врывались через крошечную щелку в правом глазу, и там, внутри, зажигали еле различимую звездочку. На фоне заледенелого мрака это уже было кое-что. Сергей чувствовал — не долго ему остается сегодня смотреть на это чудо, на этот чудесный свет. Скоро солнце скроется за горизонт, унесет с собой и затеплившийся огонек.

Что его ждет завтра, когда солнце вернется снова? Останется ли его доля огонька? Пусть хотя бы жалкая порция. Или все? Снова черная завеса. А может быть, звездочка приблизится, разгорится ярче. Если сегодня утром преподнесенный ему подарок он рассматривал несмело, с затаенной радостью, то сейчас, ожидая ночи, он с замиранием сердца боялся потерять его, боялся снова остаться один на один со вчерашней мглой. Сколько бы он отдал, чтобы удержать хотя бы такого светлячка, эту капельку света! И тут ему пришла мысль: а что бы он отдал взамен? Слух, ноги, руки?..

Зачем думать о безвозвратном? Зачем лепить бесплодные надежды? Он не забыл и никогда не забудет, как после аварии жил надеждами, ждал, цеплялся за «пока», подобно заблудившемуся в темноте путнику. А теперь — прочь «пока»! Прочь блеснувшую надежду!

Последний луч заката. Солнце провалилось. Все. Ночь! Черная, как сажа, как смерть, ночь. Скорее бы утро!

Время текло медленно. Сергею не спалось. Он ворочался в постели. Ему казалось, что в комнате жарко, душно. Думы наплывали одна за другой, как льдины в ледоход. Одни уводили в прошлое, извлекая из памяти подробности той страшной аварии, лечение в одесской клинике, бесплодные ожидания, другие были обращены в будущее: что будет с глазом, как пойдут дела в школе.

И все-таки сквозь этот поток мыслей нет-нет да пропадало беспокойство — что же завтра?

Далеко за полночь Сергей все-таки заснул. Сновидения тут же окружили его. Он зрячий. Он стоит на вершине горы. Внизу поля, реки, леса. Да это же та самая гора, которую он видел в детстве. Вон и белки — белые снежные шапки гор. Сергей взгляделся, и вдруг серебристый блеск ледников потускнел, начал превращаться в черный туман. Он хотел крикнуть Аню, попросить увести его отсюда. Но голоса не было. А черный туман разрастался, закрывал горизонт. Сергей с осторожностью слепого шагнул вперед, нащупывая ногой тропу, ту самую дорожку, по которой всегда спускался вниз. Но тропинки не было. Черный туман приближался. Еще немного, и Сергей утонет в этой черноте. Ах, это же тьма, все та же самая тьма! В этой тьме он жил после аварии, эта тьма держала его в плену, ни на секунду не открывая даже крохотной щелки в зримый мир. Надо бежать! Скорее!

— Анюта-а!.. — крикнул он и проснулся от собственного голоса.

Рядом скрипнула детская кроватка — зашевелился Костя. Сергей притих. К чему такой сон? Ах, да!.. Он осторожно сбросил простыню, встал, прокралялся в гостиную. К застекленной двери Сергей шел словно обвиненный, которому предстояло ознакомиться с вынесенным приговором. Тепло знакомо лизнуло щеку, шею, лоб. Он открыл глаза. Засветилось вчерашнее облачко. Сергей видел — видел лучик, не ярче, но и не меньше. Эта ничтожная долька света из всех зримых сокровищ была для Сергея дороже целого состояния. Он разглядывал ее, как художественную картину, тщательно, по участкам. Между прочим, по сравнению со вчерашним все-таки произошло изменение. По краям светящегося пятнышка плескались бледные, почти прозрачные волны радуги — желтые, зеленые, коричневые... Цветное кружеево, не успев сплести в один рисунок, тут же распускалось, принимаясь виться заново. Подобные цветные галлюцинации у него были при лечении левого глаза. «Движение крови в сосудах раздражает желтое пятно, создает искусственную цветную мозаику,— объяснили тогда ему и добавили:— Доброе предзнаменование».

— Ты что, Сережа, оглох?

Обеспокоенный голос жены заставил вздрогнуть. Сергей отвернулся от балконной двери и посмотрел на Аню. У него было такое счастливое лицо, что та растерялась окончательно.

— Сереженька, что с тобой?! Что случилось?

— Как что?!— возвращаясь к реальности, откликнулся он.

— Ты так засмотрелся на улицу...— у Ани дрогнул голос.— А теперь уставился на меня... Ты не болен?

Сергей качнул головой, как бы освобождаясь от наваждения, повернул Аню к застекленной двери.

— Я теперь буду называть тебе пасмурную или ясную погоду и показывать, где солнце,— непонятно объяснил он.

— Что с тобой, Сережа?!— совсем встревожилась Аня.— Я не узнаю тебя...

Сергей улыбнулся.

— Вон солнце!— кивнул он на небо.— Я его вижу...— И торопливо поправил себя:— Нет, нет!.. Не само солнце. Свет от него. Настоящий свет! Понимаешь? Натуральный...

Аня опустилась в кресло.

— К чему такие шутки?

В ее представлении глаза Сергея умерли тогда, давно. Никто и ничто не вернет им жизнь. Она привыкла к этой мысли и не ждала ни чуда, ни волшебства.

— К чему такие шутки?— повторила она в замешательстве.

— Я не шучу, Аньота,— Сергей присел на подлокотник кресла, где сидела Анюта.— Я увидел свет. Вчера увидел, утром. Сегодня проверил — да, вижу.

Аня потеряла способность шевелить руками и ногами.

— И меня видишь?— вырвалось у нее неожиданно.

— Тебя — нет. И ничего здесь не вижу...— Сергей обвел рукой по комнате.— Вижу свет. Не от лампочки — вчера заглядывал, к глазу подносил,— от солнца, когда смотрю прямо на него. Вижу немного. Чуть-чуть. Белым пятнышком.

— Сереженька!— Аня вскочила, обняла его за шею и поцеловала.— Немедленно, сегодня же мы едем с тобой в областную больницу! Папа нас отвезет. У меня есть отгулы. Я позвоню. И сразу едем!

Сергей представлял себе, что творится с Аней в данную минуту.

— Зачем беспокоить отца? Ты сама можешь.

— В таком состоянии я не могу сесть за руль... Да, если хочешь знать — да! — резко подтвердила Аня. — Я попрошу папу.

Сергей не ожидал подобного поворота. Он рассчитывал, что она обрадуется и станет вместе с ним ждать, что случится дальше. Теперь приходилось искать способ разубедить ее в необходимости поспешных действий, обращения к врачам за консультацией. Что могут они дать, эти консультации? «Может быть...» Он уже прошел скользкое, ветреное «может быть». За ним всегда следовало — «пока». Туманное «пока». Жди, мол. Нося его, это всегда напоминающее, болючее «пока». А там — опять «пока» и снова «может быть». Нет, он сыт всем этим. Но как переубедить, Аню? Чем доказать бесполезность ее действий? Для нее этот лучик света чрезвычайное событие. И она по-своему права.

— Сегодня, Анютка, ехать не могу никак. Ты отпечатаешь мне штатное расписание — в школе пока некому. Завтра нужно отвезти в финансовые органы. Есть у меня дело и в областном правлении. Ну, а по пути... Отдамся в твое распоряжение.

Совершенно неожиданно Аня согласилась.

— Так, пожалуй, еще лучше. Сегодня я съезжу в облздравотдел, попрошу направление к самому опытному окулисту.

«Ого! Широко развивает деятельность женушка! Держись, товарищ Сергей». И засмеялся:

— Ну, берегись, мое око! За тебя берется сама Анна Ивановна.

Крохотное мутное пятнышко в зрачке Сергея в воображении Ани увеличивалось, росло. Сергей увидит краски, детей. Увидит детей!.. Какое счастье ожидает его! И ее. Как она будет счастлива за Сергея.

Перед ней со всей отчетливостью рисуется картина: Сергей возвращается из больницы, изучающе разглядывает Костика, Светланку, затем вглядывается в нее, сравнив с той, оставшейся за толщей мрака. Она с замиранием сердца будет ждать, что же он скажет. Узнает ли?

Сергей же радовался тому, что получил. Больше он ничего не ждал, понимал, что большего и не должно

быть. Поэтому он старался не обольщаться возможностями медицины. Пусть посмотрят — так хочет Аня. Ему страдать не придется, а Ане — успокоение.

К реализации плана Аня приступила незамедлительно.

— Так рано, дочка? — открыв дверь, спросил Иван Иванович.

— Папа, подготовь, пожалуйста, машину. Мне нужно срочно, срочно в город.

Автомобиль «Москвич», приобретенный на совместные сбережения Тиховых и Томиловых, эксплуатировался от случая к случаю. Из двух водителей — Ивана Ивановича и Ани — один для бодрости, здоровья любил ходить пешком. На ворчанье родных он отшучивался: «Подошвы туфель дешевле, чем колеса машины. Надо экономить». Аня садилась за руль еще реже. Кроме выезда за город с семьей, ездить больше было некуда.

— Что такое, доченька? — У Ивана Ивановича посерезнело лицо.

— В облздравотдел надо.

— Заболел кто? — приглушая бас, чтобы не встревожить Валентину Алексеевну, спросил он.

— Никто не заболел... — Аня вспыхнула. — У Сергея глаз увидел свет, надо скорее показать специалисту...

Настроение дочери передалось и отцу. Он шагнул в комнату.

— Мать! Иду по тревоге. Жди с хорошими вестями.

Рабочий день у Томилова начался со встречи зама. Илья Поляков смиренно сидел у окна, ничем не напоминая о себе, не мешая директору школы что-то накалывать на бумаге. Пощелкивание шильца напоминало куриное склевывание зерен с деревянного настила.

Его занятие прервала девушка-почтальон, бесцеремонно появившаяся в кабинете.

— Вам, товарищ Томилов, телеграмма. Только не пойму. Раньше писали: «предприятию». Здесь какие-то нескладные буквы «ШВТС». Наверное, ошиблись.

Сергей бросил грифель.

— Дайте сюда, девушка! Адрес указан правильно. Я жду это послание, как утопленник — спасательный круг. Что там? — передал он телеграмму Полякову. — Ну-ка, Илья Максимович, прочти.

На узких ленточках бланка Поляков прочитал:
«Правительством школа утверждена. Начало занятий
сентябрь. Срочно высыпайте штатное расписание».

Лицо Томилова засветилось, заулыбалось.

— Наконец-то! Ну, товарищ Поляков, теперь разворачивайся. Работы по горло!

Девушка не выходила. Она переждала восторженный монолог директора, спросила:

— А что, предприятие закрыли? Где же инвалиды?

— Закрыли, девушка. А инвалидов перевели в другой город.

— А-а,— неуверенно протянула почтальон.

В этом «а-а» Томилов услышал новый вопрос и пояснил:

— Наш адрес теперь таким и будет, как указано в телеграмме: «ШВТС» — это есть «Школа восстановления трудоспособности слепых». Поняли?

— Да! — подтвердила девушка.— Буду знать. До свидания!

— Ну что ж, Илья Максимович, прямо с колес — и в атаку. Тут, дорогой, мешкать нельзя! — Томилов ходил по кабинету, натыкаясь то на стулья, то на углы стола.— Давай обойдем помещение, распланируем, что где, а завтра же возьмемся за реконструкцию и ремонт. Со сметами у нас все в порядке. Они подготовлены еще в начале года. Средства отпущены. Пока будем пользоваться старым банковским счетом.

Поляков кашлянул.

— Надо — будем делать... — Он помялся и несмело сказал:— Рабочую силу набирать придется. Чувствую, объем строительных работ огромный.

— Шаромыг набирать не станем. Горисполком поможет, прикрепит какую-нибудь строительную организацию.— Томилов потер ладони, повторил текст телеграммы:— «Правительством школа утверждена...» Вот это сообщение, я понимаю! Официальный день рождения школы! Первое в стране заведение такого типа! Разве не знаменательная дата, а, Илья Максимович?! — И сам ответил:— Великолепная! Честное слово — историческая.

Так вдохновенно, с необузданной энергией, Томилов встречал после института шахту, забой. Так после потери зрения на базе кустарной пимокатной мастерской слепых создавал он технически оснащенное предприятие. И снова та же одержимость. Но там что-то было:

шахта, мастерская, люди. Здесь же — ничего. Ни штата, ни хотя бы приблизительной схемы. Ему не представлялось, какой школа будет через месяц, через год, как ее задачи преломятся через психологические, медицинские, интеллектуальные, трудовые службы. Кто они, будущие учащиеся? Какие?

— Пошли, товарищ Поляков,— сказал он, выходя из кабинета первым.— Начнем с производственного корпуса. Вооружись бумагой, ручкой.

Поляков взял директора под руку.

— Я, например, ничего не соображаю, что к чему,— откровенно признался он.

— И для меня темный лес,— неожиданно признался и директор.— Будем учиться на ходу.

Прошло время обеда, кончился рабочий день, и только тогда директор и зам появились снова на улице. Они устало присели на скамью у молчавшего фонтана, продолжив размещение школьных аудиторий на бумаге. Томилов называл кабинеты, Поляков записывал, старательно вычерчивал линии, проставляя метраж. Первый этаж полностью предназначался для обучения навыкам первичной ориентировки. Второй — кабинетам, где будут преподавать машинопись, учить, как сервировать стол, готовить пищу, шить, пользоваться различными бытовыми приборами, ремонтировать одежду. Там же будет и кабинет эстетики.

— А что это за кабинет эстетики? — поинтересовался Поляков.

— Кабинет эстетики?.. — Томилов подумал.— Мы будем учить правильной, красивой осанке, походке, правильно пользоваться столовым прибором. Там мы будем учить слепых контакту с внешним миром, максимально приближая их к ориентировке зрячих.

«Как Надежда Васильевна...» — сравнил про себя Илья и спросил:

— Неужели много незрячих, которым потребуется подобная помощь? Таких на предприятии я что-то не заметил.

Томилов точно не знал, многие ли не владеют ориентировкой. Но знал — есть всякие. Особенно помощь нужна тем, которые теряют зрение взрослыми, как потерял он.

— Работающие на предприятии, по существу, постепенно проходят курс ориентировки, — отвечал Томилов.

лов.—Мы для них ускорим этот процесс. А для нерабочающих обучение начнем заново.

Поляков промолчал. Его начинала мучить думка, не лишний ли он тут? Его дело — механизмы. Чем же займется он? Будет ли от него польза?

Поляков не слышал, о чем рассказывал директор. А Томилов горячо объяснял:

— Наша механическая мастерская так и будет механической. Только там будем учить людей работать по металлу, дереву, на сборке узлов. Вправо от мастерской на площадке поставим макеты автобуса, такси, пассажирского вагона, трамвая, трап и салон самолета. Во круг ограды сделаем дорогу. Знаешь, такую заковыристую, для средней ориентировки. Потом научим самостоятельно ходить к автобусной остановке, к вокзалу.

«Да, для него — это родная стихия, а для меня все-таки ничего интересного. Без машин, станков я точно без рук», — нерадостно думал Илья.

Повеяло предвечерней прохладой. Воздух сгустился от запаха трав, хвои. Томилов пощупал стрелки ручных часов.

— Илья Максимович! Ужинать пора, а мы и не обедали! — забеспокоился он. — Пойдем, я замучил тебя. Извини.

— Ничего. Пустяки... — как-то виновато сказал Поляков. День не принес ему удовлетворения, скорее разочарование. «Скорее бы вернулась Надежда Васильевна. Повстречаться бы с ней, поговорить!»

В тоне зама Томилов уловил нотки равнодушия и отнес это за счет усталости.

— Больше не буду столько держать, — виновато пообещал он.

— Что ты, Сергей Михайлович, — смутился Илья и, чтобы прикрыть свое недовольство, поспешил добавить: — Запись вам передать? Завтра мне во сколько на работу?

— Как всегда, Илья Максимович.

У железнодорожного полотна на повороте они попрощались. Поляков пошел направо, Томилов — налево. Отсюда до дома триста двадцать шагов. Отсчитано точно. Томилов поднял голову, в глаз плеснул свет. Веки инстинктивно сомкнулись. Нежная, захватывающая дух волна пробежала по всему телу. «Здорово!» — сказал

он, как бы подводя итог всему, что сопутствовало хорошему настроению.

К машине Сергея провожали, как призывника, всей семьей: Валентина Алексеевна, дети. Вокруг него таялась молчаливая торжественность. Сам он смотрел на эту поездку не более как на деловой вояж — решить школьные дела.

Аня уселись рядом с мужем на заднем сиденье, словно неусыпный страж. Иван Иванович в сером костюме, белой рубашке чинно восседал за рулем, ожидая команды.

— Мамочка! Возьми меня... — крикнула Светланка.

Костя дернул ее за рукав кофточки:

— Забыла! Сегодня в детский сад...

Машина выкатилась на дорогу, помчалась по улице между многоэтажными домами. У одного из них остановилась.

— Наши тополя... — объявил Иван Иванович и тут же поддал газу.

В финансовом отделе Сергей пробыл недолго. Ему надлежало всего-навсего сдать отпечатанное Аней штатное расписание.

— Предприятие обойдем? С нашими рабочими встретимся?.. — спросил он, когда машина остановилась у областного правления.

— В следующий раз, Сережа, — мягко возразила Аня. — Не сердись. Пойми меня.

Он-то понимал.

И хотя до приема врача оставалось еще более четырех часов и они могли бы побывать во всех цехах, Аня спешила, ее, кроме больницы, ничего не интересовало.

— Ты надолго задержишься? — с нетерпением спросила она.

— Успеем, Аньота. У нас времени много.

— Ты все-таки постарайся поскорее, лучше подождем там... — сказала она.

Небольшая приемная председателя областного правления. Знакомый Сергею голос секретаря:

— Сергей Михайлович, здравствуйте, здравствуйте! Пожалуйста! Иван Арсен.

Все по-прежнему. ^
дил он когда-то ск

дителей отделов. Отсюда направо — дверь председателя. Знакомо и дорого. Не ошибся ли он, что отказался от должности председателя и не переехал сюда? Или бы перешел директором одного из солидных предприятий общества. Отступать поздно, как образно выражаются — «позади мосты сожжены».

— Проходите.— Голос Ивана Арсеньевича знакомый, глуховатый.

«Как он? Ведь в его подчинении, кроме производства, первичной организации, общеобразовательной школы,— клубы, библиотеки, тысячи людей — рабочих, служащих, инженеров, техников, просто членов общества... Справляется наверняка. У него есть опыт, есть образование — заочно закончил университет. Юрист».

— Здравствуйте, Иван Арсеньевич!— Голос Ани прервал мысли Сергея.

Иван Арсеньевич заулыбался.

— Анна Ивановна, здравствуйте! Какими судьбами?— Он приблизился.— А это кто?— И, приглядевшись, воскликнул:— Да это вы, Сергей Михайлович! Добрый день! Вот так гости! Садитесь, прошу вас.— Он выдвинул из-под приставного стола стулья.

«Новые, мягкие... При мне были обычные»,— отметил Сергей.

— Ну как, Иван Арсеньевич? Крутишься?

— Волчком!— подхватил председатель.— Вот танцовую вокруг сводки. Снижение себестоимости завалили. Где-то слабинка допущена. Прокол.

— А ты наготове иголку с ниткой держи!— засмеялся Томилов.

— Держу,— ответил Иван Арсеньевич. И сменил тему:— Что у вас? Как живете? Как дети?

И потому, что его видящий глаз обращался к Ане, отзывалась она:

— Живем хорошо. Дети растут.

Она знала: Иван Арсеньевич единственным глазом видит плохо, чуть-чуть, и все-таки вблизи различает людей, наверняка различает и цвета. «Сереже хотя бы столько»,— взмолилась Аня про себя.

— Прибыл к тебе, товарищ председатель, с пустыми руками,— начал Томилов.— У нас пока — шаром покази. Вывеска и

Иван А

и базу.

— Я ни при чем,— не принял упрека Томилов.— Есть вещи, которые не зависят от наших желаний, которые диктует жизнь. Общество достигло той точки, когда руководителям и активу понадобилось сломать старое, взяться за новое. Возникла необходимость превратить предприятие в технически оснащенное, специализированное, крупное производство, где можно было бы с наибольшим коэффициентом полезного действия использовать материальные возможности на строительство, техническое оснащение, дальнейшее совершенствование организационно-массовой воспитательной работы. Я—солдат, подчинился требованию времени. Конечно, можно представиться слепоглухонемым — тебя порекомендовать сюда, на свое место, а самому не трогать предприятие и спокойным образом директорствовать. Производство отлажено, все в ритме, люди довольны. А совесть? Вот она-то и пострадала бы. Впоследствии все равно бы нас уличили в эгоизме, когда другие коллективы, объединившись, стали бы крупными, а мы, оставшись карликами, выглядели бы примерно так же, как видится сейчас нам наша старая, убогая мастерская. Это сравнение не преувеличено.

— Да-а...— председатель почесал затылок.— И мы с вами, директор и помощник, два коммуниста, ответили бы за то сполна.

— Два коммуниста...— с нажимом повторил Томилов.— Два политических слепца.— Он рассмеялся.— Случилось, Иван Арсеньевич, так, как положено. Только мне пока нечем дышать. Представь себе — пустыня, ничего живого.

Чувствуя, куда клонит собеседник, Иван Арсеньевич подвинул к себе письменный прибор и напрямую спросил:

— Вам нужна помощь областного правления?

— Угадали, товарищ председатель!— с игривой веселостью подтвердил Томилов.— В кое-какой помощи нуждаемся. Юридически наше заведение получит право на самостоятельное существование, в лучшем случае, месяца через два, а в сентябре приказано начинать занятия.— Он стукнул косточками пальцев по гладкой полировке стола, как бы утвердив первую просьбу.— Временно, пока мы не откроем в Госбанке свой счет, старый не закрывайте. Иначе петля нам сдавит горло,— пальцы снова опустились на стол.— От предприятия оставьте

нам несколько штатных единиц. Какие именно, мы решим с директором. Важно в принципе договориться с тобой. И последняя просьба,— на стол опустилась вся ладонь.— Пусть предприятие силами своего отдела капитального строительства начнет срочный ремонт нашей школы.

Наступило продолжительное молчание. Председателя просили о том, о чем он не имел даже приблизительного представления.

— Я...— Он замялся.— Я не в курсе... Я не знаю, как это делается. Вы опытнее, подскажите.

Томилов не заставил себя ждать.

— Именуйте на этот срок нашу школу участком предприятия. Мудрить не надо.

Иван Арсеньевич прервал запись.

— А как выше? Вдруг ревизия?— испуганно произнес он.

— Не беспокойся, Иван Арсеньевич.— Томилов говорил уверенно, так, будто все было давно решенным.— При обсуждении организации школы в Центральном правлении мы эту промежуточную ступень вскользь упомянули. Предложили искать выход в создавшихся условиях. В том, о чем я уже сказал, никаких нарушений нет. Работает участок — и все. Подобные производственные точки законнорожденные. Они спокойно могут жить и в нашей области.

Заклевало шильце председателя.

— Понятно,— окончив писать, выдохнул он.— Придется сдаться.

Из областного правления Томилов ехал довольным. Он забыл, куда его везут, зачем. В голове бродили планы, отрабатывались отдельные детали организации школы, учебной программы. «Ой-ой-ой сколько дел!» — без огорчения, скорее с упоением страшал он себя.

— Приехали. Областная больница,— голосом заправского водителя, объявляющего остановки, пробасил Иван Иванович.— Пойдемте, я тоже забегу.

— Тебя к врачу не пустят, папа,— остановила его Аня.

Тихов вылез из тесной кабинки, расправил широкие плечи.

— Я к врачу и не собираюсь. Посижу где-нибудь в приемной, так, чтобы поближе к вам. Дело-то непростое. Побыстрее хочется услышать, с чем вернется.

Аню и Сергея провели в кабинет заведующего глазным отделением.

— Подождите, доктор должен скоро прийти.

Здесь, в глазном отделении, где врачи спасали людям глаза, Аня чувствовала себя обезоруженной, вынужденной верить всему, что бы ни сказали. Она напряглась, как-то вся съежилась, жадно посматривала на дверь, откуда должен был появиться специалист: Аня просила только известного. В ее понятиях врач-окулист отождествлялся с ученым-астрономом, проникающим при помощи телескопа в чужие галактики, открывающим новые звезды, небесные тела, вырывая у природы ее неразгаданные тайны. Окулист тоже через увеличительные стекла отраженным лучом света врезается в глазное дно, видит зрительный нерв, выискивает неисправность в нарушенном зрении и устраняет поломку.

Бойко вошел невысокий мужчина в светлом костюме, без гластика. Он быстрым цепким взглядом пробежал по лицам посетителей, привычным тоном спросил:

— Что у вас?

Аня догадалась, что это тот самый врач, которого они ждут, подала направление облздравотдела. Врач бегло прочитал текст и участливо бросил:

— Замечательно! Проверим.

Сергей услышал — Аня что-то подала еще.

— А это... — в руках доктора зашелестела бумага. — Ах, история болезни. Замечательно!

Сергей насупился. «Ну и Аньота, все предусмотрела. Чудачка! И все втихую».

— Пожалуйста, в темную комнату, — пригласил доктор. — Этажом выше, от лестницы по коридору четвертая дверь направо.

Войдя в довольно просторную комнату, залитую солнечным светом, Аня отпрянула назад. Она подумала, что ошиблась кабинетом, но врач, идущий за ними, подсказал:

— Проходите, проходите. Большого посадите вон туда. — Он кивнул на стул у окна. — Посмотрим.

Доктор запрокинул голову Сергея и осмотрел глаз.

Как Аня завидовала сейчас доктору! Этот человек знает и видит то, что ей недоступно. Он помогает людям снова увидеть свет, спасает от боли и темноты. Ане очень хотелось быть на его месте!

— Хорошо,— кончая осмотр, сказал доктор.

Аня облегченно вздохнула, словно произнесенное слово «хорошо» уже что-то обещало.

— Проходите вон туда, в темную комнату,— попросил доктор.

Маленькое, глухое, без окон помещение напоминало шахтовую клеть.

— Так, так,— услышал Сергей, заранее зная, что последует дальше: направят отраженный луч офтальмоскопа и спросят: «Видите?» Точно. Так и спросили.

— Нет,— равнодушно ответил он. Теперь усилият свет лампы и снова спросят:

— Видите?

— Нет.

— А так?

— Нет.

Лампа задышала теплом — ее поднесли близко к лицу:

— А так?

И как сквозь пелену, исчерченную грязными штрихами, пробился вялый матовый свет.

— Теперь вижу,— бесстрастно ответил Сергей.

— Хорошо,— последовало одобрение доктора.— Посмотрим еще.

Сергей знал и это. «Сейчас будут смотреть через прибор, напоминающий бинокль».

Когда глаз врача припал к окулярам, Аня опять пожалела, что не может сама осмотреть глаз Сергея. Она бы смотрела долго, пока не установила определенно, точно: есть надежда или все потеряно окончательно.

Доктор выпрямился. Аня тут же потребовала:

— Скажите, можно надеяться?

Сергея покоробило. Он пережил ожидание, обман, и вот она, Аня, тоже стала жертвой этого ожидания.

— Глаз очень тяжелый,— неопределенно заключил врач.

— Ну а если операцию? Он же увидел свет,— вопрошила Аня.

— Милые мои, не всегда из невозможного можно смастерить возможное.— Доктор разговаривал с ними,

как с детьми.— С глазом, к сожалению, пока сделать ничего нельзя. Но время покажет...

Сергей мысленно подхватил: «Тоже «пока», «время покажет»... только длиннее. Одного выводка слова. Жди... Словно магнитофонную ленту прокручивают...»

Когда Аня и Сергей спустились к Ивану Ивановичу, тот крякнул и не спросил ничего. По жалкому виду дочери понял все.

В машине Аня заплакала, уронив голову на колени мужа. Сергей гладил ее мягкие пушистые волосы и утешал:

— Ничего, Анютка, не случилось. Будем счастливы тем, что бог мне подбросил. Как-никак вижу свет. И к группе абсолютно темных, как нас иногда называют, больше не отношусь. Ну, Анютка, брось переживать! Не хватало из-за пустяка здоровье портить. Нам на двоих хватит того, что пришлось перенести мне одному.

Аня неожиданно поднялась.

— Поедем в Москву, в институт Гельмгольца. Я должна убедиться полностью,— заявила она упрямо, жестко.

Сергей спорить не стал. Он знал, она печется не из-за своих интересов, не для того, чтобы создать себе покой. Нет. Она жаждет радости ему. Зацепившись за хлипкую ничтожную возможность, она все-таки пытается добыть эту радость. «Эх, Анюта, Анюта, родная ты моя! Не все побеждается желаниями, настойчивостью, упрямостью. Есть броня, которую пробить ничем невозможно. Поволнуемся с тобой и забудем. Никуда не поедем, чтобы еще раз не травить себя... Все уладится...» Разговаривая с самим собой, он не заметил, как они доехали до дома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пока сын учился в институте, мать так соскучилась по нему, что теперь ухаживала, как за малолетним, старалась угодить, готовила любимые блюда. На столе от жареного и пареного было тесно.

— Ну, Илья, за твоей спиной и мне перепадает,— шутил отец.

К утру брюки, рубашка, отглаженные, аккуратно свернутые, лежали на стуле. Начищенные туфли стояли у порога.

Украдкой, с любовью и благоговением следили за сыном материнские глаза. Он не был красавцем. Наоборот, за спиной судачили: «Нескладный парень. Отец — орел, в плечах сажень, ручищи медвежьи. Добрый горняк! А сын плюгавенький, тщедушненъкий. И в лице — красоты ни капельки». Но разве матери смотрят на своих детей глазами соседей? У них свое мерило. «Мое дитя. Мое, родное». В нем ее кровь, ее любовь, жизнь. Разве для матери может быть оно некрасивым, не самым лучшим!

Наблюдая за сыном в открытую дверь, она мечтала: «Скорее бы привел в дом молодуху. Там, смотришь, загорланят внучата. Скорее бы... Неужели его не замечают девчата? Как не заметить?.. Красивый, при специальности, образованный». Увидев, что сын надевает выходной черный костюм, поинтересовалась:

— Ты что, Илюша, в город?

— Нет, мама, на работу.

— На работу! — ахнула мать. — Ты же вымахешься.

— Зайду в школу. Не знаю, может быть, извинюсь перед Сергеем Михайловичем — и на завод, — неохотно ответил Илья.

— Как же так! — взмолилась мать. — Сам говорил, что в тебе нуждаются, что-то собрались делать — и на тебе, в кусты! Сам посуди — пень и тот мхом обрастает, а ты у них столько проработал...

Илья уныло посмотрел на мать.

— Производство, на котором я работал, отсюда перевели. Теперь устраивают школу. Чем она заниматься будет, не знаю. Ничего не понимаю. По моей части нет ничего.

— Вон оно что! — Мать сокрушенно покачала головой. — Значит, уехали, и артель распалась. Ну, тогда тебе виднее, сынок. Конечно, к заводскому начальству нужно явиться как следует. Встречают по одежде, провожают по уму. У тебя имеется и то и другое. Садись, Илюша, завтракай.

На столе — свежие огурцы, жареная рыба, румяные творожные шаньги.

— Зачем мне так много готовите, мама? — Илья старался говорить мягко, чтобы не обидеть мать.

Она замахала руками:

— Труда мне большого нет. А ты кушай, скорее поправишься. Глянь, как учеба выжала. Исхудал весь. Вот женившись, жена лучше будет кормить.

Илья рассмеялся.

— Моя невеста еще не родилась.

— Я вправду, а ему хахоньки. Разговор-то серьезный,— пожурила мать.— Подожди, сейчас принесу чаю, душистого!

Настроение у Полякова было пресквернейшим. Что за жизнь, если у тебя нет впереди четкого ориентира, цели. Шагаешь, словно по канату балансируешь, боишься оступиться в ту или другую сторону. Разве не будет тоскливо, если идешь на работу, а она тебе не по вкусу, не по натуре. Мука. Отбытие наказания.

С каким желанием, рвением он бежал сюда, на предприятие. Здесь его ожидали станки, Дом культуры. С Надеждой Васильевной они не пропускали ни одного вечера отдыха. Идешь, бывало, на смену как на праздник!

Вдали показалась зеленая изгородь, за ней постройки бывшего предприятия. Илья сбавил шаг. Сиротливые здания ему стали ненавистны. От них веяло холодом. Но вдруг его обдало жаром: сегодня он встретится с Надей. После стольких лет!.. Какой стала она? Может быть, вышла замуж? Он тоже мог жениться. Около него вертелись девчонки, но он был застенчивым и, наверное, скучным. И девчонки переставали им интересоваться.

Он точками писал Надежде Васильевне. Такие же точки получал сам. Они кодировали слова, в которых не было ни чувств, ни ласки. Они сообщали о делах школы, об учениках, о производстве. А Илья стеснялся открыть, что помнит ее и любит.

Как они встретятся сегодня? Что он скажет? «Надо с ходу — и никаких!» Пусть знает, что он стал иным — смелым и прямолинейным. Какие тут слова нужны? Кто знает, что вышло бы, если б он знал их в техникуме и написал бы ей. Или бы высказал до техникума.

Наглухо закрыты железные ворота. В проходной обе двери нараспашку. Из открытых окон первого этажа валила серая пыль, слышался стук топоров и треск дерева. В следующем за производственным корпусом здании

механической мастерской тоже кипела работа. Строгали доски, затирали на стенах «язвы», переделывали верстаки, устанавливали по новой планировке станки.

Поляков отсутствовал лишь десять дней, устраивая личные дела — прописка, регистрация в военкомате, а на территории школы произошли огромные перемены. Пустые помещения ожили.

Он подошел к рабочим, возившимся у токарного станка.

— Вы что, выволакиваете его? — спросил он, вспоминая, был ли станок здесь тогда.

— Зачем выволакиваем? Устанавливаем, — пояснили ему.

Илья насупил брови.

— Разве можно тащить его на боку? — сделал он замечание. — Это же не пень.

— Так легче, — признался один из рабочих.

Поляков, забыв о выходном костюме, белой рубашке с ярким галстуком, взялся за край и скомандовал:

— Давайте-ка перевалим на днище... Так... Порядок! А теперь — дружно! Давай на подушку... Давай, давай! Вот теперь совсем порядок.

— Спасибо вам... — поблагодарили его застенчиво. — Вам бы спецовочку надеть... Костюмчик-то подпачкали.

Поляков будто не слышал.

— Схема монтажа у вас есть?

Один из рабочих вышел и вернулся с желтой папкой.

— Пожалуйста! Мы понимаем, что к чему. — Рабочий говорил, как бы оправдываясь, принимая элегантно одетого мужчину за большого начальника. — Мы тут по монтажной схеме... — Он ткнул пальцем в бумаги.

Поляков схватил папку, словно голодный кусок хлеба, и начал читать хорошо знакомую азбуку линий чертежей будущей мастерской. Тут были прессы и металло режущие станки, резьбонакатные автоматы и даже муфельная печь, чего не было раньше — закалку металла проводили в мастерской шахты. «Зачем все это, если школа не будет выпускать никакой продукции?..» Он огляделся. В одном из углов под брезентом стояли какие-то механизмы.

— Там что?

— Прессы, — раздалось сразу несколько голосов.

— Теперь их надо устанавливать.

Долго не раздумывая, Илья снял пиджак, галстук, засучил рукава рубашки и пригласил:

— Пойдемте.

Рабочие повиновались.

На правах старшего Илья давал распоряжения, сам участвовал в переноске тяжелых чугунных туловищ, помогал монтировать. Увлекшись работой, он не заметил, как наступил обед.

— Ну, товарищ начальник, пора подкрепиться,— дружелюбно приглашали монтажники.— Спасибо, подмогли здорово. Давайте к нашей краюхе! Вместе и закусим.

— Спасибо, ребята,—не желая обидеть их, согласился он.— Я и вправду проголодался.

Подойдя к фонтану, в чаше которого держалась вода, Илья вымыл руки, счистил с пиджака и брюк пыль, огорченно оглядел масляные пятна и, приведя себя в относительный порядок, направился к подъезду, где жила Надежда Васильевна.

Те же ступеньки, та же дверь с тяжелой ручкой, та же черная кнопка звонка. Все то же, ничего не состарилось, ничего не изменилось, будто он был тут лишь вчера. Справившись с волнением, он позвонил. Ждать пришлось недолго. Послышались шаги.

— Кто там?

Она. Надя! Илья переступил с ноги на ногу.

— Я, Надежда Васильевна...—сдавленно выговорил он.

Бледное лицо Надежды Васильевны вспыхнуло. В незрячих глазах плеснулось смятение.

— Я, Надежда Васильевна.—Взяв маленькую, поданную ему руку, Илья осторожно пожал ее.

— Значит, ты снова вернулся к нам... Долго не было тебя. Проходи в комнату,—проговорила Ильина. Тот же четкий выговор, чистая, легкая речь.

Надежда Васильевна была в пестром платье, в домашних туфлях. Светлые волосы спадали на плечи. «Что же изменилось в ней?.. Вроде ничего. Хотя в лице что-то новое». Илья пригляделся: черты лица стали строже, определеннее. Это немножко старило ее и в то же время делало более женственной. «А как же, наверное, изменился я? Что бы она подумала, если бы могла видеть?»

Неожиданно Надежда Васильевна рассмеялась:

— Ты такой же молчун! А я-то считала — теперь тебя не переслушаешь.

Илью точно разбудили:

— Загляделся на вас. Вы стали еще красивее.

Надежда Васильевна удивилась:

— О, да ты комплиментам выучился!

Замечание сбило Илью с толку. Приготовленное объяснение никак не шло с языка. Он, подобно неудачливому поэту, срывающемуся с рифмы, ляпнул:

— Я учиться пошел из-за вас, чтобы получить образование... — Признаться в чем-то большем у него не хватило духа.

Надежда Васильевна рассудила просто:

— И в этом соревнование оказалось полезным. Молодец, Илья! Будем считать: по нашим социалистическим обязательствам победа за тобой. Ты сделал больше, чем я.

— Что вы!.. — застеснялся Поляков. — Вы заставили меня продолжить учебу...

Надежда Васильевна перебила:

— А потом ты решил нагнать учительницу. Похвально, Илюша, правильно сделал.

Зачем она прервала его? Зачем назвала Илюшой? Он совсем было решился сказать то, что хотел, и вот тебе...

— Я слышала — ты согласился работать в школе? — не давая молчать ему, спросила Ильина.

Полякова задело за живое. Его спрашивали о том, что мучило, давило, не давало спать.

— Не знаю, Надежда Васильевна... Я пришел к вам за советом.

— За советом?.. — удивилась Ильина. — Какой же тут нужен совет? Директору школы положен заместитель, знающий станки. Твоя кандидатура, по-моему, подходящая.

— Завхоз из меня выйдет никудышный...

— Завхоз?.. — удивленно повторила Надежда Васильевна. — При чем здесь хозяйство?

— Ну как же... — Поляков развел руками. — Школа продукцию выпускать не будет. Станки — так, для виду, как экспонаты музею. Приедут какие-то там недотепы, пощупают железки, послушают грохот — и до свидания! Мне-то от этого что? Бессловесная роль наблюдателя, ответственная личность за сохранение оборудования.

А я — механик, производственник. Я привык видеть готовую продукцию, привык к постоянному гулу механизмов.

— Погоди, погоди, — остановила его Ильина, поднявшись со стула, подошла к Полякову, который сидел в кресле у журнального столика. — Ты что, не хочешь работать в нашей школе? — В ее голосе звучала обида. — В школе, где сотни слепых, потерявших веру в себя, в свою нужность, будут возвращаться к жизни, учиться, обретать счастье труда, — и эта работа не подходит тебе? Унижает твое звание мастера?! Эх, Илья Максимович! Слепыми глазами ты смотришь на такое учреждение! Здесь не нам надо работать, а академикам, ученым, производственникам самой высшей квалификации. Ты не представляешь, что значит из разбитого, потерянного инвалида сделать полноценного, трудоспособного человека. А через нашу школу пройдет не один ученик. Когда тяжелобольные выздоравливают, врача охватывает счастливая удовлетворенность: он победил смерть. Мы — тоже врачи, должны будем стать врачами, обязаны, потому что нам предстоит побеждать смерть духовную. И на нашу долю выпадет тоже счастливая удовлетворенность.

Она помолчала, затем насмешливо продолжала:

— Завхоз, ответственная личность за оборудование... — И гневно, резко: — Нет, Илья Максимович, не то и не другое! Вы не видите людей! А они в школе будут приобретать специальность, именно у нас, обучившись на ваших станках, будут начинать выпуск первой продукции. Пойми, Илья, отсюда, от ваших машин, человек пойдет в жизнь с умелыми руками, с руками труженика. Но подчинить станки непросто. Нужны грамотные педагоги, умеющие сочетать производство с психологией. Ты технически грамотный человек, умеешь общаться с людьми. Я поддерживаю решение Сергея Михайловича. Из тебя выйдет хороший руководитель, если ты сумеешь правильно понять свою роль.

Она села. Повисла тишина.

— Прости, Илья, — после паузы мягко сказала она. — Между прочим, я сейчас говорила слова Сергея Михайловича. Это он меня ими исхлестал. Я, подобно тебе, хотела сбежать в город вместе с предприятием. Там крупный консультационный пункт, много учеников, интересная педагогическая и воспитательная работа.

После беседы с Сергеем Михайловичем поняла — выше чести оставаться в школе не может быть. Правда, будет трудно: все новое, целина. Что ж, начнем учиться сами и учить других. Теперь я твердо знаю — никуда не сбегу, постараюсь оказаться полезной.

— Я мечтаю о том же! — почти крикнул Поляков. — Окажусь ли я полезным? Надо иметь педагогический подход, у меня его нет, а как красноречив я — сами знаете...

— При чем тут красноречие? — сказала Ильина. — Нужно прежде всего чувство ответственности. Без этого чувства ни одно дело не пойдет.

— Я прослушал вас внимательно. — Поляков стал смелее: оказывается, не он один помышлял о побеге. — Но я никак не могу уяснить себе, чем мне заниматься. Вам — понятно: учить. А мне?

Ильина задумалась.

— У тебя много дел. Возьмем первое: руководство цехом, мастерами. Второе: техническая служба, работа оборудования. Третье: обеспечение цеха сырьем, материалами. Четвертое — выпуск продукции. Пятое: все то, о чем я говорила вначале. Очевидно, есть еще и дальше — шестое, седьмое... Не знаю, что именно.

Оказывается, действительно забот невпроворот.

— Вы, пожалуйста, ничего не говорите Сергею Михайловичу, — попросил Поляков смущенно.

Надежда Васильевна совсем по-свойски сказала:

— Ага, боишься, что тебе попадет, как мне попало... Ну да уж ладно, обещаю молчать. Ну, а сейчас вскипятим чай. От мамы привезла кое-что вкусненькое.

— Нет-нет. Не беспокойтесь, Надежда Васильевна. Мне нужно на работу. Монтажники ждут. — Это так, для виду. А самому хотелось остаться, побывать с ней.

— Ничего, Илья, я быстро. — Она пошла к двери прямая, гордая, шагая уверенно, натренированно.

Вернулась она быстро, вошла, неся посуду. Илья вскочил.

— Разрешите, помогу. Это я виноват... побеспокоил вас.

В прихожей простучали каблучки.

— Здравствуйте!

В комнату вошла невысокая молодая женщина. Илья наморщил лоб, вспоминая, кто это.

— Таня! Неужели это вы?! Изменилась-то как, не узнаешь!

Прежде он видел ее редко. Рассмотрел, когда хорошили Костю Бессмертного. Она тогда горько плакала. Запомнилась она ему сгорбленной, худой, с пожелтевшей кожей. И вот, смотри-ка, раздобрела, расцвела.

— А вы не изменились, Илья Максимович,— отзвалась Татьяна. Если это искренне, то Полякову на руку: в воображении Нади останется тот же Илья, каким она создала его в те времена.

— Плохо верится,— на всякий случай усомнился он.

— Почему? Правда, честное слово!— И неожиданно воскликнула:— У вас костюм замаран, Илья Максимович!

У Полякова загорелись уши. «Вот так вlip перед Надей!» Но Таня, как бы между прочим, сказала:

— Обедайте, я потом вас почищу. У меня есть специальный порошок выводить пятна.

— Садись с нами, Танюша,— пригласила Надежда Васильевна.

Но Татьяна была уже за дверью и оттуда крикнула:

— Спасибо, тороплюсь! Надо подготовиться к встрече гостя. Скоро Даниил придет...

Она жила тоже одна, во второй комнате этой квартиры, успев, как и соседка, обставить ее мебелью, навести комфорт.

— Наверное, выйдет замуж, чую...— шепотом сообщила Надежда Васильевна.

— Да?..— Поляков поднялся.— Спасибо вам за угощение. Надо зайти к Сергею Михайловичу.

Ильина подсказала:

— Сегодня его нет. Он уехал. Вообще в конторе он почти не бывает. По организациям ездит, что-то выколачивает.

В коридоре Полякова ожидала Татьяна.

— Зайди в ванную,— приказала она и шагнула туда первой.

— Я сам... Дома... Мне еще в цех идти, все равно измажусь.

Но Татьяна была неумолима.

— Заходи, заходи. Разве в таком костюме с машинами возятся?— по-свойски упрекнула она.— Надень спецовку. Обязательно надень.

«Надя так не сможет, не увидит, не подскажет... А где же я сам?— оборвал он себя.— Аня, Лида и многие другие ухаживают за своими мужьями. Почему только женщинам можно уживаться с незрячими. А мы... Какая разница? Если любить серьезно... Разве я не смогу заменить ей глаза? Да я для нее...»

— Готово, Илья Максимович,— объявила Таня.

Как только Поляков ушел, Надя подошла к подруге и тихо прошептала:

— Какой он, а? Сильно изменился?

Таня тоже заговорила вполголоса, словно их могли подслушать посторонние:

— Ничего не изменился. Каким был, таким остался. Немного похудел.

— А как выглядит? Как?

Таня расхохоталась:

— Ой, Наденька, сердечком маешься!— И, видя, что подруга засмущалась, поспешила:— Скажу, скажу. Мужчина приятный. Одет с иголочки. Физиономия обыкновенная, чуть скуластая, темная шевелюра. Глаза карие. В общем, ничего. Правда, Надюша! И, видать, характер золотой— не болтлив, держится степенно, не то что мой Даниил. Язык действует без завода.

Фантазия Надежды Васильевны вылепила неясный образ Полякова. Правда, на портрете отсутствовали краски, он сливался с общим черным фоном. Кто знает, каким бы он показался, случись прозреть ей. Трудно сказать. Может быть, воображаемый портрет совпал бы с реальным.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После консультации в областной больнице Аня дважды поинтересовалась, как у Сергея со светоощущением. Он, не придавая значения любопытству Ани, отвечал: «Все в порядке. На том же уровне».

Сегодня она была настроена иначе. Когда-то все равно надо начатое дело доводить до конца. Все может случиться. А вдруг именно сейчас, при данном состоянии глаза, нужна операция. Пройдет срок, что-то изменится, и скажут: «Поздно. Спасительный моментпущен». Аня никогда бы не простила себе этого.

По утрам Сергей всегда задолго до завтрака слушал говорящую книгу. Аня заглянула в рабочую комнату

через приоткрытую дверь. Он сидел в кресле, подперев рукой подбородок. На тумбе магнитофон медленно вращал два диска. «Война и мир» — по первым же словам чтеца определила она. Рядом стопкой лежали квадратные коробки с кассетами.

Аня вошла. Сергей нажал на клавиш. Резкий щелчок, магнитофон замер.

— Я, Сережа,— назвалась она.

— Слышу, слышу.

И он не преувеличивал. По какому-то, только им выработанному восприятию он узнавал шаги Ивана Ивановича, Валентины Алексеевны и ее, различал топот ног Кости и Светланы. «Слуховая память, тренировка, внимание», — объяснял он.

— Слышу по сладенькому голоску, зачем явилась.— Сергей продекламировал:

Рано пташечка запела,
Значит, с делом прилетела...

Угадал, моя неугомонная женушка? — Он взял ее мягкую, теплую руку.— Говори.

Аня тихо засмеялась.

— Если знаешь, зачем рано запела, надо ли спрашивать?

— Глаз мой, Аньота, видит не лучше, но и не хуже. Ни слепой, ни зрячий, считай — инвалид с приглядкой. Вас такая справка устраивает?

Свободной рукой Аня подергала его ухо.

— Такая справка устраивает. Ты помнишь мое обещание в машине, когда мы ехали домой из больницы? Настала пора выполнять его.

— Каким манером? — насторожился Сергей.

— Не окольным, конечно, а прямым,— голос Ани звенел.— Мы должны съездить в центральный глазной институт. С отпуском у меня все в порядке.

Сергей тоже умел держать характер — научила работа.

— А с моим отпуском не в порядке.— И, стараясь придать своему возражению мягкость, все же убежденно добавил:— Мне сейчас нельзя отлучиться. Пойми, никак нельзя! Кончается ремонт, скоро начнется заезд. Ну будь благоразумной — как мне все оставить, сбечь? Зрение, не беспокойся, никуда не денется. Месяцем раньше, месяцем позже — один ответ: «Пока»...

А к нам прибудут учащиеся, дело наше новое, никем не изведанное и не исследованное. Ну, скажи, разве можно отлучиться? Какой из меня получится руководитель, если для этого руководителя его капля света дороже жизни сотен людей? Поверь, Аньота, сейчас не могу. Прости, не могу.

— Хорошо, убедил. Но позже, как только уладишь дела, все равно поедем.— «Поедем» прозвучало решительно.

Сергею была предоставлена отдушина, и он немедленно воспользовался ею:

— Такое условие относительно приемлемо.

Аня поправила:

— Без всяких там относительных.

И, боясь снова вызвать ее упрямство, он поспешил согласиться, надеясь на «потом». Потом еще что-нибудь случится, передвинется, и последуют новые «потом».

— Да, чуть не забыл...— Он взял со стола плотный лист бумаги, исколотый точками, подал Ане.— Мне нужна литература. Что есть у вас, подбери по этому списку.

Рельефный шрифт Аня читала почти так же, как обычный. За долгие совместные годы жизни с Сергеем пришлось научиться. Пробежав глазами пупырчатые строчки, удивилась:

— Куда тебе столько?..

— Разве много?— в свою очередь удивился Сергей.— Здесь всего-навсего граммы того, что нужно.

— Ничего не понимаю...— Аня пришла в замешательство.— Зачем тебе понадобились книги по биологии, психологии, химии, астрономии и даже нервным заболеваниям? Неужели это все нужно перечитать?

— Если бы только перечитать!— У Сергея от сдвинутых бровей над переносицей легла поперечная морщинка.— Мне потребуется изучить, прожевать всю эту премудрость. Я уже столковался с Иваном Ивановичем. Он обещал мне часть начитать на пленку. У него дикторский басок и дикция сойдет. Остальные книги начитает кто-нибудь. Найму. А ты и не мечтай. У тебя и без того хватает забот.

Начитать — пустяк. У Ани не укладывалось в голове — к чему такая пестрая тематика?

— Неужели директору вашей школы нужен такой обширный кругозор? Я-то считала — директору пред-

приятия нужно быть куда эрудированнее, чем директору здешней школы. Там и основы экономики, знание производства, организация труда, технические решения и также психология.

Сергей покачал головой:

— Ой ты мой книжный бог! Знала бы, как ошибаешься. Ох, знала бы!.. На предприятии я был как рыба в воде, в своей родной стихии. Для производства я был смонтирован специальным институтом. А здесь же я настоящий олух, первоклассник. В школе совершенно другие задачи: хозяйственная, производственная, финансовая и плюс ко всему тому — воспитательная деятельность. Школа, возвращающая к деятельности жизни слепых, по сравнению с предприятием что океан по сравнению с озерком. Я сам еще весьма отдаленно, смутно представляю все, но чувствую, работы предстоит ой как много. Придется решать не только психологические задачи, а и социальные. Ведь людям, потерявшим зрение, Анюта, вернут трудоспособность, научат ориентировке. Причем компенсируют с максимальной отдачей. Замечательный труд! И чтобы возглавить такой храм исцеления, нужны знания, такие знания, чтобы суметь разбираться во всем самому. Почему, например, некий слепой баянист прекрасно владеет клавишами инструмента, а вот полотенце правильно сложить не умеет? Как слух, осязание и обоняние помогают ориентироваться в пространстве? Почти о том же самом мне пришлось говорить нашей учительнице Надежде Васильевне. Представь себе, она было собралась бежать отсюда на предприятие. Беседа подействовала, осталась. И знаешь, Анюта, чём больше я говорю о школе, о ее задачах, чем больше приходится разъяснять, спорить, тем шире и отчетливее я представляю значимость и важность нашего заведения. Но чтобы доказывать, спорить, надо много знать. Теперь ясно, зачем нужны ученые талмуды?

В глазах Ани появился испуг, точно на нее неумолимо надвигалась опасность. Она увидела Сергея не таким, каким привыкла видеть всегда. И это отдаляло от нее Сергея. Он не принадлежал ей весь. Оказывается, не замечая сами того, под одной крышей они прокладывали две самостоятельные тропы. Он по своей тропе ушел намного вперед, безостановочно взираясь на крутизу, неустанно, упрямо познавая новое. А она? Она остановилась, забросила учебу в библиотечном институ-

те, читает мало, третий год никак не может взяться за учебники. Что ожидает ее? Чем кончится их с Сергеем начавшееся необъявленное соревнование? Нет, она должна жить тем, чем живет и ее Сергей, только тогда они по-настоящему могут быть счастливы.

Она обняла его, поцеловала.

— Умница ты у меня!..

Сергей посадил ее на колени, как маленькую Светланку, и, уткнувшись в ее пышные волосы, сказал:

— Недоучка твой муж! Сколько он не знает из того, что надо ему знать. Положено. Непременно!

— А я-то думала, ты знаешь все.

Сергей рассмеялся.

— Святая наивность... Да нам с тобой, Анюта, и вдвоем никогда всего не познать, будь мы хоть сверхчеловеки. Так уж устроен этот огромный домик. Чем дальше в лес — тем больше дров. Чем больше познаешь, тем больше открывается тебе непознанного. Закон диалектики — ничего не пишешь. Спокойно только дураку — тот ничего не знает и считает себя самым умным. А ученому всегда не хватает знаний.

— Значит, я дурочка, Сережа, — невесело пошутила Аня.

Донесся звонкий голос сына. Все стало на свои места. Аня пересела на стул. Начался день, суетливый, деятельный, плотно заполненный — надо то, надо это. Надо и с детьми заниматься, и в магазин сходить, и обед приготовить, погулять в садике — недолго, двадцать — тридцать минут, но время выбрать надо.

— Мама! А Светка не будится, — взъерошенным воробьем влетел в комнату Костя. — Я ее будил, а она высунула язык и стала дразниться.

У Ани дрогнули губы.

— У нас в квартире Светки нет...

Костя поправился:

— Светлана меня дразнила.

— Ну что ж, веди ее сюда.

Аня и Сергей молчали, одинаково ощущая полноту родительского счастья.

Костя тащил за руку заспанную сестренку.

— Привел! — победоносно доложил он.

Аня обратилась к дочери:

— Скажи-ка нам, Света, как ты называла Костю? Мы с папой что-то не поняли.

Девочка обожгла брата презрительным взглядом и пролепетала виновато:

— Простите, больше не буду.

— А ты, Константин Сергеевич, тоже извинись: разве она у нас Светка?

— Простите, больше не буду,— в тон сестре, насыпясь, пробормотал он.

Взгляды детей встретились, и они уже дружно помчались собираться в детский сад или, как именовал сам Костя,— на работу, придавая этому слову серьезное, деловое значение.

Спустившись на второй этаж, Томилов остановился. За дверью Тиховых с присвистом вздыхал рубанок. Звук этот не перепутаешь ни с каким. Томилову даже представилось, как из желобка тянется снятая с дерева стружка. Пройти мимо он не смог.

— А, Сережа! Заходи, заходи,— обрадовался Иван Иванович.— У меня есть предложение...

В небольшой прихожей Тихов соорудил временный маленький верстачок и с важностью старательно выполнял заказы Сергея. Ему не надо было объяснять, насколько все они необходимы школе. Иван Иванович подал Сергею гладко выстроганные рейки.

— По-моему, верхнюю часть, которую будут ощупывать ваши ученики, надо сделать овальной, потом зачистить шкуркой и покрыть лаком. Я попробовал наклеивать на полистирол прямо из-под рубанка — выходит грубовато.

Он подал жесткий лист из пластика. На нем Сергей нашупал приклеенные бровки, напоминающие дорожные бордюры. Никакой грубоści он не ощутил. Поверхность реек была гладкой.

Уловив, как Сергей с сомнением водит пальцем, Иван Иванович с торжественной молчаливостью подал ему второй лист, размером с крышку кухонного стола. Сергей осторожно провел пальцем по выпуклым линиям ориентиров. Их округлая отшлифованная поверхность, гладкая от лака, как стекло, радовала палец. Ощупав макет, он узнал поэтажную планировку учебного здания.

— Превосходно!— удовлетворенно ответил он.— Спасибо, Иван Иванович. Я думал об этом, но боялся перегрузить вас, считал, пока обойдемся так. Позднее доведем до ума.

— Перегрузить!.. — умиленно и в то же время ворчливо передразнил Тихов. — Я пенсионер, и перегрузить меня нелегко. — Он оборвал фразу и продолжил с юмором: — Впрочем, ты прав. До пенсии я выполнял одну обязанность — забойщика. Теперь целый список внештатных должностей: и по линии шахты, и по линии горисполкома. А тут еще одна: плотник-декоратор! — Он басисто рассмеялся. — Да, еще одну забыл — должность директора.

— Совсем моего старика заездили, — беззлобно упрекнула Валентина Алексеевна. — И меня в уборщицу превратили. Знаешь, сколько грязи, пыли несет он в дом?

Сергей засмущался, виновато сказал:

— Извините, Валентина Алексеевна. У нас пока нет ни людей, ни денег. А школу скоро открывать...

— Понимаю, Сереженька, все понимаю, — с материнской нежностью перебила Валентина Алексеевна. — Я в шутку строжусь. Надо — значит надо. Будем делать.

— Спасибо вам, — Сергей был благодарен обоим старикам. — На такую работу можно ставить знак качества, — сказал он, еще раз ласково обводя макет ладонью.

— И остальные сделаем на уровне, — пообещал Иван Иванович. — Тот, первый, я переделаю по такому же образцу. Сколько же их всего? — Он прочитал заголовки нескольких макетов: — «Жилые дома», «Дом культуры», «Мастерская», «Территория школы», «План города», «План автобусных маршрутов с остановками», «Квартал центра города»... Вообще-то работенки много. Надо поднажать, чтобы не подвести тебя.

Сергей подсказал:

— Можно не все сразу.

Но Иван Иванович подсказку не принял:

— Нет, зятек, такое не приемлемо! Как же так — начнешь учебу, а наглядности не все. Сделаем, сделаем... И на душе будет красивее...

Долго колебалась Таня, прежде чем наконец решилась поговорить с женой Томилова. Пойти к ней на работу — неудобно, на квартиру — тем более. К тому же захочет ли она терять на нее понапрасну время? И Таня

подумала, что лучше всего встретить ее по дороге от дома до библиотеки. Пока они пройдут этот путь, она, Таня, успеет расспросить о том, что волнует ее сейчас. Она спряталась за ствол тополя, наблюдая за подъездом, откуда должна была выйти Томилова.

Первым вышел Сергей. Он резко повернулся налево и не спеша, но уверенно зашагал по тротуару вдоль улицы. Таня нервно кусала губы. Удобно ли ей затевать разговор с Анной Ивановной? Ведь дело касалось одной ее, Тани. Только ее. А вот, выходит, совет надо держать с людьми. Может, она своими расспросами сделает Анне Ивановне больно...

Она было собралась уйти, как из подъезда выбежали мальчик и девочка. Следом за ними вышла Томилова в светло-коричневой юбке и белой блузке, в бежевых туфлях на высоких каблуках. Годы не тронули ее, не изменили. «Она настоящая красавица,— отметила Таня с невольной завистью.— Куда мне до нее...» Она вышла из укрытия, подошла к Ане и спросила:

— Анна Ивановна, можно мне с вами поговорить?

Аня с удивлением оглядела женщину, затем, узнав ее, заулыбалась, шагнула навстречу.

— Таня!— Аня обняла ее.— Давно тебя не видела, очень давно!

— Вы не меняетесь, Анна Ивановна,— сказала Таня. Аня кивнула на своих детей:

— Вон свидетели того, насколько я постарела.

Детский сад был рядом. Аня отвела Костю и Светлану, вернулась.

— Ты, Танюша, словно переродилась. Я сразу не узнала. Смотрю, не младшая ли сестра твоя. Потом вспомнила, что у тебя нет никого, признала.

— Вот-вот, никого...— уцепилась Таня за удачно подвернувшееся слово.— Точно, Анна Ивановна, никого!.. Разрешите, я с вами пройдусь до шахты. Посоветоваться мне надо...

— Пожалуйста.— Аня взяла под руку Татьяну.— Зашла бы к нам, и поговорили.

— Неловко как-то... Сергей Михайлович все-таки мой начальник.

Аня рассмеялась.

— Неужели он такой злющий?

— Не в том дело...

— Так в чем же?

Таня махнула рукой.

— Я хотела поговорить только с вами, без свидетелей. Ей-богу.

— Ты что, все в бога веришь?

— Боже упаси! — Таня замахала руками. И обе женщины расхохотались. — С ним давно покончено.

Вдруг Таня помрачнела:

— Если бы не он, может быть, и Костенька остался в живых. С богом тогда все перепуталось.

С минуту они молчали. Воспоминания о прошлом на миг отодвинули настояще. Перед Таней пробежало ее детство, молитвы, поклоны, дым лампад, иконы.

— Я к вам, Анна Ивановна, вот по какому делу... — начала Таня, видя что они подходят к шахте. — Я собираюсь выйти замуж... — Она говорила с трудом, стеснялась. — Даниил Кулачков все приезжает... Помните его?

— Конечно, помню. У него прозвище было «Болтун».

Таня сдержанно усмехнулась.

— Да, да, было. Только не «Болтун», а «Брехун». Усмехнулась и Аня.

— Извини, Таня, запамятаю.

— Предлагает замуж за него выйти. — Таня вздохнула. — Знаю, любит давно. Еще при Костеньке был неравнодушен. Мне одной тоже мотаться надоело. Будем жить, как вы... — Она посмотрела на Томилову, точно проверяя, не появится ли у нее на лице осуждения или пренебрежения: дескать, то мы — у нас особый случай. Но Аня слушала внимательно. — Так вот, — продолжала смелее Таня, — я бы хотела расспросить у вас, как мне нужно вести себя: ухаживать, помогать. Знаю, они сами ходят, сами за собой следят — помню по Костеньке. А как относиться теперь, если выйду замуж, не знаю. Вы давно живете с Сергеем Михайловичем, вам уже все известно... Извините, может, вам неприятно говорить об этом... Но дать согласие Даниилу, не поговорив с вами, не могу. Сумею ли я стать ему настоящей женой?

К ее удивлению, Томилова молчала. Так она прошла несколько десятков шагов, точно отбирая выдержавшие испытание житейские истины, и наконец доверительно сказала:

— Устройство семьи — трудное дело. Семья определяет многое. От сложившихся в ней отношений зависит

настроение, целеустремленность и в целом счастье. Меня когда-то исподволь спрашивали: «Ты, наверное, бедняжка, постоянно умываешься слезами: муж-то темный». Что я им могла ответить? Скажи — живу нормально, а то и лучше многих других — примут за притворщицу. По правде признаться, мы с Сережей очень дружны, понимаем друг друга, стараемся помогать; вместе справляемся с горестями, неприятностями, вместе поддерживаем в семье веселье и радость. Конечно, наше положение, я имею в виду тех, кто живет с незрячими...

— Вот-вот,— нетерпеливо подтолкнула Таня.— Это очень важно. Вы тут как профессор. До тонкости знаете эту жизнь.

Аня как-то не замечала, сколько в ее жизни с Сергеем таилось скрытного, безмолвного, совсем необязательного в обычных семьях.

— Дело не в физической неполноценности человека,— начала она,— а важно душевное состояние его. Многие и физически здоровые люди не приносят в семью счастья. Бывают среди них и самодуры, и эгоисты, и самолюбы. Значит, надо в первую очередь смотреть, что он за человек. Безусловно, живя с незрячим, нам, женам, приходится иной раз проявлять и снисходительность и терпение.

Они дошли до здания комбината. Аня взглянула на часы и повернула назад. Затаив дыхание, Таня следовала за ней как тень.

— Не принижая их достоинства,— продолжала Аня,— мы не должны забывать, что они не видят. Нельзя, например, дергать их — то не так, это неладно. Этим мы лишний раз напоминаем им о слепоте, задеваем самое больное. Знаешь, я как-то веду Сережу и просмотрела лужу. Он ступил в нее. Я возьми да ляпни: «Ты обрызгал мне чулки». Сказала без злости, но в интонации, очевидно, прозвучал упрек. Сережа сник. Я невольно задела самое больное. Понимаешь, Таня, они очень уязвимы, живут с постоянной душевной раной. И она дает знать о себе, когда до нее дотронешься. Весь день Сережа ходил хмурый, хотя пытался сделать вид, будто ничего не случилось. Вот, казалось бы, пустяк, а поди ж ты...

Томилова и Таня долго гуляли около комбината.

Анин рассказ взволновал Таню. У нее загорелись щеки, заблестели глаза. Она закивала головой:

— Спасибо, Анна Ивановна. На днях мы с Даниилом уезжаем в город. Он там на предприятии и работу подыскал. Приезжайте на свадьбу.

— Желаю тебе и Даниилу всего хорошего! Живите согласно!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Чаще хмурилось небо. Чаще дули северные ветры, и тогда солнце дремало, светилось неживым, холодным огнем. Но всякий знает: сентябрь бывает разным — ветер сдует облака, прочистит небо, словно суконкой, и снова выкатится горячий шар на чистое небо, и от него повеет теплом. В такие дни улицы опять пестрят разноцветьем платьев, больше улыбок, уличная суeta замедляется, хочется побольше вобрать в себя возвратившегося лета.

Томилов, подобно изобретателю, готовящему на проверку свою машину, с волнением, заново и заново пересматривал все сначала.

Казалось, до этого часа шла лишь штамповка деталей, их обработка, шлифовка, сборка. И вот машина собрана, покрашена, готова к работе, к пуску. И в тебе все замирает: подаст ли она голос, забьется ли ее сердце, будет ли жить. Да, у Томилова были сейчас именно такие чувства. Хотя штаты укомплектованы, ремонт здания окончен, помещения начинены необходимым инвентарем, пособиями, мебелью.

В столовой работники кухни показывали директору электрические приборы, печь, кастрюли, сковородки, ходильное устройство. Руки Томилова, как зоркие глаза, придиричиваючи обшаривали каждую вещь, каждый предмет. Директор приказывал включать аппараты, прислушивался к жужжанию мотора. В зале столовой он спросил сопровождавшего его секретаря, повесили ли картины. Девушка ответила:

— Да, повесили.

— А что на них нарисовано?

Девушка пояснила:

— На одной — мельница, ручей, на берегу стоит мужчина в широкополой шляпе. На второй — море и вдали тонущий корабль. Третья — натюрморт: фрукты с букетом цветов.

— А как нарисовано? — поинтересовался Томилов.

Девушка неуверенно сказала:

— Две ничего... смотрятся. А морской пейзаж неудачный...

Томилов продиктовал ей:

— Заменить.

Секретарь записала в блокнот и смущенно спросила:

— В столовой будут питаться только незрячие?

— В основном да.

— Так они не увидят это. Им ведь все равно...

Томилова передернуло, будто он услышал ругательство.

— Для них, Катя, все должно быть красивым, как и для вас, зрячих. От них ничего не надо прятать. Нельзя у слепых красть мир. Пусть он всегда будет рядом. Пусть они его не видят, но познают через вас, через ваши рассказы о нем. Пусть они познают прекрасное не глазами, а воображением, мыслями, душой...

Девушка все-таки не поняла. Как это красть мир, когда, переверни те же картины тыльной стороной, незрячие все равно ничего не заметят, не узнают.

Докапываться до истины она не стала. Директор уже ощупывал оконные шторы.

— Не темные? — спросил он.

Катя ответила:

— Цвет подходящий. Рисунок не нравится — полосатый, как матрацная ткань.

Директор задал вопрос присутствующим:

— А вы что скажете?

Раздались «нет» и «да». «Так, вроде ничего...»

— У нас другого не найдется? — перебил директор, адресуясь к заведующему складом.

— Можно и сменить.

— Запишите, Катя.

Выходя на улицу, Томилов ощутил тепло и увидел свою порцию света, отпущенную ему незримыми хирургами, и прикрыл глаза, точно проглотив пьянящий напиток.

Пьянеть было от чего. И день замечательный — солнечный, яркий. И праздничная атмосфера маленького школьного городка, ожидавшего день своего рождения. Томилов направился к центральной части территории, где плескалась вода, где уже торжествующе бился фонтан. Он подошел к нему, протянул ладони, словно про-

сил подаяния, и почувствовал влагу, туманную изморось рассыпающихся струй. Оживший фонтан почему-то напомнил предприятие, вызвал легкую жалость и в то же время нетерпение — поскорей бы подошел срок открытия школы.

— Когда ко мне? — спросил Поляков. Он был назначен, по всем правилам штатной дисциплины, старшим мастером, отвечавшим за трудовое обучение.

Томилов пошел на голос.

— Веди, веди. Путь держим к тебе, Илья Максимович.

Поляков взял его под руку.

В помещении мастерской пахло свежей известью, краской, лесом.

— Первый цех, — объяснил старший мастер, точно Томилов ступил сюда новичком. — Здесь — деревообработка.

Чуткие руки директора обследовали каждый верстак из тех, что были расположены ровной шеренгой вдоль стены. К ним прочно прикреплены приспособления для распиловки, шлифовки. В полной боевой готовности лежали рубанки, пилки, пилы, фуганки, молотки. Вдоль противоположной стены аккуратными штабельками грузился заготовочный материал — доски, брусья, рейки.

— Здесь второй цех, — с благоговением назвал Поляков следующее помещение мастерской. — Это группа металлорежущих станков. За ней — прессы. Попробовать? — спросил он и, не ожидая разрешения, включил один из них.

Охнул механизм, пуансон смачно чавкнул. Еще, еще... На ладонь Томилова Поляков положил готовые колечки шайбы. Ничего особенного, никакой сложности, а душа Томилова-производственника затрепетала от удовольствия.

— Прекрасно! — с оттенком грусти похвалил он. Не шайбы, не штамповки были основной работой их школы. А совсем иное — незримое, не управляемое электричеством, не покоряющееся станкам.

В учебном корпусе Томилова ожидали преподаватели во главе с Ильиной, назначенной, тоже по всем правилам, заведующей учебной частью.

— А ну-ка посмотрим, к чему готовы наши «профессионалы», — шутливо обратился к ним Томилов. — Кто из вас назначается гидом?

— Слово предоставим инструктору по ориентировке Ефиму Аркадьевичу, — назвала Надежда Васильевна.

— А-а, товарищ Арский. Приветствуя!

Томилову вдвойне приятно было услышать имя этого человека. Бывший мелкий торговец-одиночка, спекулянт, любивший прихвастинуть своим незадачливым прошлым, под воздействием неумолимого коллектива стал сам воспитателем, педагогом. Нелегко пришлось Арскому на этом сложном пути. Окончив на предприятии школу рабочей молодежи, он переехал в областной центр, чтобы поступить в педагогический институт. Но знания оказались непрочными. На экзаменах он срезался. Неудача не остановила его. Устроившись на работу в Общество слепых надомников, он с усердием снова стал готовиться к вступительным экзаменам. Неудача повторилась. Арский не набрал проходного балла. Отчаявшись, он бросил домашнее производство — клейку бумажных кульков, перешел на предприятие. Перенапряженное остаточное зрение за два года подготовки в институт начало таять. Он стал бояться дороги, ходил осторожно, медленно. Молодая женщина, одинокая, работающая в цехе учетчицей, жалела слепнущего Ефима, провожала до дома, встречала с работы. Они посещали вместе клуб общества, ходили в театр, а потом поженились. Вдвоем с женой окончательную потерю зрения Арский принял без особой боли. Стараясь поддержать Ефима Аркадьевича, областная школа слепых предложила ему работу учителя чтения и письма по шрифту Брайля. Подготовка к урокам, занятия с учащимися, общение с преподавателями отвлекали. Дома заботилась о нем жена, помогала составлять планы, читать газеты и журналы. И хотя у Арского порой было тяжко на душе — день мутнел, электрические лампочки обволакивал туман, цвета бледнели, словно их вымывали раствором, — он держался, не показывал своей боли, подстраивался под настроение других. С рождением дочки Ефим Аркадьевич воспрял духом.

Подбирая кандидатуру на преподавание ориентировки, Томилов вспомнил о Ефиме, потерявшем зрение постепенно, значит, ориентировку он познавал незаметно для себя, познавал по-особому, перекладывая види-

мое на осязаемое твердо, навсегда. Кандидатура была самой подходящей.

— Начнем с класса наглядных пособий,— объявил Арский. Его хриплый голос называл: «Виды животных», «Транспорт», «Макеты зданий», «Рельефные схемы», «Рельефные географические карты».

Томилов представил себя учеником и попробовал по-иному отнестись к осязаемому восприятию. Он с особой тщательностью стал ощупывать каждую игрушечную вещь, каждый макет. Достаточно ли того, чтобы этими средствами хотя бы частично воссоздать представление об окружающем мире, кажущемся столь обычным, простым для зрячих? Попадавшие в руки предметы тут же взывали к зрительной памяти, и ощупываемая вещица представляла в натуральном виде. А как будут все это представлять слепые с детства, которые никогда не видели ни предметов, ни красок, ни пространственности? Их фантазия не сможет стать союзником осязания, не сможет помочь им раскрасить ощупываемое, придать ему объемность. Очередная задача: как зажечь на том вечно черном экране искорку живого представления, чтобы приблизить воображаемое к настоящему?

В конце комнаты имитировались полки вагонов — нижняя и верхняя, кресла самолета, по одному сиденью автобуса, трамвая, легковой машины.

Томилов проверил верхнюю полку. Она опрокидывалась точно так же, как в купе вагона. Сев в кресло самолета и нажав кнопку в подлокотнике, он вместе со спинкой слегка подался назад.

— Все так, как есть в действительности,— одобрил он.

— Теперь пойдемте на второй этаж,— распоряжался Арский.— Класс домоводства, Сергей Михайлович,— объявил он, заставив улыбнуться Томилова — ему указывали словно постороннему, тогда как без его участия не было сделано ни одного чертежа, не приобретено ни одной вещи.

Ничего не пропуская, проверяя каждое приспособление, инструменты, приборы, он думал о том, как скоро, очень скоро, здесь будут суетиться учащиеся, осваивать мудреную науку самообслуживания: будут гладить, заниматься штопкой, ремонтом одежды, вязать, кроить, шить, а в отдельной комнате — готовить пищу. Пожа-

луйста — электроплита, газовая печка, кухонный инвентарь, продукты.

— Теперь мы вошли в класс машинописи.— Голос Арского глушился коврами на полу и обитыми сукном стенами. На небольших столиках стояли пишущие машинки. Директор сел за одну из них, нажал на клавиш, раздался мягкий щелчок.

— Мне тоже не мешает поучиться. Долго надо осваивать это?— спросил он преподавателя машинописи.

— Кому как,— ответила женщина.— Смотря по способностям. А вот какими темпами будут осваивать эту технику незрячие, сказать не могу, дело для меня незнакомое.

«А кому знакомо вообще оно, все наше дело?» — погоревал про себя Томилов. А вслух подбодрил:

— Ничего, и наши овладеют.

Долго проходил осмотр подготовленного к открытию необычного заведения.

Томилов устал и объявил перерыв на обед. То, что он обошел, радовало. Учебное хозяйство выглядело внушительно, было прекрасно оборудовано. Но с укомплектованием педагогического персонала дело обстояло неважно. Из учителей по ориентировке ни одного с высшим образованием. Среди мастеров диплом мастера-техника имел один — Поляков. Остальные — практики, и агитировать их за повышение образования бесполезно. В итоге — профессиональных педагогов всего-навсего трое: по предмету домоводства, освоению шрифта Брайля и завуч Ильина.

В конторе Томилову вручили телеграмму: «Выезжают представители ЦП и институтов. Программа основном принята. Окончательная корректировка на месте».

— Фью! — присвистнул он.— Представители центрального правления и институтов! Здорово! Теперь я кум королю. Такая помощь!.. Ну что ж, да здравствуют дорогие гости! Значит, наша школа приобретает важное значение.

Пешеходные дорожки Томилов решил проверить самостоятельно, без подсказок инструкторов. От конторы, столовой, Дома культуры, учебного корпуса, мастерской — асфальтированные дорожки сходились в центре у фонтана. От главной дороги отходила еще серая полоска асфальта и тянулась вдоль всей ограды. Эта дорожка имела плавкие спуски и подъемы, местами по обе

стороны ее росли деревья, местами стояли стены домов. Кое-где ее пересекали другие дорожки, копируя пересечение улиц. В случае потери ориентира ученик должен был свернуть по ним вправо и неизбежно попасть к фонтану.

От крыльца конторы Томилов пошел прямо и через несколько метров услышал плеск фонтана. «Прекрасный маяк. Жаль, что нельзя будет использовать его зимой. Ничего, проведем сюда радио...»

На следующий день директора встретила неожиданная весть: «Прибыл первый учащийся». У Томилова забилось сердце.

— Кто он? — в замешательстве спросил директор.

Секретарь пояснила:

— Не он, а она.

Вскоре в кабинет зашли Ильина, Поляков, жена Арского — Елена Алексеевна.

— Сергей Михайлович, началось!.. — заговорила Надежда Васильевна. — Первая ласточка! По ней в основном будем судить об остальных.

Действительно, первый ученик слабо открывал то загадочное, что волновало всех: какие они?

— Что мне делать с ней? — спросил Поляков, прикидывая, за какой верстак поставить первую ученицу.

Бухгалтер Арская обратилась со своим вопросом:

— Можно ставить новеньką на довольствие?

Все так давно ждали этого момента, а сейчас растерялись.

— Вы, — Томилов обратился к бухгалтеру, — оформляйте. Дайте команду столовой — организовать трехразовое питание. Теперь учащиеся начнут прибывать ежедневно. А к вам, — он повернулся к старшему мастеру, — она попадет вряд ли. Женщин зайдем другим видом труда. А вы, Надежда Васильевна, познакомьтесь с ее общим уровнем развития, умеет ли по-нашему читать, писать.

Когда все вышли, он попросил секретаря принести дело на прибывшую ученицу.

С первых же строчек сопроводительной записи правления было ясно: экземпляр тяжелый, травмирован глубоко, приведен в крайнюю депрессию. Документы составлены добросовестно. К обязательному перечню ка-

зенных бумаг даже приложен выборочный обзор писем ученицы к матери.

— «Елизавета Дмитриевна Трошина,— читала секретарь.— Тридцатого года рождения...»

Томилов перебил:

— Хорошо. Биографическую справку потом. Прочти-ка сначала письмо.

— «Мамочка! Вчера я провела сложную операцию. И, знаешь, перед началом у меня замерло сердце, будто мне предстояло сдать экзамен по неподготовленному материалу. Не пугайся, все обошлось наилучшим образом. Признаюсь, и только тебе, любая операция вызывает во мне какое-то возыщенное волнение. Передо мной глаз — наверное, самое тонкое, ювелирное создание природы. Когда смотришь в зрачок на желтое пятно, кажется, ты глядишь в глубокий, глубокий колодец с загадочным дном. Так как же тут не оробеешь, если на тебя ложится такая ответственность...»

«...Мамочка! Тот больной, о котором я писала в предыдущем письме, чувствует себя прекрасно. Глаз видит! Завтра снова операционный день. А там — в отпуск. Устала. На этот раз отправлюсь к Васе. Он затребовал меня к себе, в геологоразведочную партию. Они где-то в горах, ищут какую-то руду. Месяц и я побуду геологом-любителем, подышу тайгой, покопчусь у костра, покормлю комаров. В общем — соблазнилась экзотикой...»

«...Мамочка! Пишу из джунглей. Знала бы ты, как тут чудесно! Небо чистое, чистое. А дома у нас оно серое, закопченное. Дожди и те не похожи — какие-то пахучие. Днем Вася с геологами бродит по тайге. Здесь горы так густо обросли деревьями, что не пролезешь. Я готовлю обеды, точнее, помогаю. Поварить есть кому по штату. Хожу гулять в лес, но недалеко — страшно, недолго заблудиться. Ты знаешь, какая я трусиха. Сижу сейчас на каменном выступе и смотрю, смотрю. Отсюда виден широчайший простор. В этом месте, где я сижу, лес расти почему-то не захотел — образовалась пещина, будто выстриг лишай. Впереди меня горизонт в дымке и два белых облачка, как два лебедя, приплывших к берегу. А небо — ну озеро и озеро! Кругом леса и леса... Будто вся земля заросла. Ни одного домика. Внизу, подо мной, река — узенькая, но такая своеенравная, что перебраться через нее и не пытайся. Василий

обещал сводить меня на рыбалку в верховые речушки, там водится хариус. Говорят, по вкусу он похож на форель. Форель я не пробовала, но мне кажется, лучше хариуса рыбы нет. У нас его часто подают на завтрак...»

«...Не плачь, мамочка, не страдай. Побереги себя. Я долго молчала — сил не было... Да и с того света письма не пишут. Но я все-таки собралась... Диктую сестре...»

Секретарь Катя прервала чтение. Томилов прикусил губу.

— Читай дальше... — тихо попросил он.

— «...Наберись мужества, — продолжала читать девушка, — ты должна узнать правду от меня. Моя история не из обычных. Василий выполнил свое обещание. Мы поднялись вверх по реке, поставили палатку, разожгли костер, поели, и он пошел искать место для рыбалки. Я ждала, ждала, решила посмотреть заросли кедра. Кедрач был совсем недалеко. Походила и направилась обратно. Чувствую, палатка где-то рядом, а выйти на берег не могу. Забрела в такую чащу, что ничего не видно. Я начала кричать... Стала пробираться вперед. Вышла на поляну, облегченно вздохнула и тут же окаменела: почти рядом огромная мохнатая медведица, рядом два маленьких. Малыши посмотрели на меня и продолжили игру, а медведица угрожающе зарычала и ринулась ко мне. У меня словно сознание выключилось, не могу двинуться. Наконец опомнилась, закричала, попыталась бежать. Медведица свалила меня. Очнулась я в лагере. На той поляне меня нашел Василий, услыхал крик. На вертолете доставили в больницу. А потом, мамочка, я узнала о своем несчастье... Зверь мне повредил глаза. Лучше бы сразу насмерть. Признаюсь, бывают всякие минуты. Иной раз бродят пакостные мысли. Куда мне?.. Что делать?.. Я мертва. То, что когда-то сама лечила, то, чему посвятила свою жизнь, теперь потеряла. Того, за что боролась, теперь нет у самой. Так что же осталось во мне?.. Тебя жаль. Я люблю тебя. На днях приедет Василий. Не знаю, как он отнесется ко мне, а я подготовила ему твердое слово...»

«...Мамочка, единственная моя мамочка! Ну что же, побывал Василий. Он убит. Пробовал подбодрить меня. Это меня, глазного врача, он утешает. Нет, тут все безнадежно. Василия мучает чувство вины передо мной.

Я уверяю его, что он не виноват, что я сама была неосторожна. Он успокаивается. Я уловила это. Василий клялся, что не оставит меня. Я сказала: «Плачать обо мне некому, детей нет, а тебе обузой не стану. Ты свободен». Он пытался уговаривать снова... К чему? Для его жизни я теперь помеха. Считаю, поступила правильно...»

Томилов словно потерял слух, будто все вокруг остановилось, отвердело, умерло. Теперь он не видел и не слышал. Нелепая судьба несчастной женщины вернула его к своему несчастью. Он узнал и свои личные муки. Да, в то время, после аварии, он точно так же стонал, так же ненавидел жизнь, так же беспощадно терзал себя, навсегда уходя во тьму. Но его буйство длилось недолго. Вернувшись из клиники домой, он примирился с неизбежным. Помогла Аня, работа, помог коллектив. А у этой женщины рана куда опаснее.

— Сколько она без зрения? — спросил он Катю.

Никто не ответил. Видя, как директор изменился в лице, напрягся и беззвучно зашевелил губами, она осторожно вышла.

Он позвонил. Секретарь вошла.

— Слушаю, Сергей Михайлович.

— Сколько она без зрения была дома?

Девушка полистала бумаги.

— Месяц.

— Месяц, — повторил Томилов. И это прозвучало как эхо. «Месяц...» — еще раз повторил он уже про себя. — Пригласите ее ко мне на беседу, — приказал он, выходя из оцепенения.

Томилов беспокойно ходил по кабинету, прислушивался, когда за дверью прозвучит незнакомый голос той женщины, о которой узнал только что по отрывкам из ее писем. Он подбирал вопросы, утешения и тут же все перечеркивал. Получалось не то — сухо, по-книжному, наигранно. К нему должна была войти врач, сама когда-то прибегавшая к утешениям и уговорам.

— Здравствуйте! — отрывисто сказала входя Трошшина.

— Проходите. Садитесь, пожалуйста, — пригласил директор. — Катя проводи. — Шаги к столу. Отодвинут стул. Села. Открылась и закрылась дверь. Вышла Катя.

Томилов следил, читал по слуховой азбуке.— Как доехали?— спросил он с теми мягкими интонациями в голосе, с которыми обращаются к близким знакомым.

— Спасибо,— с некоторым удивлением ответила Тропшина.

— Как вас устроили? Вы довольны?

— Я много не требую.— Голос женщины неприветливый, капризный, злой.— Меня почти насилием привезли... Мама уговорила... Ради нее...

— Ну зачем вы так!— подхватил Томилов— Вам у нас понравится.

— Предупреждаю: без всяких там агитаций. Не могу слышать убаюкивающие проповеди. Я достаточно взрослая, чтобы иметь собственные, неприкословенные понятия.

— Мы здесь, Елизавета Дмитриевна, ничьи убеждения не отнимаем. У нас цель другая— помочь...— Томилов старался не задеть самолюбия ученицы.

— Тоже не надо. Бесполезно,— перебила собеседница.— Ничего не надо! Я для мамы отбуду срок заключения, и все. С меня достаточно. Помогайте другим! На меня время не тратьте.

Томилов начинал терять ниточку беседы.

— Напрасно вы, Елизавета Дмитриевна, так агрессивно настроены к школе. Я прошел по той же дорожке...

— И это знаю,— уже с раздражением вставила Тропшина,— все начинают со своей необычной истории. Ко мне посыпали только таких. Ну что вы от меня хотите? Я свое отжила, отработала. Мне глаза невозможно вернуть. Вам по обязанности положено произносить вдохновенные речи, вам за них деньги платят, произносите, я не против. Иначе получите выговор. Произносите, но только не мне. Я слушать не стану. Не нравится? Отправьте. Перед мамой оправдаюсь. Скажу, таких не лечат.

«Вот он, первый, крепкий орешек! Попробуй раскуси. Да, личные примеры хороши в бою, где угодно, только не для этой женщины». Томилов не знал, расспрашивать ли дальше о ее жизни, чтобы узнать, чему бы она хотела научиться.

— Вы ориентируетесь? Ну хотя бы в передвижении?— спросил он.

Под Елизаветой Дмитриевной проскрипел стул.

— Я не червь, чтобы ползать! — обиделась она.— Прошу, проводите меня до двери.

Странное совпадение: Томилов в первые дни слепоты тоже отождествлял себя с червем.

В приемной Катя взяла Трошину под руку, повела в общежитие. Директор позвонил Ильиной:

— Надежда Васильевна! Психолог из меня никудышный. Первый ученик — и сразу провал. Пожалуйста, возьмите под личную опеку. Может быть, у вас получится лучше. Пусть она временно поживет в свободившейся комнате Татьяны, под вашим наблюдением. В одиночестве кто знает, какие мысли придут ей на ум.

Как только Трошина вошла в квартиру, Надежда Васильевна тут же поняла, что она не имеет даже элементарных навыков ориентировки, никогда не прибегала к самообслуживанию. Любящая мама нянчила, оберегала ее покой. Трошина даже не попыталась снять плащ, повесить его.

Для ознакомления с квартирой Надежда Васильевна провела ее на кухню, в ванную комнату, дала ей пощупать, где и что лежит. В комнате Тани она показала тумбочку, стол, кровать, два стула. На один из них предложила ей сесть, а сама вышла в коридор и оттуда через открытую дверь позвала:

— Идите ко мне, поинтересуйтесь, как я живу?

Трошина не сдвинулась с места.

— Странно, куда же я пойду?

Надежда Васильевна тоже не двигалась.

— Идите сюда, не бойтесь. Идите на голос. Идите, идите! Я буду непрерывно говорить.

Настойчивость Ильиной, ее нетерпение заставили Елизавету Дмитриевну повиноваться. Она шаркающей походкой приблизилась к дверному проему, спросила:

— Где вы?

— Идите прямо! Смелее, сюда, сюда,— подсказывала Ильина.

— В незнакомых местах я ориентируюсь очень плохо,— оправдывалась Трошина.— Дома еще более или менее хожу,— она ткнулась протянутой рукой в грудь Надежде Васильевне.

— Ну, вот и дошли,— похвалила хозяйка.— Теперь запомните: направо дверь в ванную, прямо — на кухню, влево — ко мне. Проходите.— Она нарочно отодвинулась, пропуская вперед Трошину.— Идите смелее.—

Оять шаркающие шаги. Елизавета Дмитриевна пробиралась вперед, как через густые заросли. «Пусть насткнется на стул, ничего, постепенно привыкнет». Трошина задела за что-то ногой. Ощупала. Кресло. Она постояла, как бы осмысливая, что делать дальше, затем села — осторожно, словно боясь подвоха.

Надежда Васильевна загремела посудой.

— Сейчас поужинаем.

Трошина спросила:

— Вы совсем зрячая?

— Что вы! — засмеялась Ильина.

— Вы немного видите? — допытывалась Елизавета Дмитриевна, не понимая, как можно смеяться в таком положении. Ведь кощунственно: слепая — и вдруг смех.

Надежда Васильевна простодушно призналась:

— Я слепая на все сто. Не вижу с детства.

Елизавета Дмитриевна недоверчиво хмыкнула:

— Тогда каким же образом вы так прекрасно владеете собой? Я, например, потеряла себя совсем. Потерялась в пространстве. А ведь я помню и представляю себе это пространство.

— Пустяки! — Надежда Васильевна не прерывала хлопот. На стол из буфета переселялись розетки с вареньем, тарелки, ложки, вилки. — Здесь у нас всему научитесь. Будете обслуживать себя не хуже, чем я.

У Трошиной заныло в груди, словно туда проник скальпель хирурга, пытаясь извлечь успевший осумковаться осколок, который вонзился с потерей зрения. Она не хотела отдавать этот осколок, свою боль. Ее существование уже сжалось с ним. Она жестко, упрямо отпечатала:

— Меня не троньте! Перевоспитывать поздно. Моя болезнь хроническая. Я недолго буду надоедать вам. Побуду и уеду. Нужно утешить мамину прихоть.

Домой Томилов шел удрученный, уставший. Школа готова к началу работы, можно радоваться, но радости не было. Трошина Елизавета Дмитриевна, тридцатого года рождения... Приехала, видите ли, только затем, чтобы утешить мать. Спрашивается: за каким чертом тогда нужна вся эта школа, затраты, изматывающая нервы работа? Оказывается, всего-навсего для утешения кого-то. А он ожидал, что к ним будут поступать обиженные судьбой ученики с нетерпеливой просьбой —

спасти их от беспомощности, научить жить. Для успешного обучения прежде всего нужны желание самого ученика, его настойчивость. А тут. Обидно, что затраченная энергия не оценивалась теми, кому приготовили школу. Конечно, будут поступать и не обязательно такие, как Трошина. У каждого свой характер, свое отношение к учебе, и все-таки первый ученик испортил Томилову настроение. Первая встреча выявила, что он совсем не знает психологии. Да, он производственник, а не педагог... И недостаточно иметь учебную программу, наглядные пособия. Тут важнее эмоциональные факторы. «Если бы я окончил педагогический институт,— посетовал он и поправился:— Кто знал, что случится со мной такое?»

— Тебе подарок, Сережа,— встретила его Аня.

Сергей взял стопку говорящих книг.

— Что, привезли из областной библиотеки?— спросил он и прикинул, сколько потребуется времени на прослушивание: «Часов на сорок, не менее».— Какие подобрала?

— Всякие...— в голосе Ани было что-то лукавое.

— А точнее?

И та же лукавинка.

— Отгадай?

— Тут я— не маг. Мысли на расстоянии не отгадываю.

— Я тебе принесла то, что ты просил,— уже серьезно пояснила Аня.— Всякими правдами и неправдами достала книги по твоему списку.

Когда он включил магнитофон, приготовясь услышать басок Ивана Ивановича, вдруг замер: читала Аня. Ее нежный, мягкий голос назвал книгу и полился дальше, уверенный, ясный. Сергей нажал на клавиш, выключил запись и тихо, благодарно сказал:

— Спасибо! Когда ты успела?

— Когда?— удивленно переспросила Аня.— До работы, в обед прибегала. Потом тайком по вечерам. Ты приходил утомленный, спал, а я читала.

— А Иван Иванович?

Сергей не видел, как Аня сокрушенно махнула рукой.

— Мучился, мучился, бросил. Говорит: «Как поставлю перед собой микрофон, так словно деревенею. Ни буквы, ни точки не вижу и горожу околесицу». Мама

ему говорит: «Ты язык-то другим концом переставил, он не выговаривает».

Сергей расхохотался.

— Бедный Иван Иванович! За муки — и такая ирония.— Он взял захваченную с работы папку.— Ты развеселила меня. А знала бы, каким я пришел. Старались, старались, из кожи лезли, чтобы сделать все как лучше — и на тебе! Сюрприз. Первая же ученица и чихает на все. Прочти. Я специально прихватил для тебя. Вот ее дело. Перед ней я оказался профаном. Что будет с остальными — не знаю.

Аня прочитала выдержки из писем и ужаснулась.

— Бедная женщина!.. Врач. Сама окулист и осталась без глаз. Как жестоко! Ты прости ее. Не надоедай нравоучениями, терпи. Оценка вашему труду придет позже. Слышишь, какое у нее состояние? Крик души. Вы, мужчины, такое переносите легче. Женщинам труднее. Прошу тебя, отнесись к ней по-особому. Не по-директорски, не по-казанному, а по-человечески.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Школа возвращения к жизни слепых заполнялась учащимися. Они прибывали с Урала, с юга, из Заполярья, прибывали люди, разные по возрасту, образованию, приспособленности к жизни. Всюду стало людно. Начат путь, начато движение. Что там впереди?

Томилову некогда вздохнуть. Новичков надлежало принять, с каждым поговорить.

Сергей успевал запоминать лишь самое необходимое из данных характеристик и биографий будущих учеников. «Потом разберусь. Потом с каждой по-настоящему познакомлюсь». Одни выходили, тут же входили другие. Одни молчаливые, флегматичные, вторые болтливые, любившие при удобном случае почесать языки, третьи замкнутые, переполненные сарказмом. Этим лишь бы улучить момент, чтобы вставить шпильку. Были и такие, которые вели себя корректно, на вопросы отвечали охотно, на школу смотрели по-доброму. Томилова интересовала причина потери зрения, и он удивился, сколько всяких случайностей подстерегает человека и его глаза.

Глаукома — коварная, хитрая болезнь. Кто ее прихватит вовремя, считай, тому повезло. Подрывник перепутал шпуры, и тот ящик с толом, который должен

взорваться в скале, остался целым, а разорвался второй, находящийся рядом...

Председатель колхоза рано утром на мотоцикле объезжал поля. Плотный туман окутал речушку. Председатель знал каждую тропку, мог передвигаться в темноте. Он направил мотоцикл на мостик, оказалось, вчера вечером его разобрали на ремонт. Мотоцикл свалился в речушку... Водитель жив, а глаза...

Пятнадцатилетний паренек катался на лыжах, упал, наткнулся на палку...

Были случаи еще нелепее: завмаг сельпо стал приходить домой пьяным, дебоширил. Жена не вытерпела, решила поучить, вроде бы слегка стукнула поленом по голове...

А сколько слепых от рождения? Они вообще не имеют понятия о свете, красках. Для них зримый мир мертв. Его просто никогда не было. О нем существуют всего-навсего названия: светлое, темное, красное, зеленое, улыбающееся, плачущее. Одни звуки, и никаких зрительных эмоций. Может быть, таким слепым не так обидно, не так больно не видеть солнечного света, им он неизвестен. А тем, которые видели, любовались рассветами, закатами, цветами и деревьями, видели буйство красок, видели все собственными глазами и... Да, таким, конечно, труднее. Сергей знает по себе. Нет-нет да и теперь забредет к нему в душу щемящая, ноющая тоска. И так захочется посмотреть, увидеть то, что существует вокруг тебя в красках и пространстве! И ты от беспомощности готов разрыдаться.

Последний за сегодняшний день ученик оказался любопытным человеком. Военный летчик. Вот и война еще дает о себе знать. Этот ветеран — ее живой свидетель. Война давно кончилась, а страдания человека остались. Не зажили раны. Летчик живет, поскольку надо жить. Его здоровые руки, ноги, голова, по его понятию, — никому не нужные атрибуты.

«Завтра побеседовать подробнее», — записал себе в памятку директор.

Он позвонил Ильиной.

— Здравствуйте, Надежда Васильевна! Как у вас дела?

Ильина рассмеялась:

— Так же, как у вас. Занята по горло. Третий день не обедаю.

Томилову хотелось поругать ее за самоистязание, но промолчал. Он сам обходится без обеда не один день.

— О Трошиной что-нибудь новое скажете? — спросил он.

— Ничего. Учиться не хочёт, упирается. Говорят: «Я не ребенок и не робот...» А большинство учащихся... — у Надежды Васильевны в голосе появилась веселость. — Большинство сразу всем заинтересовалось. Правда, слушают недоверчиво, но к обучению тем не менее относятся внимательно.

Повесив трубку, Томилов задумался. Как расшевелить этого бывшего врача? Неужели она «заморожена» навсегда? Неужели на ее окаменелость не существует никакого психологического препарата?

Домой Сергея проводила секретарь Катя. Такой голове, какая у него была сейчас, доверять опасно. Не раз после нервной перегрузки он терял ориентиры и подолгу блуждал.

В коридоре никого. Обычно, когда Аня приходила раньше, она обязательно встречала его. Слышится ее голос. Дома. А это чай, грудной, сильный? Он не поверил своим ушам. Говорила Трошина! Да, да, ошибки быть не могло. Говорила Елизавета Дмитриевна. Как она попала сюда, зачем? Скажи кто-нибудь часом раньше, что у них в квартире Трошина, а луна свалилась на землю, так он скорее поверил бы второму. Собеседницы не слышали, как щелкнула дверь, а пройти незамеченным к себе в комнату невозможно. Разговор сразу прервется. А он, может быть, имеет наиважнейшее значение. Скоро должны прибежать из садика дети. За ними ходят дед или бабушка. Тут монополия. И ни Аня, ни Сергей не нарушали установленный запрет. «Спущусь к старикам, подожду ребятишек».

Аня никак не могла отвязаться от мысли об ослепшем враче — Трошиной. Выдавая книги и журналы читателям, она рассеянно спрашивала: «Что вам?» — и спохватывалась: «Ах, о войне...» или: «Ах, из новинок по автоматике...» Читатели уходили, она садилась за свой рабочий столик и снова думала о Трошиной. Аня много видела незрячих, разных: и хорошо приспособленных к жизни, и ориентирующихся с трудом. По мере своих возможностей она помогала им: вела кружок домовод-

ства, женщин учила стряпать, при предприятии создала библиотеку-передвижку, помогала устраивать читательские конференции, литературные вечера. Люди с интересом откликались на любое предлагаемое мероприятие, с учтивостью принимали любую помощь. И вот — Трошина. Она заставила себя выключиться из окружающей жизни, замуровалась во тьме, считая все то, что происходило вокруг нее, чужим, посторонним, далеким, недосыгаемым. Сергей не зря обеспокоен и терзается бессилием. Трошина может бросить школу, осться тем, кем она стала после потери зрения. Отпустить ее в таком виде ни Сергей, ни Аня, ни школа не имеют права. Но как подать ей руку помощи, если она категорически отвергает ее?

И Аня решилась на дерзкий ход.

Закончив работу пораньше, она пошла в школу. По дороге репетировала встречу, подбирала внушительные аргументы, сочиняла диалоги, перестраивала их, отменяла, заново сочиняла и у самых ворот бывшего предприятия перечеркнула все — будь что будет.

Елизавета Дмитриевна была у себя в комнате, сидела у стола, приютив кулаки в коленях. Трошина не пошевелилась и тогда, когда Аня подошла ближе. Ее ничто не трогало.

— Здравствуйте, Елизавета Дмитриевна! Я вошла без стука, у вас двери открыты.

От неожиданного голоса Трошина не вздрогнула, не засуетилась, только повернула голову на звук и холодно сказала:

— Здравствуйте. Вы снова за мной. Так я снова повторяю: оставьте меня в покое. Я никуда не пойду.— Она выпрямилась, медленно поднялась, высокая, ширококостная, белолицая, со шрамом на лбу — наверняка следы медвежьей лапы. Если бы не узкие щелки полузакрытых глаз, какой бы она была?..

Аня слегка струхнула. Она представила себе, как Елизавета Дмитриевна вот так же гордо, величественно стояла в операционной перед больным. Прежняя Трошина — врач-окулист, волевая, независимая, — сломлена... Может быть, ее замкнутость и есть проявление силы воли. А может быть, прежняя крепость духа еще не успела проявиться в новом качестве. Всякое может быть.

— Я — Томилова. Жена директора школы Сергея Михайловича.

По лицу Трошиной пробежало недоумение. Такой визит несколько озадачил ее.

— Что вы хотите?.. — Трошина села и как-то сразу сникла.

Аня почувствовала себя увереннее. Теперь перед ней снова сидела обыкновенная женщина с устоявшейся печалью в потухших, безжизненных глазах.

— Я пришла пригласить вас к себе... — заспешила она, опасаясь, что Трошина опередит ее невысказанные доводы, пришедшие в голову сейчас, в последнюю минуту. — Здесь говорить как-то неудобно. А мне надо с вами посоветоваться как с врачом... У моего мужа после многолетней слепоты вдруг появилось светоощущение. Были с ним на консультации — ничего утешительного не сказали. Я вот все никак не могу успокоиться... Хотела спросить у вас, куда и как обратиться? И надо ли вообще мучить его?

Аня не ошиблась. Ее просительный тон, тревога взволновали Трошину, задели профессиональное самолюбие врача. Ее бледные щеки порозовели, с губ сошла обидчивая капризная гримаса. Ее звали на помощь!

— Но я... — Елизавета Дмитриевна подбирала слова. — Я плохо передвигаюсь... Спрашивайте, я попытаюсь ответить, стать вам чем-нибудь полезной...

Аня ободрилась.

— Пойдемте все-таки к нам. Мы живем недалеко. Я вас проведу туда и обратно. К тому же вы прогуляетесь.

— Как-то неудобно обременять вас...

Аня воспользовалась колебаниями Трошиной.

— Что вы, Елизавета Дмитриевна! Вы извините меня за беспокойство! Пойдемте. Не бойтесь: я доведу вас аккуратненько — имею практику, научилась.

Следя, чтобы Трошина не споткнулась, Аня вела ее медленно, с предусмотрительной осторожностью. На улице Елизавета Дмитриевна вцепилась обеими руками в руку Ани. По их напряженности, судорожности Аня определила: на дальние расстояния ходит от случая к случаю. Идти с Сергеем не представляло никакой трудности. Она зачастую забывала, что рядом с нею идет незрячий. Он, слегка касаясь ее руки, шагал непринужденно, легко, интуитивно улавливая каждое ее движение.

ние, и привычно подчинялся ей. Эту же приходилось буксировать, держаться все время настороже.

У поворота на главное шоссе Елизавета Дмитриевна дернулась, резко бросилась в сторону.

— Вы что? — спросила Аня, не сразу сообразив, в чем дело.

— Машина идет... — стесняясь, пояснила Елизавета Дмитриевна.

— Пусть идет. Я ведь вижу. Не бойтесь, она не заденет нас.

— Рефлекс... — Трошина успокоилась. — Знаете, я не привычна к сумасшедшему городскому движению. Боюсь чего-то. Слышу, идут машины, и мне кажется — непременно сбьют.

— Что вы! Зачем так... — осторожно упрекнула Аня. — Мой муж здесь на работу и с работы ходит один.

Трошина даже приостановилась.

— Вы смеетесь надо мной?..

— Честное слово, Елизавета Дмитриевна, не смеюсь. В зданиях школы раньше было предприятие, так его рабочие почти все ходили по поселку без сопровождающих. Многие из них ездили одни в областной город.

Трошина недоверчиво забормотала:

— Чудеса, чудеса... Не представляю... Боюсь верить.

Снова подсказки: «Перешагните через порог». «Перед нами лестница наверх. Выше ногу». «Это площадка... Опять ступеньки». И Елизавета Дмитриевна с боем нащупывает носком туфли ступеньки, ставит ногу. «Выше... Выше, снова площадка».

— Вы не можете представить себе, как я устала, — с удовлетворенной ворчливостью пожаловалась Трошина.

Они сидели на диване вдвоем в комнате, перебрасываясь пока ничего не значащими фразами. Аня успела сбегать к матери, пригласить ее. И Валентина Алексеевна по-хозяйски орудовала на кухне.

— Вам, Елизавета Дмитриевна, надо учиться премудростям незрячих. Обязательно надо. Их немало, — устанавливая на тумбочку магнитофон, советовала Аня.

Трошина иронически поддержала:

— Куда там!.. На каждом шагу. Всюду целая наука...

— А что, пожалуй, действительно целая наука, — серьезно подтвердила Аня. — И нелегкая наука.

Трошина сомкнула веки, поморщилась, точно от зубной боли.

— Все это, Анна Ивановна, общие формулы. Для преодоления препятствий нужны силы, нужна страсть. У меня нет ни того, ни другого. Слишком сложны препятствия, которые стоят передо мной.— Она открыла глаза.— Освоить премудрости... Все на свете относительно. Я тоже беззаботно выдавала больным подобные рекомендации, не жалела этих рецептов. Подойдешь к неудачнику, для которого операция оказалась бесполезной, подсядешь к нему на кровать и толкуешь: «Больше жизни...», «Приспособиши...», «Держись!..» Это говорила я, врач, а не больной. Сейчас я так не скажу. Тогда что: посочувствуешь, и кажется, слова-то нужные подобрала, от сердца, а выйдешь из палаты, зайдешь к другому больному, который после операции стал зрячим, и всему твоему сочувствию — прош цена... Поэтому, Анна Ивановна, я не могу слушать утешения. Я теперь присутствую в жизни в двух лицах — и врачом, и больным, и ненавижу того врача, который так свободно выдавал проникновенные наставления, сам не имея ни малейшего представления о подлинной сущности несчастья больного. Мне стыдно сейчас за те пустые фразы. Надо бы лучше молчать — так честнее.— Ее губы дрогнули.— Никому не понять меня, никому не ощутить малейшей должики того, что глыбой лежит тут.— Елизавета Дмитриевна ткнула пальцем себя в грудь.— Вы не поймете меня...

Если Трошина гасла, Аня, наоборот, загоралась. Бессиление собеседницы подбавляло ей энергии.

— Вы обижаете меня, Елизавета Дмитриевна!— Аня говорила несколько сурово, осуждающе.— Вы ненавидите себя за щедрые рецепты в прошлом. Может быть, в чем-то вы и правы. Но тогда вам не было знакомо истинное состояние человека, лишившегося зрения.— Она понизила голос.— Но я-то вам говорю не вашими советами, не языком врача, а чувствами того, кто прожил рядом с незрячим немало лет. Мой муж был инженером на шахте. Авария случилась, когда мы не были еще женатыми. И не думайте, дорогая Елизавета Дмитриевна, что его трагедия обошла нас обоих стороной. Не думайте, что я вышла за него по легкомыслию. Может быть, его беда коснулась меня больше, чем самого Сергея. Вернувшись из клиники без зрения, он переживал

то же самое, что и вы сейчас. А я мучилась. Я доходила до отчаяния. Потом мы поженились. Вы думаете, я посторонний наблюдатель. Я верю — слепота не мозоль на пятке. Наверное, это самое худшее из всего худшего. Самое страшное. Но я люблю Сергея, люблю не по обязанности, не по привычке, а настоящей любовью. Верьте мне, его слепые глаза ничуть не отталкивают меня. Больше того, я забываю о его инвалидности. Да и, если сказать правду, у него ее нет. Да, да!.. — запротестовала Аня безмолвному возражению Трошиной. — Какой же он инвалид, если сам может отвечать за судьбу других людей, руководить ими, лечить, Елизавета Дмитриевна. Он — врач, а не бедный слепой. Я горжусь им и очень желала бы, чтобы многие подражали ему, учились у него самообладанию. В трудную минуту он мне хороший помощник. — Голос у Ани осел, потерял певучесть. — Победить вашу беду, знаю, непросто. Я видела, как мой Сережа по крохам собирал возможные для себя замены зрения, видела, как он осваивал их — терпеливо, с дьявольской настойчивостью, с упрямством. Я порой жалела. Спрошу: «Помочь?» Он хмурился, отвечал: «Все, что можно взять взамен глаз, надо брать, брать максимально, ничего не упуская. Чем больше будут нагружены все органы чувств, чем выше будет их отдача, тем меньше придется ощущать отсутствие зрения». И начинает ремонтировать то магнитофон, то приемник или что-нибудь еще. Или выйдет ночью из дома и бродит вокруг него, бродит по улице... Теперь все это позади. Теперь он ни от кого не зависим, может сварить себе обед, помыть посуду, постирать, погладить. — Она смолкла.

По щекам Трошиной катились слезы. На широком, кругом лбу появились морщинки. Лицо стало неприятным — землисто-серым, постаревшим. Сначала она слушала Аню с привычным раздражением, но искренняя исповедь рассказчицы заставила быть внимательнее. В душе Трошина еще сопротивлялась, отвергала зов рядом сидящей женщины. Она всем существом пробовала удержать в себе устоявшуюся безысходность, но, помимо воли, вбирала каждое Анино слово и чувствовала, как успокаивается, стихает душевная боль. Что-то с ней происходило невероятное. И Трошина не сдержала слез. В последние месяцы она думала, что с ними покончено, что она выплакала все. Оказалось — есть еще озерко. Нетронутое. Плачь!

Елизавета Дмитриевна уткнулась головой в колени Ани. Вначале рыданье прорвалось сдержанно, приглушенно, потом открыто, со стоном. Она почувствовала — и Аня плачет. И тут резко подняла голову, выпрямилась, достала носовой платочек, тщательно вытерла слезы и облегченно, как-то совсем по-бабы, вымолвила:

— Ну вот и поплакали.— Ее полные губы вытянулись, изобразив что-то вроде улыбки, а может быть, это и была улыбка, забытая давным-давно улыбка.— Вы поведали мне свои секреты, мне хочется ответить вам тем же.— Она откинулась на спинку дивана, помолчала, прикидывая, с чего начать.— Какой кошмарный, вернее глупейший, случай отнял у меня зрение, если бы вы знали!

Аня вставила:

— Знаю, Елизавета Дмитриевна. Медведь.

Трошина обомлела.

— Вам известно?!

— Да, Елизавета Дмитриевна, известно. Я узнала еще до встречи с вами.

— Ага! Все ясно,— нарочито угрожающе сказала Трошина.— Мама, мама... Все это она обкутила.

Аня спокойно сказала:

— А маме вашей великое спасибо. Она честно, по-матерински, позаботилась о вас.

— Честно?— Трошина ухмыльнулась.— Мы еще с ней потолкуем. Ну и ну!..— игриво продолжала она.— Я существую себе втихомолку, а вокруг меня заговор настоящий!— Она подняла палец, погрозила:— Вы — подпольщица!— И, откинувшись на спинку дивана, сказала:— С мужем мы расстались. Я не хотела стать ему обузой. Нас ничто не связывало. Детей не завели. Муж, между прочим, недолго лютовал, когда я ему заявила о разводе. Подулся, покричал, пробовал клясться. Но я то прекрасно чувствовала, сколько в его спектакле правды. И когда я освободила его, он, конечно, вздохнул с облегчением... Может быть, и жалея меня. Теперь он женат на другой, а маме сообщил — с горя, мол. Пусть простит...— Она сделала продолжительную паузу.— Из больницы меня направили в дом инвалидов. Настояла сама, решительно. Мама не знала, потом ей сообщили. И загремели надо мной грозы. Однажды вбегает в комнату мама, кричит: «Где она?!» Я лежу на кровати. «Ты?» Мама, наверное, не узнала меня. «Мама, это

я...» Мой голос отрезвил ее. Она обняла меня. «Дрянь! Эгоистка! Моя родная!..» Ругань перемешалась с ласками. Она гладила меня по волосам, целовала в лоб, там, где рубец, рубец, которого увидеть мне не пришлось. По всей вероятности, он неприятен, целовала глаза, их тоже не представляю, видимо, безобразны, знаю — уменьшены.

Аня много видела незрячих. Болезнь на каждого наложила свой отпечаток. Она привыкла к бельмам, пустым глазницам, к полувысохшим глазным яблокам. Глаза Трошиной она не находила отталкивающими, безобразными.

— Напрасно вы так хаете свой вид,—сказала она.— Шрам ваш — пустяки, бледная полоса, и не более. Глаза... Да, они у вас уменьшены, ну и что ж. Их видно. Вы сама врач. Сколько вам пришлось насмотреться на разное. Так разве вам трудно представить себя без всяких там черных красок?

Трошина отмахнулась:

— Черная... Розовая... Какая разница, Анна Ивановна? Моя песня спета. Пусть я буду страшнее черта или прекраснее сказочной красавицы, все равно ничего не меняется. Мне бы догореть втихомолку, вдали от всех и от всего. И большего не надо.—Она снова раздраженно махнула рукой.—Не буду, не буду! Скажете, замыла. Ладно... Вернемся в дом инвалидов... Мама извлекла меня оттуда, увезла к себе домой. Жила она одна, в благоустроенной квартире. Ухаживать за мной время у нее было. Пенсионерка. В прошлом она — преподаватель химии, работала в техническом училище. Иногда и теперь читает лекции. Папа погиб на войне. Старшая сестра живет далеко, в Мурманске. Муж военный.

Мама около меня ходила, как возле капризного ребенка — одевала, раздевала, укладывала в постель, провожала на кухню — боялась, чтобы я не стукнулась. Хотела сама кормить меня — думала, что я ложку пронесу мимо рта. Потом отступила — я доказала ей, что есть могу сама. Только я стала смыкаться со своим каторжным заключением, как пришла в голову дурацкая мысль — сходить в кинотеатр.—Она приложила к глазам платок, переждала нахлынувшее волнение и продолжила печально:—Дернуло меня смотреть кино! Сижу, вокруг меня то смеются, то охают, а я сижу иструка-

ном, ничего не понимаю: кто говорит, о чем говорят с экрана — все перепуталось. Попросила маму рассказывать мне, на нас зашикали. И они были правы. Какое им дело до меня? Мне стало так обидно, так тяжело... Вот тут-то я сполна ощутила свою убогость. Поняла, где мое место. Разревелась. Начался сердечный приступ, меня вывели, отвезли на «скорой помощи». Я дала себе зарок: никуда, ни по какому поводу не выходить из квартиры. Так просиживала целые дни, до исступления доводила себя одной и той же думой: «Кто я? Кому нужны мои знания и опыт врача?» Как-то,— Елизавета Дмитриевна повеселела,— приходит ко мне представитель из какой-то организации незрячих и давай меня пушить, что я загнила на корню, что неучаствую в строительстве коммунистического общества и еще что-то, я уж не помню. Слушала, слушала да как запущу в него подушкой — больше ничего не оказалось под руками, иначе бы несдобровать пустобреху. Пришла мама, я вся дрожу. «Что такое?» — спрашивает. Ну, я рассказала о «приятном свидании». Она успокоила, после посмеялись. Через несколько дней снова является, но другой представитель. Назвался директором, рассказал о себе. Мама тоже слушала и даже всплакнула — гость умел задеть за живое. Говорил медленно, веско, ничего лишнего. Рассказал о войне, о своем танке, красочно расписал бои, особенно свой последний бой, в котором был тяжело ранен. Поведав о себе, он ничего обо мне не спросил, будто пришел к нам лишь затем, чтобы поделиться своими думами. Попрощался. И я его больше не слышала. Мама так влюбилась в него, говорила мне: «Вот это человек! Настоящий герой!..» Против меня организовали заговор. Оказалось, что он все-таки еще приезжал к нам. А однажды он увез маму на машине на свое предприятие, где работали слепые. «Подпольный комитет» действовал организованно. Маму провели по цехам, показали станки, за которыми работали незрячие мужчины и женщины. Побывала у некоторых на квартирах, увидела, как они обслуживают себя. В общем, маме вскружили голову, предложили для меня путевку в спецшколу. Она меня обхаживает так и этак, выходит из себя, сердится, я тоже сержуясь. Говорю: «Уеду обратно в дом инвалидов». — «Не позволю позорить меня! — кричит мама. — Такая молодая, здоровая, с умной головой на иждивении государства! Стыдно!» —

«Тогда что-нибудь над собой сделаю!»— это я пугала ее. И что вы думаете: она так спокойно заявила, что у меня по спине пробежали мураски: «Пожалуйста, другого выхода у тебя нет». Оказывается, ее и об этом предупредили: если, дескать, кризис минует, потом жизнь возьмет свое. Я и в самом деле умирать уже не собиралась, пригрозила для остротки. «Ни в какую бодальню не поеду»,— говорю я. Но у мамы, оказывается, имелось более сокрушительное оружие. Я до чертиков боялась приезда сестры— она еще не знала о моем несчастье. Я не хотела встречи с чей. А мама сказала: «Вызову старшую, ее мужа и ребятишек, пусть они тебя образумят». Я, как муха, оказалась в ловушке. Сдалась, согласилась на школу.— Елизавета Дмитриевна придвигнулась к краю дивана.— Я, наверное, утомила вас нудным рассказом. Простите.

Аня положила свою руку на ее теплую мягкую ладонь.

— Что вы, Елизавета Дмитриевна! Я не знаю, как вам благодарна за доверие, за откровенный, правдивый рассказ.

Трошина ожила.

— Разве вы меня затем привели, чтобы выслушивать мои печальные повести? Давайте-ка, Анна Ивановна, вернемтесь к началу разговора. Вы просили совета. Слушаю.— Она чуть приподняла голову.

Аня рассказала о глазе Сергея, прочитала его историю болезни из одесской клиники и взволнованно спросила:

— Он может видеть? Есть хоть бы малюсенькая надежда?

— Да, надежда...— после долгого раздумья, не без досады повторила Трошина.— Так, без осмотра, без анализов мне ответить сложно,— созналась она.

— Но показаться крупным специалистам, профессорам есть смысл?— нетерпеливо подталкивала Аня.

Трошина помолчала, потом сказала, как бы себе:

— Если бы посмотреть самой! По истории болезни дно скрыто мутной роговицей.— И, будто очнувшись, обратилась к Ане:— И глаз все-таки увидел свет?

Аня восторженно подтвердила:

— Да, он видит свет.

Елизавета Дмитриевна что-то вспоминала.

— Случай уникальный. Через такую тяжелую рого-

вицу и проникают лучи!.. Удивительно! Эх, если бы са-
мой...— И она не договорила, уступая собственному
бессилию. Предложила:— Есть смысл попробовать еще
раз обратиться за консультацией.

Аня встала, поцеловала Елизавету Дмитриевну в
щеку.

— Спасибо вам большое. Вы меня подбодрили.
А сейчас мы с вами пообедаем. У нас есть сухое вино.
Надо же по русскому обычаю отметить наше доброе
знакомство! Подождите, пожалуйста, я мигом.

— Ничего не нужно, не беспокойтесь, Анна Иванов-
на.— Трошина тоже поднялась.— Лучше отведите меня,
пока нет вашего мужа.

Аня подвела ее к столу, посадила.

— Я быстро! Учтите: здесь я хозяйка, а вы гостья.

Легкий ветер игриво перебирал осеннюю листву, и
листва спокойно шуршала.

Ожидая детей из детского сада, Сергей сидел на ла-
вочке в скверике, выросшем после застройки микрорай-
она. Его создатели — пионеры так и назвали скверик
своим именем: «Пионерский парк». Школьники горди-
лись, ухаживали за ним: подметали аллеи, каждую вес-
ну красили беседки, на клумбах сажали цветы, следили,
чтобы никто не дотронулся до них, не отломил бы ветки
с деревьев. С особой ревностью они охраняли яблони,
когда те цвели и когда краснели плоды. Лакомиться там
было нечем, но как знать, потянемся озорник за поспев-
шими плодами да покалечит дерево.

В выходные дни Сергей любил гулять здесь с
детьми.

Донесся бас Ивана Ивановича:

— Вон ваш папа!

И звонкие голоса:

— Папочка! Папа!..

К нему приближался торопливый топот ног. Почти
одновременно в колени свалились Светлана и Костя.
Сергей обнял их и нарочито серьезно спросил:

— Ну, как потрудились?

— Хорошо, хорошо, папочка! — враз забормотали
дети.

— Воспитательница замечаний не делала?

— Нет! Никаких!

Сергей ласково похлопал их по плечам.

— Молодцы! Пойдемте к маме.

Ани дома не было. До ее прихода Сергей решил пролистать начитанный на пленку учебник по психологии. Тумбочка, где обычно стоял магнитофон, пустовала.

— Костя! — позвал он сына. — А где магнитофон?

Мальчик осмотрел комнату.

— Нет его, — и побежал на розыски.

Вернулся и доложил:

— Там на столе стоит бутылка с вином, рюмки, тарелки. И там магнитофон.

— Правда, правда, папочка, вино, — перебила брата Светлана.

Сергей отыскал нужную кассету, дал задание ребяташикам осторожно перенести на кухню посуду, помыть. Магнитофон стоял на стуле у дивана. «Что они слушали? Музыку, наверное. А может быть, Аня включила книгу, чтобы заинтересовать Трошину?» Он отмотал ленту назад, включил и удивился: говорила Елизавета Дмитриевна. Да, она. В этом сомнения не могло быть. Зарядив рулон и запустив запись сначала, он стал внимательно слушать. И чем дальше двигалась пленка, тем больше росло его напряжение. Он оказался участником необычной беседы. Аня сумела проникнуть в сокровенное этой женщины, сумела дотронуться до самого больного, дотронуться и передать ему. «Анюта, Анюта!.. Какая ты умница!»

Вот так бы проникнуть в душу каждого учащегося, сколько можно узнать о нем.

«Разве вы меня затем привели, чтобы выслушивать мои...» Дальше запись обрывалась. Очевидно, Аня записала только то, что нужно было для него.

— Умница ты, моя Арюта!.. — вслух подумал он.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Школа напоминала корабль, отошедший от причала и медленно набиравший скорость. Созданные группы начали занятия по утвержденному расписанию. Трошина и еще несколько таких же, как она, пока сидели в своих комнатах. Их не беспокоили. После разговора с Аней Томилов верил — Елизавета Дмитриевна сама, без нажима со стороны администрации, войдет в общий ритм и будет заниматься.

Рабочий день директора расписан по минутам. На хозяйствственные дела отводилось самое минимальное время. Знакомство с учащимися, изучение их жизни ставилось на первый план. Томилову не хватало опыта общения с людьми, подобными Трошиной. Но он старался в беседе с прибывающими учениками, проявив как можно больше такта, радушия, подобрать особый, к каждому учащемуся в отдельности, ключик.

После обеда секретарь напомнила:

— Вы просили пригласить летчика.

Бывший летчик... Бывший врач... Он сам, Томилов, тоже бывший — горный инженер... Сколько пройдет через школу разных «бывших», и всем им надо найти настоящее взамен утерянного бывшего. Такое настоящее, чтобы оно вырвало их из цепких пут свалившейся беды. Будут и такие, как Трошина, — с трудно заживающими, не залеченными временем ранами, для которых любое упоминание о слепоте, подобно разъедающей соленой капле, вызывает тут же боль. С такими работа предстоит сложная. Прибудут и такие, как этот летчик. У него рана старая, зарубцевавшаяся. Ее боль притупилась. Но эти люди сами по себе пассивны, разбудить их, зажечь жизненную искорку тоже будет нелегко. «Все нелегко, сложно... Ничего, товарищ директор, бей штольню к угольному пласту!» — подбадривал себя Томилов.

— Здравствуйте, — послышался тихий баритон Колчина. В голосе — безразличие, усталость.

На рукопожатие он ответил вяло. Так же медленно сел.

— Я побеспокоил вас, — заговорил Томилов, — затем, чтобы передать вам нашу просьбу.

— Какую просьбу? — изумился ученик.

— Нас заинтересовала ваша анкета, Анатолий Георгиевич. Вы бывший военный, старший лейтенант. Значит, человек выдержаный, дисциплинированный. А нам нужны такие люди, чтобы на их примере учить других. У нас ведь есть всякие. Есть и такие, которые не верят в наш учебный курс, считают себя выброшенными в отвал, ни к чему не пригодными. А их надо переубеждать, вселять веру в успех, вернуть к жизни, к труду. Вы офицер, когда-то сами воспитывали подчиненных, вот и используйте свой опыт.

Колчин заскрипел стулом.

— Я — пожалуйста... Только я не в курсе, в чем должна выражаться моя помощь.— Его лицо запылало. Он сам относил себя к списанным, выброшенным в отвал. А оказывается, давно приобретенное и теперь почти забытое может еще пригодиться. Ему захотелось хоть чуть-чуть стать похожим на того Анатолия Колчина, в котором сейчас здесь нуждались, чтобы на время уйти от Колчина настоящего — одряхлевшего, придавленного леню.

Томилов сел к приставному столику напротив собеседника.

— Вы, Анатолий Георгиевич, все время находитесь среди учащихся. Помогайте пессимистам, постарайтесь о себе рассказать, что вы потеряли много, пока стонали. Они вам поверят скорее, чем нам, администрации, потому что вы с ними постоянно рядом. Да и сами будете осваиваться.

— Неужели я на что-нибудь еще гожусь? — усомнился Колчин.

— Конечно! Иначе мы бы с вами не встретились!

Томилов рассказал о предприятии, которое раньше было в этом здании, о рабочих, о Надежде Васильевне.

В голове Колчина лихорадочно заметались мысли, точно его вводили в какой-то фантастический мир, где ему предстояло вновь приспосабливаться жить.

— Вы не могли бы рассказать подробнее о ранении? И вообще о себе?

— А что рассказывать? Ничего примечательного. Все мои события, заслуживающие какого-либо внимания, можно спрессовать в общей сложности, ну, допустим, в один день, в один короткий эпизод.

Томилов настаивал:

— Пусть ваш рассказ будет коротким, я с удовольствием послушаю. Мне надо знать о жизни своих учащихся как директору и просто как собрату по несчастью. Нас будет интересовать ваша судьба и после школы.

Томилов вызвал секретаря и попросил к нему никого не пускать. И когда закрылась дверь, сказал:

— Ну вот, нам никто не помешает.

Долгая, долгая тишина воцарилась в кабинете, потом отступила. Колchin подал голос:

— Не знаю, с чего начать?

— С чего угодно,— подсказал Томилов.

Первые эпизоды получились расплывчатыми. Летчик не мог собраться. То, о чем он говорил, казалось не главным, не интересным. Но постепенно стали приходить нужные слова, и он заговорил увереннее, спокойнее.

...Эскадрилья села на незнакомом аэродроме. Война была где-то совсем недалеко. Летчикам не терпелось поскорее увидеть ее, узнать не по газетным статьям, не по сводкам Информбюро. Аэродром выглядел свежим, чистым. Трава, словно ковер, покрывала землю. И он ничем не отличался от бывших мирных аэродромов. Такое же летное поле, так же, по звеньям, стоят самолеты, такое же спокойное, по-летнему полусонное небо. Ничего нового, ничего особенного.

Обедать пришлось не в столовой, а под самолетом. Кухню подвезли на грузовой машине. И прежде на учения обеды подвозили вот так же, к самолетам...

После обеда технический состав принялся за оборудование стоянки, а летчики направились вдоль лесной полосы к селу, расположенному за восточным краем аэродрома.

Дошли до естественной просеки. Здесь лесная полоса прерывалась, и этот разрыв напоминал ущелье. От села тянулась заросшая мелкой травкой дорога. Она бежала вдоль густого разнолесья. Между стволами деревьев засияло огромное озеро.

Внизу у самой кромки воды сидел человек. Анатолий Колчин спустился к нему, а друзья пошагали дальше. Анатолия потянули к себе удочки — два длинных удлища. Рыбалка напомнила детство, родные места, где он вот так же, часами, просиживал у реки перед волшебным поплавком из бутылочной пробки, без устали ожидая, когда раздастся сигнал: «Дергай!» Старик рыбак на Анатолия не обратил никакого внимания, продолжал угрюмо смотреть куда-то мимо краснеющих буйков, на ту сторону озера, словно сигнал о клёве должен поступить только оттуда.

— Здравствуйте,— сказал Колчин.

Старик не ответил. Он протянул худощавую жилистую руку к одной из удочек, снял ее с рогатины, наживил нового червя и снова закинул в воду. Поплавок нырнул, всплыл и опять застыл в неподвижности. Старик передвинул корягу, сел поудобнее и язвительно проскрипал:

— Авиаторы гуляют...

Почему он решил, что Анатолий летчик, непонятно. Анатолий стоял сзади, а рыбак ни разу не оглянулся.

— Вояки... — Надел шляпу, сплюнул и еще с большей брезгливостью повторил: — Вояки... Не сдержали... Прет немчуря, как саранча.

— Удержим, папаша, и за все расплатимся.

Старик цепко взглянул на Колчина.

— Боюсь, жидкотоват окажешься. Их самолеты по небу пешком разгуливают, а вы тут... ручки в брючки!

Старик снова вздохнул.

— Мой старший погиб в первый день. На границе служил, командиром. Второй, младший, служит моряком на Балтике. Что с ним, не знаю. Дочь, Евдокия, просится на фронт. Заставляю ехать в тыл, многие собираются, не слушает.

Колчин словно из пика вышел на крутую горку, кровь бросилась в голову. Даже стало жарко. Старик считает его бездельником, может, и трусом. Не пустим! Ни за что не пустим сюда фашиста проклятого!

Вечером кормили в настоящей столовой, совсем как раньше. Спали у самолетов. Чувствовалась напряженность обстановки. Прошла ночь — тихая, звездная. На востоке разлился рассвет. Защебетали птицы. Утро наступало спокойное, теплое, будничное.

После завтрака Колчина вызвали к командиру. Он со своим звеном должен был сопровождать бомбардировщики. Приказ ясен.

Под самолетами спокойная земля. Справа — озеро. Около него село. По его ровным улицам букашками ползут машины. На полях зреют хлеба, пестреют стада коров, овец. Через несколько минут картина внизу меняется — на дорогах люди, техника.

Горизонт подернулся маревом. В небе исчезла голубизна. Земля сбнажалась, темнела, точно ее перепахивали заново. Приближался фронт.

Колчин уже отчетливо видел линию, разделяющую два мира, две силы.

В небе нельзя провести черту, отметить границу. Но, пересекая этот рубеж, Анатолий точно преодолевал препятствие. Сбоку и впереди повисли грязные шапочки. Теперь куда ни взглянешь — всюду вспышки.

Самолет ложится то на одно, то на другое крыло, маневрирует. Несколько белых комочеков, похожих на

клочки ваты, распустилось совсем рядом с его «И-16». Эх, ударить бы сейчас по врагу. Но приказ строгий, незыблемый: груз сбросить на вражеский аэродром. Колчин стискивает зубы.

Зенитный заслон позади. Восстановлен строевой порядок. Внизу дороги и дороги. Они забиты ползущими на восток армиями. Будто муравьи копошатся у разоренного муравейника, сползаются к реке, останавливаются, скапливаются у переправы. Горько и до слез обидно сознавать, что там, внизу, наши деревни, наши города, а в них враг, что мы летим и будем бомбить наш бывший аэродром. Вдали показалась сожженная деревня. За ней — поле. С двух сторон от него зеленая полоса леса. А вон и самолеты без маскировки у лесной полосы — наверное, только что вернулись с боевого задания или готовятся к взлету. Колчин взглянул на показания приборов. Все как надлежало: стрелки занимали положенные места.

Летчики, впившись глазами в цель, забыли обо всем. Только цель! Ничего и никого. Никаких воспоминаний. Ничего, кроме надвигающейся цели. Видел бы кто сейчас погрубевшие лица летчиков, плотно сомкнутые губы, посупровевшие глаза.

Бомбардировщики перестраиваются в пеленг. Задача Колчина — прикрывать их, следить за небом.

Рыкнула зенитка. Перед ведущей машиной разорвался снаряд. Турельные пулеметы бомбардировщиков тут же подавили огонь. С летного поля запоздало взмыл «мессершмитт». Один из наших истребителей бросился к нему и срезал пулеметной очередью. «Мессер» вспыхнул и пошел вниз. Огненный язык взметнулся и исчез.

Над аэродромом полыхнули костры — высокие, яркие. Рвались «юнкерсы», рвались бомбы, бензохранилища. Огонь разметался повсюду. Ввысь поднимались клубы черного дыма. А наши утюжили и утюжили.

Задание выполнено. Бомбардировщики заняли свои места. Снова три звена. Три треугольника. Без потерь. А внизу пламя. Опять черный дым, дым орудий, пожаров. Набегает фронтовая линия — та же, что час назад, и не та. Зенитки бьют лениво, для острактики.

Колчин уже считал, что первый боевой день закончен. Фронт позади. Но все еще только начиналось. Внизу встречным курсом шла эскадрилья «юнкерсов». Пять

«мессеров», сопровождавших их, заметили наши самолеты и решили атаковать.

Пока Колчин осваивался с обстановкой, его успел атаковать один из «мессершмиттов». Огненная трасса прошла рядом с машиной. В Колчине проснулась ярость, чувства обострились. Он словно прозрел, увидел всю картину боя. Истребители переплелись в каком-то лихорадочном танце. Они настигали, увертывались от преследователей, выписывали замысловатые фигуры. Колchin выбрал цель. Это был «мессершмитт». Он приближался к нему, как зеленый жирный паук. Для Анатolia сейчас ничего не существовало, кроме крестика прицела, ручки управления, гашетки и хвоста зеленого жука. Он не чувствовал своего тела, не слышал визжащего от напряжения мотора. Земной шар покачнулся, выскоцилзнул из-под машины, накренился, встал стеной слева. Внизу пропасть. Кажется, самолет вот-вот полетит в бездну.

Резкий блеск... Колчин забыл о солнце, и оно на миг ослепляет его. Этого достаточно, чтобы упустить хвост жука. Его противник опытнее, он использовал все. И солнце — тоже. Он сделал маневр и оказался в хвосте у Колчина, выбирая наивыгоднейшую позицию для атаки. Колчин сваливается на крыло, делает крутой вираж, за него на учениях он получил бы пятерку. Когда-то этот элемент он отработал честно.

Колчин снова позади «мессера». Он нервно, с излишним усилием жмет на гашетку. Пулеметы частят, соревнуясь в скороговорке. Но «мессер» жив. Чтобы вновь атаковать противника, надо сделать новый заход.

Анатолий развернулся и пошел на сближение с врагом. Огненные трассы перехлестываются, и «мессершмитт» всыхивает. Один есть! Два других обходят, стараются зайти в хвост. Рывок. Крутая горка. Тело становится чугунным. Сознание на мгновение меркнет. Фашисты остаются внизу.

И тут Колчин в запальчивости допускает ошибку. Самолет охватывает беснующееся пламя. Оно врывается в кабину, обдает лицо Анатolia саднящим жаром. Ни неба, ни земли... Огонь, только кипящий огонь бушует вокруг.

Рассудок мутится. Надо прыгать. Самолет кренится вправо, надо прыгать. Летчик сбрасывает с плеч привязные ремни, наваливается на правый борт. Ветер жадно

подхватил его, понес. Пальцы машинально дернули за кольцо.

Очнулся он через несколько дней. Пошевелился, потрогал себя. В чем дело? Где он? Что произошло? Анатолий протягивает руку к голове — повязка. Лицо тоже забинтовано. Где же он? Лежит на чем-то мягким.

— Кто-нибудь есть? — подал он тревожный голос, содрогаясь от мысли — не плен ли.

— Вот и проснулся. — Речь русская. Женский голос. Ласковый, обрадованный.

— Что со мной? Где я? — спросил Колчин.
Тот же голос успокоил:

— Не беспокойтесь. Все хорошо. Вы у своих. Ранены.

Колчин смутно припоминал, что с ним было: горящий самолет...

— Как я попал сюда? — спросил он, пытаясь снять повязку.

Кто-то предостерегающе схватил его руку:
— Не трогайте! Нельзя.

Анатолий подчинился.

— А попали вы сюда, к нам, очень просто. Наши товарищи видели, как вы дрались в воздухе, были подбиты и спрыгнули на парашюте. Вас разыскали и привнесли в партизанский лагерь. Приземлились вы удачно, на поляну, у озера. Теперь будем лечиться.

— Мне прохладиться некогда! — запротестовал Анатолий. — Мне нужно передать донесение! Я чувствую себя прекрасно!

Ласковый голос успокоил:

— Успеете. Вы ранены. За четверо суток изменилось многое.

— Четверо суток... — Колchin застонал. Кожа на лице горела, и каждое слово, каждое движение причиняло нестерпимую боль.

Время тянулось нудно, медленно. Заходил командир отряда, комиссар, заходили партизаны. Рассказывали о боевых действиях, передавали последние вести с фронтов. Часто заходила Евдокия, та, с которой он разговаривал, когда очнулся. Но чаще всех в землянке появлялся фельдшер Степан Степанович. Он каким-то маслом смазывал лицо, менял бинты. На вопросы, когда разрешат встать, когда ему дадут дело, фельдшер отвечал своим елейным, писклявым тенорком:

— Спешка нужна при ловле блох. Всему свое время, товарищ летчик.

— Да я здоровый, Степан Степанович!

— Это вам так кажется. Медицине известно лучше.

Оставлять раненого летчика в отряде было больше нельзя. Отряд, получив новое задание, снимался с места. И связная Евдокия повела его к отцу, который жил в землянке, в лесу на берегу небольшого озера. По дороге успокаивала:

— Не горюй. Вернусь с задания, приведу из города врача, посмотрит он тебя, и все будет отлично. Повязку не трогай, не снимай. Степан Степанович не велел. Отец долечит кожу. Ожог не опасен. Только бы глаза спасти.

Но ни врача, ни Дусю он не дождался.

Колчин смолк, прислушался, стараясь понять, не насмучил ли своим слишком подробным рассказом. Директор не шелохнулся, давая понять, что он слушает внимательно историю старшего лейтенанта.

— Отец Дуси, дядя Прохор, узнав о гибели дочери,— продолжал Анатолий,— молчал несколько дней.

Ждать наших войск пришлось недолго. Они выбили врага из города и пошли дальше, а меня командование партизанского отряда передало в распоряжение армии. Дядя Прохор просил, чтобы я после госпиталя заехал к нему, в его настоящий дом в селе, который остался невредимым. «Заедешь, покажешься мне, а там снова летай, мсти за Евдокию».

Колчин помолчал.

— Но мстить за храбрую партизанку... не пришлось.

В госпиталях, где побывал Анатолий, врачи выносили окончательный приговор: видеть не будет.

В дальнейшем и видные профессора-офтальмологи сказали: «Поздно... Необратимо...»

— Куда кинуться? Ни родных, ни близких, кроме дяди Прохора. Пишу ему. Тот словно на крыльях прiletел. Слепоте моей не удивился. Предполагал. Видел при перевязке. Забрал меня из госпиталя, увез в свое село. «Рядом аэродром — вот и будешь слушать гул самолетов». Дали мне пенсию, и я обрел себе стоянку. Ходили мы с дядей Прохором к тому месту, где встретились первый раз. Не удержались, заплакали. Вспомнили Ду-

сю, его сыновей, поговорили и о моем горе. Пока жил дядя Прохор, мне жить было хорошо. Он ухаживал за мной, как за сыном.

Однажды дядя Прохор привел в дом девушку Марину. До войны ее отец работал здесь, в селе, директором МТС, мать в школе учительницей. При бомбеке, когда эвакуировались, погибла мать. Отец пропал без вести, идти ей было больше некуда. Дядя Прохор по-отцовски приютил ее.

— Живи вместо дочки Евдокии. И нам будет веселее.

Так мы зажили втроем. Марина устроилась на аэродром поваром. Дядя Прохор рыбачил, я домовничал. Осеню дядя Прохор поплыл на лодке в село. Разыгралась буря, лодку перевернуло. Вода в эту пору была холодной, он простудился, заболел воспалением легких и вскоре умер, наказав Марине не бросать меня. И она не бросила. Мы и до этого уже были друг к другу неравнодушны. Зарегистрировались. Все как следует. Она гордилась мною. Идем по улице, я — в летной форме. Она шепчет: «Мимо нас никто не проходит, чтобы не оглянуться». Во мне какая-то сила вскипала, и за инвалидность становилось не стыдно. А то я боялся жалости. Жили мы обеспечно. У меня офицерская пенсия, у нее — зарплата. Все собирался на аэродром, и Марина звала — отказывался. Стеснялся показаться убогим перед боевыми здоровыми летчиками. Марина скажет: «Наоборот, тебе перед ними надо голову выше держать!»

А потом беда пришла. Моя веселая, жизнерадостная Марина стала какой-то грустной, молчаливой. Спрашивая ее, что случилось. «Ничего, говорит, просто устала». Я поверил. Думаю, хватает ей забот. Все на ней.

Однажды соседка зашла:

— Все один да один, а Марина где?

— Марине некогда... Работает она, сами знаете...

— Работает!.. Кавалера себе завела твоя Марина. Лейтенант, летчик. Я человек старый, молчать не имею права. Лучше предупредить, пока не поздно.

У меня подкосились ноги, я сел.

Соседка хлопнула дверью и ушла.

Я предложил Марине переехать в город.

Марина отказалась. Никому не ощутить и доли того, что я пережил тогда. Я все прощал ей, лишь бы не ушла

совсем. А я превратился в нудного назойливого мужа, который вымаливает у жены любовь, внимание. Много лет тянулось вот так. И все-таки она ушла. Соседка Зинаида Андреевна следила за мной, ухаживала. Позже ко мне из города начал приезжать слепой учитель. Я освоил рельефно-точечную грамоту, стал запоем читать книги. Потом общество слепых дало путевку сюда, и Зинаида Андреевна привезла меня. Вот, пожалуй, и все! После ранения минуло двадцать лет,— выдохнул Колчин.— Я, наверное, утомил вас,— извиняясь, добавил он.

Опомнился и Сергей.

— Что вы, что вы!— Он встал, прошелся по кабинету.— Наоборот, я с большим интересом слушал вас и прикидывал, как помочь вам изменить образ жизни. И знаете, что подумал: главное, нам надо относиться с доверием друг к другу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В детской кроватке спит малыш. Просыпаться ему еще рано, а мать и отец уже склонились над ним, любуются и восторженно шепчутся. День рождения сына.

— Давай расти, сынок! Расти. Уголек ждет. Отец строит шахты, тебе хозяйничать, добывать черный хлебец. Слышишь? Как здорово звучит!

Возвышенную речь отца в честь спящего юбиляра перебила мать:

— Тоже, скажет твой папаша! Шахта!..— Она оторвала ласковый взгляд от скуластого личика сына и укоризненно взглянула на мужа.— Я ни за что не отпущу его в шахту, под землю, в черную пыль. Я боюсь шахты. Всегда боялась за папу. И случай с Сережей...— Она снова посмотрела на сына.— Нет, горняком ты у нас не будешь. Тут папу мы не послушаемся.

С ее точки зрения, самыми интересными, значительными людьми были педагоги, врачи, работники искусства, ученые. Они одарены талантами, и она, мать, надеялась, что их Мишенька непременно тоже одарен и будет знаменитым.

Улагашев не реагирует на возражение жены. Кем будет их сын, его пока не волнует. Рано, слишком рано гадать. Пусть растет, пусть пока спит, именинник.

— Давай завтракать. У меня сегодня день бешеный.

Большим был послужной список Николая Улагашева. От забойщика до горного мастера на шахте, потом от парторга до секретаря горкома по строительству и промышленности. Требовались знания по специальности, пришлось окончить строительный институт. После окончания его Улагашева назначили начальником строительного участка. Предстояло у слияния двух рек выстроить город. Здесь в детстве он охотился с отцом,— и вот тебе на!— теперь нашли залежи ценнейшего топлива. Да какие еще по мощи пласти!

Немного прошло времени, и междуречье застроилось многоэтажными домами. В городке был Дом культуры, детский комбинат, кинотеатр, детская музыкальная школа. Несколько лет тому назад были задействованы две шахты и наконец, уже при прямом участии, непосредственном руководстве Николая Улагашева, построена еще одна, самая крупная на бассейне шахта. Каждое новое назначение на ту или другую должность в Николае не вызывало ни сожаления, ни протеста. Он рассуждал так: надо — значит берись. Брался активно, с полной отдачей сил, охотно, горячо. Послали бы его на Север осваивать тундру или на целину выращивать хлеб — поехал бы не задумываясь. Надо — значит закон. И где бы он ни работал, открывал для себя неизведанные просторы, романтическую свежесть, захватывающие перспективы. И каждую профессию считал главной. Сейчас он был влюблён в свое новое дело. Строитель! И в самом деле, кто меняет облик земли? Кто создает города, улицы, строит фабрики, заводы, стадионы, дворцы, прокладывает трассы для нефти, газа? Кто строит удобные квартиры? Все начинается со стройки, буквально все берет начало от честных мозолистых рук строителя. Значит, строитель — творец счастья. А воздвигнутое для других счастье является и его счастьем. Это счастье добыто в тяжелейшей борьбе, когда в мороз белеют пальцы, в жару пот слепит глаза, в бурю ветер сбивает с ног, когда на необжитой земле для жилья ставят палатки, бараки, когда вместо асфальтированных тротуаров ноги месят непролазную грязь, когда повсеместно — неустроенность, неуютность, временная прописка. И вот — объект готов, готово здание, заасфальтирована улица. Радуйся, человек! С тобою рады и мы, строители. И прощай. Мы снова в палатку, снова месить грязь, снова добывать счастье другим. И себе.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж в здание областного строительного треста, начальник участка Николай Улагашев не предполагал, что спускаться ему придется уже в звании главного инженера этого учреждения. В кабинете после обычных приветствий управляющий объявил:

— Ты назначен моим главным инженером...— И, увидев, как поморщился Улагашев, поправился:— Главным инженером треста. Поздравляю!— Он пожал Николаю руку.

— Но мне нужно подумать,— попробовал сопротивляться Улагашев.— Так ведь нельзя сразу, надо подумать, взвесить свои силы, посоветоваться с женой. Внезапное назначение заставляет нас решать много чисто личных домашних дел: переезд, перевод Галины из одной школы в другую.

— Некогда, Николай Сафонович. У нас с тобой нет ни часа, чтобы обсасывать этот вопрос,— возразил управляющий.— Понимаю, поворот неожиданный, крутой. Все равно после колебаний, проволочек дашь согласие. Ты не хлюпик. У нас гостит большая группа практикантов, знакомятся с районом шахты «Дальнняя». В пятнадцати километрах от нее,— он подошел к висевшей на стене карте области и указал ручкой нужную точку,— вот здесь, намечается строительство электростанции. Здесь, здесь...— он передвигал руку иставил невидимые ориентиры,— будут строиться шахты. Выработка электроэнергии на местном топливе. Немедля иди в производственный отдел, они там. Займись с ними, а завтра выедешь на место. Встретишься и с геодезистами, и с проектантами, и с представителями строительных министерств. Мы в основном будем строить шахты, но также будем выполнять у электрификаторов субподрядные работы. Не беспокойся, будешь не один. Прибудут от треста и от комбината. Что у нас завтра?— Управляющий взглянул на настольный календарь.— Ага, суббота. Давай в понедельник свидимся, решим житейские проблемы — переезд, квартиру, работу жене и прочее. Сейчас беги. Потом снова сюда. Обсудим наши позиции, наши предложения.

Выходил Улагашев из треста с отупевшей головой, не разобравшись толком, что произошло и как отнестись ко всему этому. Конечно, любое назначение он принял бы как команду. Значит, надо так. Доверяют — оправ-

дывай. Но тут его застали врасплох. Впервые за свою рабочую жизнь он переходил с одного поста на другой без подготовки, без предварительных разговоров. Обычно в таком случае перед новым назначением вначале ходят слухи — «снимают или повышают». Потом следует предложение, потом оглашение приказа. Тут же ничего похожего. Поворот — и никаких!

Переночевав в гостинице, Улагашев рано утром вызвал такси, намереваясь по пути заскочить к Томиловым. Времени оставалось в обрез. После ознакомления с местностью, где планировалось строительство, намечалось несколько заседаний, затем — немедленный отъезд домой и к понедельнику обратно.

О подарках и гостинцах мечтать не приходилось, магазины были закрыты. Николай попросил водителя остановиться у рынка. Купил цветы Ане и Валентине Алексеевне, краснобокие яблоки для ребят.

Приближался последний перевал, за которым скрывался поселок Дальний. Каким он стал теперь, интересно — Николаю не хватало фантазии, чтобы их относительно небольшой поселок вообразить городом, с другими улочками, переулками, с новыми домами.

Машина преодолела довольно крутой подъем, фыркнула, облегченно рванулась вперед. Николай не верил своим глазам. Многоэтажные дома, образуя широкие заасфальтированные улицы, заселяли всю низину, взирались на гору. Да, это был настоящий город — со скверами и площадями, и ничего, почти ничего, от старого. Лишь несколько деревянных домиков робко выглядывали из-за новостроек, словно стеснялись своей ветхости и некрасивости. Прежними остались постройки шахты, копер, эстакада, фабрика, комбинат. На противоположном склоне горы виднелось строение новой шахты. Он тоже строитель. Сам строит. И эта обновленная панorama приподняла его настроение. Он возгордился своим поселком, который вырос в город. Вот мы какие! Вот она, наша профессия — строитель! Его взгляд скользнул дальше, туда, где предполагалась очередная стройка, где ему придется рыть котлованы, строить дома, электростанцию, новый поселок.

Такси поравнялось с шахтой. Ожила память. Здесь он когда-то спускался в забой, добывал уголь, работал бок о бок с Сергеем Томиловым, Иваном Ивановичем Тиховым, Сенькой Кузнецовым. Здесь случилось

несчастье с Сергеем... Почему настоящее, сегодняшнее воспринимается не так остро, волнующе, как минувшее?

Шахта осталась позади. Где же бараки? Там стояла бревенчатая столовая, а теперь стоит трехэтажная школа.

— Куда вам? — спросил водитель.

Улагашев назвал адрес Томиловых, не представляя, где находится этот дом.

Водитель сворачивал с улицы на улицу и, сделав кругой разворот, остановился. Николай постоял, припоминая, что было на этом месте. Он посмотрел в скверик, как бы надеясь увидеть знакомый дом и участок.

Второй этаж. По номеру — квартира стариков. Валентина Алексеевна так и замерла, увидев в дверях Николая.

— Ваня, иди сюда! Посмотри, кто приехал! — обнимая зятя, крикнула она.

— Кто там? — раздался басок Ивана Ивановича, затем появился сам хозяин. — Николай! Здравствуй, здравствуй! А мы и ждать перестали. — Он трижды расцеловал зятя, хлопнул по плечу. — А где же твой мужик, Михаил, а? До сих пор не видели внука. И дочь пропала.

— Скоро приедут, обязательно приедут! Меня в трест переводят, главным инженером. — Только сейчас Николай по-настоящему ощутил свершившуюся перемену, впервые назвал новую должность. — Скоро жить будем рядом.

— Чудесно! — обрадовался Иван Иванович. — Тут я буду частым гостем — машина своя.

Цветы Николай отдал Валентине Алексеевне.

— Спасибо, Коленька! — Валентина Алексеевна поцеловала его и повторила: — Спасибо. Молодец, что заехал!

Николай спешил. Пришлось обратиться с просьбой к Ивану Ивановичу.

— Вы меня часика в два не подбросите к мосту через Шарапку?

— Почему не подбросить? Обязательно съездим, — пообещал Иван Иванович. — Все подольше побуду с тобой.

— Тогда я забегу к Томиловым. Потом снова к вам.

Старики понимали зятя и, хотя им не терпелось расспросить о дочери, о внуке, удерживать не стали.

— Я жду, Коленька, поскорее приходи,— попросила Валентина Алексеевна.

Тихов ласково заворчал:

— Ты не задерживайся там. Знаешь, поговорить матери хочется...

Нежданный гость обрадовал и Анию.

— Да ты ли, Коля! — она всплеснула руками. — Каким ветром?

Николай подал цветы.

— Боковым, непредвиденным.

— Проходи на кухню. Я буду готовить, а ты рассказывай о семье. — Аня прижала цветы к щеке. — Спасибо за них, знаешь мою слабость.

Пройдя вслед за Аней на кухню, Николай настороженно спросил:

— А где Сергей?

— Сережа в командировке. Путешествует по всей стране. Изучает статистику незрячих. Мы тебе писали о его новой работе. — Присмотревшись к нему, Аня отметила: — Ты изменился.

— Постарел, что ли? — ухмыльнулся Николай.

— Возмужал. Лицо стало суровее, жестче. И глаза почему-то потемнели еще больше.

Замечание Ани Николай обратил в шутку:

— Суровость от забот — никак строитель! И глаза потемнели тоже от забот. Чем больше строим, тем больше нужно — вот огонек и поубавился. А ты не изменилась, все такая же красивая.

— Ох, Николай, ты всегда умел говорить вовремя хорошие слова. Как там Галя? — спросила Аня.

— А как Сергей? — спрашивал Николай.

Вопросы, вопросы. И ответы, словно камни, бутили пробел, образовавшийся за годы разлуки.

— Доброе утро, мамочка! — послышался звонкий детский голосок из прихожей.

Вошла девочка в ночной розовой рубашке. Увидев незнакомого мужчину, она остановилась и, взглядывая на него исподлобья, пролепетала:

— Здравствуйте.

Девочка была так похожа на Анию, ту Анию, которую Николай всегда помнил и любил, даже сердце защемило. Заворочалась, обожгла притущенная безответная любовь. Да, он любил ее, Анию.

— Здравствуй, здравствуй, Светланочка! — Он обнял девочку.

Вбежал еще один из Томиловых — без рубашки, в одних трусиках. Этот больше походил на отца.

— Доброе утро, мамочка! — громко произнес он и чуть смутился. — Здравствуйте, — обратился Костя к Николаю.

— Здравствуй, Константин Сергеевич, здравствуй! — Николай обнял его.

— Это — наш дядя Коля.

Ребята кивнули и убежали. Вскоре вернулись одетыми: Светлана в голубое платье, Костя в шорты и белую рубашку.

— Мы все сделали! — доложил по старшинству Костя.

Но девочка все же добавила:

— Мы умылись хорошо-хорошо. С мылом!

Николай извлек из бумажного кулька два яблока, подал Светлане и Косте.

Мальчик взял со стола нож, разрезал свое яблоко, половинку протянул Николаю. Светлана свое отдала брату. Он знал, зачем. Разрезав, вернул его сестренке. Светлана угостила мать.

— Это тебе, мамочка, это — мне.

Аня с аппетитом откусила яблоко.

Она никогда не обманывала их, будто съест потом, а сама припрятанное угощение позднее возвратит ребятам. Ей не раз приходилось видеть такое в других семьях. Но у нее на этот счет было свое твердое суждение: если ребенок угощает — поддерживай в нем это доброе, эту щедрость. Пусть он видит, что его подарок нравится. Но если ребенок увидит ложь и будет притворно жертвовать своей порцией, с полной надеждой получить ее обратно, вряд ли это будет хорошо. Ложь на ложь. Вместо доброты — жадность.

Аня предложила Николаю вина, он не отказался. Выпил, стал с аппетитом есть.

— Знаешь, Коля, Сергей увидел свет...

— Как это «увидел»? — удивился Улагашев.

— Как... — Аня искала слово, чтобы точнее объяснить. — Ну как тебе сказать... Видит свет солнца...

— Так, так... — нетерпеливо подгонял Николай. — Дальше, дальше...

— Все!

Больше Аня не знала. Она и сама не представляла, что и как видит Сергей. Она пересказывала то, что говорил он.

— Я хотела посоветоваться с тобой,— продолжала Аня.— Везти его на консультацию сейчас, в ближайшее время, или подождать. Может быть, произойдет еще какое изменение.

— И вы до сих пор никуда не обращались?— воскликнул Николай.

— Обращались...— удрученно проговорила Аня,— да никакого толку. Доктор наук смотрел. Пока, говорит, сделать ничего нельзя.

Смуглое лицо Улагашева побагровело. Глаз Сергея что-то увидел— значит в нем появилась жизнь. Сам этот факт в его понятии был уже величайшим событием.

— Немедленно поезжайте в самые лучшие клиники!— горячо заговорил он, шагая взад и вперед по свободному пятаку кухни.— К самым известным врачам! Немедленно, Аня. Кто знает, что случится с этой каплей света завтра. Ее надо удержать.— Он резко остановился. В черных глазах пылала ярость.— Зачем я пошел в строительный институт? Мне надо было бы закончить медицинский, стать окулистом. Я бы не спал дни и ночи, но добился бы, все равно добился бы того, чтобы помочь Сергею, пусть стать не совсем зрячим, а хотя увидеть чуть-чуть то, что окружает его.— Он заходил снова, безнадежно махнул рукой.— Поздно, поздно... А ты, Аня, обязательно вези его в Москву, в Одессу! Используй все возможное!— Он посмотрел на часы.— Опаздываю. Бегу. Так вы поезжайте! Мне о результате сообщи.

— Погоди. Я твоему сыну передам гостинец.— Аня вышла. Вернулась со свертком, ведя за руку Светлану. У той нос, лоб, платье вымазаны зеленой краской.— Вот и пусть посмотрит дядя Коля, скажет: «Какая замарашка»,— мягко выговаривала она дочери.

— Я, я...— заикалась девочка,— красила брови Ляльке.— В ее карих глазах залегла такая скорбь, что Николай не выдержал и погладил девочку по черноволосой голове.

— Она больше так не будет.

По щекам Светланы покатились слезинки. Аня вытерла их и ласково сказала:

— Ну, плакать не надо. Сама виновата. Иди умойся, потом платье постираем, и все будет в порядке...

Посидеть, поговорить у Тиховых времени не осталось. Чтобы расспросить о Галине, о внуке, Валентине Алексеевне пришлось поехать с ним до реки. Отвечая на вопросы тещи, Николай продолжал думать о Сергееве, о его капле света, ощущая и тревогу и радость.

За разговором пятнадцать километров проскочили незаметно. У Валентины Алексеевны вопросов оставалось еще много, но пришлось проститься.

— Поцелуй за меня Галю и Мишу,—наказывала Валентина Алексеевна.

— Как переберетесь в центр, дайте знать — приедем со старухой на новоселье,—сказал Иван Иванович.

По ту сторону моста двигались какие-то люди. У двух белеющих палаток стояло несколько легковых машин и автобусов. Николай остановился на середине моста, посмотрел на гладкую поверхность реки и представил, как она, прегражденная плотиной, образует море, пусть не такое, как на Оби, Енисее, много меньше, и все-таки это будет море.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Радио только заговорило, проиграло гимн, начали передавать последние известия, а Сергей уже сидел за столом и готовился к ответственному совещанию по обсуждению итогов комиссии Центрального правления. Сегодня он изменил установленвшееся правило — слушать первую передачу последних известий. Сергей пропустил ее, он составлял план выступлений на научном совете. Среди членов комиссии были кандидаты, доктора наук из института физкультуры, из научно-исследовательского института дефектологии.

Скрипнула дверь. Еще одно исключение из распорядка. В такой ранний час его никто не посещал. Он не видел вошедшего, но по крадущейся походке, по затаенному дыханию узнал Аню.

— Доброе утро, Сережа,—подсаживаясь к нему, сказала она.—Рано встал.

— Доброе утро, Анюта. Ты тоже раненько поднялась.

— Не спалось что-то. Слыши — ты здесь...

Сергей улыбнулся хитрости Ани.

— И зашла поздравить меня с добрым утром.

Аня положила руку ему на плечо.

— Не только,— призналась она.— Все сроки ожидания миновали. Нам надо ехать в Москву, в глазной институт. Трошина, а она врач, и Николай настаивают...

Сергей сжался с тусклым блеском света. Все равно большего ему никто не даст ни в областной больнице, ни в самых знаменитых клиниках. Он всем существом ушел в дела школы, а их невпроворот. По притворно спокойному голосу Ани заметил — она волнуется. И, чтобы снять напряжение, пошутил:

— А что, если сделают меня зрячим? Ведь тогда мне придется бросить школу, уйти на шахту. А в школе я увяз.— И серьезно досказал:— Сейчас отлучаться никак нельзя. После выводов, рекомендаций комиссии предстанет столько дел. Не могу.

Но переубедить Аню после того, когда она всезвела и решила, было бесполезно.

— И все-таки собирайся. На самолете времени потеряем немного.— Аня обняла его за шею.— Я не успокоюсь, пока для меня не станет ясно — можно ждать или все окончательно безнадежно.

— Я и без поездки уверен — твоя затея пуста.

И этот аргумент Аня не приняла в расчет.

— Собирайся. Чем быстрее, тем лучше.

Сергей что-то посчитал и попросил:

— Давай разговор перенесем на вечер. За день я сориентируюсь.

Уходя, он поцеловал жену, сына, дочь. Светлана протянула к нему руки, попросила поднять ее. Сергей посадил дочь на плечо. Она самодовольно посмотрела на брата, который в ответ пробурчал:

— Обезьяна.

Школа встретила директора тишиной. Днем она наполнена голосами сотрудников, топотом ног, стрекотанием пишущей машинки.

До работы оставалось больше часа. В приемной техничка домывала пол.

— Телеграмму принесли, Сергей Михайлович,— известила она, открывая дверцу шкафа.— Вот.

— Я все равно не прочту. Попрошу вас.

— «Выезжайте вместе комиссией Центральноеправление отчетом»,— прочитала женщина.— Счастливого пути, Сергей Михайлович!

Поблагодарив ее, Томилов поспешил к телефону.

— Анюта, ты еще дома? — весело спросил он.

— А что?

— Скоро едем. Пришла телеграмма. Вызывают в Центральное правление. Радуйся!

Аня встревожилась.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, Анюта. Вызывают в Центральное правление с отчетом. Ты, как гадалка, наворожила. Итак, вечерний разговор отменяется.

Ане не терпелось узнать дату:

— Когда едем?

— Послезавтра, вместе с комиссией, как приказано.

Просигнали звонок начала рабочего дня. Томилов вызвал секретаря, попросил подготовить кабинет для совещания: принести дополнительно несколько стульев, поставить на столы графины с водой, положить листки бумаги, карандаши, повесить карту территории школы, схему расположения классов и комнат, где проживают учащиеся.

Точно в назначенное время собрались преподаватели школы, гости. Совещание началось.

На аэродроме до вылета Аня познакомилась со всей делегацией. Заместитель Центрального правления спросил ее:

— Вы сопровождаете мужа?

— И да и нет. По работе он едет со старшим мастером Поляковым. Нам с ним надо в глазной институт на консультацию.

— Заболели глаза?

— Нет. — И, чтобы опередить вопрос, Аня доказала: — У него появилось светоощущение.

Стоявшие невдалеке остальные члены бригады услышали слова Ани, подошли.

— Сергей Михайлович увидел свет? — спросил пожилой мужчина с седой бородой, в очках.

— Да, — подтвердила Аня.

— У вас есть вызов? — продолжал допрашивать тот же седобородый, доктор наук.

— Едем так, без вызова, — пояснила она.

Все оживились, стали давать советы, обещали принять участие: написать записки или позвонить по телефону. Заместитель председателя Центрального правления подытожил разговор:

— Договорились так: завтра, пока ознакомимся со справками членов комиссии, пока будем визировать проект постановления президиума, пока Сергей Михайлович отчитывается, Анна Ивановна возьмет от Центрального правления отношение в глазной институт и договорится в глазной клинике о времени приема. Как? В таком виде проект принимается?

Все отозвались с одобрением, пожали Сергею и Ане руки, желая успехов. Аня ликовала от неожиданной поддержки. Теперь ей не потребуется преодолевать препятствия, которых она втайне все-таки опасалась.

Занятые целый день делами по школе, Томилов и Поляков добрались до гостиницы поздно. Аня ждала их в номере. Получив задание на завтрашний день, Поляков извинился, отказался от приготовленного ужина, сказавшись на усталость, ушел к себе в комнату.

— Ну как? — первой заговорила Аня. — У тебя не очень приглядный вид. Поругали?

Полузакрыв веки, Сергей сидел в кресле, откинувшись на спинку. Его руки безвольно лежали на подлокотниках, лицо казалось безучастным ко всему.

— На заседании президиума маленько похвалили, чуть-чуть поругали, так, скорее для проформы, чтобы не зазнавался, — сказал он, не меняя расслабленной позы. Затем, подобрав вытянутые вперед ноги, сел прямо. Сонливости будто и не бывало. — Трудным и вместе с тем приятным оказался сегодняшний день. Тяжелым потому, что был слишком уплотненным, насыщенным, суетливым. Выбил необходимые дополнительные штатные единицы, получил фонды на мебель, на кое-какое оборудование. Но это меня сейчас волнует постольку по скользкую. Взволнован я по другому поводу, Анютка. Мое недолгое общение с деятелями науки — говорю о членах комиссии, которые побывали у нас, — дало мне так много, чего я самостоятельно не приобрел бы никогда. До них шел будто бы по темному лесу, на ощупь. Теперь точно вышел из тайги и передо мной чистое, освещенное поле. Никогда не испытывал подобного рвения работать и работать. Я отчетливо вижу, что мне предстоит завтра, как бы прозрел. И главное — нашел для себя то, к чему призван.

Его патетический взлет не удивил Аню. Работая и на шахте, и на предприятии слепых, он был точно таким

же. И тогда он убеждал ее, а вместе с ней и себя, что лучшего он ничего бы и не желал.

— Садись ужинать, рыцарь! — потянула она его за руку к столу. — Наверное, и не обедал.

— Что ты! В такой суматохе и разбрасываться временем! На ходу перехватил стакан кофе и бутерброд, — сказал Сергей, набросившись на еду. — А правда, проголодался здорово!

— Вижу. И не интересуешься, как прошел мой день. Сергей отложил вилку.

— Прости, Анюта. Забылся. Рассказывай. Я отчитался, на очереди ты.

— Завтра к десяти на прием к профессору, к главному врачу глазного института, — сообщила Аня и подвигнула тарелку к Сергею. — Ешь.

Успех Ани не особенно обрадовал его. Завтра надо еще кое-что решить в Центральном правлении, побывать в институте дефектологии. Но ничего не поделаешь, придется подчиниться ей. Прилетела не напрасно.

Томиловых повели на третий этаж по длинному коридору. Дважды они сворачивали налево. В воображении Сергея слева, справа рисовались двери палат, операционной и больные с перебинтованными глазами. Кто-то из них, вылечившись, видит, кто-то так и остался слепым. Вот те непрозревшие, убитые горем люди и должны, обязательно должны прибыть к ним в школу для другой операции, для нового лечения. Надо установить тесную связь с институтом.

В просторной комнате их пригласили сесть, подождать приема.

Назвали фамилию. Встала немолодая женщина, скрылась за дверью в смежную комнату. Потом девушка, сидевшая за письменным столом назвала фамилию Томилова. Аня провела Сергея.

— История болезни есть? — осведомился женский голос.

Аня подала конверт.

— Что у вас? — рассматривая медицинские заключения, спросила врач.

— У него появилось светоощущение, — ответила за Сергея Аня.

— Светоощущение?! — удивилась врач.

— Совсем небольшое,— уточнил Сергей.

— Посмотрим...— В тоне врача проскользнуло недо-
верие.— Интересно...

Темная комната походила на те комнаты, какие при-
ходилось видеть Ане. Обитые черным материалом стены,
затемненное окно, кабинки. В каждой из них простейшая
обстановка: стул для больного, стул для окулиста, сто-
лик с лампой. И врач — звезда медицины — проделала
то же самое, что и врачи в местной больнице их город-
ка, и в Одессе.

— Свет видите?— спросила врач, приближая к гла-
зу отражатель.

— Не вижу.

— Теперь?

— Нет.

И когда офтальмоскоп приблизился к самой глазни-
це, Сергей объявил:

— Вижу, но очень плохо.

По тому, как врач медлила, очевидно подбирав лако-
ничное утешение, Сергей определил: сейчас скажет
неизменное «пока»...

— Травма тяжелая,— сказала врач, когда они втро-
ем вышли в ее светлый кабинет.

— Профессор,— обратился Сергей с таким хладно-
кровием, будто он собирался успокаивать самого вра-
ча.— Вы не стесняйтесь, говорите то, что есть. Я не из-
балован приятными обещаниями и приму ваше заключе-
ние совершенно спокойно. Говорите, профессор, смелее.

Она вышла из-за своего стола, села на свободный
стул рядом с Сергеем, еще раз просмотрела записи ис-
тории болезни, посмотрела его глаз и скорее по-мате-
рински, чем как врач, сказала:

— Владеете отменной волей. По существу, так и
должно быть. Обольщаться надеждой пока не следует.
Вы приспособились, нашли свое место в жизни, а это
главное, самое существенное. Берегите, защищайте до-
бытую победу. Скажу смело, как вы требуете. Ваш глаз
находится в крайне неудовлетворительном состоянии.
Об операции не может быть и речи. Роговица глаза
настолько изменена, что на трансплантацию нет никаких
надежд. Кроме того, я не имею никакого представ-
ления о вашем глазном дне. Оно не просматривается.

— Но он видит свет,— подсказала Аня.

Профессор вздохнула.

— Светоощущение — фактор относительный. Глаз — орган сложный, тонкий и уязвимый. При таком светоощущении, как у Сергея Михайловича, операция исключена. Хотя явление само по себе не из частых.

Аня хотела что-то сказать. Профессор предостерегающе приподняла руку:

— Но наука идет вперед. Вчера по диагнозу хирургическое вмешательство считалось ненужным, сегодня по тому же диагнозу проводят эксперименты. Завтра невозможное становится возможным и врач заключает: операция необходима.

— А у него скоро может настать такая необходимость?

Ане не терпелось поскорее вызнать все досконально. Доктор вернулась к своему столу.

— Кабы нам знать расписание движения науки, мы бы не задумываясь раздавали обещания. Это, милые мои, похоже на геологические исследования: ищут, ищут — находят, потом разрабатывают, осваивают. Сегодня, — я честно заявляю, — ваш глаз находится в таком состоянии, что лечить его нет необходимости. Завтра же применяемый метод трансплантации роговицы, возможно, заменится каким-нибудь другим и ваше заболевание может вызвать интерес офтальмологов.

— Значит, пока ничего нельзя, — печально заключила Аня.

— К сожалению...

На окончательный вывод профессора Сергей не обратил особого внимания. Входя сюда, он не ожидал ни манны небесной, ни чуда. Его интересовало, беспокоило другое:

— У вас часто случается, профессор, когда больные после курса лечения из института выписываются слепыми?

— Сколько угодно. Многие ложатся просто для различных исследований.

— Сколько угодно? Нам подходит! — рассмеялся Сергей и представился, кто он, рассказал о школе и ее назначении.

Профессор слушала внимательно.

— Замечательно! — восторженно воскликнула она. — Прекрасно! Мы установим с вами тесную связь. Случай душевной депрессии не единичны. Некоторые потерю

зрения переносят страшно тяжело, и школа ваша кстати, как никогда. Есть у нас и такие, которые лишены чувства ориентировки.

Расстались они как коллеги, связанные общей целью.

Аня проводила Сергея до Центрального правления, сама поехала за билетами на самолет.

Встретившись с Аней вечером в номере гостиницы, Сергей как бы между прочим спросил:

— Мы во сколько вылетаем?

Та помялась и назвала час и минуты рейса.

— Что-то не совпадает? — лукаво удивился Сергей.

Аня слезливо призналась:

— Я не домой взяла билеты, а в Одессу.

Он обнял «грешницу»:

— Я уже знаю. Проинформирован теми, у кого ты брала в Центральном правлении разрешение на непредвиденный отпуск для меня. Получил встрепку за непослушание жены.

— Так ты знаешь и не сердишься? — Голос Ани зазвучал певуче: — Иначе я, Сереженька, не могла. Ну пойми меня. Нельзя начатое не докончить. Ты же сам слышал, что профессор колеблется. Вчера было невозможное — завтра станет возможным. Слышал?

— Допустим.

Аня запальчиво продолжала:

— А вдруг возможное там и объявитя. — И, опередив неизбежные возражения Сергея, торопливо досказала: — Знаю, знаю! Скажешь: «Такого нет...» Пусть так. Но, не побывав там, я прокляну себя, измучаюсь. Да, Сережа, еще раз говорю: знаю. Вероятно, и в Одессе ничего нового не ожидает, зато я успокоюсь.

— Надолго? — улыбнулся Сергей.

— Не могу сказать. — Аня тоже улыбнулась. — До тех пор, наверное, когда подойдет та обещанная вероятность.

Сергей подумал и дал согласие:

— Поедем. В Одессе побывать мне тоже хочется. Не ради консультации, а так — вспомнить молодость, наши с тобой встречи.

В мастерской, прозванной Поляковым производственным цехом, весело, на все лады пели станки. Подходя к своему маленькому заводику, прислушиваясь к своеобразному ходу работающих механизмов, Поляков останавливался и слушал, слушал с упоением этот шум. Циркулярная пила визжала, молотки стучали, прессы крякали, электромоторы гудели, жужжали. Сюда же вплетались голоса людей. Полная анархия звуков, а для старшего мастера это — музыка. Он уже видел готовую продукцию: из дерева — шкатулки, стулья, табуреты, рамки; из металла — гайки, винты, детали приборов, узлы к аппаратам — какая разница? Важен результат. Изделие.

Он вошел в столярное отделение. Здесь под руководством мастера группа учащихся знакомилась с верстаками, приспособлениями для распиловки и обработки дерева. Он проверил план занятий. Порядок. В соседнем отделении шло обучение по металлообработке. Механический цех — его любимое детище. А теперь над всем этим нависает туча. Один из столичных гостей, научный сотрудник института дефектологии, на страстное объяснение Полякова о дальнейшей перспективе расширения производства отозвался:

«Я не сторонник организации производства, выпуска изделий. Об этом надо вообще забыть. Я буду рекомендовать вашему педагогическому совету превратить мастерскую в один из видов учебного процесса. У вас учебное заведение, Илья Максимович, а не завод».

Поляков обиделся и решил до педсовета поговорить с Надеждой Васильевной, поделиться огорчениями. Да и нужно было улаживать личные дела. Дома отец и мать посмеиваются, что невеста пренебрегает им.

С Ильиной они встречались только на совещаниях, планерках. А побеседовать просто, откровенно не удавалось. Сейчас его ничто не удержит.

— Можно? — спросил он постучав.

— Проходи, Илья.

Надежда Васильевна встретила, как всегда, радушно.

— Я к вам за помощью,— с грустью начал он, проходя в ее комнату.— Один из членов комиссии собирается на педсовете внести предложение прикрыть наш

производственный цех, не совсем ликвидировать, а запретить выпуск продукции.

— Правильная рекомендация,— поддержала Надежда Васильевна научного сотрудника. Он и с ней вел об этом разговор, и она согласилась с выводами.

Поляков не ожидал от завуча такой позиции.

Она спросила:

— Ты против мнения комиссии, Илья? А ведь Сергей Михайлович согласен.

— Сергей Михайлович?— удивился Поляков.— Мы вместе с ним мечтали о настоящем производстве, о профессиональном обучении. Я ради производства и остался.

— И молодец, что остался. Поможешь.— Надежда Васильевна перешла на уговоры:— Нам нужно выпускать не детали, не мертвые железные предметы, а продукцию живую, освобождать больных людей от их психических потрясений. Такое производство куда сложнее и ответственнее.

Неужели директор отступил? Тогда зачем ему, Полякову, оставаться здесь? Он механик, а не педагог.

— Значит, Сергей Михайлович производство зарубил...— упавшим голосом произнес он.

— Я тебе объяснила...

— Не надо, Надежда Васильевна...— остановил Поляков.— Понимаю, что к чему.

— Не по Фоме шапка,— недружелюбно заключила Ильина.

— Вроде,— подтвердил старший мастер.— У меня в жилах течет не та кровь. Учительство не моя специальность.

Продолжать разговор о защите производства не было смысла. Директор и завуч против. Ясно. Можно встать, уйти. И навсегда. Но еще не все высказано.

— Вы не рассердитесь, Надежда Васильевна?..— набравшись смелости спросил он.

— Не понимаю...— лицо Ильиной стало настороженным. В тоне Полякова слышалось что-то запальчивое.— Попробую не рассердиться,— пообещала она.

— Я предлагаю вам... Ну, жить вместе, то есть выйти за меня замуж. Мои родители согласны. Институт кончу, останусь в школе, будем вместе работать.— Его лицо, уши запылали жаром.

Вначале слепой женщине показалось, что она ослы-

шалась. Таким неожиданным был переход и предложение. Потом, прия в себя, обиделась. С трудом проглотила подкатившийся к горлу комок. Он что же, издевается, смеется над ней? Пусть она может прибрать в квартире, постирать, погладить, приготовить еду, сбрать на стол, помыть посуду, но как все это будет выглядеть в глазах зрячего мужчины? Долго ли он, зрячий муж, будет спокойно наблюдать это? А появится ребенок? Надо ухаживать за ним и конечно уж смотреть. А беготня по магазинам? Значит, понадобится помочь... Всюду зависимость, необходимость в сопровождении. Он, зрячий мужчина, который быстро пресытится нахлынувшей на него влюбленностью, когда-то остынет, начнет корить себя и в конечном счете если не другая женщина, то вечная зависть к полноценным семьям. Злая судьба: наказывая мужчину потерей зрения, женщину тем же самым она наказывает вдвойне. Томилов, Кулаков, Арский — не видят. У них жены зрячие. Это принимается за норму, не вызывает ни удивления, ни судачества. Будь наоборот: выйди она, Надя, за Илью, он из-за одних лишь «ох» да «ах», судов и пересудов озлобится.

Потому и супружества зрячих мужчин и слепых женщин единичны. А готов ли к этому Илья? А она, Надя? Она относилась к нему как к другу, как к хорошему, честному товарищу — и не больше.

После долгого молчания она отозвалась:

— Не получится у нас с тобой жизни, Илья. Ты замечательный человек. У тебя спокойный, покладистый характер. Но, понимаешь, этого мало! Нужна любовь, сильная любовь. У меня такой любви нет. Не обижайся. Мы говорим о большом, серьезном деле. И лгать, притворяться сейчас равнозначно предательству. И ты вряд ли настолько полюбил меня, чтобы потом не упрекать ни меня, ни себя. Речь идет не об одном дне жизни. Я не хочу приносить тебе страдания. Останемся, Илья Максимович, друзьями.

Илья хотел сказать, что он любит ее, любит по-настоящему, что он и учиться-то пошел, чтобы хоть как-то сравняться с ней. Вернулся сюда, пришел в школу только из-за нее. «При чем тут глаза? Какая ошибка? Я люблю ее! Пусть она не видит. Знаю, все знаю, что ожидает меня. Не один день думал о том — годы». А язык не повиновался.

— Простите, если обидел,— всего-навсего вымогил он.

От Ильиной Поляков ушел, дав себе слово немедленно оставить школу.

Надежда Васильевна слегла. С уходом Ильи в ней что-то надломилось.

Она лежала с головной болью. Не вышла на работу. Металась, часто дышала от подскочившей температуры и кляла свою несчастную долю. Не инвалидность бы, какой она была, ее доля? Наверняка счастливее, намного-много счастливее. А что, если Надя допустила ошибку, не приняв предложения Ильи? Может быть, их жизнь устроилась бы благополучно. У него такой характер... Она постаралась бы в любом случае поддерживать мир. «Так я же не любила его,— напомнила она самой себе.— Во мне нет этих чувств, какие называют любовью». Тогда что заставляет ее страдать сейчас, когда все расставлено по своим местам, так, как она хотела? Ревность? Эгоизм? А что, если это была любовь, прикрытая ложным самолюбием? Любовь, которой так, запросто не переболеешь? Нет, надо переболеть. Необходимо! Так надо, так лучше. Погасить ее навсегда без надежды, без самообмана. Знал бы Илья эти ее минуты... Минуты страдания о нем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Много ли времени прожил Сергей в Одессе, вернее не в городе, а на маленьком пятаке в глазной клинике, а сколько ярких воспоминаний всколыхнулось в нем.

В беседке Сергей слушал возню морских волн. Около него сидела Аня, родная, любимая, но еще не его Аня. Просто любимая девушка. Тогда, он помнит, заявил: если врачи не вылечат глаза, он навсегда уедет от нее. Но жизнь поворачивает по-своему. Она не посчиталась с клятвой.

Аня сейчас поднималась по лестнице. Тогда он тоже слышал стук ее каблуков. Минули годы, а кажется, все случилось несколько дней назад.

— Ты о чем так задумался?— спросила она, остановившись перед ним.

— Тебе не чудится, Аньютка, что мы с тобой были здесь всего лишь вчера?

Аня обрадовалась совпадению мыслей.

— Точно, Сережа. И у меня именно такое ощущение.

— Ты была Тиховой...

— И поехала из Одессы вся в слезах. Потом ждала тебя.

— И не боялась, что я вернусь без зрения? — осторожно спросил Сергей.

— Ничего я не боялась. Я ждала тебя.

— А про слезы мне не писала. Я бы пожалел.

Аня вспомнила, как она хотела, чтоб он утешил ее.

— Да... — мечтательно выдохнула она. — Прошло с тех пор много-много событий.

Сергей подхватил:

— Мы с тобой вместе. У нас сын и дочь. Снесли наш дом. Вместо предприятия организовалась школа, а я приехал сюда, как странник, за чудом — увидеть свет, вон ту шершавую кору дерева, за что тогда обещал просидеть всю ночь, не отрывая от него взгляда... Сейчас отказываюсь. Слишком расточительно разбрасываться временем. Слишком дорогая плата. Мне и без того не хватает часов в сутки. Тогда был юнцом, застигнутым врасплох. Напугала тьма.

Аня поглядела на ствол — корявый, шишковатый.

— Ты видел после операции этот кипарис? — спросила она.

Сергей подошел к Ане, нащупал морщинистую кору кипариса, погладил ее ладонью.

— Видел, Аньютка. Как только разрешили снять повязку, я первым долгом помчался сюда, чтобы рассмотреть эту беседку, бетонный спуск к морю, это дерево. Но главное — мне хотелось увидеть твои следы.

— Увидел? — шуткой спросила Аня.

— А как же? Конечно, увидел! Ведь в те минуты я был зрячим.

— Может быть, и на этот раз увидишь... — У Ани перехватило горло.

Сергей похлопал по стволу.

— Нет. На этот раз он не покажет себя. Второго чуда не свершится... Давай спустимся к морю, подышим влагой. Скоро в клинику.

Они пересекли песчаную прибрежную полосу, приблизились к воде. И это он видел — ракушечный серый

песок, волнистую, как стиральная доска, поверхность моря, бледно-синее, безоблачное небо. Вон там грела свое днище лодка, словно выброшенная на берег акула. И сейчас там же кто-то кричал, что-то шуршало по пляжу. Он стоял лицом к морю и ощущал безбрежный простор, насыщенный прохладной влагой, слышал его. Гудки кораблей, крики чаек, шепот моря раздавались открыто, гулко, как в огромном, пустом зале. Левую щеку обласкало тепло. Сергей повернул голову. Солнце, раннее, утреннее солнце вышло из-за деревьев парка. Его лучи светящимся ручейком проникли в глубину глаза. Увидев эту крошечную каплю, Сергей почувствовал, как у него заныло, защемило внутри. «Увидеть бы все...» Ведь он находится рядом с той клиникой, где ему вернули когда-то зрение, и только нелепый случай вновь отнял его. «Может быть...» — неожиданно подумалось Сергею.

Аня тоже стояла у моря. Волны набегали на пологий берег, тянулись к ногам, но, потеряв силы, сердито лизнув песок, откатывались назад. Аня посмотрела на часы — около восьми.

— Пора, Сережа. До приема надо позавтракать.

— Позавтракать необходимо, — выйдя из оцепенения, бодро откликнулся Сергей. — В это заведение надо идти сытым, а то вдруг заставят лечь.

В шутливом тоне Сергея Аня уловила нотку надежды.

Прежде чем войти в здание, где проводился прием, Сергей попросил:

— Пройдемся по дорожкам.

Он знал каждый поворот, длину каждой аллеи по количеству шагов, знал, как стоят корпуса института. Тогда с ним мысленно всюду была Аня. Он ходил с ней по этим дорожкам, разговаривал. После вторичной потери зрения Сергей метался. Что делать? Куда ехать? Как спрятаться от всех и от нее, от Ани?

— Ты что улыбаешься? — удивилась Аня.

— Так. Вспомнилось, как собирался убежать от тебя.

Аня тоже улыбнулась и погрозила:

— Я все равно бы тебя нашла в любом месте, надра-ла бы уши и увезла домой.

Врача Анастасию Михайловну, которая прежде лечила Сергея, пришлось ждать больше часа. Аня нервничала, но не показывала виду.

— Вас просят,— услышала она голос девушки в белом халате и почему-то испугалась.

Анастасия Михайловна обрадовалась, увидев входящих Томиловых.

— Присаживайтесь. Ближе, ближе к моему столу. Возмужал, Сережа, стал солиднее. А вы, Анечка, все такая же, какой видела в первый раз. Помню, как вы робко привели ко мне своего молодого человека.

Аня покраснела.

— С тех пор прошло уже много лет. У нас двое детей.

— Двое? Молодцы! Рада за вас! — Постаревшее лицо Анастасии Михайловны сияло.— Опять решили пройдеть? Что ж, похвально! Многие из бывших наших больных по пути и без пути заглядывают к нам. Не забывают. Приятно!

Аня просительно посмотрела на доктора.

— На этот раз мы прилетели совсем по иному поводу.

Ее взволнованность перешла к Анастасии Михайловне.

— Говори, говори.

— У Сережи появилось светоощущение...

— Светоощущение? — повторила врач и посмотрела на глаза Сергея.— Свет резкий?

— Что вы, — заговорил Сергей.— Совсем чуть-чуть. Я помню, тогда, после лечения, перед операцией, от любой лампочки смыкал веки. А сейчас только прямой луч от солнца улавливаю.

Анастасия Михайловна как-то сразу обмякла, потеряла интерес.

— Могло произойти рассасывание нижнего слоя роговицы. Но сама по себе она в том же состоянии.

Аня недоверчиво подумала: «Откуда же известно, если она еще не осматривала?» И спросила.

— Выходит, делать операцию нельзя?

В глазах врача промелькнуло сочувствие.

— Нельзя, дорогая. Такую роговицу трогать бесполезно. Выброси ее, погубишь целиком глаз. Да и новая не приживется. К тому же неизвестно, что из себя пред-

ставляет сетчатка, зрительный нерв. Прошло много времени, и, может быть, большинство клеток уже отмерло. Надо видеть глазное дно, а через такие нарости роговицы ничего не разглядишь.

— Примерно то же самое нам сказали и в Москве, в глазном институте.

— Вы и там побывали? — удивилась Анастасия Михайловна.

— Да, мы оттуда. — Аня подала конверт с историей болезни. — К вам прибыли за окончательным приговором.

Вынимая листы из пакета, врач призналась:

— Не всегда наше слово окончательное. Случается, московский институт проводит лечение успешнее. Нельзя взвешивать, кто лучше, кто хуже. Более того, нередко мы перенимаем опыт обыкновенных периферийных глазных больниц, используем его в практике нашей клиники.

Аня чего-то ждала, и Анастасия Михайловна, уловив в ее вопрошающем взгляде немое требование, пообещала:

— Сейчас придет главврач, и мы ей покажем Сережу.

Лицо Ани подобрело.

Анастасия Михайловна углубилась в чтение записи московского профессора.

— Все так, как я и предполагала. — Она подняла седеющую голову. — Трансплантация бесполезна.

Сергей был готов услышать это и, чтобы покончить неприятный разговор, спросил:

— О Серафиме Алиеве ничего не слышно, Анастасия Михайловна?

— Не только слышно, а с полгода назад он сам был у нас. Не повезло ему. Мячом ударили по глазу — в результате полная потеря зрения.

— Нелепый случай, — отозвался Сергей. — Скажите, доктор, он тяжело перенес потерю зрения? Меня это интересует как директора школы. — Ему пришлось повторить рассказ, который до этого выслушала главный врач Московского глазного института.

— Ваша школа необходима, как и наши лечебные учреждения... — Анастасия Михайловна что-то припоминала. — Тяжело пережил Серафим. Мучительно.

— В ваших медицинских карточках есть домашние

адреса. Дайте мне, пожалуйста, адрес Серафима Алиева.

Девушка в белом халате, которая пригласила Томиловых к Анастасии Михайловне, войдя в кабинет, доложила:

— Профессор смотрит больных в темной комнате.

Врач вышла и, вскоре вернувшись, сказала:

— Пойдемте...

— Помните нашего больного горняка, потерявшего зрение при аварии в шахте? — обратилась она к пожилой седой женщине.

Главный врач пристально вгляделась в больного, потом ознакомилась с историей болезни.

— Припомнила. Операцию делала я. Да, да... Так, так. Что же произошло?

Анастасия Михайловна объяснила, показала последнюю запись профессора московской клиники. Главврач произнесла фамилию профессора тепло, с уважением.

— Вы работаете? — прозвучал внезапный вопрос.

Томилов подтвердил:

— Работаю.

Вмешалась Анастасия Михайловна:

— Он как раз занимается проблематикой трудоустройства. У них открыта специализированная школа по возвращению слепых к жизни и труду. А наш пациент руководит этим заведением.

Главврач снова вгляделась в Томилова, будто он только что появился перед ней, и повторила:

— Берегите свой свет и помогайте обретать его другим!

Смотреть Сергея она не стала.

Всю дорогу до аэропорта Аня еле сдерживала душившие ее слезы. Неужели нельзя ничем помочь Сереже? Ну почему до сих пор эти известные профессора ничего нового не придумали, не открыли? Ведь существуют радары, магнитные лучи, высокочастотные волны, лазер, ультразвук. Ее мысли бежали, бежали, как волны... И что-то в них мелькало неуловимое, спасительное, обнадеживало, приказывало не сдаваться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Небольшой зрительный зал пока пуст. У открытых форточек клубится холодный воздух. Кресла аккуратно выровнены. Над сценой приветственный лозунг: «Да

здравствуют ветераны труда!» Все готово к торжественной церемонии.

Даниил Кулаков стоит на сцене и проверяет, не упущено ли что-нибудь. Он по порядку перечисляет каждую деталь предстоящего вечера. Это первое большое ответственное мероприятие, подготовленное им на городском объединенном предприятии. Оно должно стать его экзаменом на право дальнейшего заведования клубом. Предшественник Даниила,— а он хоть и немногого, но видел,— Егоров, освобожденный с этого поста за то, что плохо проводил воспитательную работу, в оправдание себе нашептывал: «Председатель правления Моргунов тянет свои кадры. Скоро из здешних руководителей никого не будет». После таких наговоров Кулакову приходилось действовать осторожно, с оглядкой. Чтобы побольше собрать зрителей на сегодняшний вечер, сделано неоднократное объявление по местному радио, вывешены афиши. Он мысленно представил себе форму зрительного зала — узкий, в ширину восемь мест, длина пятнадцать рядов — всего на сто двадцать человек. А на предприятии более пятисот. Куда он их посадит? Мал клуб... Вот на их старом предприятии — там было где развернуться.

Начали собираться участники художественной самодеятельности. Предстояло показать монтаж — «Путь трудовой славы». Прибыли герои торжества — старые рабочие и служащие. На их долю выпало рассказать молодежи о трудных условиях в старой мастерской, в которой им пришлось катать валенки, клеить пакеты, изготавливать из рогожи матрацы. Да, им было о чем вспомнить. За их плечами лежала вся нелегкая организация общества.

Наступило время начинать концерт. Участники самодеятельности разместились в боковой от сцены комнате. Даниил повторил очередьность выхода. Первый звонок. И Кулакову докладывают:

— В зал...

Даниил не удержался и перебил:

— Все-таки сажать некуда?

— Нет, Даниил, в зале ровно тридцать один человек. И все только наши из Дальнего.

У Кулакова подкосились ноги. Он спиной оперся о косяк двери. На сцене артистов будет больше, чем слушателей.

— Что делать?

Ему смущенно ответили:

— Не знаем.

— Может быть, подождем? — обескураженно спросил Кулаков.

— Что ты! Бесполезно, — сказал кто-то из участников.

— Так нам неинтересно готовиться, терять понапрасну время, — возмущился руководитель хора.

— Кто-нибудь из начальства есть? — неизвестно кому обратился совершенно сбитый с толку заведующий клубом.

Тут же кто-то сострил:

— Начальство сидит дома, пивком балуется или диванчик приминает. Для них наши вечера что петуху ручные часы.

Нужно было начинать. Промедление расхолаживало участников вечера, и в случае срыва завтра наверняка не миновать разноса дирекции. Потом вряд ли вновь организуешь людей.

— Начнем! — решительно объявил Даниил.

Стало тихо. Каждый почувствовал ответственность, которая наступает перед выходом на сцену. Сцена всегда действует магически. Она дисциплинирует выходящего на нее под яркий свет ламп и ждущие, испытующие взгляды зрителей. Сцена одухотворяет, вдохновляет участника, так как он всегда знает, что на него смотрят из зрительного зала оценивающие и с одобрением.

Первым выступил драматический кружок. Были показаны сценки из жизни незрячих. Потом выступили солисты, чтецы, музыканты. Потом сиденья в зале сдвинули к стенам, участники концерта спустились к зрителям, организовался общий мощный хор. Ему аккомпанировал ансамбль народных инструментов. Вечер закончился танцами. Такого веселья в этом небольшом зале еще не случалось. Но Кулаков уходил домой сумрачный, недовольный. «Если бы в сегодняшнем вечере участвовала хотя бы третья работающих на предприятии...»

Дома его ждали горячие сибирские пельмени, приготовленные Таней. Она работала на предприятии упаковщицей готовых изделий. Жили они в доме общества в однокомнатной квартире, всегда заботливо убранной хозяйкой, безупречно чистой, и Даниил, как мог, оберегал порядок: входя, у порога надевал домашнюю обувь, на

место вешал одежду, следил, чтобы ничего не сдвинуть, не уронить.

Увидев озабоченного мужа, Таня тревожно спросила:

— Что с тобой?

— Хорошую программу подготовили, а на вечер пришли только с нашего предприятия,— хмуро пожаловался Даниил.

— Да, к нашим тут относятся враждебно,— Таня тоже запечалилась.— Трудно будет тебе. Ты после Егорова у здешней администрации как кость в горле. Он похлеще нашей Колковой. Коварнее и хитрее. Не лучше ли тебе перейти в цех, рабочим?

Кулачков махнул рукой, заговорил беззаботно:

— Выдержу. Ничего, Танюша. Вечер прошел на славу. Завтра о нем узнают все. Кто не присутствовал — пожалеют. Теперь давай ужинать. Чем так вкусно пахнет? Чую — пельмешки.

Много хлопот причиняет машина, когда кончается ее срок: не успеешь заменить одну деталь, как выходит из строя другая. Починишь одно — рушится рядом.

Александр Георгиевич Точкин отлично представлял, что это такое. В молодости сам шоферил, за бараккой и потерял зрение. Притомился, задремал, врезался в столб. Руки, ноги целы, а глаза... Ни писать, ни читать. Но небольшой остаток зрения позволяет передвигаться самостоятельно — впереди себя видно дорогу. Уже будучи инвалидом, он окончил вечернее училище работников коммунального хозяйства, получил диплом техника-экономиста. Работал на предприятии Общества слепых в областном городе помощником директора. Второй год — директором.

Точкин принял рапорта участников и сравнил их неровный ритм работы с той старой, рассыпающейся машиной.

Залатали одну брешь в плане, снова потекли неутешительные доклады: «Не хватает сырья», «Остановился конвейер», «Люди на простое». Завтра поправит он это, а там сорвется что-нибудь еще. И за все беды отвечает директор. А виной всему — слияние предприятий. Моргунову и Томилову — им что? Один сидит вверху и поплевывает вниз, второй, освободившись от производ-

ства, свил себе укромное гнездышко. А тут хоть разорвись. В технологическом потоке кавардак. План сбыта готовой продукции завален, рабочие враждуют между собой, делятся на «наших» и «ненаших». Прибывшие из Дальнего хваствают: «У нас-то был настоящий порядок, дисциплина, не то что у вас». Хвастунам в укор бросали: «Плохо у нас — убирайтесь». Попробуй в подобной обстановке руководить гладко. Александр Георгиевич выходил из себя, кричал на подчиненных, грозился взысканиями — не помогало.

Как все поправить?

Он тоскливо смотрел на улицу, видел заснеженную дорогу. За ней — жилой дом, куда переселилась «томиловская братия». Он проклинал ее за нарушение покоя, за внесенный беспорядок.

— Можно, Александр Георгиевич?

Директор обернулся.

— Это ты? Садись. Что новенького?

Расположение к нему директора Егоров принимал как должное. Он помогает ему кое в чем.

— Ваша идея — проучить гостей — удалась, — восторженно начал он. — На вечер из наших не пришел никто. Моя работа с бригадирами сыграла роль.

— Да ну? Неужели? — не то испугался, не то удивился директор.

— Честное слово, ни одного! — Егоров сбавил тон: — Кулаков чуть в обморок не упал.

Точкин расхохотался — раскатисто, с наслаждением.

— Жаль, что только «чуть». Пусть знает наших! А томиловские были?

— Немного. — Сколько именно, Егоров уточнять не стал, так как под конец концерта зал заполнился наполовину. — Александр Георгиевич, — широкое белое лицо Егорова помрачнело, — оставаться рядовым рабочим мне как-то невыгодно. У меня образование, специальность культмассовика, третья группа по зренению, жена инженер. Дайте что-нибудь подходящее по развитию, по знанию.

Точкин насупился.

— Конечно, надо. И необходимо. Но Моргунов опять вмешается. Мне нужен помощник. Я — пожалуйста. Но не моя номенклатура. А другого ничего подходящего нет.

— Вы мне самому разрешите поговорить с Моргуно-

вым? — загорелся Егоров. — Извинюсь. С кем не бывает промахов. С выпивкой покончил. В остальном тоже исправлюсь...

— Я что? Я приветствую.

И он не кривил душой. С Егоровым он бы сработался. Он понимает его с полуслова.

Получив разрешение действовать, Егоров добился приема у председателя. На вид всегда спокойный, Иван Арсеньевич Моргунов обладал еще одной подкупющей чертой: в любых случаях, с любым человеком он говорил ровно, не повышая голоса. Предлагая его вместо себя председателем областного правления, Томилов подчеркнул именно эту черточку его характера.

— Это я, Иван Арсеньевич! — Егоров держался с нарочитой непринужденностью, без приглашения приблизился к председательскому столу, крепко пожал руку Моргунову. Сел за приставной столик. — К вам, к вершителю судеб.

Однако развязности хватило ненадолго. Моргунов на нее не реагировал, ждал, когда посетитель приступит к изложению своей просьбы. Молчание затягивалось. Пришлось председателю прервать его.

— Слушаю вас.

«Слушаю вас...» — про себя передразнил Егоров. — Держит апломб, как заправский ответственный руководитель. Егоров не терпел Моргунова за холодность и замкнутость. «Ни огня, ни дыма. Ни бе ни ме...» И, придав своему круглому, плосковатому лицу с тонкими бесцветными губами и вздернутым носом скорбное выражение, сказал:

— Я наказан слишком жестоко! — Его маленькие глазки наполнились слезами. — Взять вот так, сплеча, и рубануть! Нет у вас сердца, Иван Арсеньевич!

Председатель правления внес точность:

— Вас освободил президиум, а не я.

— Не надо дурачить меня, Иван Арсеньевич. Я из детского возраста давно вышел. Что вы прикрываетесь президиумом?

— Вы ближе к делу, Василий Николаевич, — вежливо попросил Моргунов.

— Ближе к делу? Можно и ближе. — Елейные нотки у Егорова исчезли. — Вы сняли меня незаконно! Не такое тяжкое преступление я совершил.

Моргунов удивился:

— Появление на работе в нетрезвом состоянии, распитие спиртного в служебные часы, развал воспитательной работы — это вы считаете не тяжким преступлением?..

— Знаю, — перебил Егоров. — Повторяться не надо! Можно было бы ограничиться выговором и помочь. Я по специальности клубный работник, а что получилось? Смяли, как клочок бумаги, и бросили в урну.

Моргунов поморщился:

— Конечно, аллегории хороши, но цех — не урна. И в нем вы не клочок бумаги, а рабочий, сборщик автосигналов. Не нравится, подыщите место в другой организации.

Сдержанность начала изменять Егорову.

— Вы не забывайте, я инвалид третьей группы по зрению.

Моргунов миролюбиво сказал:

— Тогда оставайтесь в цехе.

Егорову ничего не оставалось, как снова стать кротким.

— Иван Арсеньевич! Прошу вас, назначьте меня помощником директора по воспитательной части. Даю слово: ни одним замечанием не опорочу себя. Буду вечно благодарить вас. Устройте! Для вас это плевое дело, а для меня честь! Вам нужны избиратели. На конференции мой голос — ваш.

Председатель правления снял очки, протер стекла, надел снова.

— Помощником директора вас не назначим, — бесстрастно сказал он, будто посетитель просил всего-навсего прикурить. — Вы отстранены от руководства клубом, а должность помощника директора выше. Что касается конференции, я голоса не скрупаю. Получу отбой — пойду в цех. Я оттуда.

Маленькие глазки Егорова блеснули ненавистью.

— Учтите, товарищ председатель. Я как змея. Она не кусается только тогда, когда ее не трогают, а наступи — ужалит! В порядке самообороны.

Моргунов придинул к себе письменный прибор, спокойно спросил:

— У вас все? Вам больше нечего сказать?

Егоров демонстративно встал:

— Я вас понял, Иван Арсеньевич! — И откланялся.

После подобных бесед у Ивана Арсеньевича надолго оставался неприятный осадок. Ему бы хотелось, чтобы каждый посетитель уходил от него удовлетворенным, довольным. Он корил себя за прямолинейность, несдержанность. «У меня не хватает способности убедить человека, когда он не прав», — бичевал он себя. А завтра вызывал снова на беседу, стараясь разрядить конфликт.

И сейчас, оставшись в кабинете один, он решил: «Надо поговорить с Егоровым еще».

Следующим посетителем оказался Кулаков. Он был явно не в духе.

— Ты не с пожара? — пожимая руку друга, спросил Моргунов.

— Хуже, чем с пожара! — в тон ему ответил Даниил. — Вчера такую программу показали, и все напрасно — мартышкин труд!

— Почему? — насторожился Моргунов. — Я жалею, что мне не пришлось послушать — поздно вернулся из командировки. Чем ты недоволен?

Кулаков сел на стул, на котором только что сидел Егоров.

— Из рабочих городского предприятия на вечер ни один не явился, кроме участников самодеятельности и ветеранов труда. И наших было немного. Кто-то подбил их не приходить. Вот и старайся...

— Бойкот, значит... — В Моргунове забродила злость. — Понятно. Теория Точкина — «слияние двух коллективов — в ущерб общим интересам» — запущена в практику. Помнишь, как он упорствовал на президиуме, выступая против объединения предприятий? Биологические законы приплетал — тканевую несовместимость. Ну, разберемся...

Он позвонил Точкину и пригласил зайти.

Точкин явился тотчас, остановился у порога.

Моргунов, не приглашая пройти и сесть, начал прямо:

— Почему вы вчера сорвали вечер, посвященный ветеранам труда?

Точкин переступил с ноги на ногу.

— Вечер не сорван, Иван Арсеньевич, мероприятие состоялось.

— Сколько рабочих городского предприятия принял участие в вечере?

Директор снова потоптался.

— Не знаю, не считали. Если требуются точные данные, я дам команду — подсчитывают.

— Не утруждайте себя командой, — вмешался Даниил. — Даю точные сведения — ни одного.

Войдя в кабинет, Точкин не рассмотрел и сразу не узнал заведующего клубом и к его присутствию в кабинете председателя отнесся с неприязнью.

— У меня, товарищ Кулаков, план, производство. Мне некогда ходить собирать рабочих. Это уж ваши обязанности. Не перекладывайте их на других...

— Не слишком ли вы усердствуете, Александр Георгиевич, — перебил его Моргунов, — чтобы доказать необоснованность и пагубность объединения двух производств? Факт, мол, налицо — Кулаков не наш, к нему даже в клуб не идут. Вывод простой: несовместимое нельзя соединять...

Мелькнул белый платок — Точкин вытер взмокший лоб.

— Иван Арсеньевич, я не знал, сколько было рабочих на вечере. И тем более, повторяю, это не мое дело. Но я приму меры. Упустил... Знаете — без помощника директора по воспитательной части трудно... Планы, производство и прочее...

— Тогда договоримся так. — Моргунов заговорил спокойно, размеренно: — Давайте сложившуюся обстановку на предприятии по всем пунктам — по производству и воспитательной работе — обсудим на заседании президиума.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поездка в Москву была для Томилова не напрасной. Он побывал в институтах, советовался с учеными, многое узнал, понял и чувствовал, что теперь ему будет гораздо легче решать многие вопросы, связанные с учебным процессом в школе. Сергею не терпелось поскорее приступить к работе, исправить некоторые неточности, внести поправки в программу, пересмотреть наглядные пособия, дополнить учебный интерьер более выразительными для сравнения предметами.

Они с Аней только приехали домой. Было уже поздно. Томилов пытался заснуть. Бесполезно. Часа через два все равно вставать, собираться на работу. Он на

цыпочках пробрался в свою комнату, включил магнитофон. Голос Ани. Начитанная ею книга о физиологии. Автор рассказывал о тайнах живой клетки. Сергей слушал внимательно. Потом свои мысли о школе, о семье, Ане, детях стали отвлекать его внимание. Голос Ани отдалился.

Он выключил аппарат, взял шильце, брайлевский прибор и записал некоторые раздумья. «Пригодятся для какого-нибудь доклада или просто для беседы с учащимися».

Аня тоже не спала. За время полета от Одессы до дома она, смирившись с заключениями маститых профессоров-окулистов, искала новые пути и возможности для решения ее отчаянных вопросов: «Что делать дальше?» «Как быть?» Если бы она сама могла увидеть глаза Сергея так, как видели его врачи, то все было бы иначе. Ей казалось, они что-то не говорят ей, может, просто не хотят делать, потому что все это сложно, трудно. Прав Николай, когда, следя дружескому импульсу, страстно сказал: если бы можно было начать жизнь заново, он ради появившейся у друга капли света пошел бы в медицинский институт. Сам того не подозревая, не желая, он бросил упрек Ане. Ей тоже трудно, да нет, невозможно начать жизнь сначала... Но ради Сергея, его счастья разве нельзя это сделать?

Наверное, это наивно, безрассудно, у нее двое детей, своя работа и заботы, заботы... Надо сказать Сергею, убедить, чтобы он понял ее, посоветовал. Без него она не может ничего решить... А вдруг он ее высмеет?..

Она поднялась, набросила халат, вышла в коридор. Пощелкивание шильца обрадовало — Сергей не спал. Сердце Ани стучало, щеки горели.

— Сережа... — тихо и как-то виновато окликнула она. — Ты не спишь?

Сергей поднял голову.

— А ты почему бродишь по ночам?

Аня рассмеялась:

— Я сплю, Сережа. И то, о чем хочу поговорить с тобой, пусть будет сном наяву. Считай меня спящей, мне так легче исповедаться.

Сергей отложил прибор, грифель.

— Кажется, что-то важное. Что ж, исповедуйся.

— Ты что записывал?

Аня спрашивала для того, чтобы успокоиться, со-

браться. И Сергей предоставил ей такую возможность, занявшись объяснением:

— Слушал книгу по физиологии, и она меня натолкнула на некоторые размышления, вот я их и записал. Вначале намеревался использовать в каком-нибудь докладе, потом неожиданно пришла идея написать статью в журнал о труде как самом эффективном препарате при тяжелых психических заболеваниях, вызванных потерей зрения и другими травмами. Ну, возьмем, к примеру, таких, как Трошина, Колчин.— Он придвинул поближе к себе пустующее кресло.— Теперь, дорогая Анна Ивановна, садитесь и выкладывайте.

Аня села, не зная еще, с чего лучше начать: издалека, постепенно или сразу сказать о главном, а объяснения потом.

— Я надумала поступить в медицинский институт.

Она облегченно вздохнула, будто перепрыгнула через опасное препятствие. Лицо Сергея на миг застыло в испуге, затем болезненно сморщилось, выражая недовольство, потом на нем появилось недоумение.

— Ну, Анна, с тобой не соскучишься! Как снег на голову! Все мог ожидать, но подобное никогда бы не пришло в голову. Слишком неожиданно! Что опять случилось с тобой, Анютка?

Аня положила руку на плечо мужа.

— Ничего неожиданного, никаких фокусов.— Она сделала короткую передышку.— Все естественно и благородно. Прошу тебя выслушать без скептицизма. И не перебивай. Хорошо?

Сергей слегка тряхнул головой так, что оставалось непонятным, согласился ли он с просьбой илипренебрежил ею.

— Прошло три года, как я бросила библиотечный институт.— Голос ее окреп.— А я должна учиться. Раз позволила себе потерять столько времени — значит библиотечный институт не по мне. Значит, специальность не полностью увлекла.

— Тебе помешали дети...— попробовал оправдать ее Сергей.

Но она отмахнулась.

— Во времени я почти ничего не теряю, если перейду в медицинский, а выиграю то, что моя профессия приблизит меня к тебе. Мы вместе будем заняты незрячими. Ты — врач духовный, будешь возвращать их к

жизни, к труду, я — лечить физически, возвращать зрение. Будем рядом. У нас источником радости и огорчения станут одни и те же люди, точнее — их судьбы. Их глаза. В том и другом случае они будут нуждаться в нашей с тобой помощи.

Наступила тишина. В неосвещенную комнату через окно седыми бликами вливался свет уличных фонарей и мягко ложился на стены, на пол.

— В огромном мире, Сережа, — снова заговорила она, — семейное благополучие — слишком тихая заводь для тех, кто еще молод, полон сил. Неужели ради высоких целей я не могу выдержать перегрузки? Предвижу — нелегко будет от выдачи книг перейти совсем к иному занятию. Что же, испытание, бессонные ночи оплатятся сторицей. Исполнится мечта. Большой мир и требует от человека большего. В институт буду ездить на нашей машине — папа поможет. Сорок минут туда, сорок обратно — время небольшое.

Сергей сдвинул брови. О большом мире она сказала так, как он думал только что до этого разговора. Только он думал по-своему, а она то же самое выразила по-своему. Сергей притянул ее к себе и поцеловал.

— Ты моя ниточка, если я назовусь иголкой. И мысли-то наши — близнецы. Но только к переквалификации, к этой революции толчком...

Аня подхватила:

— Об этом я только что собиралась говорить. Толчком к выбору новой моей специальности явилось твое светоощущение. — Аня убрала с его лба прядку русых волос. — Заключения окулистов не убедили меня, Сережа. Что-то в них есть недосказанное, неокончательное. И понять их нетрудно. Они не знают, что преподнесет наука завтра, что откроют сами. Сегодня замена твоей роговицы практически невозможна, а завтра найдут подходящий материал и заменят. Может быть, я рассуждаю глупо? Так вот: чтобы лично самой вникнуть в суть твоего заболевания, следить за научными открытиями, участвовать самой в этих открытиях, ища способы лечения, я и хочу стать врачом.

Войдя в помещение библиотеки, Аня остановилась у порога и похолодела. Ей показалось: комната, занятая под читальный зал, стол за барьером, полки с книгами,

сами стены встретили ее отчужденно, холодно. Они как бы осуждали ее бегство, не отпускали. Ане стало жаль свое незатейливое хозяйство. Здесь она начала свою работу, здесь впервые увидела Сергея, познакомилась с ним. Сюда приходили шахтеры, брали и сдавали книги. Много среди горняков книголюбов, и она знала их всех по фамилии, имени, отчеству, знала характеры, вкусы. Одним готовила книги про войну, другим — по истории различных государств, про путешествия или фантастику. Были и такие, которым можно предлагать что угодно — прочитают. Она угадывала, у кого какое настроение. Горняки делились горем и радостью, не скрывали житейских секретов. Рядом с ней безмолвно, шеренгами стояли книги — тысячи книг, разных по размерам, по содержанию, художественному оформлению. Для нее эти шеренги, как шеренги солдат, были живыми, со своим большим миром или маленьким мирком. Она с благоговением смотрела на них. Как в детской радиопередаче «Клуб знаменитых капитанов», герои разговаривали друг с другом, она видела их лица, слышала голоса.

Она подошла к стеллажам, любовно погладила шеренги томиков и спросила:

— Что делать? Как быть?..

Ведь отсюда, от этих подчиненных ей маленьких и больших томов, до операционного стола ни с чем не сравнимое расстояние, как две разные планеты, и ей, Ане, надлежит перелететь с одной планеты на другую, туда, где Сергей.

Да, он там пока один, без нее. И они будут вместе, будут заняты одним общим делом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

От громкого стука в дверь Трошина вздрогнула, проснулась и недовольно спросила:

— Кто там?

— Я, Елизавета Дмитриевна.— Ильина вошла, шагнула к кровати.— Проснулись? Вставайте, вставайте. Скоро завтрак. Порядок — ничего не поделаешь.

Бодрость, непринужденность Ильиной удивляли Трошшу, и она смущалась, когда оказывалась с ней вдвоем,— такая нерасторопная, угрюмая, злая.

— А неходить в столовую можно? Я заплачу тому, кто будет носить еду сюда.

Надежда Васильевна рассердилась:

— О чём вы говорите?.. Что значит — «заплачу» и «неходить в столовую»? У нас режим и распорядок для всех одинаков. У нас нет беспомощных и привилегированных.— Она стащила с Трошиной простыню.— Подъем, ученица! Давайте-ка вместе заправим кровать.

Доброжелательная власть и дружеская бесцеремонность точно путами связывали Трошину. Она робела сопротивляться напрямую, как сопротивлялась дома матери. Томилова вызвала ее на откровенность своей подкупющей простотой, своими искренними признаниями.

А Ильина чем подавляет упорство? Почему она, Трошина, не может отстоять свою независимость? Почему разрешает вторгаться в свой сложившийся покой? Однако Елизавета Дмитриевна спустила на пол ноги, подобрала рассыпавшиеся по плечам волосы и, встав, ворчливо буркнула:

— За что приниматься?

— Где стул?— Надежда Васильевна спрашивала, сама не двигаясь с места.

— Откуда я знаю.

Ильина стояла.

— А вы поищите рукой.

Простучали ножки стула.

— Вот он!..— с веселым злорадством произнесла ученица.— Стул нашла. Дальше что?

— Дальше?— Учительница подошла к кровати.— Делайте то, что делали зрячей. Подушку, верхнюю простыню положите на стул, поправьте матрац, нижнюю простыню, уложите остальное, потом застелите покрывалом.

Елизавета Дмитриевна неохотно заскользила руками по кровати, поочередно справилась с простынями.

— Чуть не забыла подушку!— самокритично заметила она.— Теперь, пожалуй, все. Проверьте.

Ильина быстрыми, уверенными движениями, будто фокусник, пробежала ладонями по кровати и отозвалась:

— Для начала — ничего... Дайте-ка вашу руку. Щупайте. Во-первых, покрывало перекошено — вот здесь край выше, а по ту сторону ниже. Примеряйте по нижней кромке рамы. Во-вторых, вот здесь высовываеться простыня.

Трошина вздохнула:

— Вы, Надежда Васильевна, забываете, что я следила.

— А я зрячая! — вставила Ильина.

— Вы с детства привыкли. А мне... — Трошина понизила голос: — Противно привыкать к этому, мерзко. Я не могу заменить глаза руками. Понимаете, хотя сравнение гадкое, но при этом я чувствую себя червем. Правда. Чувствую — и все.

— А вам не противно, когда вы ставите себя так низко? Червь по-своему двигается, трудится, а вы пытаетесь и этого не делать? — Ильина наступала. — Нет, Елизавета Дмитриевна, если мы с вами научимся делать то, что посильно и необходимо, вам не придет в голову такое сравнение.

— Какое следующее задание? — спросила ученица.

— Вы с первым еще не справились, — ответила Ильина.

— А именно?

Надежда Васильевна взяла ее руку и притянула к покрывалу.

— Исправьте брачок. Во всем нужно качество.

— Ладно, потом, — отмахнулась та.

Учительница настаивала:

— Зачем потом? Сделайте сейчас. Потом потребуется устраниТЬ другие ошибочки, а эти так и останутся.

Трошина кряхтела, негодующе сопела, но кровать за правила заново.

— Теперь порядок?

— Теперь порядок, — проверив, похвалила Надежда Васильевна.

— Что дальше? — уже спокойно спросила Трошина.

— Идите умойтесь.

Слепой женщине предложили то, что ей казалось абсолютно непостижимым.

— Вы сориентируйте меня хотя бы голосом. Оттуда, из коридора, говорите со мной, — жалобно попросила она.

Ильина не трогалась.

— Я вас учила: сначала пройти до окна, где стоит стол... Идите к нему.

Трошина тоже не трогалась с места.

— А где оно, окно-то?

— Прислушайтесь... — Надежда Васильевна с минуту молчала. — Что-нибудь слышите?

Ученица прислушалась.

— Урчание машины и какой-то гул...

— Правильно! — одобрила Ильина. — На улице работает мотор автомобиля. Но этот ориентир непостоянный. А вот гул — это работает котельная — надежно. Кочегарка погромыхивает и днем, и ночью, и круглый год. Вы определили, где окно, — идите.

Ученица повиновалась — шагнула на звуки.

— О-о, стол! — восторженно вскрикнула она, точно сделала невероятное открытие.

— Теперь встаньте спиной к столу и запомните: прямо перед вами — дверь в коридор. Там — справа первая дверь в туалет, вторая — в ванную, третья — на кухню. Прямо по коридору в торце — выход, а налево — дверь в мою комнату. Все просто.

Да, для Ильиной просто. А для Елизаветы Дмитриевны — неосвоенная целина. Она двинулась в трудное путешествие: шаг, другой, третий... Ноги ступали несмелко, как по мелким колючим камушкам. Рука уперлась в стену. Трошина постояла, провела кончиками пальцев по шершавой поверхности в одну сторону, в другую — косяк, пустота.

— Дверь? — удивилась она, словно настоящей двери и не могло быть.

Домашние туфли зашаркали в прихожей.

— Одна, вторая... — считала Елизавета Дмитриевна.

Ильина тихонько следовала за ней. Трошина вошла в ванную.

— Дорогая Надежда Васильевна! По-моему, я попала по назначению.

Ильина ликовала: лед тронулся.

— А где краны? — спросила Елизавета Дмитриевна не без заинтересованности. Мелкие победы окрылили ее. Она искала новых столкновений с неизвестным. Умывшись, она с полушутливой иронией спросила: — Теперь что, мне одной отправляться в столовую?

— Пока запомните то, что освоили, — Надежда Васильевна не приняла иронии. — Позже будете ходить в столовую одна.

— Вы переоценили мои способности и возможности. Спуститься по лестнице, выйти на улицу и попасть в другое здание... Бр-р! — Трошина передернулась, как от холода. — Никогда!

Она не могла поверить, что за дверями квартиры может передвигаться без сопровождающего.

Ильина взяла ее под руку.

— Пойдемте вместе.

— С вами вдвоем? — испугалась ученица.

— Вдвоем.

— Вы же...

Ильина перебила:

— Не беспокойтесь, не заблудимся.

Как только дверь квартиры осталась позади, мрак, скованность снова охватили Трошину. Дома, в крошечном пространстве, которое она уже начала осваивать, Елизавета Дмитриевна чувствовала себя спокойнее. Сейчас она представила себе, как светло вокруг и как она в этом белом дне выглядит вроде покойницы, на нее обращают внимание проходящие люди.

Ильина дважды запнулась о бордюр дорожки, у входа в столовую наткнулась на стену, лишь потом попала в дверь. Кто она, Надежда Васильевна? Незрячая женщина, такая же, как и Трошина. Суть у них тоже одна — несчастные. Пройти от дома без сопровождения — милостыня здимого мира не велика. Просто механическое запоминание расположения предметов, дверей, лестниц, количество ступенек. Хотя бы сотку зрения... Это совсем немного, а заменит все. Человек видит немного, но он видит. Пусть только то, что находится перед самыми глазами, но он уже живет светом, красками, выражением лиц, звездной россыпью.

Трошина обманулась утренними маленькими победами. Она забыла, что настоящее заменить никакой подделкой нельзя.

Из столовой она вернулась разбитой и угнетенной, словно Ильина сводила ее напоказ, продемонстрировала всем ее немощность.

— На занятие за вами послать? — осторожно спросила Надежда Васильевна, когда они вернулись в комнату Трошиной.

— Ни в коем случае! — резко заявила та. Нет, она не может, не хочет перевоплощаться. Она не расстанется с прежним, со своей профессией. Одними мыслями будет жить — пусть лежа, она будет мысленно делать операции, лечить больных. Зачем ей нужно приспособливаться?

Ильина давно вышла. Она не стала приставать к своюенравной ученице. А ученица, теряя логическую нить мысли, делала какие-то свои сумбурные выводы. Ваньку-встаньку можно свалить набок, он тут же поднимется. Так и тут. Сколько ни приспособливайся, как ни прикрывай слепоту, все равно она напомнит о себе, вернет к прежней безысходности. Трошина бросилась на кровать, обхватила подушку, заскрипела зубами: «За что на мою голову свалилась такая беда!..»

— Можно?

Трошина прислушалась.

— Можно? — повторил мужской голос.

Елизавета Дмитриевна села, смахнула слезы.

— Я никуда не пойду, товарищ директор! Никуда! Вызовите маму, я не желаю учиться!

— Я никакой не директор, — остановил мужчина запальчивую тираду хозяйки комнаты. Он шаркающим шагом прошел влево, потом к окну. Брякнул стул. — Разрешите сесть?

Елизавета Дмитриевна рассеянно отозвалась:

— Пожалуйста... Садитесь... Но я не знаю, кто вы? Гость сел.

— Я Анатолий Колчин, такой же, как вы, ученик этого заведения, в числе тех, кто имеет ограниченную ориентировку.

— А как вы дошли сюда? — подозрительно спросила Елизавета Дмитриевна.

— Сюда... — Колchin хмыкнул. — Знаете, сколько потов пролито, чтобы освоить этот путь? Сантиметр за сантиметром осваивал. Выход на улицу, затем дорога из общежития к вашему дому, затем второй этаж — и я здесь.

— Кто же вам показывал?

— Инструктор Ефим Аркадьевич Арский.

Трошина допытывалась дальше:

— А почему понадобилась именно я?

— Чисто случайно узнал, что среди учащихся есть врач, вот я и заинтересовался. Вы, врач, можете посоветовать, как быстрее освоить курс обучения, стать более самостоятельным. — Колчин честно выполнял поручение директора вовлечь Трошину в общий поток школьных занятий. — К тому же разговор с вами поможет мне снять хандру. Вы, врачи, это умеете — знаю по госпиталям.

— Теперь я не врач... — сухо ответила она скорее собственным мыслям, чем собеседнику.

— Не скажите... — Анатолий наступал: — Врач в любых условиях должен оставаться врачом, а мы ваши больными. Вы должны лечить хотя бы словом. Вчера прибыл пятнадцатилетний юноша. В игре бросил заряженный патрон в костер. Взрыв — и слепота. Плачет. Не может свыкнуться со своей судьбой. Кто, если не вы, повлияет на него?

Трошина растерялась окончательно. Оказывается, вселенная (применительно к ее представлению) не пустовала. Где-то в гуще мрака блуждали, жили, как она, незрячие и, тоже разбитые отчаяньем, ждали помощи врача.

— Я сама как тот мальчик, такая же слепая и плакивая.

— Вы, Елизавета Дмитриевна, не имеете права быть плаксивой, — упрекнул Анатолий. — Вы врач! А на того юношу похожи лишь своей судьбой. Но тому тяжелее. Он ничего не имеет — ни профессии, ни знания жизни. Ничего! Ему надо приспособливаться. А ваша профессия с вами. Вы не скальпелем, так внушением будете лечить. Личным примером. — Он вспомнил слова Томилова. — Повторяю, с вами осталась ваша профессия врача, а у того парня ни глаз, никакого опыта. Вот разве эта школа... Вам легче...

— Легче?! — с издевкой повторила Трошина, чувствуя, что не в силах привести в порядок мысли. Она никак не могла соединить в себе Трошину-врача и Трошину-инвалида. Она существовала в двух лицах, но старалась изолироваться от всего мира и его забот. А Томилова, этот мужчина и ожидающий утешения юноша обращаются к ней только как к врачу. Почему никто не хочет понять, что она, Елизавета Дмитриевна, сама нуждается в помощи? В какой? Поискала ответ. Ей нужен покой. Непроницаемый, как сама тьма, покой. — В моем положении из меня доктор никудышный!

Колчин пренебрег ее доводами:

— Я приведу к вам парня, если вы позволите. Уверен — поможет.

Одержанность Колчина сбивала Елизавету Дмитриевну с толку, уводила от принятого решения.

— Не знаю, что говорить... Сама ничего не знаю.

Я ослепла сравнительно недавно и обучиться чему-нибудь еще не успела.

— Успеете,— заверил Анатолий.— За тем мы сюда приехали. Мальчику нужно обнадеживающее слово. Поскольку вы лечили больных, утешать вам приходилось.

Лицу Елизаветы Дмитриевны стало жарко. Она устыдилась. Да, когда-то врач Трошина не жалела внушенений, действующих успокаивающие на муки больного, как снотворное.

— Вы давно потеряли зрение?— изменила она тему разговора.

— Очень давно.— В мужском голосе послышалась скорбь.— С войны. Я был военным летчиком.

— Вами пережито куда больше, чем мной,— почувствовала она бывшему летчику, выслушав рассказ Колчина о фронте, о тяжелом ранении, о партизанском отряде, о госпитале, о несложившейся семье, стараясь отнести к нему как можно мягче.

— Ничего, пройдет,— небрежно бросил Анатолий, словно минувшие тяготы превратились в труху и выбросить их ничего не стоит.— Побуду в школе, вернусь к жизни, начну где-нибудь трудиться. Есть такие предприятия общества.

— Вы тоже верите, что научат?— Трошина пошевелила пальцами, пробуя представить, как ими можно будет работать.

— Здесь многому научат. Давайте вместе обойдем все учебные объекты,— предложил Колчин.— Потом вместе начнем осваивать здешнюю грамоту. Вызываю на поединок.

— «Живые должны жить»...— почему-то припомнились Трошиной слова директора, когда она зашла к нему в кабинет после встречи с Аней, чтобы через него передать ей спасибо за беседу и внимание. И сейчас она произнесла их в каком-то раздумье.

Колчин подхватил:

— И мне их тоже кто-то говорил. Не помню только кто.

— Это, наверное, всем преподносят.

В тоне Трошиной Колчин уловил недовольство и сказал:

— А что? Слова стоящие. Вдумайтесь-ка,— звучат верно, как победоносный салют, как заключительный

аккорд призывающего гимна.— Он помолчал.— Если бы вы знали, как я жалею годы после ранения. Годы бесстыдного прозябания. Страшно оглянуться назад. Зачем, спрашивается, торчал прыщом на земле? Себе противно и другим мешал. Не на ту дорожку ступил.— В его голосе столько горечи, казалось, вся накипь прожитого разом подступила к горлу, сдавила его.

— Ничего: научитесь, устроитесь на предприятие,— его же оптимизмом, который он принес для нее, подбодрила Елизавета Дмитриевна.

— Поэтому-то я и набросился с такой жадностью на освоение курса обучения,— признался Анатолий.— Хочется побыстрее стать на ноги. Я до полуночи шарюсь по территории — получается. Начинаю ходить один.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Она проснулась рано и спохватилась: что-то беспокоило, тревожило ее. Что? Разговор с фронтовиком? Знакомство с ним? Частично — может быть. Тогда что же еще? Елизавета Дмитриевна попробовала отмахнуться, забыться. Напрасно. И память подсказала ей. Она даже села от неожиданности. Ей надлежало ознакомиться со школой. Утром зайдет Анатолий Георгиевич.

А который час? Зря она отказалась приобрести часы, как у Надежды Васильевны. Та обещала достать и научить пользоваться ими. Отказалась — стыдно щупать пальцами стрелки. Сейчас бы можно — никто не видит. И время бы узнала.

Подсчитав все то, что предстояло сделать до прихода Колчина, она ужаснулась и поспешила встать. В первую очередь — постель. Надо хорошо заправить кровать. Простыню, одеяло, подушку — на стул. Где он? Ага, вот, рядом. Теперь поправить матрас. Так. Нижняя простыня. Прекрасно! Теперь верхняя. Одеяло пополам, выровнять. Тоже прекрасно. Покрывало. Оно на спинке стула. Точно. Передний край на уровне кроватной рамы...

Ее ладони чутко скользят по ровному полю шелковистого материала, опускаются вниз, успевая уловить линию изгиба. Левый край — правильно, рама прикрыта. Правый перекосился, задрался вверх. Пришлось применить иной способ: вначале выровнять нижнюю линию покрывала, потом оставшуюся часть его сгладить

к стене. Получилось неплохо. Руки «осмотрели» бока, легко касаясь ткани, облетели всю застланную площадь. Нормально. Замечаний не оказалось. Чуткие руки помогли ей представить убранную кровать, как будто она увидела ее наяву. Отодвинься сейчас шторка мрака — и она увидела бы именно такое зрелище, какое нарисовала в своем воображении. Значит, осязаемая информация не так уж плоха. Она помогает зрительной памяти восстанавливать знакомые картины, заставляет ее работать четче.

Елизавета Дмитриевна обрадовалась открытию. Ей удалось заглянуть в мир здимого не прямо, нет, а через осязание. Вот о чем надо бы врачам говорить людям, потерявшим зрение. И Колчин, видимо, понял это раньше ее, поэтому так рьяно взялся за изучение азов букваваря осязания, распахнул окно во тьму, чтобы оставшиеся чувствами черпать оттуда своеобразный свет.

Трошина прислушалась. Ворчливый рокот двигателя котельной доносился справа. Она пошла на звук. «Стол», — вслух назвала она. Теперь встать спиной к нему и вперед — шаг, еще, еще. «Дверь», — угадала она сразу. Почему угадала? Нашла? Тоже не то. Сориентировалась. Точно, сориентировалась! Шаг в коридор. Справа — дверь, вторая... Ванная. Подгоняемая успешными завоеваниями, она разыскала раковину, краны, умылась. Нашла полотенце. Увлекшись, забыла, что тьма так же опасна слепому, как кораблю шторм, повернулась к предполагаемому выходу и больно ударила коленом о край чугунной ванны. Как же так? Ведь дверь была с этой стороны... Она обшарила стены. Где же выход? Стена... Ванна... Раковина... Ага! Косяк. Дверь. Но почему здесь? Трошина осторожно вышла. Все перемешалось, перевернулось, будто ее забросили куда-то совсем в незнакомое место. Мрак бессердечно прятал предметы, нарочно путал стороны, переставлял созданную декорацию, расставлял всюду ловушки.

Крикнуть Надежду Васильевну?.. От обиды и боли в колене на глаза навернулись слезы. Скользя рукой по стене, она прошла несколько шагов. Дверь. Значит, дальше ее комната. Шагнула смелее, и очередная каверза мглы — стукнулась лбом о косяк. Да что это такое!.. Она хотела войти к себе, но не тут-то было. Дверь не открывалась. Пальцы пробежали по окрашенному дереву, проследовали по створу и задержались на чем-то

холодном. Ощупала — цепочка, ниже — ключ. Куда она попала?..

В голове мутилось, пол под ногами качался. Елизавета Дмитриевна присела, привалившись спиной к двери. Глотая слезы, она попробовала разобраться в путанице. Мысленно повторила свой путь. Вышла, держась правой стороны. Ванная. Все правильно. А потом началась путаница. Она припомнила объяснения Надежды Васильевны. «Так... Так. Ясно». Она резко поднялась, рассуждая: «Цепочка, ключ... Так это дверь на выход. Прямо в противоположном конце должна быть моя комната. Выйдя из ванной, я должна была свернуть налево, а свернула направо». На всякий случай придерживаясь левой стены, Трошина медленно пошла вперед. Дверь. Она потерла ушибленное колено, лоб, спокойно подумала: плата заслуженная. Разобралась сама, не побеспокоила соседку. Пройдя по комнате, она наткнулась на стол. «Там кровать». Шагнула, еще... Точно, кровать. Теперь и комнату рассекретила. «Почему я не делала этого дома? — упрекнула себя Елизавета Дмитриевна. — Боялась пространства, пола и стен, считая кровать единственным островом в моей жизни. Пролежала столько дней. «Спасибо тебе, мама, за то, что выгнала меня». Для полной уверенности Трошина прошлась по комнате, нашла дверь, вышла. «Конец коридора. На двери цепочка...» Вернулась и, почувствовав свободу, добытую таким трудом, всплакнула. Из коридора послышались шаги. Трошина отметила: «Там, слева, где шаги, — дверь, направо — окно, прямо — тумбочка». Послышался плеск воды. Умывалась Надежда Васильевна. Ну вот, сегодня Елизавета Дмитриевна выучила пока еще первую букву «а» ориентации. И это «а» дало ей многое. Удалось мысленно построить модель своей комнаты, коридора, построить из тех деталей, которых коснулись руки. Конечно, модель не соответствовала идеальной, но для начала это уже много. Трошина не спеша, не доверяя больше окружающим ее предметам, свернула на звук, угодила в дверной проем.

— Доброе утро, соседушка! — подойдя к ванной, подала она голос — молодой, с задоринкой.

— Здравствуйте! Вы сами? — Ильина не верила случившемуся чуду. — Вы умываться?

Елизавета Дмитриевна гордо вскинула голову:

— Зачем?.. Я давно умылась. Вам на помощь пожа-

ловала — не проводить ли вас, чтобы не заблудились.

Надежда Васильевна бросила полотенце, обняла Елизавету Дмитриевну и поцеловала.

— Какая вы умница! Какая вы молодец!

Трошина растрогалась.

— До молодца мне далеко! А вот вы действительно молодец! Пример мне показали. Спасибо вам, жене директора, Анне Ивановне, и... еще одному мужчине, фронтовику, летчику. Вот как!

— Колчину? — спросила Ильина, прекрасно зная, о ком идет речь. Это она, по заданию директора, проводила его сюда, оставила незапертой дверь.

Солнце смотрело прямо в окно комнаты Трошиной. Ярко-золотистый сноп его лучей растянулся по покрывалу, как бы нарочно подчеркивая труд и достижения незрячей хозяйки. А так как она безучастно сидела на стуле, смотрела куда-то в пол, солнце осторожно трогало ее плечо, шею, щеку, точно заставляло очнуться. И потерявшая зрение женщина, ощущая прикосновение тепла, впервые за время своего несчастья радовалась ему.

После завтрака Елизавета Дмитриевна дождалась Колчина. Он остановился у порога.

— Я за вами, как договорились.

— Проходите. — Трошина встала спиной к окну: «Впереди дверь. Оттуда говорит Анатолий». По шагам она угадала: «Вот перешел к кровати». Скрипнул стул.

— Ой, я на что-то сел!

Хозяйке требовалось откликнуться, но она не знала, что лежало на стуле, а оторваться от места и пройти туда боялась. Завоеванное пространство комнаты в присутствии постороннего человека снова превратилось в непроходимые дебри. Она опасалась заблудиться, показаться беспомощной у себя дома.

Елизавета Дмитриевна, преодолев робость, напрягая слух и улавливая каждое движение Колчина, пошла к нему.

— Что там? — спросила она, чтобы по ответу точнее выбрать направление.

— Что-то мягкое.

Трошина уже стояла рядом с ним и ощупывала стул. На нем лежала подушка. Увлекшись выравниванием покрывала, она забыла положить ее на место.

— Ничего, присаживайтесь, — освободив место, при-

гласила она, не выказывая смущения. «А куда мне теперь деться? Сесть на кровать? — она касалась ее ногой... — Неудобно». И зашагала к столу, на голоса людей за окном. «Правильно: стол, стул...»

— Вы замечательно ориентируетесь! — не удержался Анатолий от похвалы.

— А как вы думали!.. — с притворной самоуверенностью отчеканила она. — Вы первым вызвались на единоборство. Мне хочется проверить свои силы и попытаться не отстать от вас. Соревноваться так соревноваться.

Кто-то твердым шагом прошелся по коридору.

— Здравствуйте! — хрипловатый голос прозвучал в комнате. — Вы у себя, Елизавета Дмитриевна?

— У себя.

— Я инструктор по ориентировке, Арский Ефим Аркадьевич! — представился он и с подчеркнутой учтивостью продолжил: — Мне передали, что вы желаете познакомиться со школой. Я к вашим услугам! Располагайте мною.

— Я тоже присоединюсь к вам, — заявил Колчин.

— Вы здесь, Анатолий Георгиевич? Будем вместе учиться смотреть.

Арский удалился в конец прихожей и оттуда позвал:

— Идите ко мне!

— Он видит? — шепотом спросила Трошина, шагнув на тихое пение Арского.

— Он не видит совсем, а ходит, как зрячий, — тоже прошептал Колchin, шагая за Трошиной.

Инструктор вручил ученикам по трости: «Колчину — мужскую, Трошиной тоньше и меньше — женскую.

— Начем с «поварырей», они надежные.

Но ученица сомкнула веки, представив себя идущей по дороге сгорбленной, с палкой в руке. Из памяти всплыла виденная когда-то картина: слепой нищий с батожком. Елизавета Дмитриевна с брезгливостью, двумя пальцами взяла тросточку, словно она была грязной.

— А без нее можно?

Арский ожидал такое заявление. Многие новички поначалу пренебрегали верным помощником, а позднее не расставались с ним и даже там, где трость необязательна.

— Советую, Елизавета Дмитриевна, начать обучение с тростью. Она очень поможет. Потом сами разберетесь.

Не понравится — отставите.—Арский вышел, застучал своей палкой.—Конец трости старайтесь держать впереди себя.—Он показал, как ощупывать ею дорогу.

Трошина скептически повела концом палочки перед собой. «Пол». Палочка скользнула по площадке, во что-то уперлась. Елизавета Дмитриевна проверила ногой—ступенька на следующий этаж. Палочка скользнула влево и потеряла опору, чуть ниже задержалась. Продвинулась вперед, опять провалилась. Трошина заинтересованно изучала простейшую грамоту чтения округи по незримым вешкам. Она спустилась на одну ступеньку, вторую, третью. Сама, без посторонних. Ее вела ничем не примечательная тросточка, наделенная, оказывается, огромными возможностями. Трость передавала сигналы руке, и в воображении незрячей создавались окружающие ее предметы. В данную минуту Елизавета Дмитриевна представила себе ступеньки, в целом лестницу. Она нашла ее перильца, спустилась на площадку. Тросточка указала следующий спуск. Внизу Трошина расправила плечи, освободилась от нервного напряжения и окликнула:

— Вы где, мужчины?

— Идем!..— послышалось сверху. Арский нарочно притаился, пока ученица изучала спуск. Что она упадет, можно было не опасаться. Первые самостоятельные шаги предельно осторожны. Из практики Ефима Аркадьевича определено совершенно точно, что первый путь, пройденный учеником без посторонней помощи, запоминается твердо раз и навсегда. Правда, излишняя самоуверенность некоторых учащихся приводила к конфузу. Они натыкались на препятствия, попадали в ямы.

— Теперь проверьте, что перед вами,—поучал преподаватель.

Трость Елизаветы Дмитриевны во что-то уперлась. Проверив рукой, Трошина воскликнула:

— Дверь!

— Поздравляю с победой, Елизавета Дмитриевна!— постукивая палочкой о ступеньки, сказал Колчин.— Я ползал тут черепахой.

Выйдя из подъезда, Арский подвел итог:

— Для того чтобы закрепить пройденный участок, давайте, Елизавета Дмитриевна, повторим урок. Я буду ждать вас на площадке у вашей квартиры. Постарайтесь запомнить количество маршей и поворотов.

Он ушел.

Трошина стояла в полной растерянности.

— Товарищ Колчин!.. — Ее зов походил скорее на призыв о помощи. «Куда он делся?» — обреченно подумала она, прибегая к последней спасительнице — к палочке. Теперь Трошина держала ее не двумя пальчиками, а всей пятерней, страшась обронить. Так бедствующий на воде держится за спасательный круг.

Конец тросточки описал в пространстве дугу, за что-то задел. Трошина приблизилась. Дверь. Нашарила скобу, потянула на себя, вошла в подъезд. Тросточка безошибочно вела к ступенькам, потом вверх по лестнице, к площадке, опять к ступенькам. Арский чутко, на слух, следил за стукотком трости. Она то клевала по бетону, то шаркала по стене, то ударялась о перила. Вот ее «деревянный голос» приблизился.

— Отлично! — сказал преподаватель.

— Ой, это вы! Я от страха чуть не умерла!

Восхождение Трошиной было нелегким. Она шумно дышала.

— Попробуйте найти свою квартиру, — Арский посторонился. — Передвигайтесь вправо, к стене. — Он выждал, когда ученица выполнит задание. — Идите вперед.

— Дверь!

— Идите дальше.

— Впереди стена...

— Правильно! — управлял Арский. — Проверьте левее.

— Дверь.

Арский подошел к ученице.

— Ваша квартира. Заметьте, вот здесь, рядом с ручкой, специально прибита металлическая пластинка.

— Неужели наша дверь? — с восхищением удивилась Елизавета Дмитриевна. — Здорово!

Арский попросил ее полностью изучить площадку.

И услужливая память воздвигла декорацию подъезда того дома, в котором Трошина жила с мужем, который видела много-много раз.

• Звонок телефона. Томилов взял трубку.

— Слушаю!

И тут же отозвалась Ильина — голос развеселый, с удастью:

— Наша Трошина пошла, Сергей Михайлович!
Томилов не понял.

— Как пошла?

— Да так, на всех четырех!

Томилов насторожился.

— Что, упала?

— Нет, Сергей Михайлович! Не волнуйтесь. Она пошла сама — по квартире и даже вышла на улицу, пользуясь тростью. Поэтому я и говорю — пошла на всех четырех. Представьте себе, и с улицы самостоятельно добралась.

— Она все проделала без посторонней помощи? — уточнил директор, опасаясь, правильно ли он понял.

— Совсем одна! Арский только наблюдал.

— Значит, вывеска на нашей школе выдерживает свое название: «Возвращение к жизни». Поздравляю! Теперь надо выдержать вторую ее половину — вернуть трудоспособность.

— Выдержим обязательно! — оптимистически заверила Ильина и через паузу: — Сергей Михайлович! Прибыл очередной ученик с Кавказа. Спрашивал вас.

Томилов замер.

— Фамилию не помните? — И то, что он услышал, заставило крикнуть в трубку: — Пусть ведут его ко мне!

Серафим Алиев... Это он в самые тяжкие минуты жизни Сергея в одесской клинике был его другом и лекарем. Его шутки, прибаутки, неистребимая веселость, беззаботность облегчали боль. Томилов завидовал тогда другу, его горячей темпераментности, подвижности, думая: «Мне бы сотку такого огня...» И вот волевой Алиев, спаситель Томилова, здесь.

Он вошел.

— Здравствуй, Михалыч! Дорогой Михалыч! — Акцент не изменился. Но нет уже в громком энергичном голосе прежнего задора.

Томилов шагнул к нему, обнял, трижды поцеловал.

— Ну вот и встретились! Очень рад!

— Я тоже рад! — отозвался Серафим, ища рукой спинку стула.

Томилов подвел его к столу.

— Садись, Серафим. Как доехал?

— Далеко до тебя. Устал лежать в вагоне на полке. Хотел вернуться.

Не тот Серафим Алиев. Не тот...

— Прибыл лечиться, Михалыч,— заговорил Алиев.— После клиники жил, понимаешь, как горный олень. В день обегал пол-Азербайджана... Меньше, конечно... преувеличил для сравнения. Но ходил много. Смотрел на море, на горы, на дома Баку, на всю землю. И видел-то совсем чуточку. И все равно, смотришь — дух захватывает!— Он глубоко вздохнул.— Теперь — ничего! Темнота кругом, ночь... Страшно... Но жена, сын... Эх и сын у меня! Здоровый, сильный.— Голос Серафима потепел.— Сделал перерасчет: умереть, думаю, успею — все равно никуда не денешься. Подожду, когда сын вырастет, внучат на руках подержу... Вот к чему привела шалость. В доме отдыха дернуло меня поиграть в волейбол... В молодости первый разряд имел. Соблазнился — и мяч по глазу, по последнему глазу... Нехорошая судьба, холера ее возьми... Стал калекой. Тебя когда-то успокаивал, теперь сам к тебе явился. Лечи. Хорошим человеком ты стал, Михалыч! Большим человеком. Горжусь тобой,— проговорил он с задором, и Сергею почудилось, будто через вялость пробилась наружу прежняя неугомонность, горячность. Серафим встал.— Подлечи меня, Михалыч, помоги поверить мне, что я могу что-то еще делать. Что угодно, лишь бы не зря дышать воздухом.

Слушая Алиева, Сергей не сомневался, что этот поднимется быстро. У Серафима есть жажда выбраться из полосы гнетущего нервного оцепенения. С ним будет порядок.

— Давай устраивайся, Серафим, и ко мне в гости,— кладя руку на его округлое плечо, сказал Томилов.— Познакомишься с женой, той самой...

Алиев перебил:

— Помню точно, как ты страдал по ней. Значит, она достойна. Буду рад знакомству. Только не сразу... Перенесем срок до того, как я буду снова выглядеть Серафимом Алиевым. А в таком виде знакомиться с женой друга — непорядок! Лечи скорее.

— Вылечим, Серафим, быстро вылечим! Будь уверен,— подбодрил Сергей.— Самостоятельно ходишь?

— В квартире получается...— Алиев заскучал снова.— А на улице... не хожу. А раньше — как летал!

Сергей придинул стул.

— Сядем, Серафим, и давай-ка вспомним о клинике. Я там недавно был.

Впереди Арский, за ним Трошина, за Трошиной Колчин. Арский постукивает об асфальтированную дорожку тростью, без умолку говорит. Ориентир. Трошина держит тросточку впереди себя, помахивая ею из стороны в сторону, как бы расчищая путь для очередного шага. Звуковые сигналы инструктора ведут ее, определяют направление.

— Держаться прямее, не горбиться,— командует хрипловатый голос Ефима Аркадьевича.

Трошина выпрямляется, словно Арский упрекал именно ее, так как она, боясь, чтобы не запнуться и не упасть, шла на полусогнутых ногах. Колчин подстраховывал Трошину, следил за стуком ее палки. Сам он держался довольно смело и свободно. Необычный караван тянулся от подъезда жилого дома до учебного здания медленно. Елизавета Дмитриевна распрямила плечи.

— Устала, будто брела по глубокому снегу. Ну и наука!

Арский отошел:

— Ищите дверь, Елизавета Дмитриевна.

Она подняла тросточку, прочертила по воздуху. Пусто. Шагнула. Тросточка обо что-то стукнулась. Стена. Ощупываются ребра кирпичей. Проем. Дверь найдена.

В комнате наглядных пособий она повела себя оживленнее, проявляя интерес к экспонатам. Теперь она не брезговала на ощупь изучать макеты.

— Вот наша территория,— объяснял Арский.— Здесь мы только что шли. Здесь фонтан, здесь клуб.

И Елизавета Дмитриевна, точно находясь на возвышенности, видела то, что ощупывали пальцы.

— Это — планировка учебного корпуса, в котором мы находимся. Здесь первый этаж, здесь второй, а это — комната, в которой вы стоите,— продолжал пояснять Арский.

Тот же сплав осозаемого и здимого. И Трошина видит коридор, классы. И как это просто. А она считала, что все здимое для нее превратилось в черное облако.

На кухне Арский показал, как включать электроплиту, показал шкаф с посудой, продукты.

— Попробуйте сами поджарить картофель. Здесь есть все.

Руки Колчина уверенно прошлись по находящимся в комнате предметам. Дома он для себя готовил пищу сам. Разыскал нож, сковородку, раковину, приступил к выполнению урока.

— Пожалуйста, начинайте. Я не мешаю вам,— приветствовал Колчин, не улавливая никаких действий со стороны Трошиной.

— Я так не могу,— воспротивилась она.— Запачкаю платье.

— У нас есть фартуки.— Колчин подошел к ней.— Я уже надел. Посмотрите.

Трошина щупала мягкую, отглаженную ткань.

— Я не знаю, где они находятся.— Елизавета Дмитриевна сердилась, не смеются ли над ней.

Анатолий участливо подсказал:

— Вы поищите, Елизавета Дмитриевна. Арский нас предупредил, что на кухне есть все. В школе такой порядок — ни в чем не помогать. Заставляют жить самостоятельно. Трудненько дается, а метод правильный.

Трошина могла поднять шум — нельзя, дескать, так мучить незрячих, но сдержала себя — Арский куда-то исчез, а кричать при Колчине неудобно. И, не расставаясь с тросточкой, она начала осматривать помещение. Ее руки натыкались на столы, на посудный шкаф, на плиты. Пальцы безошибочно узнавали все, чего касались, и Трошина называла: «дверца», «полочка», «ложка», «ножи», «стаканы». Гладкая ткань. Трошина только что щупала такой же материал на Колчине. Она сняла фартук с гвоздя, разобралась в завязках, надела. Разыскала картофель. Ровная его поверхность очищалась запросто. Глазки, похожие на маленькие глазницы, вычищать было труднее. Очистив несколько картофелин, Трошина нашла сковороду и начала резать его точь-в-точь как раньше. Елизавета Дмитриевна даже забыла, что не видит. Стоит и крошит, автоматически думая совсем о другом. И будто нет темноты. Впервые после потери зрения она почувствовала себя вне черноты, этого ужасного обволакивающего, бесплотного чудовища. Дышалось свободно. «Надо написать маме», — подумала она.

— А как напишет? Злой недуг все-таки стоял за спиной, напоминая: «Э-э, не забывайся!»

Трошина помрачнела.

— Ну как, у вас получается? — спросил Колчин.

— Что-то получается,— ответила Елизавета Дмитриевна.— Как-никак приходилось готовить.

Колчин сменил позицию — перешел к плите.

— Мне тоже приходилось. Многое чего приходилось. Холостяк. Освоил и стирку, и мытье полов, и кухню. А вот ходьбу по улице не освоил. Здесь, в школе, уже научился многому.

— Вы и писать точками умеете? — спросила Трошина, хватаясь за мысль, не научиться ли и ей так писать. «А мама дома съездит на предприятие незрячих, и ей там переведут. Или вышлю алфавит».

А Колчин уже хвалил француза Луи Брайля, со-здавшего для слепых такую удобную замечательную грамоту, позволившую незрячим читать, писать, решать задачи, оставаться в огромном мире познаний полноценным человеком.

— Брайль — личность! Знаменитый кудесник-профессор, ученый и сам без глаз. Не знаю, если бы не выучили меня чтению, наверное, от скуки давно сошел бы с ума. Читал запоем. Не успевали менять книги.

У Колчина зашипело на сковородке. Трошиной пришлось встать ко второй плите. Она нашла выключатель и по теплу определила нахождение конфорки.

— Вы масло нашли? — подсказал Колчин.

— Забыла! — Трошина сказала это без досады, а весело, со смешком.— Придется искать. Вы — партнер неучтивый. Ничего не подадите.

— Таков порядок здесь, — отшутился Колчин.

— А где народ, учащиеся? — удивилась Трошина, прислушиваясь к соседней комнате.

Колчин и сам не знал, почему всюду тихо, и предположил:

— Занимаются. Классов много, здание большое.

На сковородке Трошиной начало потрескивать. Елизавета Дмитриевна помешала ножом ломтики, вспомнила о соли, промолчала. Поискала солонку. Нашла. Взяла щепотку — много, мало? И высыпала туда, где потрескивало.

Когда сели за стол, ей показалось, что она еще не ела такой вкусной картошки. Разве только в детстве: помогая колхозам убирать урожай, мальчишки и девчонки разжигали костры, бросали в них немытые увесистые клубни, а потом прутиком выгребали из горячего пепла и, не очищая обгоревшей корочки, кусали ее зуба-

ми, чтобы не обжечь губы. Ели, похрустывая, добираясь постепенно до дымящейся живым паром рассыпчатой мякоти.

— Ну как ваше жарево, получилось? — пробуя свое, поинтересовался Колчин.

Елизавета Дмитриевна хмыкнула:

— Броде бы нормально.

Они сидели за обеденным столом, аппетитно ели то, что приготовили собственными руками. Трошина улыбалась, улыбалась по-настоящему, довольная, в прищуренных глазах поблескивали слезы. Скажи ей до несчастного случая, что она когда-нибудь сможет приспособиться к вечной ночи, ни за что не поверила бы. Не верила она и прозябая в кровати, до этой школы. А сейчас улыбалась, радовалась, как ребенок впервые выведенным на листе каракулям. Могучая энергия — жизнь, когда есть для чего жить.

Услышав перед ужином в коридоре беглый стукоток туфель соседки, Елизавета Дмитриевна окликнула ее:

— Наденька!.. — Сегодня ученица не подчинилась правилам субординации. — Наденька, зайди-ка ко мне!

Туфли пропечатали строчку к ее комнате.

— Добрый вечер, Елизавета Дмитриевна! Слушаю.

Ильина предполагала, о чем может заговорить Трошина, — ей всегда докладывали о малейших успехах учащихся. Она же, в свою очередь, сообщала директору.

— Вы не можете представить себе! Я с помощью тросточки доплелась до учебного корпуса. Сама, Наденька! А главный коронный номер сегодняшнего дня — моя кулинария! На кухне, в классе домоводства, я подготовила вкуснейшее блюдо!.. Причем без посторонней помощи нашла сковородку, нож, масло и все, что нужно.

Так и есть — Трошиной не терпелось поделиться тем, чего она достигла. Еще одна победка вырвана у мглы. Низкий, грудной голос бывшего врача звучал весело.

— Я очень довольна вами! Вы способная ученица.

— Подождите расхваливать, — остановила ее Трошина. — Чтобы стать такой, как вы, — чую, мне надо пройти через немалые муки. — Она пересела к столу, попросила: — Покажите, пожалуйста, книгу по этому, как его...

— Брайлю, — подсказала Ильина, замирая от ра-

дости при очередном пробуждении интереса у Трошиной.

— Да, да. В точках которая...

Надежда Васильевна принесла толстую, объемистую книгу, не похожую ни на одну из обычных книг, и раскрыла обложку. Елизавета Дмитриевна долго водила указательным пальцем по пупырчатым строчкам, затем разочарованно сказала:

— Да разве это доступно для меня! Здесь какие-то сплошные точки. Лист похож на терку — попробуй разберись... — Голос ее упал.

— Не волнуйтесь! К концу обучения будете писать и читать. Грамота несложная. Я вам сейчас докажу. — Ильина вышла и вернулась с письменными принадлежностями. Вместо обычной бумаги — свернутый вдвое лист тонкого эластичного картона, вместо карандаша шильце с фигурной ручкой. Трошина ощупала все это с любопытством. Пальцы открыли еще одно диво — прохладный лист цинка, величиной чуть больше тетрадного листа, скрепленный шарнирами со вторым, сдвоенным, листом. Верхний цинковый лист изрешечен ровными строчками прямоугольных окошечек — двадцать четыре по горизонтали, восемнадцать по вертикали. Этот лист накладывается на второй, усеянный гнездышками, по шесть гнездышек против каждого окошечка верхней крышки, и нижний лист просто, как рубашка, прикрывающая тело пупырчатой поверхности цинковой пластины.

— Что мне делать с этим хозяйством? — спросила Елизавета Дмитриевна, не имея и самого отдаленного представления о способе письма. Перед ее незрячими глазами вставали буквы, написанные на белой бумаге. Но тут какие-то окошечки, ямки. Все это так непохоже на настоящие буквы. А она-то думала, что ее заставят выдавливать алфавит, а потом, четко обводя вмятые линии, она будет вычитывать текст. Учительница велела вставить одну половину плотной бумаги между пластинаами прибора: лист с окошечками оказался сверху, с вмятинами — под бумагой.

— Брайлевский прибор положите на стол, возьмите грифель. — Указательный палец Трошиной Надежда Васильевна положила на выемку ручки, большим и средним зажала ручку выше венчика, в который входил металлический стерженек-шильце. — Теперь шильцем найдите окошечко, — учila Ильина. — Нет, нет! Писать бу-

дем справа налево — так положено, а читать, читать будем наоборот, как обычно,— слева направо. Теперь ощупайте прямоугольник. Четыре угла. Прямо под бумагой шесть ямочек. Теперь слегка надавите на грифель.

Трошина подвела кончик грифеля в верхний правый уголок, надавила. Раздался хруст. Елизавета Дмитриевна передвинула грифель в левый угол. Надавила — тот же хруст. Шесть воронок в одной клетке. Учительница велела ученице подобным шеститочием заполнить всю строчку, все двадцать четыре окошечка. Шильце действовало все смелее, клевало чаще и чаще.

— Есть! Прострочила до конца,— доложила Трошина, ожидая новое задание.

— Начнем снова.— Надежда Васильевна передвинула руку Трошиной.— Наколите справа вверху точку.— Щелчок.— Это буква «а», запомните. В следующей клеточке наколите справа сверху и под ней среднюю точку — буква «б». Верхняя пара точек — буква «ц».— Она назвала еще несколько букв.— Теперь откиньте крышку, вытащите лист и прочтите, что написали. Поскольку читать будете с другой стороны бумаги, значит, расположение точек, обозначавших буквы, будет наоборот.

— О-о, тут запутаешься,— шаря указательным пальцем по пупырышкам, произнесла ученица.— Одна точка... «а». Рядом две, друг под другом... Ага — «б». Ниже строчка — три точки по вертикали — «л». А здесь... здесь «е». Ах да, надо читать наоборот — значит буква «и». Рядом... Тут целое созвездие — четыре точки... Забыла...

— «З»,— подсказала учительница.

— Последнее заполненное окошечко — одна точка — буква «а».

— Что получилось?— спросила Надежда Васильевна.

Трошина пришла в замешательство.

— А разве должно что-нибудь получиться?

— Прочтите снова.— Ильина ждала. Трошина усердно работала пальцем и, точно открыв золотую жилу, вскрикнула:

— «Лиза! Мое имя!

Слепая женщина вырвала у мглы бесценную тайну письма и чтения, стала обладателем еще одной из осiąзаемых ценностей — брайлевской азбуки.

— Наденька, милая! Спасибо! А я-то думала, мне

никогда не осилить. Теперь будет чем заполнить бессонницу.

После ужина она с нетерпением взялась за зубрежку урока. В прихожей зашаркали шаги. Елизавета Дмитриевна определила: не один человек. В дверь постучали.

— Да-да.

— Разрешите, Елизавета Дмитриевна? Нас много.— Баритон Колчина. Трошина дружелюбно пригласила:

— Ну, если полк привели, то, пожалуйста, размещайтесь.

— Входите!— распорядился старший лейтенант, приглашая таинственных для хозяйки невидимок. Он помнил расположение комнаты — прошел к левой стене, косянулся тумбочки, по обе стороны ее стояли стулья.— Идите ко мне.— Неуверенное шарканье подошв.— Ты сюда, ты сюда, а я...— Он присел на краешек сиденья к одному из товарищней, пожав ему локоть — дескать, молчи, шариться по комнате в поисках еще одного стула неудобно.— Мы, Елизавета Дмитриевна, втроем, словно с картины Васнецова «Три богатыря»,— Серафим Алиев из Баку и Юра, о котором я вам рассказывал. Юра не верит, что в школе есть ученица бывший глазной врач и совсем не видит. Вот она, Юра, перед нами. С тростью добирается уже до учебного корпуса, готовит пищу. И все это за считанные дни. А что будет до конца курса?

— Глазной врач! Ай-ай! Сам лечил,— не удержался от сочувствия Серафим.

Юра робко спросил:

— А я, доктор, смогу увидеть? Капельку, под ногами?

В груди Трошиной что-то вспыхнуло, потеплело. Стало ясно, ясно. Врач Трошина живет. Правда, в ее руках нет хирургического инструмента, но есть другой инструмент — слово.

— У тебя глазные яблоки целы?

— Целы, целы! — с поспешностью подтвердил Юра, точно промедление могло повредить ему.— Мои глаза совсем как у зрячего. При взрыве я их, наверное, вовремя закрыл...

Елизавета Дмитриевна перебила:

— Тебя куда ранило?

— Я?..— Юра не понимал: при чем тут раны, если

глаза невредимы?— Я ранен в щеку, в плечо. Сразу зажило. И в переносицу. Железный осколок кость повредил.— И заговорил быстрее, словно оправдываясь:— Он глаза не задел, и рана-то давно зажила.

Знакомый расчет больного на магическую силу врача. Скажет врач какое-то неземное слово — и все, тот прозреет.

— Будем сматываться с тем, что свалилось на нашу голову. Осколок перебил тебе зрительный нерв.

— Точно!— подтвердил Юра.— Мне так и сказали в больнице.— И договорил плаксиво:— Но глаза-то целы! Неужели ничего нельзя сделать?

«А ну, врач, давно ли утешали тебя, возились с тобой. Начинай-ка утешать сама!»

— Пока, Юра, твоё зрение вернуть невозможно — как и мне, и Анатолию Георгиевичу. И, наверное, товарищу...

Серафим досказал сам:

— И мне. Отрезанный палец не вернешь, приращивать еще не научились. Подождем, какой-нибудь элек-тронный глаз изобретут.

Так уж в жизни положено: более крепкий помогает слабому. Безусловно, Алиеву и самому несладко. А что поделаешь — рядом слабее его, откликайся, забудь собственную боль.

— Мы здесь — первооткрыватели.— Колчин говорил «мы», чтобы подбодрить юношу.— Нас будут ставить в пример.

— Так мне оставаться темным, да, доктор?— гнуся, обратился Юра к врачу, оставив без внимания уверения товарищей. Этим он сыт. В больнице, дома, здесь, в школе,— одно и то же: «Терпи». «Привыкнешь». «Освоишься». А ему нужна не привычка — зрение! Видеть свет. Он, как и Трошина в первые дни, не хочет слышать ни о какой там ориентировке, самообслуживаниях, грамоте слепых.

Отвечать полагалось Елизавете Дмитриевне. Но она бессильна, она не может волшебной палочкой соединить зрительный нерв. А другой хирургический инструмент — слово — пока не отточен и не действует. Она стала припоминать, в какой момент в ее депрессии произошел кризис: беседа с Томиловой? С Колчиным? С Ильиной? Да, в какой-то мере так. А самая наивысшая точка —

это первый самостоятельный шаг, первая победка в новом мире, просвет в сознании, что жить можно.

— Всем нам здесь сидящим, очевидно, медицина не поможет,— осторожно заметила она.— Нам самим придется помогать себе. Мы по рукам и ногам скрученены темнотой. Ты пробовал, Юра, учиться писать, читать по точкам?

Юноша невнятно пробурчал:

— Ерунда...

— Напрасно так уверенно заявляешь,— сказала мягко Елизавета Дмитриевна, как заправский знаток брайлевской грамоты.— Потом над собой смеяться будешь. Советую попробовать, скажешь нам спасибо.

Колчин увел своих друзей, а у Елизаветы Дмитриевны неприятно ныло в груди. К ней обратились как к врачу, надеялись получить помощь. А что она может дать, если сама находится не в лучшем состоянии, чем Юра. Могла ли она вдохнуть в него бодрость, зажечь в нем огонек? Для нее комната, где она живет, и та неизвестна — пока чужда и мертва.

Трошина отложила письменный прибор, взяла тросточку, прошла туда, где только что сидели гости. Тумбочка... Стул... Стул... Здесь больше ничего. Где же сидел Анатолий? Она не догадалась спросить, как они устроились. «Если бы знать, что не хватает мест...» Она досконально проверила каждую стену, каждый предмет, запомнила расположение. Четыре стула — два у стола, два у тумбочки. Кровать. Окно там... Дверь слева. Покорность примолкнувших во тьме вещей воодушевила ее. К выходу пришлось пробраться тихонько — у Надежды Васильевны кто-то разговаривал. За дверью припомнила, где должна быть лестница, — деревянный проводник указывал безошибочно. Она спустилась вниз, впервые за все дни инвалидности сама добралась до улицы. Путь от подъезда дома до учебного корпуса, который она прошла совсем недавно, был ничтожным по сравнению с тем расстоянием, на которое она рискнула пойти сейчас. Он манил, тянул: «Совсем близко, попробуй! Ведь это так просто...» И соблазн победил осторожность. Люди не мешали — час поздний. Тросточка послушно постукивала о твердую дорогу, запиналась о бордюры, отводя от них незрячую женщину, выводила на ровный асфальт. Елизавета Дмитриевна пожалела, почему она давеча не посчитала шагов. Сейчас бы при-

годилось. Дорожка нескончаемой лентой вела ее вперед. Куда?.. Казалось, уже давно кончилась территория школы...

Где она?! Ее охватила тревога: что, если заблудилась? До утра никто не поможет... Трошина вернулась. Послушная палочка не давала перейти бровки, вела. Но ее сигналами требовалось управлять. Подъезд потерялся. Тьма снова поглотила все на свете. Подъезд дома где-то рядом, но мрак беспощаден. У него не выпросишь сожаления. Его надо укрощать так же безжалостно, побеждать, соблюдая последовательность, расширяя свою власть над пространством за пядью пядь.

Трошина подошла к краю дорожки, подняла тросточку — ветви дерева лениво зашуршали листвой. «Где я?! — содрогаясь от ужаса, прошептала она. — Сесть бы и просидеть до рассвета...» Усталость одолевала ее. «Куда сядешь?..» Проклиная себя за легкомыслие — отчаяться на такое безумство! — она поплелась не разбирая куда. Трость больше не вела, а волочилась по асфальту, издавала нудный скрежет. Но вот она предупредила о препятствии. Холодная гладкая поверхность... Барьер. Елизавета Дмитриевна пошла вдоль него и лишь через некоторое время заметила, что он водит ее по кольцу. Проверив тростью за барьера, услышала стук о бетон и всплеск воды. Что это? Бассейн? Она присела и печально подумала: разве ей освоить эту бескрайнюю ночь! Никогда! Она так и останется посмешищем.

Трошина представила себя со стороны и пожалела. Она как ракушка, прилепившаяся к днищу судна. Во круг океан, а она — крошечная ракушка в его необъятном пространстве. Слишком мало отведено ей места, слишком мал тот участочек, за который надо ухватиться, чтобы жить.

А вокруг аллеи, дома. Где-то в окнах горит свет. Над головой глазастое синее небо. Смети с него звезды — и потемнеет купол, станет как ослепшее око. Может быть, глазным протезом висит где-то сейчас луна, светит чужим светом, сама же мертва.

Донесся размеренный стук трости. Елизавета Дмитриевна встрепенулась — появилась живая душа. Лишь бы не прошла мимо...

В то время когда Трошина кралась к выходу, у Ильиной в комнате собрался состав учкома. Среди них был

Колчин, три женщины и бывший председатель колхоза, свалившийся с мотоциклом в реку. Завуч школы предложила избрать председателя учкома. Дружно назвали Колчина. Его знало большинство учащихся. Он любил завязывать с каждым разговор, чем мог, старался помочь, заинтересовать школьными уроками. Он находился в постоянном движении. Энергия, дремавшая многие годы, просыпалась, требовала занятости. Старший лейтенант искал для себя нагрузки.

После заседания, где были обсуждены и задачи учкома, он зашел к Трошиной. Ее в комнате не было. Отсутствие Елизаветы Дмитриевны не удивило его — она, конечно, повторяет пройденный сегодня маршрут.

И в подъезде ее не оказалось. На улице он прислушался — тросточка не отстукивала точки. Он прошел до учебного корпуса. Елизавета Дмитриевна не встретилась и тут. Тогда он забеспокоился. Вернувшись к подъезду, перебрал допустимые варианты поворотов. Ближайший поворот, где она могла потерять ориентир, — дорожка к фонтану. На нем запутаться просто: палочка невольно уведет в сторону от главного направления. И Анатолий не ошибся в предположениях. Подходя к притихшей чаше — фонтан плескался лишь в дневные часы, — он уловил чуть заметный шорох и спросил:

— Кто здесь?

В ответ несколькозывающее:

— Я... А что?

Она. Судя по голосу, Трошина сохраняла абсолютное спокойствие.

— Вы почему здесь? Поздно.

В ответ ему безмятежный ответ:

— Дышу, как и вы, чистым воздухом.

Колchin стоял рядом с ней, намереваясь похвалить ее за смелость, но замер. Елизавета Дмитриевна всхлипнула. Только что пережитое чувство страха победило гордость. Она щекой прижалась к его плечу и взволнованно призналась.

— Я заблудилась, Толя. Попутал дьявол пойти к учебному корпусу — считала, что все просто. Оказывается, тьма для меня непостижима.

— Что вы, Елизавета Дмитриевна! — Колchin не шевелился. Он не ожидал такой доверчивости. — Перед тьмой нельзя пасовать, тут она злая. Я вначале тоже блуждал, падал в колдобины, бил ноги. Теперь всю эту

территорию облетываю спокойно. Скоро попрошу Ефима Аркадьевича выпустить меня в город.

— Неужели возможно добраться до города?! — Трошина выпрямилась.

— До города добраться чепуха, а вот пересесть с автобуса на автобус, побывать в магазинах, что-нибудь купить...

Эту мечту Колчина Трошина отнесла к сказочным, поэтому разговор вернула на земную тему:

— А ты как нашел меня?

Колчин усмехнулся:

— Решил простейшее уравнение со всеми неизвестными. Вы, найдя дерево с вкусными плодами и вкусив их однажды, потянулись к ним снова. Инстинкт наших предков!

Трошина засмеялась:

— Вернуться-то я вернулась, но подошла не к тому дереву. Это дерево с ядовитыми плодами.

— Ничего, терпите. — Колчина осенила мысль: — Вам отдыхать еще не хочется?

— Пока нет.

Анатолий взял ее под руку:

— Пойдемте, я покажу, как нужно здесь ходить. Тут одной трости мало. Надо использовать слух, осязание, сообразительность, интуицию. Что вы слышите сейчас?

Трошина навострила уши.

— Вот там, слышу, работает электромотор.

— Где? — переспросил Колчин.

Трошина уверенно назвала:

— Чуть правее от нас.

— А вы не заметили, где он был, когда выходили из подъезда?

— Нет, — призналась она.

— Зря, — упрекнул Анатолий. — Если бы вы засекли этот ориентир, вам нетрудно было бы отсюда вернуться домой. — Они пошли дальше. — Что замечаете? — спросил Колчин.

— Ничего, кроме электромотора.

— А пустоту, пространство нигде не ощущаете? — допытывался проводник.

Трошина постояла, что-то разгадывая, потом отозвалась:

— По-моему, слева что-то вроде пустоты.

Анатолий обрадовался:

— Правильно! Аллея, по которой мы идем, продолжается до клуба, а влево пошла дорожка к вашему дому, по бокам ее деревьев нет. Попробуйте дойти сами.

Палочка повела Трошину по асфальтированному полотну. На этот раз Елизавета Дмитриевна старалась побольше обращать внимания на слуховые и осязаемые восприятия. Со стороны города слышались гудки паровозов, какое-то лязганье, треск. Там что-то двигалось, дышало. Выйдя на пересекающуюся дорожку, Трошина ощутила какую-то преграду. «Стенка» — она приглушила звуки, от нее исходило тепло, впитавшееся за день. Слепое видение. Пересядя дорогу, она приподняла трость и через несколько шагов наткнулась на стену.

— Ваш дом, — подсказал Колчин. — Ищите подъезд.

Затем они прошлись по дальнему маршруту. Колчин предложил:

— Попробуйте дойти сами.

Елизавета Дмитриевна пошла в сторону рокочущей кочегарки и не ошиблась.

— Благодарю, Анатолий Георгиевич, за урок. А дверь в квартиру найду сама. Спасибо и за выручку, иначе бы ночевать пришлось у фонтана.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Директор объединенного предприятия Точкин вызвал секретаря, приказал:

— Никого в кабинет не впускать!

И как только дверь закрылась, он торжествующе расхохотался перед бывшим заведующим клубом Егоровым:

— Ну, Василий, ты артист! Ей-богу, артист! Надо же сочинить этакий спектакль. Бедняжка Кулачков, он и не подозревает, какой пирожок ему пекут. Но сам Кулачков для нас — мелкая рыбешка. Мы с тобой загарпуним самого кита — Моргунова. Это он под тебя ямочку вырыл. И под меня пробует. Обломает ногти! Терпи, Василий Николаевич. Хорошо смеется тот, кто приберегает смех на потом. — Он расхохотался снова: — Придумано талантливо! Пьесу твою утверждаю с удовольствием!

Егоров сидел у директорского стола и наслаждался бурной реакцией шефа, вызванной его планом расправы с Кулачковым.

— Я для вас старался. Потом отблагодарите.

Точкин хитровато подмигнул:

— Для меня?.. Чуточку загибаешь, Василий Николаевич, я на месте. Меня столкнуть непросто... Как-никак — директор. Глыба в обществе! Старайся за себя. Смахнем Кулачкова, а там обвинительный акт и самому... Тогда-то и о тебе побеспокоимся, если будешь свое горло прополоскивать в дозволительных дозах...

— Завязано, Александр Георгиевич, — с обидой вставил Егоров. — Учен.

Точкин вышел из-за стола.

— Итак, идем на смотр.

В клубе шумно. В фойе обсуждалась программа. В буфете очередь. В кружковых комнатах разноголосица настраиваемых инструментов. На сцене готовится хор. Кулачков мечется от кружка к кружку. Масса непредвиденных, недоработанных мелочей. То на гитаре лопнула струна, то не по размеру платье. Кто-то еще не явился — задержали дети. Там — то... У того — то... И все надо уладить, исправить. Уладить на ходу, мигом. От беготни у Даниила рубашка мокрая, на широком лбу капельки пота.

Звонок. И городской смотр начинается. Зал переполнен. Перед авансценой краснеет на столе скатерть. За столом смотровая комиссия: председатель областного правления Моргунов, директор предприятия Точкин, заведующие клубами других предприятий общества. В зале полупраздничная, полуделовая обстановка. За сценой и на сцене строгий порядок. У исполнителей на лицах важная сосредоточенность. Как-никак — отбор на областной смотр.

Ведущий объявляет номера — хор, оркестр, солисты. Содержательная программа. Сколько талантов! И в общем, концерт прошел успешно. Рекомендовать на областной смотр было кого — и по количеству и по исполнению.

Протокол смотровой комиссии участники художественной самодеятельности одобрили аплодисментами. Кулачков сиял от восторга. Не подвел, сумел организовать людей. Первый рубеж взят!

Его окружили руководители клубов общества из других городов. Поздравляли. Шутили: «Заранее поднимаем руки!» «Соревноваться с вами бесполезно!»

— В честь такого праздника не мешало бы по буты-

лочке пивка! — предложил кто-то из гостей. Поддержал и Егоров. Кулаков повел широкими плечами:

— Вообще-то я не употребляю... Ну, разве для поднятия тонуса да за ваше участие в смотре.

Тут же кто-то подхватил его под руку, потянул в буфет. Заботливые организаторы сдвинули столы. Появились бутерброды, яблоки, конфеты. За Кулаковым ухаживали как за именинником. Наливали пиво, совали в руки еду. У него закружилась голова. «Переутомился», — подумал он и заявил:

— Мне больше не наливайте.

Подсел Егоров.

— После такого триумфа — и друзей обижать! Нехорошо, Даниил Прокофьевич, нехорошо! Да будь я на вашем месте, закатил бы такой пир!

— Нехорошо, Даниил Прокофьевич, зазнаваться!

И Даниил уступил. «От пива ничего не случится».

Мысли в голове начали путаться. Контроль над собой слабел.

Провозглашали тосты. И Даниил отвечал на них с баухальством. Пил сам, предлагал:

— За наш клуб! За нашу самодеятельность!

— А за тебя? — подначивал Егоров, — Ты у нас — величина!

Кулаков принимал похвалы как должное, горячился:

— Куда вам до нас! Погодите, это еще цветочки, ягодки — впереди! Мы вам покажем!

Егоров, видя, что Кулакову одному не дойти, предложил:

— Даниил Прокофьевич, я отведу тебя домой.

Кулаков хорохорился, доказывал, что он трезв. Компания распалась. Даниила вывели. Егоров прошел с ним до бочки, вкопанной наполовину в землю.

— Мне бы сесть... — попросил Даниил и повалился.

Егоров посадил его на край бочки и ушел. Кулаков запел: «Мы с тобой два берега у одной реки...» Попытался встать, покачнулся и упал. Пришлось ползти. Подошли люди. Кто-то жалел, охал, кто-то смеялся. Двое из участников самодеятельности взяли его под мышки и потащили домой.

Из мертвца сна Даниил всплыval тяжело, медленно. Болит голова, подташнивает. Где он лежит? Почему-то твердо. Пол. И одеяла. Даниил отрывает свин-

цовую голову от подушки, прислушивается. Капает из крана — кап, кап, и ничего больше. Он с усилием встает. Кран. Ага, кухня... Почему кухня?.. Он напился холодной воды, несколько отрезвел и снова свалился в постель. Попытался вспомнить, что же произошло. Был смотр, сидели в буфете потом. Ну и что... Что было дальше?.. Ничего не помнит... Впереди областной смотр. Предстоит усилить репетиции, а он... Пойти к Тане? Разбудить, узнать. Еще рано. Ей до работы надо выспаться... Который час? В теле слабость... Хотелось кому-нибудь пожаловаться, услышать утешения. Но он один. Ну, сорвался, выпил, что ж теперь, казнить его, что ли? Разве ему легко, сколько пережито всего! Заглянули бы в его детство, пожадели бы. Даниил мальчиком ослеп: несчастный случай, собирая ягоды — черемуху. Ветка спружинила, ударила по глазу. Травмированный глаз удалили. И второй глаз спасти не удалось. Оперировали и его.

В семье он был младшим. Два старших брата погибли на войне. Отец умер. Мать-сердечница постоянно болела. Жили они в деревне. Помогали люди, но все равно было тяжело. Пришлось мальчику-калееке идти просить черную милостыню, попрошайничать. Даниилка ходил по вагонам, шутками и прибаутками забавлял пассажиров. Получалось. К пенсии матери прибавился навар. Потом мать умерла. Даниила устроили в интернат для незрячих детей. Эти годы до окончания восьмого класса были беззаботными: одевали, кормили, учили. Что еще?.. Позже — пимокатная мастерская. Работа тяжелая. В общежитии голые топчаны и клопы. Он припомнит Кощяя Бессмертного... «Эх, Костя, Костя!» Он вздохнул. И снова в прошлое. Покосившиеся хатенки мастерской. Там в них делали валяную обувь, по-сибирски — пимы. Пару — на план, две — на сторону. Дармовые денежки оттягивали карман, требовали подогрева. Сорок градусов — и не меньше. Много тогда перелилось этого зелья. С приходом Томилова разгульная жизнь накрылась. А вместо нее какой создали рай!.. Кулакзов сел. Что ожидает его?.. Грызет какая-то тревога. Валиться в полном неведении надоело. Даниил прокрался к кровати — пуста, аккуратно заправлена. «Где же Танюша?» На столе должен стоять будильник с точечным циферблатом. Будильник стоял на месте. Палец Даниила нашупал стрелки. Пять минут десятого.

Не может быть! Но часы тикают исправно — не стоят. Выходит, он проспал, а Танюша убежала на работу. Надо спешить в клуб. Предстояла обработка материала смотровой комиссии, проведение собрания участников художественной самодеятельности, выступление по местному радио с отчетом о вчерашнем концерте. Завтракать некогда. Потом. Сам виноват — проспал.

Кто-то вошел.

— Танюша! — окликнул он.

Безответно.

— Танюша, ты?

— Я, — сквозь слезы выдавила Татьяна.

— Опоздал. Спешу. У меня сегодня столько дел! — торопился уйти от выговора жены он.

— Не гоношись! Сиди дома! — отчужденно остановила его Татьяна.

У Даниила екнуло сердце. В ее тоне всегда такое миролюбие, а тут — явное презрение. Но он напустил на себя обиду и сухо бросил:

— Мне срочно нужно в клуб.

Татьяна что-то делала на кухне и оттуда крикнула:

— Сиди! Там тебя никто не ждет, пьянчуга!.. — Она заплакала. — Я от стыда с предприятия сбежала. Огурчик!

Теперь Даниил вспомнил застолье, себя, ерепенящегося перед друзьями. Его затошило, ноги ослабли. Он сел на табурет.

— Что случилось? — просительно и покорно обратился он к Татьяне.

— Что?! — прошипела она. — И ты спрашиваешь!

Злость, жалость, отчаянье охватили Таню. Она уткнулась головой в его плечо и зарыдала:

— Что ты наделал?!

Даниил сидел не шевелясь, чтобы не отпугнуть ее. Пусть надвигается что угодно — он не один. С ним Танюша. Вот она стоит за спиной, положила на его левое плечо ладонь, на правое голову. Таня плачет. И ему хотелось плакать. И не от беды. Будь он один — не подумал бы сокрушаться. А из-за нее, что ранит, терзает. Терзает того, кто связан с ним, кто доверился ему.

Вдруг Таня оттолкнулась и гневно крикнула:

— Не ребенок бы — ушла!..

О ребенке Даниил знал с месяц назад, она ему сказала. Его радости не было конца. Он ждал, ждал его,

как чего-то необыкновенного, сверхъестественного...»
«Ушла... Она ушла бы».

Даниил встал, подошел к Тане, обнял ее. Теперь он уткнулся своей головой в ее плечо.

— Прости, выпил... — покаялся он. — Так получилось... Выпил...

Таня неподатливая, напрягшаяся.

— Ты не выпил, а нахлебался!

Даниил притаился, выслушивая выговор.

— Тебя мешком выволокли из буфета и бросили на задворках клуба у противопожарной бочки. — Она заплакала опять. — Ты, как свинья, залез в нее, потом выкарабкался и пополз на четвереньках, не в силах встать на ноги.

Даниил отпрянул от жены.

— Неужели?! — со страхом выдохнул он.

— Сфотографировали... Ничего не скажешь — документ. На предприятии только о тебе и разговор. Есть о чем языки чесать... А я отпросилась у мастера и убежала!

Она говорила резко, с болью. Она чувствовала, что ее Даниила кто-то заманил в ловушку и сыграл с ним злую шутку.

Кулачкову чудилось, будто он падает с высоты. На лице его была такая мука, что Тане стало жаль мужа.

— Ничего, Даниил, вытерпим, переживем, — смахивая с глаз слезы, произнесла она. И уже совсем по-обычному добавила: — Садись завтракать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В классе ориентировки группа учащихся. Среди них Трошина, Колчин, Алиев, паренек Юра. Арский дает задание:

— Юре дважды пройти по среднему маршруту. И ждать меня в проходной.

Паренек доволен.

— Понял! — заверяет он и, чтобы щегольнуть знанием грамоты Брайля, спешит записать слова преподавателя.

— Алиеву маршрут: на автобусе до почты. Не перепутайте — пятая остановка. На почте купить конверты.

Алиев обещает:

— О, я жене и сыну телеграмму дам: «Нахожусь на

телеграфе. Доехал сам. Сам даю телеграмму. Научился читать и писать по точкам. Приеду домой, пойду на работу. Ходить на работу и с работы буду один. В магазины — тоже буду ходить сам. Эх, знали бы, куда я попал — сам аллах позавидовал бы, чему здесь учат!»

— На ваш текст не хватит денег! — посмеялся Ефим Аркадьевич.

Алиев шутить не собирался:

— Не выброшу ни одного слова! Денег хватит. Такое сообщение золота стоит! Я в телеграмме перечислю все ваши фамилии. Пусть мои узнают, кто мне вторую жизнь указал.

— Спасибо! — отозвался Арский и перешел к следующему ученику: — Колчину завершающий маршрут по учебной программе: ехать на предприятие общества и поработать там два часа. За консультацией обратиться к главному инженеру. Он в курсе. Для наших учеников там отведены специальные рабочие места. Участки маршрута мы с вами отработали.

Анатолий подхватил:

— От нашей проходной до ближайшей остановки около двухсот шагов. Еду до автовокзала, сажусь на междугородный автобус. На нем до остановки «Драмтеатр», перехожу на другую сторону площади, сажусь в троллейбус. Через три пролета остановка «Мостовая». Выхожу, иду прямо — по левой стороне улицы, вдоль ограды парка. Еще около ста пятидесяти шагов — предприятие.

Колchin подробно повторял маршрут, чтобы втянуть в освоение самостоятельного передвижения новичков и тех, кто не проявлял особого усердия и заинтересованности к этому важнейшему уроку, компенсирующему слепоту.

— Совершенно правильно! — отметил инструктор и назвал следующую фамилию: — Трошина. Вам усложненный маршрут — Центральный универмаг, с одной пересадкой. Купите там грампластинку, какая вам понравится, и флакон духов.

Арский дал маршруты и остальным ученикам. Так вся группа соответственно уровню освоения программы получила задания на нелегкую связь с Большой землей.

— Вы все хорошо помните, Елизавета Дмитриевна? — забеспокоился Колчин, когда они вышли из класса.

— Безусловно, все. При стажировке я этот путь сдала Ефиму Аркадьевичу на «отлично». Как-никак объект заманчивый — универмаг! Я и твой маршрут осваиваю. Правда, пока с Арским вместе — с подстраховкой. Не знаю, как пойдет у одной. — И в свою очередь спросила Колчина: — А ты, Толя, хорошо усвоил? Смотри, дорога дальняя, сложная.

— Осилю, — заверил Анатолий. — Итак, Елизавета Дмитриевна, трогаем! Счастливого пути!

Зрячemu человеку доехать до заданного Колчину пункта не составило бы ни малейшего труда, никакой заботы. Видна дорога, остановка, сам автобус. Видны улицы. За городом — смотри на шоссе, на встречный транспорт, смотри на горизонт. Куда хочешь — все перед тобой. Тебе не надо думать, как пересесть на другой автобус, не надо считать остановки, боясь сбиться с ориентиров. Тебе вообще ничего не нужно знать о дорожных знаках, не делать расчеты. Дорога на виду. Она развлекает тебя, наполняет впечатлениями. Для Колчина определение «трогаем» имеет особый смысл. Здесь нет ни шоссе, ни машин, ни горизонта, нет раскинувшегося, освещенного и размалеванного красками простора. Здесь шахта, ночь. Здесь каждый шаг связан с нервным, слуховым напряжением. Нельзя выключаться ни на секунду из того, чем ты занят — дорогой, подсчетом шагов. Тебе предстоит по особым, не столь уж многочисленным признакам определить остановку, приближение автобуса, двери. Ты должен следить, чтобы кого-то не толкнуть, не наступить на ноги. Потом надо выйти чинно, аккуратно. А кругом мрак. И внизу, там, где ступеньки, — тоже мрак. Ступаешь, как в пропасть. Первоначальный страх преодолен тренировками.

И сейчас Колчин, Трошина, Алиев и Юра отчалили от условного берега, в путешествие, обозначенное маршрутными линиями на воображаемой карте. На их пути может быть все. Кто-то может заблудиться, сбиться с курса, запнуться, упасть, столкнуться на улице со зрячим зевакой — все может случиться! Но они не остановятся, не отступят. Водоворот жизни уже понес их, захватил. И завтра они снова ринутся на штурм. Потому что с каждым днем тверже становится под ногами почва. Окружающие предметы оказываются доверчивее, доступнее. Да и сама тьма как-то заселяется все новыми и новыми ориентирами, вешками, указателями, раз-

двигает свое кольцо, становится менее губительной, менее страшной.

Неуверенность, скованность, осторожность больше не преследовали Трошину. Покорность темноте сменилась чувством власти над ней. Она шагала от проходной школы прямая, спокойная, держа в правой руке тросточку. Конец трости без скоропалительных, лишних движений успевал, как бы между прочим, делать разведку слева, впереди, справа. Палочка не долбила, не клевала дорогу, как прежде, а выполняла свою миссию легко, словно играючи,— идет не спеша высокая элегантная дама.

Впереди заурчала машина. Слепая женщина посторонилась, отошла к обочине, но не остановилась. Она продолжала шагать навстречу грохоту, по левой стороне шоссе в полной уверенности, что ей ничего не угрожает. Справа, по ходу, иди опаснее. Транспорт может наехать скорее, так как внимание инстинктивно приковывается к тому, что впереди. Вначале левостороннее передвижение пугало Елизавету Дмитриевну. Теперь-то она поняла цену этому правилу. Бывшее страшилище— машина, стала другом, подсказчиком, где повороты, где остановки, как изгибается дорога, какая она— ровная или нет. Там, где щербина, выбоина,— машина приостанавливается, потом поддает газ, сердито урчит. По прямой— ее двигатель посапывает ровно, увеличивая звук по мере приближения.

Впереди голоса. Кто-то кричит: «Быстрее!..» Трошина ускоряет шаг. Зовут кого-то, а сигнал касается и ее.

Подошел автобус. Те, кто выходил и входил, возгласами, движением помогали ей. Она взошла на три ступеньки.

— Разрешите сесть?— спросила она, уверенная в том, что кто-нибудь да ответит.

— Пройдите дальше, на следующий ряд, там свободно,— подсказали ей.

И Трошина прошла, села.

«Как Толя? У него задание сложное— зачетное, выпускное»,— с теплотой вспомнила она о Колчине. Она многим обязана ему. Не он бы, кто знает, может быть, тогда бы сбежала из школы и валялась, несчастненькая, в постели. Он усовестил, заставил ее побороть беспомощность. И вот чего достигла: едет за покупками в магазин! Просто сказать— в магазин! С пересадкой!

— Автовокзал.

Елизавета Дмитриевна вышла. Садиться на следующий автобус левее. Навстречу и рядом с ней идут люди. Скопление идущих слышно по шагам, по движению воздуха, а стоящих — по разговору и каким-то еще волнам. На остановке на всякий случай она спросила, здесь ли останавливается нужный ей автобус. Стала ждать. Автомобили, бегущие туда и сюда, людские голоса далеко вправо и влево раскрывали улицу, и она мысленно видела жилые дома, окна, рекламы магазинов, учреждений.

Народ задвигался, скучился. Понятно — подходит автобус.

На своей остановке Елизавета Дмитриевна пристроилась к очереди выходящих пассажиров, вышла, не прибегая к трости. Арский учил: «Там, где можно, обходитесь без палочки».

Найти универмаг большого труда не составляло. Присоединяйся к людскому потоку, слушай, куда ведет топот ног. Двери... В самом магазине опять слушай. У каждого отдела покупатели спрашивают у продавцов товары. «Красная Москва» есть? Или: «Подайте флакон таких-то духов».

Одно поручение выполнено. Второе — само зовет. В дальнем углу звучит музыка — проверка пластинок.

Елизавета Дмитриевна послушала, погадала, что взять. Для себя выбрала пластинку романсов в исполнении Козловского, для Анатолия пластинку с песней о летчиках.

В отделе трикотажных товаров она подобрала себе и матери по кофточке. Ходила по магазину слепая женщина, делала покупки сама, без посторонней помощи...

Устарело утверждение, что мертвые глаза отнимают девяносто процентов у жизни. Значит, человеку остается всего десять? Э нет! Не десять процентов остается живого, а девяносто! То есть потеряно всего лишь десять процентов. С этим еще можно согласиться. Та счетная машина, обсчитывающая человеческую жизнь, — устарела. Сегодня она не пригодна. Современная электронная считает по-иному. Процент человеческой жизни определяется полезностью его своей родине, своему народу.

Увидев себя в общем житейском круговороте, Трошнина готова была петь, смеяться. Без особых усилий она определила выход. И тут людская толчея да шум

дневной улицы, врывающийся в помещение через открытую дверь.

После утверждения директором сложных комбинированных маршрутов (курс обучения первого заезда учащихся заканчивался) Арский стал молчаливым, задумчивым. Он беспокоился за тех, кто с утра уходил в путь — «в плаванье», в небезопасную стихию. И хотя он знал, что каждого ученика тайком подстраховывает кто-нибудь из зрячих сотрудников школы, все-таки беспокоился. «Прошло бы без ЧП».

Первым с задания вернулся паренек Юра. Без посторонней помощи нашел класс. Сотрудник школы, наблюдавший за ним, доложил Арскому, что тот дважды сбивался с курса, блуждал, но находил дорогу, шел дальше. Держался напряженно. «Пройдет. Лишь бы не поддался страху», — рассуждал Арский.

Войдя в класс, паренек спросил:

— Ефим Аркадьевич, вы здесь? — И, захлебываясь от восторга, рассказал о выполненном задании: — Все получилось здорово! Нигде не спутался. Оказывается, ходить одному — пустяки. Я теперь по территории школы пройду куда угодно, назубок изучил!

— Ставлю пять! — объявил оценку Ефим Аркадьевич.

Часа через два вернулась Трошина. Тайный наблюдатель — им была жена Арского — отзывалась о ней:

— Ни одного замечания!

— Центральный магазин в вашем городе ничего, — с юморком докладывала Елизавета Дмитриевна. — Выбрать кое-что можно. Приобрела себе и маме повязанной кофточке. Ваш заказ тоже выполнила, — она подала Арскому грампластинки и флакон духов.

— Как я рад за вас, Елизавета Дмитриевна!

— Спасибо, Ефим Аркадьевич! С вашей помощью подружилась с палочкой. Она — молодец! Лучше зрячего поводыря. Нигде не дает запнуться, оступиться. — Трошина приняла пластинки от Арского. — Это мне на память. А флакон духов — вам, Ефим Аркадьевич, мой подарок, добытый великой ценой — возвращения к жизни.

Арский расчувствовался, пожал ученице руку.

— Благодарю, Елизавета Дмитриевна!

Палочка Трошиной стукнула об пол.

— Пойду на доклад к соседушке, Надежде Васильевне.

Арский полуслутя-полусерьезно потребовал:

— Дайте-ка трость.

— Зачем?!— изумилась Трошина, будто у нее отнимали глаза. Она сжала ручку крепче и спрятала за спиной. Ту тросточку, которую она когда-то брезгливо взяла кончиками пальцев, теперь считала необходимой спутницей. Без трости, представилось ей, она окажется снова слепой.— Не отдам, Ефим Аркадьевич!— безаппеляционно заявила ученица.— Мне нужно идти домой, а без «коня», как здесь прозвали трость, мне не сдвинуться с места.

— Вам пора на малых расстояниях обходиться без трости,— убеждал Арский.— В гостях, дома, где-нибудь на приемах как-то неудобно стучать палкой. Тренируйтесь.

— Что вы! С тростью величественнее предстать перед гостями и где угодно,— шутливо противилась Трошина.— Она придает солидность, интеллигентность.

— По программе...

Трошина не дала досказать учителю:

— Слушаюсь, слушаюсь... Вредничать не буду. Надо так надо!

Держа перед собой руки, как, бывало, после мытья перед операцией, она вышла из помещения. О, если бы тросточка!.. Как не хватало ее. Пришлось напрячь память, обострить слух.

Через несколько минут появился Алиев.

— Ты здесь, Аркадьевич?— Он всех называл на «ты» и только по отчеству.

Арский пошутил:

— Долгоночко! Я подумал — не красотка ли какая завлекла.

— Что говоришь?— возмутился Серафим.— У меня дома своя красотка! О-о, таких у вас нет!.. Маленько запоздал,— сбив темперамент, виновато признался он.— Десять телеграмм отправил. Пока мне их писали да квитанции выписывали — время и ушло. Каждую телеграмму с разными словами сочинил. Нельзя же всем одинаково: «Жив, здоров!..» Всем по-особому рассказал о себе.

Арский хохотнул:

— Куда столько!

— Куда? — переспросил Серафим. — Жене и сыну, братьям, сестрам, родителям. Теще тоже надо — она у меня заботливая... Теперь давай маршрут «Универмаг». Подарков приготовлю. Скажу — сам выбирал и купил. Понимаешь, Аркадьевич, сам купил. Э-э, пол-Баку праздновать будет!

— Раза два со мной съездишь, потом одного пущу.

Шаг за шагом Трошина дошла до плескавшегося фонтана. Отсюда, вдоль аллеи до ощущения пространства слева, — поворот, а дальше — стена. Ее она чувствует по глухости звуков и температурной разности с окружающим воздухом. Подъезд. По лестнице она поднялась свободно, придерживаясь за перила.

— Наденька, ты дома? — укладывая шляпу на полочку шифоньера, стоящего в прихожей, громко спросила она.

— Заходите, Елизавета Дмитриевна!

— Товарищ завуч! Ваша подопечная прогулялась до универмага! Звучит?

— Вы освоили комбинированный маршрут?! — как можно естественнее удивилась Ильина, знающая каждый сделанный шаг учащимися. И по-настоящему пожалела: — Скоро выпуск. Будем прощаться. А неохота. Привыкла к вам.

— Привыкнете и к другим новичкам.

Ильина еще больше заскучала:

— Привыкнуть-то привыкнем, но и с ними придется прощаться. И так всегда — встречи, проводы...

— Я своим вероломным вторжением помешала тебе? Ты что-то писала?

Ильина тут же запротестовала:

— Нет-нет, что ты! Такие сообщения услышишь не часто. А писала... Письмо маме писала.

Трошина спохватилась:

— Пойду-ка тоже напишу на собственном языке. Буквы из точек я давно ей выслала. Пишет — выучила.

«Дорогая мамочка! — выклевывал гнездышки прифель. — Написать-то собралась, но в голове столько

мыслей, что выбрать из них главные никак не могу. Растерялась. Сколько бы надо рассказать! И все-таки прежде всего благодарю тебя за твою мудрую настойчивость, что сумела мой почти бездыханный труп доставить сюда, в школу. Ой, как мне хочется поскорее предстать перед тобой и покрасоваться. Ты не узнаешь свою дочь Елизавету. Той Елизаветы, которую ты взяла из дома инвалидов, нет. Я научилась вязать береты, перчатки, кофты. Стираю, глажу белье. Не веришь, да? Увидишь. Сама готовлю обед. Смеешься? Напрасно. Приеду и приготовлю такие блюда, что пальчики оближешь. Гоняют тут здорово. Физкультурой талию сохраняют, отрабатывают грацию, движения. Утренняя гимнастика — само собой. Заранее предугадываю, как ты улыбнешься, скажешь: «Ну, совсем зарапортовалась! Как охотник!» А я собираюсь похвастать честно: только что съездила в универмаг с пересадкой с автобуса на автобус. Выполнила задание преподавателя на пятерку. Купила тебе... Не скажу что. Увидишь сама. Ездила одна. Не веришь?.. Да я и сама не верю. И все-таки ездила! Честное слово!.. На днях дадут последний зачетный маршрут. Какой? Опишу потом. Одним словом, кричи «ура»! Твоя старость уходом обеспечена. За моей спиной не пропадешь. Помощник у тебя надежный».

Закончив письмо, Елизавета Дмитриевна пальцем перечитала его, аккуратно свернула пополам и в нескольких местах схватила края ниткой — обычный способ бесконвертной корреспонденции слепых. Адрес кто-нибудь из зрячих напишет на одной, не испещренной точками стороне.

— Живые есть? — услышала она голос Колчина.

Трошина откликнулась:

— Живые — не знаю. А мертвых нет.

— Лиза, ты не можешь представить себе, где я был! — Он не заметил, как назвал ее только по имени и на «ты».

— Наконец-то я слышу настоящего мужчину! — всплеснула ладонями Трошина и рассмеялась. — Давно бы так, без всякого там этикета. Я — «ты», и ты — «ты».

Колчин посчитал, что он допустил вольность.

— Извините, Елизавета Дмитриевна...

Та мягко перебила.

— Ну вот, опять пижонство! Называй меня просто «Лиза», так мне больше нравится. Рассказывай. Изви-

ни, перебила.—Она прошлась к тумбочке.—Садись.—И сама села.

— В цехе работал. Собирал электровилку. Вам...—И тут же поправился:—Тебе привез...—Он положил на тумбочку сборную штепсельную вилку.

Трошина взяла, повертела в руках. Такой вещицей она пользовалась, включая плитку, утюг, радиоприемник, торшер. И вдруг все эти предметы всплыли в памяти зrimо — в формах, расцветке, заставили вспомнить, где они стояли в ее квартире, что окружало их. Она увидела мужа и, опомнившись, передернула плечами, словно от озноба.

— Я однажды включила динамик вместо радиосети в электрическую,—совсем невпопад сказала она.

Считая, что Елизавета Дмитриевна не поняла его, Колчин уточнил:

— Я сам собрал, и не одну, а с десяток, наверное.

— Сам?!—удивилась Трошина, ощупывая поданный ей предмет.—Там что, незрячие работают?

— На сборке только незрячие. И как работают! Прямо автоматы!

— И деньги за это получают?—с возрастающим любопытством спрашивала Трошина.

— А как же! Нормальная зарплата, как на обычных заводах.

Колчин рассказал о том, что мог услышать, ощупать, какую продукцию выпускает предприятие.

— После школы — туда! Только туда, на производство! Сколько станков, конвейеры. Казалось бы, ничего особенного — листы железа, проволока режутся, обкатываются, проходят длинный путь обработки, получаются детали, а потом и готовые изделия. Замечательно!

— Ты мне столько чудес наговорил, что я непременно хочу побывать в том царстве. Понравится, и я, может быть, там чем-нибудь займусь. Женщины, наверное, тоже работают.

— Обязательно! Женщин больше, чем мужчин.—Колчин припомнил:—Они собирают электровилку, розетку, автосигнал, еще что-то. Обойти все участки не успел.

Елизавета Дмитриевна мечтательно сказала:

— Поступлю на работу. Понравится — маму переманю, квартиру обменяю. Не понравится — уеду домой. Там какая-то артель есть.

Приближался первый выпуск учащихся. По этому случаю Сергей и Аня решили пригласить к себе в выходной день Алиева, Трошину и Колчина.

Длинный звонок. По времени, похоже, кто-то из приглашенных. Директором установлено задание Елизавете Дмитриевне, Анатолию и Серафиму без предварительной отработки маршрута по воображаемой карте макетных ориентиров найти дом Томилова и квартиру.

Дверь открыла Аня.

— Елизавета Дмитриевна! Входите, входите! — Они расцеловались.

Аня с трудом узнала в прямой, гордой, с румянцем во всю щеку женщине ту сгорбленную, с бледно-серым лицом, незрячую старуху.

— Помните, Анна Ивановна, вы когда-то удивили меня, что ваш муж ходит домой без сопровождающего? Разрешите спросить: а на предприятие, в соседний город, он сможет добраться один? — Трошина спрашивала задиристо, с вызовом.

Аня обрадовалась поистине сказочной ее перемене.

— Что вы! Туда он ездит со зрячими.

— Ага! — заносчиво поймала на слове жену директора Елизавета Дмитриевна. — А я там побывала без телохранителей. Выходит, ученик перещеголял своего учителя.

Они прошли в гостиную, сели на диван.

— Куда поедете после школы? — поинтересовалась Аня.

Трошина что-то прикидывала, обдумывала, потом призналась:

— Долго колебалась и все-таки решила устроиться работать на предприятие общества. Обошла цех — понравилось. Живут незрячие прекрасно. Как-никак коллектив, своя среда. Уеду домой под крыльышко мамаши, кто его знает, размагничусь, потеряю полученный в школе заряд. Окажусь тем же меланхоликом, начну прислушиваться к болячкам, захандрю.

— Я лично одобряю ваш выбор, — поддержала Аня и так, как бы между прочим, вставила: — Мало-помалу семьей обзаведетесь. Теперь вы ни от кого не зависимы. Умеете все! — Она подбиралась к выполнению заранее разработанного ею с Сергеем плана.

Трошина на какой-то миг словно оцепенела, затем ответила:

— Стара уже семьей обзаводиться. Вряд ли жених найдется. Может быть, у вас есть на примете какой-нибудь завалящийся дедуля?

Аня подыграла собеседнице:

— Не знаю ваших вкусов.

— Какие там вкусы... — серьезно сказала Трошина, чего-то не договаривая.

— А чем не жених Колчин? — осторожно подсказала Аня.

Трошина встрепенулась:

— А вы его знаете?! — Румянец разлился по всему ее лицу.

Аня не промахнулась: упоминание о Колчине задело Елизавету Дмитриевну. По стыдливой затаенности догадаться нетрудно — Анатолий ей небезразличен.

— Знаю, — сказала она. — Сережа много говорил о нем. Приятный человек.

— Неплохой, — подтвердила Елизавета Дмитриевна и тряхнула головой. — Не свахой ли хотите стать? — пошутила и она в тон Ане.

— Если вы не против — пожалуйста! — в том же шутливом тоне высказалась свою готовность хозяйка.

Гостья поддерживала шутливый разговор, хотя это удавалось ей нелегко.

— Он себе найдет полноценную невесту. Мужчина видный...

Аня теснила ее в «угол»:

— А это забота моя. Лишь бы...

Трошина нетерпеливо перебила:

— Вы его видели?

— Видела.

На лице Елизаветы Дмитриевны было написано нетерпение, ей очень хотелось о чем-то спросить, но, видимо, она стеснялась. И все-таки не выдержала:

— Какой он?..

— Какой?.. — Аня подумала. — Среднего роста, волосы русые, наполовину седые, зачесаны назад. Лоб широкий, с залысинами, брови густые, глаза серые, нос небольшой, с горбинкой. Лицо смуглолатое. Симпатичный!

— Ого! Портрет ничего себе! — И Елизавета Дмит-

риевна продолжила дознание:— А какое выражение лица?

Аня припоминала:

— Какое же? Пожалуй, угрюмое.

Трошина неожиданно расхохоталась от всей души:

— Подходит! Но я ему не пара. Я злая.

— А может быть, ему такие нравятся.

Елизавета Дмитриевна шепотом попросила:

— А вы проверьте. Он тоже собирался сюда. Чур!—

Она погрозила пальцем:— Результат наблюдения передать мне без утайки. Договорились? Только — разговор между нами.

Вошел Сергей.

— Здравствуйте, Елизавета Дмитриевна. Как спрашивались с маршрутом?

— Об этом судить вам, Сергей Михайлович.— Трошина перечислила все повороты, где и какие слышала сигналы.— И вот я на конечном пункте.

— Заключительный этап экзамена сдали отлично!— совсем серьезно, как в классе, поставил оценку директор.— Поздравляю!

— Спасибо, товарищ директор! Простите за доставленные хлопоты. Моя диссертация досталась всем нелегко.— Она это сказала взволнованно и так сердечно, что у Сергея запершило в горле.

Появление Алиева ознаменовалось восторгом:

— Где здесь Анна Ивановна, любимый человек моего друга?

Аня подала руку.

— Мы с Сережей ждали вас давно, как вы приехали. Нехорошо так поступать.

— О нет, Анна Ивановна, вы не правы! Я поступил благородно,— Алиев пристроил к стене трость и продолжил:— Разве мог я прийти к вам на поводке, вроде больной овцы? Жена моего друга сказала бы: «Ай-яй-яй! Какие у тебя друзья!» А теперь мне не стыдно предстать перед вами!— Он выпятил грудь, вскинул седеющую голову.— Сам пришел! Вот где моя судьба теперь.— Он сжал кулак.— Я управляю ею.

— Где вы там?— крикнул из гостины Сергей.

— Погоди, Михалыч! С Анной Ивановной хорошенько познакомлюсь!— ответил Серафим и тихо, для одной Анны, договорил:— Ваш муж рассчитался со

мной сполна. Я ему в Одессе настроение поднимал, а он здесь вторую жизнь мне дал.

Когда позвонили в дверь в третий раз, Аня попросила открыть Сергея, а сама, собирая на стол, стала наблюдать за Трошиной. При звонке та навострила уши. Как только в прихожей раздался баритон Колчина, беспокойство тут же сошло с лица Елизаветы Дмитриевны, уступив место беззаботности, умиротворению: «В мире стало все чудесно!»

Поздоровавшись со всеми, Колчин уловил голос Трошиной, шевельнул бровями, засветился.

«Есть взаимность», — отметила Аня.

За столом, поднимая рюмку, Сергей сказал:

— В одной из современных повестей написано о директоре детского дома: когда он выпускал своих питомцев на широкий простор, образно сравнивал себя с осенним деревом, с которого опали листья. Я бы внес небольшую поправку: да, листья осыпаются — их ожидает тлен, но осыпаются и семена, которым дано будущее, дана своя жизнь. Семена — это вы! Для вашего будущего, для вашей жизни школа отдала свои соки. За ваше счастье, дорогие! Вы — первые учащиеся, на которых мы проверили, испытали необходимость существования нашего заведения, в которое вы вошли духовными инвалидами, а выходите сильными, здоровыми, возвращенными к жизни и труду. Признаюсь, мы волновались: сумеем ли справиться с задачами нашей школы? Теперь можно смело, громко заявить: мы справились! Такая школа необходима! Желаю тебе, Серафим, успешно трудиться и всегда быть бодрым, таким же, каким спасал меня от мук, от тоски. А вам, Елизавета Дмитриевна и Анатолий Георгиевич, желаю единого пути! Шагайте по одной дороге!

Трошина зарумянилась, отшутилась:

— Согласна по одной колее, в одном вагоне, но в разных купе!

Из ее шутки было ясно: то, что ей пожелали, ей нравится.

Колchin наклонил голову, плотно сжал губы, промолчал. Зато Алиев не сдержал своей горячности:

— Верно Михалыч желает одной дороги! У всех у нас она одна — светлая, прямая! А вам, Лиза-джан и Георгиевич, общего счастья! Тебе, Михалыч, кавказского долголетия! Живи дольше. Твоя жизнь нужна дру-

гим. Вам, Анна Ивановна,—он почему-то назвал ее на «вы», по имени и отчеству,—никогда не стареть! Быть всегда, как сейчас,—цветущей розой. Красота нужна земле, жизни, как хлеб человеку!

— Правильно, Алиев!—загорелась и Елизавета Дмитриевна.—Умнейшие слова нашел нашим дорогим хозяевам — долголетия, молодости и красоты!

Трошина уезжала к матери — не насовсем, временно. После окончания школы ее по рекомендации Моргунова и Томилова управление культуры назначило заведующей открываемой в городе библиотеки для незрячих. Она сомневалась, сможет ли возглавить новое, совершенно незнакомое ей учреждение. Управление культуры обещало послать на курсы, областное управление общества — помочь. Оказанное доверие лъстило ей и пугало ответственностью.

На вокзале, в ожидании отправления поезда, она сидела угрюмая, молчаливая. Провожающий ее Колчин тоже был занят своими мыслями. Полученная свобода после обучения заставляла задумываться над многим. Опека закончилась. Приходилось заботиться самому о каждом шаге.

— Я боюсь...—сказал Анатолий.

— Чего?—отозвалась Трошина.

Анатолий взял ее руку.

— Уедешь, мать уговорит остаться. Я привык к тебе, Лиза... Нет, не то. Не просто привык, а не мыслю жизни без тебя. Пусто. Смертельно скучно. У тебя есть хоть мама, у меня — никого.

— Я богаче,—улыбнулась Елизавета Дмитриевна.—У меня мама и ты... Не беспокойся.—Трошина вздохнула.—Вернусь к тебе. Видно, ураган прибил нас к одному житейскому берегу. Я попробую уговорить маму переехать сюда со мной. Бросить меня она не сможет. Тогда нам ничто ни почем.

Колчин успокоился. Он поверил.

— Пока ездишь, я подыщу частную квартиру, перейду из общежития. Буду ждать тебя с мамой. Когда-нибудь предприятие даст настоящую квартиру. Говорят, собираются строить дом.

Объявили посадку. Надо прощаться. Анатолий проводил Елизавету Дмитриевну в купе. Как положено, перед дорогой присели. Затем справился:

— Билет на месте?

Трошина проверила в сумочке.

— Все в порядке.— И весело добавила.— Вот удивлю маму— явилась неожиданно, одна, без сопровождающих и носилок. Не миновать взбучки. А может быть, наоборот — обрадуется.

Проводник объявил: «Провожающим оставить вагон».

— Ну, Лиза, до свиданья!— сказал Анатолий. И, притянув ее к себе, поцеловал.— До свиданья! Как доешь, дай телеграмму.

— Жди, Толя!

Колчин спустился на перрон. Поезд залязгал железными суставами, застучали колеса о рельсы. И хотя все это отдалось от него, увозя дорогого ему пассажира, у Анатолия было радостно на душе. Он не один. Там, в одном из вагонов, находилась Лиза. Его Лиза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Намеченный план культурно-массовой воспитательной работы, над которым Кулачков трудился старательно, не один день, теперь висел в клубе как доказательство его бездеятельности. Сам Кулачков опустил руки. Даниил ожидал наказания. Пока его не трогали. Что-то плелось молча, за его спиной.

Как только Моргунов вышел из отпуска, Даниила в тот же день вызвали к нему. Иван Арсеньевич на этот раз принял друга, не выйдя из-за стола, не подав руки.

— Садись,— холодно сказал он.— Нагадил?

Вопрос прозвучал как оплеуха.

— Вам, очевидно, доложили сполна. Мне добавить нечего.— Кулачков впервые за всю их дружбу назвал Моргунова на «вы». Он чувствовал — дружба между ними если не разрушилась, так дала трещину.

Иван Арсеньевич прошелся к двери, молча вернулся, заходил назад и вперед. Еще одна, ничего не предвещавшая хорошего примета.

— Ты сознаешь, что наделал?— необычно грубо спросил он.

— Соображаю,— ответил Кулачков мрачно. И чуть слышно добавил:— Сознаю...

— Сознавать мало!

Суровость в интонации Моргунова задела провинившегося заведующего клубом.

— Я и отвечать готов...

Председатель вскипал и, чтобы не допустить неоправданной бес tactности, переждал, пока гнев схлынет, затем, остановившись перед Даниилом, отчеканил:

— От ответственности никуда не спрячешься! Но каково ходить оплеванными нашим рабочим с Дальнего! Ты подвел их, меня. Опозорил! Про нас анекдоты сочиняют, называют бандой, а меня атаманом. До чего докатился! Ну как ты мог так нализаться?! Где была твоя голова! Нас засыпали жалобами. Откуда их только нет! А одна с наглядным приложением — с фотокарточкой.— Раздражение Моргунова утихало.— Какой позор президиуму! На предприятии многие переживают... Эх, Даниил Прокопьевич!

Даниил сжимал зубы. Но что он мог поделать! Обратно жизнь не отмотаешь — не магнитофонная пленка, ошибку не сотрешь. Пенять на злую шутку, провокацию — мелко и трусливо. Виноват один — он сам. Подвела доверчивость.

— Я могу быть свободным? — спросил он.

Моргунов опешил. Ни одного оправдания.

— Да ты хоть попытайся бороться за себя! — почти закричал он.— Расквасился как весенний снег — бери и лепи бабу. Ты не был таким.

Кулаков встал.

— Бабу лепить из себя не позволю, а ответить — отвечу. Одного наказывайте. Снимайте с работы. Моя песня спета.

— Тебя напоили, — наталкивал на спасительный довод Иван Арсеньевич.— У меня была делегация. Защищали тебя, дурака.

— Поят лошадей. Я напился сам. А делегации признаителен.

Моргунов сел за свой председательский стол.

— Готовься к президиуму.

Кулаков хотел попросить поскорее назначить заседание, но сдержался. Покинул кабинет даже не попрощавшись.

Рабочая среда как-то сразу втянула Колчина в общий ритм труда. Он быстро освоил сборку металлических деталей к электроустановочной продукции, пере-

знакомился с людьми, с жадностью набросился на изучение экономики и организации производства.

На рабочем месте он изучал технологические приемы, доискивался до секретов поточного цикла. В нерабочее время беседовал с людьми, познавал их мир, характеры. Возмутился, когда узнал, что предприятие разобщено на две группы: местные — городские и прибывшие — поселковые.

Анатолий выступил на одном из собраний, пытаясь устыдить присутствующих в розни. Но директор предприятия Точкин из-за стола президиума саркастически заметил:

— Не слишком ли рано товарищ Колчин берется за чтение нотаций нашему старейшему коллективу? Мы сами как-нибудь разберемся в происходящем. Мало ли что бывает? Спор объединяет.

Директору не перечили, боялись. «Начальство не урезонишь — в пузырь полезет. Тебе же будет хуже».

Кто-то шепнул Колчину:

— Не спорь. Получишь тумаков. Он запятые не ставит.

Смелость Колчина понравилась собравшимся. При избрании общественного производственного контроля Анатолия ввели в его состав. На организационном заседании комиссии рабочему Анатолию Колчину доверили председательство.

Несколько дней Анатолия никто не беспокоил. Конвейер плыл и плыл рекой, унося к бункеру полуфабрикаты, постепенно превращающиеся к концу пути в готовую продукцию.

Смена была на исходе. К Анатолию подошел технолог участка и спросил:

— Ты имеешь представление, что собираешь?

Колchin удивился:

— Что за вопрос? Прекрасно представляю!

— Можно с тобой побеседовать наедине? — Технолог говорил на ухо Колчину, чтобы никто не слышал. — Ты на предприятии — производственный контроль, я — член комиссии народного контроля от партийной организации.

Андрей ждал Колчина за проходной предприятия, взял его под руку.

— Тебе куда?

Анатолий шел в общежитие.

— Пойдем ко мне,— пригласил он технолога.

Две кровати. Чисто. Прибрано. На окне — шторы.

— А где сосед по койке? — подсаживаясь к столу, покрытому цветной kleenкой, полюбопытствовал Андрей.

— Понял. Не помешает, — успокоил Анатолий. — В доме отдыха. Пока один. Скоро на частную квартиру переберусь.

— Зачем? По-моему, тут неплохо.

— Жена приезжает. В общежитии семейным проживать не положено.

Разговор не относился к теме. Это понимали оба. Отвлекались для того, чтобы хоть немного познакомиться поближе. Андрей положил на стол захваченное с собой одно из выпускаемых изделий, попросил Колчина осмотреть его. Крышка и чашечка вроде солонки из пластмассы. Анатолий тремя оборотами открутил верхнюю часть, снял, вынул вкладыш. К его карболитовому основанию винтами прикреплено четыре медных стойки, на концах которых по одному отверстию и ниже отверстий ввернуто по одному винту.

— Ты меня разыгрываешь? — обиделся Колчин. — Я как раз и собираю эту начинку. Ничего заковыристого. Крути отверткой да крути. Не пойму, зачем ты мне показываешь эту штуку. У меня от нее мозоли на пальцах.

Технолог пощелкал ногтем по пластмассе.

— Тебе известно, для чего она служит?

Анатолий ответил:

— Это ответвительная коробка. К ней подходят и отходят провода, по проводам течет электрический ток. Выпускаем изделие по народнохозяйственному плану. Мы — монополисты. Кроме нас, ее никто не выпускает.

— Анатолий Георгиевич! Мы выпускаем не ответвительную коробку, а туфту.

Колчин с усердием ощупал пальцами так хорошо изученную до единой дырочки вещицу.

— Какая туфта? Ты что-то путаешь!

— Если бы... — удрученно сказал Андрей. — То, что ты держишь, или, как ее называют, начинка, — она никому не нужна. Строители ее просто-напросто выбрасывают.

— Почему?! — всплюхнулся Колчин.

— Да потому, что она конструктивно не годна.

Андрей попросил его еще раз ощупать изделие.

— На штыри можно прикрутить лишь медный провод и строго определенного сечения да еще с дополнительным кольцом. К строительным объектам подходят провода разного калибра и кроме медных — еще и алюминиевые. Строители — народ находчивый. Раз им положено выбирать фонды, они их и выбирают. Коробку где положено ставят. Других нет. Ты сам сказал: мы — монополисты. А вкладыш выкидывают. Провода в пустой коробочке соединяют напрямую. Крышка завернута — выглядит прилично. Кому надо лезть внутрь!

Смугловатое лицо Колчина покрылось багровыми пятнами.

— Мы их выпускаем миллионы в год и не знаем о нашей халтуре!

— Не знаем!.. — язвительно повторил технолог. — Но кое-кто в курсе. От потребителя поступали жалобы, рекламации, потом на нас махнули рукой, отступились. Строителям соединять напрямую выгоднее, быстрее. Что случится, ответчики не они — наше предприятие. Базы, которые берут у нас эту продукцию, помалкивают. Правда, с год назад приезжал представитель от какого-то главка, пошумел, пошумел... Что они там решили — не знаю. Тем не менее отбыл он, и дело с концом. Незрячие, инвалиды — пусть трудятся, зарабатывают свой кусок хлеба. А они закроют глаза.

— Неужели!.. — простонал Анатолий. То святое чувство, которое возникло в нем при ознакомлении с производством, померкло. Тогда просторные высокие помещения, станки, сам труд незрячих до слез тронул, взволновал его. А здесь производят липу лишь для трудоустройства незрячих, по существу ни за что выплачивают им заработную плату. Жалея инвалидов, выбрасывают и деньги, и ценнейший металл.

— Директор знает... — проговорил потрясенный Колчин. — Какое он имеет право спекулировать на инвалидах, на их честной, сознательной работе?

Колчин не притворялся, вскипал откровенно.

— Как считаешь: надо или нет вмешаться в это хозяйство? — спросил Андрей. — Наш председатель народного контроля посоветовал переговорить с тобой. Однажды мы сами намеревались выступить с предложением — прекратить выпуск этого вкладыша. Но воздержались. Нас напугали остановкой целого участка, неизбежным волнением рабочих. Точкин заявил прямо: «За

последствия отвечать будете вы — народный контроль». Замяли. А на совести нечисто.

— Непременно нужно заставить наших инженеров потребовать от администрации изменить конструкцию. Начнем с Точкина. Попробуем убедить его. Соберем обе комиссии, вынесем заключение, поможем правильно разъяснить народу.

— Все верно,— пожимая руку Колчину, одобрил Андрей.

Со дня объединения двух предприятий в жизни Точкина не было ни единого просвета. И все из-за приехавших с Дальнего. Они своими требованиями, постоянной критикой плохо влияли на рабочих основного предприятия. Местным тоже стало казаться: одно — не так, другое — не этак. Старый коллектив, прислушиваясь к новоселам, находил, что у тех было лучше с механизацией, с дисциплиной, что руководство ликвидированного предприятия заботилось о своих людях больше. А тут еще первичная организация общества настаивает на переходе в сборке электроустановочных изделий от ручных отверток на механические, фрикционные, как у новоселов на сборке автосигналов. Попробуй так, с бухты-барахты, обеспечь сборочные операции сложнейшими приспособлениями. Настоящая технологическая реконструкция. Просто сказать — провести реконструкцию. Недовольство местных рабочих резко отразилось на производительности труда. Производственный план достиг катастрофической отметки — ста процентов. А некоторые смены не давали и ста. Ничего не скажешь — план дотягивали участки, где работали переведенные из города Дальнего. Мысленно анализируя создавшееся положение, Точкин сортировал по группам факты, так или иначе влияющие на производственную атмосферу коллектива, и случайно столкнулся с фамилией Колчин. «Этот тип, кажется, в герой лезет?.. Вождь крикунов и злопыхателей? Ишь ты, председатель производственного контроля!.. Попробуй только заведи возню. Хвостик прижмем! Кулакову с корнем оттяпали и тебе отхватим!» Лицо директора на миг просияло, но тут же опять помрачнело. Сколько всяких комиссий, контролей, советов, организаций! А он один. Все проверяют, указывают, рекомендуют, заслушивают.

— Колчин! — Голос секретаря заставил вздрогнуть Точкина. Минуту назад он мысленно прозил ему, и вот, точно в сказке, сам человек явился.

— Что ему надо? — с раздражением спросил он.

— Не знаю.

— Пусть войдет, — распорядился директор. — С чем явился? — не приглашая сесть, обратился он к рабочему, давая понять, что задерживаться тут надолго пусть не рассчитывает.

Но Колчин не торопился. Нашел длинный стол для совещаний, выдвинул стул, сел.

— У меня времени в обрез. Давай, что у тебя, — подгонял директор, злясь на бесцеремонность рабочего.

Вошли секретарь партийной организации и технолог.

«Зачем понадобились Любовь Александровна и технолог?» — недоумевал Точкин.

— Вам, Любовь Александровна, товарищ Колчин нужен? А то мы с ним повстречаться успеем...

— Мы все по одному вопросу, — остановила его парторг. — Пожалуйста, товарищ Колчин!

— Мы считаем, — заговорил Анатолий, — ответвительную коробку пора выпускать с вкладышем другой модели.

Точкин резко откинулся к спинке стула, будто перед ним взорвалась граната.

— Кто «мы»? — Одно упоминание о злополучном вкладыше выводило его из равновесия. Стараясь унять мелкую дрожь в руках, он прошелся по кабинету. — Кто толкает тебя на эту авантюру? — задыхаясь от гнева, процидил он.

Колчин спокойно объяснил:

— Надо положить конец обману...

— Обману?! — Точкин рассмеялся. — Какому обману, Любовь Александровна? — Он обращался к парторгу. — Годами выпускаем по народнохозяйственному плану, кормим рабочих и кого-то обманываем?

— Да, обманываем, — подтвердил Колчин. — Обманываем наших рабочих, строителей и в целом государство!

— Слышите, Любовь Александровна? — Директор умышленно отворачивался от Колчина, выражая тем самым свое пренебрежение. — Мы с вами обманщики!

Парторг не поддержала директора.

— Он высказывает нашу общую точку зрения. И нам с вами необходимо предпринять меры к изменению конструкции коробки. Нас сама жизнь обязывает к этому.

Точкин почувствовал, что необходимо менять тон.

— Любовь Александровна! — уже спокойным голосом обратился он к парторгу. — Заблуждение Колчина объяснимо. Он технически и экономически малограмматен. К тому же новичок у нас, вы — инженер. Начальник технического отдела. Вам-то не надо объяснять, что такое изменение конструкции. Давайте посчитаем: необходимо найти институт, который взялся бы за разработку новой модели. Необходимо согласие завода, выпускающего карболитовые детали, на изменение конфигурации коробки. Необходимы разрешения на выпуск измененного изделия полдюжины главков, министерств. А дальше тяжбы по пересмотру прейскуранта — цена коробки обязательно изменится. Потом освоение, полная замена оснастки, простоя. Сто пятьдесят человек посадим на голодный паек. Завопят на все лады! А главное — аттестуют ли нам переделанный вариант — мы не знаем. Ну как, Любовь Александровна? Если все взвесить, посильна ли нам такая задача сегодня?

Затянувшуюся паузу прервал Колчин:

— Вам, Александр Георгиевич, боязно взяться за нелегкое и щепетильное дело. Но оно стоящее. Усилия оправдают себя. Рабочие станут получать честную зарплату за полезный труд...

— Ну, браток, совсем заехал в сторону! — перебил директор. — Они и так получают деньги не зря. Даром зарплата никому не начисляется. А куда и как реализуется продукция — не их забота.

В разговор вмешался технолог:

— Допустим, что судьба продукции рабочих не касается и от них успешно скрывается бесполезность их труда. Но почему мы, производственники, должны мириться с тем, когда ценнейший металл — медь, проволока, — так нужный стране, попросту выбрасывается, как мусор? И не граммы, а тонны! Где тут бережливость?

— Хорошо. На следующий год попробуем провести на вашем предложении организационно-технические мероприятия...

— И два-три года выпускать изделия в том же виде, — доказал Колчин.

Директор отпарировал:

— Не ваша забота! Мы посоветуемся с инженерами, техниками... Вы согласны, Любовь Александровна?

— Мы обсудим на заседании партбюро,—пообещала секретарь партийной группы.— Пригласим актив.

Все мог ожидать Точкин, но только не широкой огласки и вмешательства партбюро. Кто знает, как воспримется рабочими огласка о фактическом использовании ответвительной коробки. Что, если они возмутятся?..

— По-моему, Любовь Александровна, такой важный вопрос, который требует тщательной подготовки, выполнить на обсуждение коммунистов преждевременно:

Любовь Александровна успокоила:

— Ничего, кашу маслом не испортишь, одна голова хорошо, две — лучше. Прятаться от масс ни к чему. Вопрос серьезный, партийный. Да и решение его затянулось.

В приемной председателя областного правления несколько человек. Пропустив мимо ушей предупреждение секретаря: «Он занят», Точкин влетел в кабинет.

— Разрешите, Иван Арсеньевич! Я по экстренному делу.

Моргунов с кем-то попрощался, пообещав: «Разберемся». Когда посетитель вышел, он назидательно обратился к директору предприятия:

— Картонную тару портим! На качество обижаются. С вами, говорят, ругаться бесполезно. Отсюда только что вышел представитель завода, начальник снабжения.

— Жаль, что вы мне раньше не сказали!—Тут Александр Георгиевич был в своей стихии и прекрасно разбирался во всех взаимных неурядицах с кооператорами.— Он, наверное, ни одним словом не обмолвился о сырье. Какой картон они нам поставляют!.. Но это мы уладим. Будьте спокойны!—И перешел на шепот:— Другая беда валится на мою и вашу головы... Выпуск ответвительной коробки придется на время снять.

Моргунов резко спросил:

— Кто тебе позволят?— Иван Арсеньевич пригляделся, не шутит ли над ним директор. Ответвительная

коробка значилась в плане важнейшей продукцией, на нее неограниченный спрос, она дает солидный вал.—Что за причина?

— Причина в наших.—Точкин рассказал о встрече с Колчиным, технологом, начальником технического отдела.—Свыше-то молчат. А наши... Обидно!—заключил директор и предостерег председателя:— Если допустим обсуждение на партбюро, мы с вами попадем в неприятнейшее положение. Хлопот не оберешься. Вы в силах повлиять на Любовь Александровну и убедить ее не оглашать то, как поступают строители с нашей начинкой. Уговорите, Иван Арсеньевич. А Колчина заставим прикусить язычок.

Моргунов устало опустился в кресло. Сообщение директора объединенного предприятия расстроило его. Не сразу определишь верное направление, надо сосредоточиться, выяснить и тогда уже распорядиться.

— Зайди завтра, Александр Георгиевич. Я постараюсь войти в курс,— сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В райисполкоме Томилову ничего утешительного не пообещали, и он направился в строительный трест.

В приемной управляющего секретарь привычным казенным тоном объяснила:

— Николай Сафонович занят. Освободится — доложу.

Ожидая приема, Томилов ощущал в себе то волнение, которое бывает в подобных случаях, когда предстоит просить, доказывать, добиваться положительного результата.

Отчего он волнуется сейчас? Ведь там, за дверью, его друг. Может быть, в таких случаях влияют не личное отношение, не связи, а сущность самого визита, просьба, неизвестность решения. Откажут или нет.

За многие годы руководства предприятием общества ему приходилось встречаться много раз с различными ответственными работниками заводов, партийных, советских органов, районного, городского и даже областного масштаба. И каждый прием по характеру, по обращению в чем-то отличался друг от друга. Один руководитель, не важно какого ранга — тут не ранги сортируют людей, а характер человека,— принимает сухо, а то

и высокомерно: «Слушаю». И слушает. Потом холодно скажет «да» или «нет». Другой с наигранной учтивостью пригласит сесть, выслушает с видимой озабоченностью, со скорбью скажет «нет» или восторженно «да». Третий выходит навстречу, сам подведет к стулу, выслушав, начнет звонить по телефону, советоваться, доказывать или распоряжаться. Такой под руку и выведет из кабинета. Четвертый воскликнет: «О! Заходи, заходи!» Будто ты зашел не по казенному делу, а на именины. И руководитель-то совсем незнакомый. Расспросит о работе предприятия, вызовет необходимого исполнителя, скажет: «Надо помочь». На возражение: «Не можем», «Нарушаем», вставит: «Если мы не поможем, кто еще? Разве можно обижать этих людей». Бывали и такие, которые устало, недоброжелательно спросят: «Что вам?» Спросят так, будто ты зашел к нему не на работу, а домой, в квартиру. «Вы короче...» Такие не любят длинных объяснений. «У вас все?» И больше ни слова. Выходишь из кабинета в полном неведении. Вернешься к себе, на предприятие, звонок: «Просьба удовлетворена». Вообще-то по встречам и проводам о людях судить нельзя. Бывало, и самые доброжелательные отказывали — мягко, расплывчато: «Подумаем...» «Потом...» Бывало, когда самый черствый, неприветливый прием оканчивался благополучным разрешением. Поэтому Сергей не обращал внимания, как его встречают, оценивал отзывчивость руководителя по его помощи, действию.

Как примет Николай? Сергей никогда не сидел вот так, перед его кабинетом. Обычно деловые проблемы обсуждались с ним не в официальной обстановке.

Как он сам, Сергей, принимает? В его приемной тоже ждут, наверняка тоже волнуются...

— Заходите, пожалуйста!

И не успел сообразить, что секретарь обратилась к нему, как раздался знакомый баритон Николая:

— Серега, ты! Давай, давай входи! Очень рад! — Он провел к себе, закрыл дверь. — Каким путем забрел? — Они сели за стол для посетителей.

— Каким?.. — Сергей помолчал. — Грешным. У меня один путь к высокопоставленным товарищам — за подаяниями...

— Ты их унюхал и в моем кабинете?

Сергей рассмеялся.

— Ничего не поделаешь Так натренировался нос...
Как бы опомнившись, Николай спросил:

— Дети, Аня, наши старики здоровы?

— Спасибо. Ничего. Все в порядке. Дома порядок...— И Сергей перешел к главному, которое вынашивал в себе несколько дней.— По работе есть трудности. С ними пока не справился.

Улагашев кашлянул.

— Понимаю. Просто так тебя сюда не затяжишь.
Что-то вынудило. Говори. По плечу — посмотрим.

— Дай в вашем городе двухкомнатную квартиру!

— Ты о чем говоришь?!— взмолился управляющий.
Сергей повторил просьбу и добавил:

— Помоги, Никола. Понимаю, трудно... Но...

Улагашев поправил:

— Невозможно!

Сергей возразил:

— Возможно! Ничего невозможного нет! Все зависит от того, захочется ли взять на себя бремя беспокойства. От этой квартиры зависит счастье семьи.

— Какой семьи?

— У нас закончили школу бывшая врач-окулист и бывший летчик. Знал бы ты, какими духовными инвалидами они прибыли к нам! А какими людьми стали! Летчик поступил на предприятие сборщиком, а врача назначили заведующей библиотекой для слепых. На днях она приезжает с матерью. Назначена свадьба, жить таким людям в общежитии в разных комнатах сам понимаешь каково.

— Задал ты мне задачу!— присвистнул Николай.

Сергей не отступал:

— Он инвалид Отечественной войны. Помогать обязаны все.

— Надо попытаться в райисполкоме...

Сергей не дал договорить Николаю:

— Только что оттуда... Поставили на очередь в особый список. Через полгода-год, может быть, и дадут.— И, предупреждая новые возражения управляющего, выложил последний аргумент:— Я договорился с ними ту обещанную квартиру передать вам, строителям, взамен той, что вы сейчас дадите. Письмо от них будет. Требуется только ваше согласие.

— Согласие...— озабоченно произнес Николай.— Как все просто, Серега. Мы строим много домов. Но

квартир нам достается... Жилье пока — самая насущная проблема. Каждый квадратный метр на строгом учете.

— Так это инвалид Отечественной войны первой пруппы! Кроме того, вы ничего не теряете. Вам возместят...

Николай прекрасно сознавал все и был не прочь стать на сторону друга, но как осуществить практически?

— Я переговорю с профсоюзом, с партийной организацией. Попробуем что-нибудь предпринять. Сразу определенно ничего не обещаю.— И, как бы стараясь сгладить свою нерешительность, он откровенно признался:— Будь я хозяином квартир, честное слово, таким людям дал бы. Два инвалида — врач и фронтовик... Но у меня нет прав. Сядь на мое место, ответишь так же. И все-таки попытаюсь.

Сергей верил Николаю. Решить квартирный вопрос — задача нелегкая. Верил и тому, что он будет предпринимать все, что сможет.

Директор предприятия общества закрыл кабинет на ключ с внутренней стороны. Секретарю дал указание: «Меня нет». А сам встал перед окном в своей излюбленной позе и, механически следя за движением чернеющих человеческих фигурок на мутной серости дороги, начал репетировать свое выступление на предстоящем заседании президиума правления. Состоявшееся партбюро прошло для него относительно спокойно. Любовь Александровна объективно объяснила, что их предприятие выпускает изделие устаревшей конструкции, ни словом не обмолвившись о том, что вставку ответственной коробки для практической эксплуатации не используют, просто выбрасывают. Колчин тоже промолчал. Очевидно, вмешался Моргунов. Точкин пожалел, что напрасно назвал Колчина техническим слепцом, когда тот потребовал изменения конструкции модели. Технолог уколол:

— Он, Александр Георгиевич, в железках лучше разбирается, чем вы. После окончания семилетки работал слесарем на заводе.

Удивило директора и выступление рабочего-сборщика:

— Надо немедленно менять начинку. Нам, рабочим, стыдно давать Родине некачественную продукцию. Где наша честь, наша гордость?

«Что бы ты сказал, если б знал истину? Подумашь — честь, гордость! Не все ли равно тебе, за что получать деньги».

Точкин никак не мог решить, какой держаться линии: «тянуть резину» или согласиться на замену вкладыша. А может быть, упереться — и никаких чертей? Наш товар не залежится. Оплата аккуратная. Заработка рабочих велик. Ни одногоостоя. Служащие, ИТР получают премии. Чего еще? А попробуй начни возню с реконструкцией... Нет! Он будет защищать отложенное производство, защищать общие интересы. Он убедит членов президиума. Они — технический персонал. Председатели бюро первичных организаций общества, неработающие пенсионеры — они поддержат и, нет сомнения, проголосуют «за». Он все-таки директор, сам член президиума.

Заседание президиума началось с вопроса «Обсуждение поведения заведующего клубом Кулачкова». Иван Арсеньевич предоставил слово инструктору областного правления по воспитательной работе, и тот повел разговор о развитии общества, о политической зрелости, о моральном облике человека чуть ли не со времен Адама и Евы. Точкин не слушал тягучую, водянистую речь оратора. Он думал о втором вопросе повестки дня — об ответвительной коробке. Как воспримут его доклад? Какая чаша весов перетянет? Многое зависит от доказательности, от конкретности выступления. «Подготовился неплохо, не как этот словобрех».

Одно беспокоило: зачем Моргунов наприглашал сюда бригадиров сборочного участка, членов бюро и месткома предприятия, Колчина? Лишь бы никто не проговорился. Из присутствующих истину знают немногие. А открой ее — положение обострится, постарался успокоиться: «Напрасно взвинчиваюсь. Раз промолчали на партбюро, то здесь тем более промолчат».

Требование оратора: «Распоясавшегося нарушителя следует наказать сурово», заставило Точкина прислушаться. «Так его!.. Пусть не в свои сани не садится! К тому же поражение Кулачкова — щелчок и Моргунову».

Наконец выступающий закончил:

— Члены президиума со всей принципиальностью должны осудить поступок товарища Кулачкова.

Патетическая речь закончилась в полной тишине.

Обсуждать Кулачкова присутствующие отказывались. Пришлось подать голос Моргунову:

— Областное правление получило несколько жалоб из различных инстанций. Все они об одном — о моральном облике нашего культработника Кулачкова. Все факты, сообщенные нам, неопровергимы.— Он остановился и тяжело досказал:— Кулачкову не место на идеологическом участке. Даже его незапятнанное прошлое на предприятии не может оправдать последнего поступка.

Члены президиума поддержали председателя.

Конец доклада директора предприятия Точкина произвучал победно.

— Лишать слепых отработанного процесса, высокой оплаты труда значило бы отрицательно влиять на их моральный дух и материальную обеспеченность. Мы, члены президиума, разбираемся в политике и знаем, что такое материальное стимулирование широких масс в выполнении общенародных задач. Работать над новой конструкцией надо. Все течет и изменяется. Закон движения вперед неумолим. Но мы, дорогие товарищи, кроме всего, отстаиваем интересы людей, и наша обязанность — не допускать поспешных реформ.

Довольный собой, директор сел. Моргунов спросил:

— Вы что-то умолчали о почти анекдотической истине, как наш труд превращается попросту в мусор?

Точкин мгновенно вспотел.

— Я защищал интересы предприятия... Меня не интересует поведение заказчика, как он использует наш товар. Нам важна реализация и своевременная оплата продукции.

— А какая польза стране от нашей продукции? — спросил опять Моргунов.

— Я отвечаю только за предприятие, — парировал Точкин.

Иван Арсеньевич встал и откровенно выложил всю истину:

— Мы обманули себя, рабочих: выпускаем ответственную коробку, технически не пригодную для эксплуатации. Коробку нашу куда следует привинчивают, но вкладыш выбрасывают, провода соединяют напрямую.— Наступила такая тишина, что отчетливо было слышно, как с наружной стороны окон о стекло скреблись жесткие снежинки.— Пора нам сказать правду

коллективу, который выпускает это изделие,— продолжал Моргунов.— Пора нам найти другое решение. Раньше сделать это было не по силам. На предприятии отсутствовали отделы, технические службы. Теперь есть все. И прикрываться организационными трудностями не имеем права.

— Преступно! — поправил один из бригадиров.— Для чего мы набивали на ладонях мозоли? Разве только для гомонка? Ничего подобного! Для общих интересов, для блага страны. А мы оказались воришками. Получали деньги так, зазря. Каков конечный результат нашего труда? Никакой!

Присутствующие бригадиры в голос поддержали:

— Прекратить выпуск!

Точкин попробовал сослаться на сложность выполнения таких легковесных требований.

Моргунов нетерпеливо перебил:

— Нам ваша позиция ясна. Вы против. Мы и не навязываем вам лишних хлопот. Поручим это другому товарищу. Технический отдел областного правления уже включился в переговоры с одним из институтов. Теперь следует подключить предприятие. Какие будут мнения у членов президиума?

— У товарища Точкина не в порядке с ритмичностью работы на участках!

— Низка дисциплина!

— Плохо проводится идеологическая работа!

Сидящие за столом президиума говорили кратко, но об одном: Точкин не справится с работой, надо его освободить.

Директором предприятия через некоторое время был назначен Анатолий Георгиевич Колчин.

Выйдя за проходную, Даниил почувствовал себя лишним, никому во всем мире не нужным. Точь-в-точь как вкладыш, выброшенный из ответвительной коробки. Но из этого положения есть выход — заменят консерватора директора, изменят конструкцию изделия... А в его положении ничего не изменишь, ничего не исправишь. Что ему теперь? И вместо того, чтобы свернуть влево, домой, он повернул вправо, в гастроном. С бутылкой оказалось бродить не так-то просто. Даниил подошел к дому, зашел в свой подъезд, взобрался на по-

следнюю лестничную площадку. Опустошив бутылку, сел на ступеньки. Горе было забыто.

«Ничего. Сняли — ну и сняли. А я не убит. Живу и буду жить! Хоть и пустой коробкой». Он пьяно засмеялся: «Из Точкина тоже вкладыш выбросили. Тоже напился, наверное. Здорово задели! Сдернули... А меня? Какая разница! Завтра не выходить на работу». Он, шатаясь, спустился на свой этаж, открыл квартиру.

Свалившись на диван, плаксиво забормотал:

— Танюша! Меня нет на земле... Не нужен я. Меня выбросили. И пусть... И Александра Георгиевича... Ты знаешь такого? Ну как же, знаешь! Щелк его — и тю-тю...

Таня ничего не стала говорить пьяному мужу. Утром, не дождавшись, когда он проснется, ушла в цех. Даниил слышал, как Таня подходила к нему, затихала, что-то ворчала, а он, притаившись, не подавал виду, что не спит.

Спешить ему некуда, никто не ждет... За что пострадал? Разве не дорожил любимой работой?.. И как он теперь без нее? Как явится теперь на предприятие? «Сняты...» Так тяжко, кто бы знал!.. Будто в каком-то вакууме. Нечем дышать! А мрак? Не стало ни солнца, ни комнаты. Ничего! Одна тьма. Холодная, молчаливая и страшная... Так остро Даниил никогда не чувствовал ее. Раньше он спешил в клуб, на рабочие вечера.

Снова бутылка, на последние деньги из собственного фонда — на мелкие расходы. «Плохо так плохо. Пусть будет одно «плохо», — казнил он себя.

Опять пьяный лепет перед Таней. На этот раз Таня плачет, уговаривает мужа взять себя в руки, советует пойти в цех.

На следующее утро голова трезвеет, а нечистая совесть корчится в муках. Теперь встречаться с Таней неудобно. В магазин не с чем. Скользнула мысль: «Будь мальчишеские годы, протянул бы руку, и...» Зашел к давнему другу Ваське Карасю, попросил взаймы, не давая себе отчета, чем и когда расплатится. Не брать же у Тани из общего семейного дохода...

То, что Таня Кулачкова появилась в школе, Томилова никак не удивило. Мало ли житейских причин могло привести ее сюда. Но она заплакала, едва успев

вымолвить единственное слово: «Извините». Плакала теми тяжелыми слезами, которые бывают только в безысходном горе. Томилову пришлось налить в стакан воды. Он беспокойно выжидал, когда Таня придет в себя и сумеет рассказать о случившейся беде. Слышино, стакан стучит о зубы. Отодвинулся стул. Молчание. И наконец:

— У меня беда... — Она выдыхает это так, будто распахивает душу, говоря: «Смотрите, вот оно, горе».

Томилов опасается неосторожным вопросом снова вызвать слезы.

— Даниил у меня запил...

— Даниил?! Запил? Не может быть! — Томилов не верил, что могло случиться такое. — Он никогда не имел пристрастия к спиртному.

Таня всхлипнула.

— Точно так, Сергей Михайлович! Словно свихнулся. Неделю пьет без просыпа. Ничем не могу остановить. «Я брехун, бродяга! Не трогайте меня». И так одно и то же.

— А от чего запил, не знаете? — спросил Томилов, уверенный в том, что Даниил без причины, так просто, пить не начнет.

— Ах, да! Вы можете не знать! — спохватилась Таня. — Его сняли с работы. Освободили от заведования клубом. Он утверждает — за пьянку. Но это в прямом смысле. Его нарочно напоили, чтобы очернить. Нашлись такие... Хотя Даниил никому ничего худого не сделал. Его посадили в противопожарную бочку, сфотографировали, потом во все концы полетели жалобы.

— Какая подłość! — возмутился Томилов.

Таня не сдержавшись, зарыдала опять.

— Помогите, пожалуйста, Сергей Михайлович. Ушла бы — работа есть, зарплата. Но мне жаль его. Он вообще-то хороший, добрый. Ни одного грубого слова не слышала. — Итише договорила: — Ребенок будет... А он словно взбесился. Шел бы на предприятие. Поговорите с ним. Он вас послушает. Пожалуйста!

Томилов по междугородной станции вызвал Моргунова и без обычных предисловий бросил в трубку:

— Как вы там человека проглядели? Не разобравшись, взяли и убрали с работы, а потом забыли... Вы, товарищ председатель областного правления, знаете о том, что Кулакцов опустился, запил, разрушается се-

мья... Ах, вам не до его запоя! Откуда у тебя, Иван Арсеньевич, появилась такая черствость?.. Жалобы замучали? Давят? Испугался!

Таня притихла. Она никогда не видела, чтобы директор предприятия был таким взъерошенным, колючим, злым.

— Дай ему направление в нашу школу. Мы здесь разберемся. Да, у нас не лагерь для алкоголиков, но и не институт благородных девиц... Будем лечить, Иван Арсеньевич... Да, от алкоголя. А в первую очередь от вашей несправедливости... Человеку нужно ощущение правоты. Некоторые это чувство теряют легко и гибнут. Кулаков оказался таким... Много гуманности? Посмотрим, может быть, наши затраты и окупятся... Гадать не будем. Он пока не преступник. Кто его знает, бросим, оторвем от коллектива, равнодушно отвернемся — всякое может быть. Так направляй. Ждем.

Прошло три дня, и в кабинете, где слышался дрожащий, просительный голос Тани, прозвучал подавленный, пристыженный полуушепот Даниила:

— Можно, Сергей Михайлович?

Весельчак, балагур, Кулаков предстал перед Томиловым совершенно в ином качестве — пришибленным, униженным просителем. Где его неукротимое жизнелюбие? Будто на пламя костра упал ливень. Остались одни потухшие головешки.

— Садись, Даниил. Давно не встречались! — и сел сам против него за приставной столик — точь-в-точь как тогда, после возвращения Даниила из длительного странствия. — С направлением прибыл? — Он старался выдерживать ту интонацию, с которой обращался к нему всегда.

— Прибыл, Сергей Михайлович... — с оттенком обреченности проговорил Даниил. — Зачем только это?..

— Ты Колчина знаешь? — спросил Томилов.

— Знаю. На одном заседании президиума приняли крещение: его назначили, меня освободили.

Томилов продолжал спрашивать:

— А знаешь, каким был он?

— С ним жизнь поступила не так, Сергей Михайлович. Никакой параллели со мной. То, что дает ваша школа, мне уже не поможет. Ходить я умею, читать, писать умею...

— А человеком остаться? — перебил Томилов. — Сохранить семью? Воспитать сына или дочку? У вас скоро будет ребенок.

Кулачков глухо произнес:

— Школа ваша такому не учит.

— А ты уверен? — переспросил Томилов сурово, гневно.

Даниил промолчал.

— Конечно, самоубийцу не воскресишь. Да туда ему и дорога. А живым-то надо жить, Даниил. Трудиться. Мы восстанавливаем трудоспособность.

— Я умею работать, — попробовал защищать себя Кулачков. — Но где? — Он повысил голос: — Где?! На нашем предприятии не могу. Уехать на другое — не так-то просто. Так что мне даст школа?

— Курс обучения и работу! — твердо, решительно заявил Томилов. Он подошел к Даниилу сзади, положил на опущенные плечи руки и продолжил уже мягче, словно говорил с сыном: — Поучись у нас, позанимайся с Арским. Потом устроим на работу, дадим квартиру. Таню тоже устроим. Место найдется. Тебя назначим инструктором по ориентировке.

Под его ладонями что-то дрогнуло, словно прокатилась какая-то волна. Плечи Кулачкова напружинились, отвердели.

— Правда, правда, Сергей Михайлович? — И, не дожидаясь ответа, нашел его руку, порывисто, крепко сжал: — Спасибо, спасибо!.. — и тихо, сдержанно заплакал. Заплакал впервые в жизни вот так, по-мужски. — Есть друзья на свете...

У Томилова самого увлажнились глаза, и, прикрывая нахлынувшее чувство нарочитой строгостью, он напомнил:

— А полгода назад ты говорил, что наша школа — больница, сборище калек. Так многие пробовали утверждать. На поверку вышло совсем иное. Трошина и Колчин, прощаясь со школой, так сказали: в знак благодарности надо стать на колени перед ней.

— Встану! — неожиданно твердо произнес Даниил.

ЖИВЫЕ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утренние лучи безуспешно пытались пробиться к земле. Туман закрыл весь город. Казалось, огромные клочья ваты завалили уличные пространства, упаковали дома, забили всю низину, словно готовили их на долгое хранение, чтобы невзначай ничего не сдвинулось, ничего не разбилось. По дорогам машины шли осторожно, с зажженными фарами, катя впередъ себя клубы молочного света.

Томилов вышел из подъезда своего дома, повернул голову туда, где каждое утро в ясную погоду его встречало солнце. Светлый лучик не коснулся глазного дна. Липкая туманная пыль осела на лицо, шею, руки. Сначала он не понял, что это. Мелкий дождь? Не похоже. И догадался — туман. Доброе предзнаменование — будет хороший день. О предзнаменовании он не зря вспомнил: сегодня Аня впервые сама осматривает его глаз. Сергей не ожидал ничего нового от молодого, только что испеченного врача. Но упорство Ани, ее самоотверженность повергли Сергея в смятение, и ему захотелось увидеть то, что так долго, слишком долго, пряталось во мраке. И странно, это желание появилось совсем недавно, после того как Аня окончила медицинский институт. Сергей все чаще стал смотреть на раскаленный солнечный диск, наслаждаясь той нищенской крохой, которую он выдавал. Все же это свет! А вдруг его можно прибавить и он увидит все, как во вчерашнем сне. А вчерашний сон был удивительным. Дочка Светлана, увидев внутри глаза отца скачущего белого зайчика, взяла его. В глазу образовалось отверстие, что-то вро-

де проруби во льду, и через него буйным водоворотом вился свет — яркий, насыщенный красками и радостью.

Он увидел дочь, увидел ее карие глаза, прямой нос и смеющийся рот, увидел комнату, окна, потолок. Сон был настолько реальным, что Сергей до сих пор отчетливо все помнит и сейчас чувствует себя как бы вновь ослепшим. Мираж заставил остreee ощутить густоту мрака. А что, если он действительно увидит? При этой мысли он испытывал такую радость и легкость, что хотелось петь. И в минуту тягостной тоски по свету Сергей вспоминал слова Марко Поло: «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать». Так тоскует, наверно, изгнаник по своей родине. Но у изгнаника есть хоть крошечная надежда вернуться в родные края. А что делать ему, Сергею, если у него нет и этой маленькой надежды? Да можно ли полностью смириться с потерей зрения? Никогда! Конечно, у каждого эта потеря проявляется по-своему. Исследования в школе показали, что чем больше трудовая нагрузка, чем меньше незрячий остается наедине со своими мыслями, чем сильнее воздействие общественной среды, тем легче переносит ослепший человек свое несчастье. И все равно идеальной, стопроцентной компенсации достигнуть невозможно. Все равно жажда видеть, пусть немного, чуть-чуть, существует постоянно.

Сергей свою жизнь делил на две части. Одна — до потери зрения, другая — после. Между ними рубеж — береговая кромка, по одну сторону которой земля, солнце, небо, по другую — черная стена, темнота. Он сравнивал себя с пловцом, потерявшим берег. В беспросветной тьме ему приходится бороться с волнами, штурмами, плыть, выбиваясь из сил, вперед. Он не видит берега, но знает, что обязательно доплынет. После того как Аня окончила медицинский институт, наступила третья часть его жизни — ожидание. Он к чему-то внутренне прислушивался. Там, где-то вдали, на спасительном берегу, стояла не жена Аня, а врач Аня. Она звала, указывая ему курс, звала туда, где солнце и краски.

— Заждался, наверное? — как сквозь дремоту услышал Сергей бас Ивана Ивановича. — Малость запоздал. Ключ зажигания потерял. Еле нашел. Памяти не стало, старость — не младость.

Сергей поделился с ним нахлынувшими чувствами.

— Непривычно и непросто ехать на прием к своей жене. А надо...

— Готовься к большему,— в голосе Ивана Ивановича послышались горделивые нотки.— Она еще на операционный стол положит. Упрямая. Чего задумает — не отступит. Своего добьется. Характер!— Он перевел Сергея через дорогу.— Подожди здесь.

Через несколько минут заурчала машина. Чуть слышно зашуршали скаты об асфальт.

— Садись.— Иван Иванович открыл переднюю дверцу.— Ну, ни пуха ни пера! Поехали!

К своей мечте, к этому глазному кабинету с темной комнатой, Аня Тихова все-таки добралась. Позади — читальные залы, повторение материала за среднюю школу, вступительные экзамены, трудные годы учебы в институте, защита диплома и, наконец, самостоятельная работа врача-окулиста. Казалось бы, некрутой подъем, а как нелегко было взбираться по нему. Вначале ее не отпускали руководители шахты, уговаривали читатели, потом отец и мать внушали ей, что учиться поздно, поздно менять профессию. У нее дети, семья, слепой муж. Ну уж если она так хочет учиться, то зачем медицинский институт? Все опять сначала, а в библиотечном оставалось проучиться всего три курса. Спасибо Сергею, он помог. Потом лекции в институте, занятия дома до глубокой ночи. Спасибо и отцу. Он увозил ее в институт и приезжал за ней. А дела по дому... Сколько их, этих незаметных, на первый взгляд, мелких дел? Тут уж мама хлопотала. Костя и Светлана росли, требовали ее внимания, ласки, заботы. А здесь надежным помощником у нее был Сергей. В оставшееся от работы время он делал по хозяйству все, что мог. По вечерам Аня и Сергей расходились в разные комнаты. Сергей слушал говорящую книгу, что-нибудь писал. Она зубрила латынь, названия костей и косточек, мышц, сосудов, болезней, лекарств, инструментов. Врачом, настоящим врачом, может стать лишь одаренный природой человек, так же как артист, музыкант, писатель, художник.

Был ли у Ани природный дар — она не знала. Но, выбрав цель, упрямо шагнув к ней, она старалась развить этот дар в себе. Надевая белый халат, Аня испытывала радость, чувствовала себя собраннее, увереннее.

У нее была своя мечта, и она ее осуществляла упорно, терпеливо.

Аня самостоятельно пока не делала операций. Она лишь ассистировала. Помимо обязательной программы, она часто приходила на операции, которые делали другие, внимательно следила за ходом операции, потом мысленно разбирала ее, пытаясь повторить, вспомнить движения пальцев хирурга.

Сегодня Аня особенно волновалась. На прием придет Сергей. Этого дня она ждала столько лет, готовилась к нему. Она перебрала истории болезни, несколько отложила отдельной стопкой — те, которые понадобятся ей при осмотре больных, ожидающих приема.

За окном послышалось урчание машины. «Они...» Ее волнение усилилось.

Первым вошел Иван Иванович.

— Вот и мы! — несколько смущенно объявил он, видя перед собой дочь в белом халате, отчего она казалась старше, серьезнее.

За ним следовал Сергей. Он был в сером костюме, белой рубашке, при галстуке. Все это Ане хорошо знакомо. Покупала она сама, гладила, завязывала узел. И все-таки что-то незримое пролегло между ними, разделило чертой. Он — пациент, а она — врач.

— Садись, — Аня провела его к стулу. — И ты, папа, садись. На машине приехали?

Она знала, что иначе не должно быть. Но ей нужно говорить, чтобы собраться, успокоиться.

— На машине, — ответил Иван Иванович. И, осмелив, добавил: — Тебе, дочка, докторский халат к лицу. Важно выглядишь!

— Что ты, папа! — засмеялась Аня. — Я еще молодой специалист. Вот подожди, заважничаю, когда стану знаменитостью, профессором. Представляете себе, какой я тогда буду?

— И все-таки, Анна Ивановна, вы уже настоящий врач, — вставил Сергей. — И на прием пожаловал ваш самый драгоценный больной.

Аня приняла его шутку.

— Ну что, самый драгоценный больной, пойдемте со мной. — Она привычным движением взяла его под руку. — Сейчас, Сережа, увидим, что там.

— Известно: «пока»... — невозмутимо прокомментировал Сергей. Он сел. Слева столик, на нем электри-

ческая лампа. Сергей позволил себе все это ощупать руками. Одно и то же оборудование всех темных комнат. Одно ни с чем не сравнимое новшество: напротив него — жена. Врач. Аня... Похоже на сновидение. Врач взяла в правую руку офтальмоскоп, в левую — линзу. Отраженный от офтальмоскопа свет электрической лампы уперся в увеличительное стекло, преломился и ровным лучом упал на поверхность роговицы. Через маленькое отверстие, сделанное в центре офтальмоскопа, Аня стала осматривать глаз. «Каратит». Теперь она не ждала объяснений, не мучилась над разгадками латинских названий диагнозов. Теперь она ставила диагнозы сама. Световое пятнышко офтальмоскопа бегало по серой поверхности роговицы, отыскивая хотя бы крошечную щелочку, чтобы прорваться внутрь глаза, осветить красноватый, величиною с маковое зернышко, узелок, к которому сходятся нервные волокна клеток сетчатки.

Но роговица глаза Сергея, пересеченная густой сетью сосудов, укрывала зрачок, хрусталик, стекловидное тело, дно глаза. Какое оно? Повреждено ли? Чтобы это увидеть, необходимо пробиться за непроницаемую роговицу. Каким способом? Снова неизвестность. А что, если за ней здоровое дно?

Аня взгляделась в плотное наслаждение роговой оболочки и с болью отметила: «Трансплантация бесполезна. Все равно новая ткань тут же обрастет наслаждениями и операция окажется бесплодной».

Сергей сидел притихшим, следя за прикосновениями рук Ани к его лицу. Ее пальцы, умные докторские пальцы, раздвигали веки, и глаз ощущал тепло луча. Что видели ее понимающие глаза?

— Повернись направо,— попросила Аня,— положи подбородок сюда.— Она взяла его руку и указала:— Сюда.

Сергей ощупал металлический прибор: подставка для подбородка, упор для надбровных дуг. Справа вставлена лампочка. По центру прибора — стеклянный круг вроде уменьшенного иллюминатора. С другой стороны от Сергея — два окуляра.

— Что это? — спросил он.

— Щелевая лампа,— пояснила Аня и сдвинула переднюю часть прибора, на которую Сергей положил подбородок, чтобы установить осматриваемый глаз против объектива. Аня включила внутри аппарата свет, но сфо-

кусированный линзами светящийся луч снова беспомощно уперся все в ту же матово-серую роговицу. Щелевая лампа тоже оказалась беспомощной. Более совершенных приборов пока не существовало. Вот почему «звезды» офтальмологии не могли сказать определенно — да или нет, можно ли что-то ждать. Они отдавали решение вопроса времени, будущему. И ей оставалось следовать их примеру.

— Ну как, доктор? Прочитали объявление на закрытых дверях: «Пока вход воспрещен»? — разгадав по глубокому вздоху ее разочарование, спросил Сергей.

Она поднялась и долго не могла говорить. Душило отчаянье. К чему она шла многие годы, оказалось таким несбыточным, каким было и до института. Все та же непреодолимая неизвестность, с той лишь разницей, что теперь она увидела все собственными глазами и так же, как другие врачи-окулисты, осталась бессильной помочь чем-либо.

— Ты сказал за меня все, — наконец произнесла она. — «Пока вход воспрещен». Пока медицина...

Сергей подхватил:

— ...оставляет меня в покое. — И подбодрил расстроившегося врача: — Ничего, Аньютка, мы подождем. Нам торопиться некуда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из прихожей донесся бой настенных часов. Один... два... После шести ударов бой прекратился. Сосчитав, Аня включила динамик, чтобы прослушать последние известия и отвлечься от назойливых мыслей о сегодняшней самостоятельной операции. Она уже не спала с полчаса, до мелочи проигрывая первый день врача-хирурга.

Рядом стояла кровать Сергея. Но его не было. Он спал в смежной комнате. Когда дети подросли и пошли в школу, пришлось Светлану поселить в бывшем кабинете отца, в спальне остался сын. Сергей переселился к Ане, но его кровать, как правило, пустовала. Чтобы не мешать ей, он все свое рабочее хозяйство разместил в гостиной. Подолгу слушая озвученные книги, засыпал на диване, заранее приготовив постель.

Последние известия кончились, Аня не уловила из них ни единого слова. Перед глазами стояла операционная. На столе лежал больной, и над ним, со скальпелем

в руках, склонившись,— она, Аня. И не в качестве ассистента. Нет. Она сама делала операцию...

«Скорее бы проснулся Сережа»,— думает она, на мереясь поделиться с ним своими волнениями, тревогами.

Аня села, положила на колени руки, присмотрелась к ним. Эти руки через несколько часов начнут ответственную работу, будут спасать от ожога веко. Не глаз. До глазной операции еще далеко. Но и привести в порядок испорченное веко — тоже много значило. Дать возможность больному нормально смотреть, спасти от потемнения роговицу глаза, уберечь ее от высыхания, освободить от адской, режущей боли и, наконец, косметика. Оперируемый выйдет из больницы без следа травмы.

«Не подведите, руки»,— упрашивала она их, словно руки не подчинялись ей. Аня пошевелила гибкими тонкими пальцами, взяла ими воображаемый хирургический инструмент, сделала движение, будто рассекла ткань. Получалось уверенно, без дрожи. Но как они поведут себя там, в настоящей обстановке, у настоящего операционного стола?

Она приоткрыла окно. Тугая, напоенная травяным духом прохлада лилась в комнату, заполняла все ее углы. Взяв книгу знаменитого окулиста, просто и подробно описывающего глазные операции, допустимые побочные осложнения, меры предупреждения и устранения их, Аня остановилась на нужном заголовке, прочла первые строчки. Все это выучено наизусть. Отложив учебник, прислушалась, не встал ли Сергей, заглянула в гостиную. Сергей лежал на диване, что-то читал по Брайлю.

— А я боялась разбудить тебя,— облегченно призналась она, присев на диван.— Знал бы ты, как я волнуюсь...

— Представляю, Анютка, представляю.

И от того, что ее слушают, сочувствуют, было легче.

— Первая самостоятельная работа... А вдруг сделаю что-нибудь не так. Позор!

Сергей сел.

— Но ты, наверное, будешь оперировать не одна? Кто-нибудь будет из опытных врачей.

— Присутствие их обязательно,— без малейшего энтузиазма подтвердила Аня.— Но как оставаться в кли-

нике, если на первой же, самой простейшей, операции провалишься.

Да, не напрасно тревожится она. Он, Сергей, понимает ее. Самому приходилось испытывать подобные волнения, когда впервые спускался к горнякам вверенного ему участка, когда принимал мастерскую слепых, когда открывал школу. У нее более ответственное дело — операция. Сорви ее, надолго начинающий врач так и останется начинающим, потеряет веру в себя. Сергей старался ее успокоить:

— Будь как можно хладнокровнее. Не спеши. Вот увидишь, пройдет благополучно!

Аня припала головой к его груди. Ей стало веселее и легче, словно теплая грудь мужа сняла боль.

— Буду стараться делать не спеша, внимательно-внимательно! Потом будет проще — так утверждают мои коллеги.

Сергей провел ладонью по голове Ани.

— Доктор ты мой, желторотенький доктор! У тебя еще очень слабенькие крыльышки!

У себя в ординаторской Аня внимательно просмотрела историю болезни пациента, которого готовили к операции. Хотя диагноз, записи врачей она знала наизусть, как стихотворение, ей нужно было отвлечься, занять мысли чем угодно, лишь бы не потерять уверенности, не поддаться сомнению.

— Анна Ивановна, больной готов к операции. — Голос сестры прозвучал неожиданно.

Аня взяла себя в руки, кивнула сестре и направилась переодеваться. В специальной комнатке она сняла платье, надела длинную ситцевую рубашку с широкими рукавами до локтей.

Перед операционной остановилась. На двери приколот список участников операции, подписанный завотделением. «Хирург Томилова». Ниже — ассистенты, сестра. «Томилова»... Это впервые. Когда последуют очередные списки с фамилией хирурга Томиловой? Если операция пройдет успешно, последуют. А если...

В предоперационную она вошла не ощущая пола под ногами. Голова чуточку кружилась, но Аня приказывала себе, приказывала строго: «Спокойнее, спокойнее...» Она надела колпак, спрятала под него прическу, спрятала

ла каждую волосинку, взяла щетку и начала мыть руки — тщательно, размеренно. Вымыв первый раз, приступила к повторному мытью, второй щеткой,— опять деловито, старательно, потом дважды вымыла в растворах, затем взялась по всем правилам строгой медицины обрабатывать йодом ногти, под ногтями. Приготовив руки, она приподняла их. Сестра накинула на колпак двухслойную марлю-маску с прорезями для глаз, надела халат, завязала тесемки на спине. Вымытые руки больше не принадлежали Ане, окружающим предметам, всему миру, они существовали только для глаз больного, имели право касаться лишь прокипяченных и промытых тройным раствором скальпелей, ножниц, иголки и обработанной зеленкой области глаза. Больше ничего! Коснись они любого другого предмета, и их потребуется готовить сначала. Сколько надо предосторожности, чтобы ни одного микробы не занести в оперируемую ткань! И от улицы операционная изолирована наглухо закрытыми окнами, и для этого вымыты окрашенные масляной краской стены и обработан лучами кварца воздух. Здесь особый мирок, простерилизованный всеми имеющимися средствами.

На столе, покрытом белым полотном, под белой простыней лежал больной. Белизна стола сливалась с белизной одежды хирурга, ассистента, сестры, образуя какое-то свое обособленное, крошечное государство. Аня подошла к столу. Осмотр окончен. «Не спеши... Спокойно... Веди себя уверенно»,— мысленно командовала Аня, оттягивая вниз губу больного. Шприц. Укол. Губа застыла, омертвела. Подали ножницы — маленькие, похожие на игрушечные. Точное движение рук хирурга — и маленький лоскуток нежнейшей слизистой оболочки обрывочком папироносной бумаги прилип к поверхности инструмента. Аня бережно перенесла его на стерильную салфетку, протянула руку за шприцем. Игла вошла в уголок глаза со стороны виска и прошла почти до переносицы. Верхнее веко заморожено. Оно надулось, припухло, словно от укуса шмеля. Правая рука врача держит скальпель. Волнение Ани улеглось, скованность спала. Сейчас она думает только о дальнейшем ходе операции, забыв обо всем. Перед ней лишь веко, вывернутое обожженной, бордовой складкой наружу. Поблескивающий никелем скальпель коснулся рубца, рассек его. Больной лежал тихо, спокойно. Аня обработала разрез, образо-

валось ложе, напоминающее крошечное птичье гнездышко. Теперь это ложе следовало накрыть выкроенным от губы лоскутком.

Но где же он?! Аня замерла. Лоскутка не было. Ноги отяжелели. По спине побежали мурочки, жаром запылали щеки. Спасибо марле, которая прикрывала их. «Неужели снова выстригать пересадочный материал? А может быть, ассистент, заведующий отделением, отстранит ее от стола и закончит операцию сам?»

Считанные секунды... Сколько их? Одна, две?.. но такие секунды врезаются в память навсегда. Приподняв край салфетки, Аня увидела драгоценнейший кусочек кожи, успевший свернуться, словно оборванный лепесток цветка. Аня смочила его в растворе и осторожно перенесла на подготовленное ложе, расправила и облегченно вздохнула — незаметно, осторожно. Теперь осталось соединить лоскуток с живой тканью. Когда они срастутся, веко примет нормальный, естественный вид. Казалось бы, ничего особенного, а человек избежит страшного заболевания — сухости роговицы, слепоты.

Операция окончена. Все! Аня вздохнула глубоко, не таясь. Она как будто вернулась на землю. Увидела стены комнаты, окна, за ними — небо, лето. Теперь можно дотянуться до чего угодно. Можно наконец опустить руки, коснуться халата, подоконника.

В ординаторской молодого врача Томилову Анну Ивановну поджидали заведующий отделением Фрол Александрович, операционная сестра и два врача-окулисты, за плечами которых насчитывались сотни легких, средних и сложных операций. Врачам было за сорок, но они, как студенты, подскочили к Ане.

— Качать Анну Ивановну!

Они подхватили растерявшуюся Томилову с обеих сторон под локти. Поднять, конечно, не подняли, но нарочно серьезно потребовали:

— С вас причитается!

Аня смешалась еще больше, растерянно заморгала:

— Я... я сейчас сбегаю в магазин.

Врачи рассмеялись, остановили ее:

— Бегать никуда не надо. Мы уже все подготовили. Фрол Александрович, вас просим открыть бутылку шампанского.

Раздался выстрел — Фрол Александрович открыл бутылку.

— Я внимательно следил за ходом операции,— заговорил заведующий отделением, держа перед собой наполненный стакан.— У вас, Анна Ивановна, божий дар. Ваши пальцы созданы для микрохирургии. Они подвижны, не торопливы, не трусливы. Была у вас секундная заминка, когда вы потеряли слизистую... Молодец, Анна Ивановна, не растерялась. Скажем прямо: в таких ситуациях молодые врачи обычно сбиваются с ритма, нервничают, теряются. Тогда приходится вмешиваться ассистенту. Я доволен вами. Поднимем тост за пополнение армии хирургов!

Врачи тихонько прокричали «ура» и пригубили стаканы.

Каждая клеточка Ани трепетала, когда она вышла из больницы. В ней кипела, клокотала радость. Казалось, из всех окон домов восхищенно смотрели на нее и ахали: «Вон тот доктор-хирург! Смотрите...» И Аня улыбалась всем: и домам, и машинам, и пешеходам.

Миновав первую остановку автобуса, она прошла до следующей, затем еще. Ей надо было двигаться, бежать.

Сергей пришел домой раньше времени. Дети отдыхали в пионерском лагере. Аня не вошла, а вбежала в гостиную, бросилась на диван и уткнулась в колени мужа.

— Сереженька! Операция прошла успешно!— Она приподнялась, вытерла слезы и счастливо сказала:— Ради сегодняшнего дня, ради того, что я испытала в операционной, можно было промучиться шесть лет в институте.

— А я давно поджидаю тебя, специально пришел раньше,— признался Сергей, ласково обнимая ее, целуя ее пальцы, совершившие первый подвиг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Идея строительства электростанции для города Дальнего давно созрела, была внесена в план перспективного развития народного хозяйства области, начала свою жизнь в чертежах, цифрах, перечне материалов, оборудования, расчетах численности рабочей силы. Строительный трест, управляющим которого теперь работал Николай Сафонович Улагашев, в строительстве электростанции должен был принимать участие как субподрядчик. Ему надлежало строить подземные комму-

никиации: водопровод, канализацию, прокладывать трубы для горячей воды от электростанции до поселка энергетиков. Но еще Улагашев вынашивал, правда пока про себя, идею использования горячей воды, отработанной в технологическом цикле станции для отопления города Дальнего. Его идея подкреплялась арифметическими выкладками, санитарно-гигиеническими нормами.

И вот получена долгожданная проектно-сметная документация на их субподряд. Улагашев, оставшись в своем кабинете после работы, разложил сброшюрованные папки на письменном столе. Изучал он их не спеша, с упоением, будто читал интереснейшую книгу, листал и листал исчерченные линиями, испещренные цифрами страницы. Управляющий трестом мысленно уже отчетливо видел на земле еще один городок у кромки тайги, у подошвы одной из гор хребта Кузнецкого Алатау. Плотина встанет поперек небольшой медлительной речушки Шарапки, накопит воду, река выйдет из берегов, затопит окрестность, превратится в море — пусть не такое, как Цимлянское или Обское, но все-таки море. И здешние жители-новоселы так и будут называть его морем, «нашим морем», притом не без гордости. «Смотрите: ширина-то!.. Что касается длины — далеко придется глядеть вперед».

По воде в ветреную погоду пойдут пенистые валы, покатятся к берегу и с шумом, по-штормовому, разобьются о берег. Только море будет не соленое, без чаек, без медуз и белых теплоходов. Около моря встанет здание электростанции. Оно, вечно мучимое жаждой, начнет пить эту пресную, прозрачную воду, вагон за вагоном глотать каменный уголь, привезенный сюда по железной дороге из шахт, приютившихся поблизости. Уголь в желудке станции превратится в огонь, вода в стальных жилах — в пар. Заверятся турбины, заурчат динамо-машины, генераторы, и к пультам управления по нервным волокнам-проводам полыются миллионы киловатт электрической энергии. Сколько заработает моторов, приборов, загорится лампочек... Сколько фабрик, заводов дадут станков, мебели, костюмов... Станцию окружат жилые дома, магазины, детские учреждения — все нужное для современного поселка городского типа. Все — от ремонтных мастерских до загса, родильного дома, от комфорtabельной гостиницы до бани. Проектировщики предусмотрительные.

Но, отложив последнюю папку, Улагашев поморщился недовольно.

— Согласование не подпишу!.. — сердито буркнул он. — Не подпишу, пока не внесут поправку.

Он понимал, что это вызовет осложнения. Проектировщики не захотят переделывать работу, так как никто не включит ее в план, не даст лимитов на фонд заработной платы. К тому же поправки задержат начало строительства. И все-таки он не сдастся. Предстояла борьба! А для этого требовалось заполучить поддержку местных властей Дальнего.

На второй же день Улагашев поехал на будущую строительную площадку. На горе, откуда он не раз наблюдал дым от ста тридцати двух труб — эту цифру он знал точно, — Николай вышел из машины. Отсюда город виделся как на ладони. Сейчас, в летние месяцы, дымовые облачка рассеивались быстро и низина выглядела относительно чистой.

— Поехали к реке, на мост, — скомандовал Улагашев шоферу.

От первоначальной привязки строительства электростанции у моста проектировщики отказались. Стройку перенесли выше, ближе к тайге. Это больше устраивало железнодорожников. Устраивало и Улагашева. Для трассы до Дальнего рельеф был ровнее, не нужно огибать гору.

Подъехав к мосту, он указал на автомобильные колеи, уходящие вдоль берега.

— Сворачивай туда.

Тайга приблизилась. Придвинулись горы. По ту сторону берега крутые. Электростанцию и поселок намечалось строить по эту сторону. Спокойная река, потревоженная в этом месте порожком, бежала бойчее, виднелось серое днище, испещренное мелким галечником. То место, где сейчас вышагивал Улагашев, по проекту должно быть дном моря. Он запинался за кочки, перепрыгивал рытвины, обходил островки кустарника. Его взгляд пробежал по холму в километре от берега. Вот дотуда разольется речка. Левее расположится поселок. Пройдя километра два по воображаемой набережной, Николай отметил: здесь проляжет асфальтированная дорожка, отгороженная от моря барьером. О барьер будут тереться волны. По холму и далеко от него, в сторо-

ну Дальнего, вырастет городок. Несбыточно? И все-таки будет. Неминуемо будет!

Вернувшись к машине, он попросил шофера не спешить, а ползти напрямую, чтобы просмотреть путь будущей трассы. Так они с частыми остановками ехали шестнадцать километров более двух часов.

У самого города Дальнего Улагашев объявил:

— Тут построим центральный коллектор трассы с горячей водой.

В горком партии Николай входил вполне подготовленным.

Первый секретарь горкома Гузенко, мужчина лет сорока, невысокого роста, худощавый, встретил управляющего трестом любезно:

— Николай Сафонович, рад тебя видеть! Пожалуйста, проходи.

Они знали друг друга давно. Улагашев работал в шахте горным мастером, Гузенко Гурий Михайлович — начальником участка. После ухода с шахты парторга Макарова, который стал слепнуть, вместо него избрали Улагашева, а вскоре Николай уехал учиться, передав дело Гурию Михайловичу.

— Давно не виделись,— пожимая руку управляющему, сказал секретарь.

— С каменного периода,— засмеялся Николай.

Карие глаза Гузенко повеселели.

— Сказано точно. А я бы не прочно снова туда. Скучаю по заботам. И ты, наверно, тоже скучаешь по шахте?

— Я горнякам не изменил,— уточнил Улагашев.— Мы им строим новые шахты, разрезы.

— Тогда и я в каком-то виде горняк. Наш город — город угольщиков. Выходит, мы вместе с вами строим и добываем уголек.— Секретарь лукаво подмигнул:— Чувствую, затем ты и пожаловал, чтобы сговориться строить горняцкий поселок. Намечается грандиознаястройка!

— Не только намечается, а вот она — часть ее в этой папке в проектах и сметах.— Улагашев положил бумаги на стол, вытер платком влажный лоб.

В кабинет с улицы через открытую форточку тянуло дневным жаром.

— По грандиозной стройке придется еще не раз встречаться. Надоем. Сегодня прибыл по самому незна-

чительному сооружению.— Улагашев показал проектный рисунок электростанции.

Гузенко залюбовался зданием.

— Чудо! Превосходно!

Улагашев показал на бассейн.

— Погоди восторгаться. Мне в голову пришла шальная мысль. Не понимаю, где мы были раньше, когда формировался проект. Здесь горячая вода...

— Стоп! — остановил его Гурний Михайлович.— Кажется, понял.— Он тоже протянул палец к бассейну.— Использовать этот клад в нашем городе...

— Догадливый,— усмехнулся Улагашев.— Мы оба с тобой догадливы, но с механизмом замедленного действия. Сейчас не оберешься всяческих барьеров.

Смуглое продолговатое лицо Гузенко посерезнело.

— Надеюсь, у тебя есть предложение?

— Есть кое-какие наметки, Гурний Михайлович.

— Тогда попрошу чуточку подождать.— Секретарь горкома потянулся к кнопке звонка.— Мы пригласим тех, кто должен обязательно выслушать тебя. Не возражашь? Так, чтобы разговор вести сразу предметно.

Улагашев согласился охотно:

— Пожалуйста. Неплохо было бы, если б принял участие и председатель горисполкома.

— Да-да, я его и имел в виду. Еще представителя санэпидемстанции и секретаря горкома комсомола. Пока начнем с такого форума.

Улагашев кивнул, попросил:

— Пусть они собираются, а я забегу в буфет, перекусу.

Через полчаса Гузенко открыл совещание и представил слово управляющему трестом. На Улагашева с любопытством смотрели три пары глаз: председателя горисполкома Юрия Николаевича, тучного, пожилого человека; секретаря горкома комсомола с задорным молодым лицом и женщины в розовой кофточке, черноголовой, с маленьким вздернутым носом — главного врача санитарно-эпидемиологической станции. Улагашев раскрыл свою папку.

— В вашем городе сто тридцать две трубы различных калибров,— заговорил он, как всегда, страстно, резко.— И они в отопительный сезон выбрасывают в сутки десятки тонн сажи. Над городом висит туча дыма, в летние месяцы горячая вода подается населению от слу-

чая к случаю. В шестнадцати километрах от города начинается строительство электростанции. Эта электростанция будет подавать горячую воду в поселок энергетиков, а большая часть ее потечет обратно в водоем для конденсации. Если установить тепловой узел, тогда мы, не нарушая теплового режима электростанции, сможем отопить ваш город.

Все зашевелились, но продолжали молчать.

— И решить эту назревшую проблему можно. Можно именно сейчас, когда начнется строительство электростанции. Сами ведь вы проложить трассу не в состоянии. У вас не хватит средств, отпущеных на городское коммунальное хозяйство.

Секретарь привстал.

— Так в чем же дело?

Улагашев опустил ладонь на раскрытую папку.

— Генеральным проектом трасса не запланирована. Нашу объяснительную записку не учли. Есть еще один выход.— Он указал на краешек листа в папке:— Вот здесь в графе «Согласование» мы, строители, должны поставить подпись. Трест может придержать согласование, а в это время вы выступите с ходатайством о включении трассы в план проектирования. У меня все. Дальнейшее зависит от вас.

— Вот вам налицо несостоятельность поговорки «Хлеб за брюхом не ходит». А здесь наоборот,— заметила санврач.

Мужчины улыбнулись.

Гузенко встал, вышел из-за письменного стола.

— Действительно, почему дармовая горячая вода должна пропадать, тогда как в ней нуждаемся мы? Ну а что вы скажете, исполнком и комсомол?

Юрий Николаевич устало посмотрел куда-то в сторону.

— Сразу решать такое сложно,— ответил он.— Тут, помимо наших городских запросов, есть государственный порядок. Если сразу трасса не учтена, значит, на то была причина, значит, в верхах строительству электростанции придана особая важность и им не до наших забот.— Председатель сделал паузу, чтобы подобрать более убедительные доводы для опровержения затеи Улагашева. Он предвидел, во что выльется их сговор: трест задержит согласовку проекта, сроки начала строительства передвинутся. А кто поддержал вредную в

масштабе страны местническую тенденцию? Горисполком в лице председателя, опытного руководителя, старого коммуниста. Они тут все молодые, жизнь у них впереди, ошибки им допускать можно, простят, а ему вот-вот на пенсию и принять такую ответственность на себя — значит перечеркнуть свой трудовой стаж... Вслух жаловаться он не собирался, эти мысли принадлежали только ему, их все равно не поддержат, потому что все присутствующие в кабинете секретаря горкома партии польстились на заманчивую перспективу.— Допустим, трассу нам уважаемые строители протянут,— принялся развивать найденный аргумент Юрий Николаевич,— спрашивается: что дальше? Они ведь по городу нити не поведут? Так, Николай Сафонович?

Улагашев ответил:

— Мы подведем к центральному коллектору, к самому городу...

— А дальше, дальше?..— воспользовался замешательством присутствующих Юрий Николаевич.— Дальше нам самим придется разрешать неразрешимое. У нас нет денег на такой объем работ, нет материальных ресурсов. Кто нам подарит трубы? А их нужны километры. Кто преподнесет оборудование, приборы, фонд заработной платы? Прокладкой трассы нам придется разрушать асфальт, потом восстанавливать его. Опять деньги. Если бы это все мы имели, проблема центрального отопления была бы давно решена. Мы бы обошлись без электростанции, построив в городе единую котельную.

— Ваше конкретное предложение?— суховато спросил Гурий Михайлович председателя горисполкома.

Тот спокойно напомнил:

— Мы с вами пытались ставить этот вопрос. Помните? Нас не поддержали. Такая реконструкция пока нашему исполнку не по зубам.

Секретарь горкома комсомола вскипал:

— Я не поддерживаю Юрия Николаевича! Деньги... Материалы... Не верю, что мы не сможем построить трассу. Если ее подведут к нам, мы, комсомольцы и молодежь, выйдем на прокладку траншей в городе, объявим ударную стройку, каждый возьмет обязательство отработать определенное количество часов. Надо, Гурий Михайлович, во что бы то ни стало воспользоваться предложением строителей.

— Я полностью поддерживаю комсомол,— сказала врач.— Деньги, материалы,— конечно, серьезное препятствие. Но дело касается здоровья населения целого города. Нам предлагают выход, чтобы очистить атмосферу, дать квартирам постоянную горячую воду, а мы осторожничаем. Понадобится, найдутся и деньги и материалы. Комсомольцы уже частично нашли, давайте призовем предприятия, шахты, организации, пусть они тоже покопаются в своих кошельках. По ниточке с миру — голому рубашка. Наша станция, в свою очередь, дает обоснованный акт на завышенную норму загазованности города.

Секретарь горкома сел на свое место.

— Спасибо Николаю Сафоновичу за добрый визит,— сказал он.— Было бы непоправимой ошибкой, если бы мы не воспользовались хотя бы самой малой возможностью покончить с дымовой завесой. Прежде всего — это здоровье людей. Юрий Николаевич обеспокоен фондами заработной платы, трубами...— Он бросил недобрый взгляд на председателя горисполкома.— Теперь посчитайте экономию угля — сколько составов этого топлива получит та же электростанция для выработки энергии? Переведите-ка полученную экономию на деньги.— Карие глаза секретаря возбужденно блестели.— Ну как, подсчитали?.. Обещаю, Николай Сафонович, собрать расширенное заседание бюро горкома и обсудить ваше предложение.

Председатель горисполкома не изменил мнения. Он не сомневался: бюро пройдет бурно, кошельки никто не откроет, сошлются на отсутствие свободных средств, укажут на горисполком, а горисполком заявит, что у них тоже каждый рубль разложен по полочкам. На том и разойдется.

Прощаясь, Улагашев напомнил:

— Так мы ждем ваших действий, товарищи!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В распорядке дня директора значится час для разбора писем. Их всегда десятки. В одних интересуются школой, просят прислать вызов. На них требуется дать разъяснение, чтобы заявитель обратился за путевкой в местную организацию общества. В других — вышестоящие инстанции предлагают представить то-то и то-то,

объяснить что-то, разобрать. Такие письма направлялись на исполнение ответственным работникам. В-третьих теплые сердечные строки от учащихся, от тех, кто побывал здесь, прошел курс обучения и вернулся к жизни, к труду.

А в одном из писем, подписанном председателем областного правления Колчиным, сообщалось: «При тщательном учете инвалидов по зрению мы нашли слепого мальчика тринацати лет, проживающего в таежной глухи на пасеке с отцом. Мальчик в вашу школу ехать не хочет. Школа-интернат для слепых детей на учебу его не берет, считает переростком. Отец, инвалид войны, от путевки для сына отказывается. Говорит: «Не трогайте калеку. Он не развит, ни к чему не приспособлен».

Мы посылали к ним своего сотрудника, чтобы вручить путевку в вашу школу,— бесполезно. Просим вмешаться в судьбу незрячего мальчика и привлечь его к учебе. Вы умеете убеждать. Надеемся, мальчик будет спасен. Живые должны жить».

Томилов не удержался от невольной улыбки. Автору этого письма когда-то говорили то же самое: «Живые должны жить!» Да, глубок смысл этой короткой фразы. Подписавший письмо Колчин проявил большую выдержанку и упрямство для преодоления этого восхождения. Сложна его история. Крута была его дорога.

Рабочий, директор предприятия общества, а теперь председатель областного правления вместо Моргунова.

Перед областной конференцией общества Моргунов попросил в партийных органах самоотвод, порекомендовав предложить организационному пленуму областного правления избрать вместо себя Колчина. На посту директора предприятия тот показал себя принципиальным, требовательным, способным организатором, умеющим работать с народом.

«Поможем, Анатолий Георгиевич, поможем»,— мысленно пообещал Томилов в ответ на просьбу бывшего ученика и дал команду секретарю:

— Передайте Полякову — пусть собирается в командировку.

За уточнением адреса, где проживал слепой мальчик, Томилову и Полякову пришлось заехать в областноеправление.

— Добрый день, Анатолий Георгиевич!

Председатель правления бросил на рычаг телефонную трубку, не закончив разговора и устремился на встречу гостям.

— Кого слышу! Сергей Михайлович! Илья Максимович! Очень рад! Проходите. Редко проводите своих питомцев.

Томилов улыбнулся:

— У них теперь крылья крепкие. Надо готовить к полету других.

— Приехали бы вечером к нам домой.— Колчин напомнил:— Вы с Анной Ивановной только разок побывали у нас, и то на свадьбе. Лиза и мама часто спрашивают о вас. Приглашают. Меня обвиняют: негостеприимный, дескать, хозяин.

— А вы сколько навещали нас? Аня тоже спрашивает.

Колчин смешался:

— Все как-то некогда...

— Будем считать — ты оправдался за себя и за меня. Я бы и сегодня не сумел забежать, если бы не твое письмо. Заехал за адресом.

— Вы сами поедете? — удивился Колчин.

— Ты же написал, что областное правление не смогло убедить отца мальчика, чтобы тот привез сына в школу.

— Да, он категорически отказался, — подтвердил Колчин.

— Вот я и решил побывать сам, — сказал Томилов. — Не впервые приходится уламывать таких отрешенных. Однажды летал даже на Сахалин за человеком, потерявшим зрение от взрыва отопительного котла. Молод — тридцати лет не исполнилось. Лезет в петлю, и никаких. Жена и родственники возле него дежурство организовали. О нашей школе и слушать не хочет. Местный отдел социального обеспечения обратился к нам с просьбой. Ничего не поделаешь, пришлось лететь. Почти силой забрали...

Томилова перебил Поляков:

— А у нас в мастерской увлекся техникой. После школы у себя в городе поступил на завод — штампует заклепки. Жаль, нет там предприятия общества — мог бы возглавить цех.

Пока Томилов и Колчин разговаривали о школе, о предприятиях, Поляков изучал перспективный план областной организации общества, поражаясь его грандиозности.

— Ты чем там увлекся? — спросил Томилов Илью, определив по слуху, что тот стоит у стены, где в бытность его председательства находится стенд с образцами выпускаемой продукции.

— Вот это размах, Сергей Михайлович! — присвистнул Илья.

— Наш план, — подсказал Анатолий Георгиевич. — Мечтаем, Сергей Михайлович. — Говорил он застенчиво, не зная, как к их проектам отнесся его бывший наставник. — Президиум взял курс на дальнее прогнозирование. Так легче концентрировать силы, укреплять материальную базу. И людям интереснее — видят цель, видят, какая жизнь ожидает их.

Томилов попросил Полякова показать план.

Почти во всю стену висела доска. Поляков взял руку Томилова, объясняя расположение диаграмм, разделов, начал водить ею по раскрашенному полю.

— Слева — темпы производства, посередине — технико-экономические показатели, справа — строительство. Здесь, Сергей Михайлович, каждый объект разрисован. Наглядно и здорово!

— Прочти-ка, что там написано, — попросил Сергей.

— Три жилых дома. Один производственный комплекс — четыре тысячи квадратных метров, второй производственный комплекс — этот в городе — шесть с половиной тысяч квадратных метров, — перечислял Поляков. — Красивое здание! Четырехэтажное. Настоящий дворец!.. Областная глазная больница. Тоже солидный домик! В семь этажей. Детская школа-интернат для слепых детей...

Прослушав перечень намеченных планом строек, Томилов спросил у Колчина:

— На большой период сделан этот расчет?

— Примерно на две пятилетки.

Ответ председателя правления Томилов не принял за фантазию. Правда, план напряженный. На его реализацию требуются миллионы. Но он был и реальным. Настойчивость, последовательность, желание руководителей областного правления и предприятий общества помогут осуществить задуманное строительство. Томилов

позавидовал широте, масштабности, перспективе. А для него в школе рост производительности труда, технической оснащенности, капитальных вложений стали понятием чуждым. Вместо них сформировались иные: усовершенствование форм, методов обучения, воспитания, духовного оздоровления.

— Грандиозно! — машинально произнес он, перенося слово «грандиозно» в объем работы и их школы.

— Задачи трудные. — Колчин постучал пальцем по доске. — Перед ними немало преград.

— А ты действуй бронебойными, — пошутил Томилов.

Колчин поддержал:

— Все формы боевой тактики используем.

По пути Томилов и Поляков зашли к Моргунову, который после освобождения от занимаемой должности председателя правления руководил объединенным предприятием.

Ночь на поезде, два часа на автобусе, и они в городе. В том городе, в котором когда-то жили Сергей и Николай. Вернее, тогда города не было. В окружении пихтача, сосен, берез, тальника прятался на мысу у слияния двух рек шорский улус. Теперь тут ничего не узнать, прежними остались горы, русло реки да небо. Больше ничего, если не считать нескольких хатенок, уцелевших из-за рельефа местности, не пригодного для новостройки. Перед Томиловым встало детство. Пахнуло далеким, приятным. Замелькали кадры, точно память включила эпизоды когда-то заснятой пленки. Увидеть бы глазами этот новый город, он из прежнего, наверное, не узнал бы ничего.

— Вот здесь — поворот дороги, — заговорил Сергей. — А туда, дальше, метрах в ста, стоял наш дом.

Никакого поворота Поляков не увидел. Стояло пятиэтажное здание, шоссе уходило дальше. Он так и сказал.

Томилов остановился и с печалью вымолвил:

— Застроили... Ничего не осталось.

Они прошли по улицам.

— Ничего... — сокрушенно повторил Сергей. — Где переночуем? Матери Николая уже нет в живых. Давних знакомых не разыщешь. — И вдруг, что-то вспомнив, он загорелся: — Пойдем-ка, Илья Максимович, на окраину, прямо по шоссе...

— По обе стороны — большие дома,— пересказывал Поляков.

Томилов припоминал, где что было прежде. Пологий спуск. Тогда в одном из деревянных домиков размещалось отделение милиции, дальше — радиоузел. Спуск кончился.

— Впереди мост, да? — спросил Томилов.

Когда-то под деревянным настилом моста они купались — это было самое глубокое место, жерлицами ловили щук.

— Мост, Сергей Михайлович. Реки нет, лишь высохшее русло.

— Так, так... — Томилова подмывало поскорее узнать то, что ему хотелось. — А у берега что? Здесь когда-то жила тетя Агаша, подруга матери Николая.

Поляков обрадовался:

— Хата маленькая, обнесенная оградой из жердей.

— Уцелела! — выкрикнул Сергей. — С двумя окнами на улицу?

— Правильно, Сергей Михайлович! У вас отличная память!

— Сворачивай, Илья Максимович! Если тетя Агаша здравствует, у нее и заночуем. А завтра расспросим, как попасть на пасеку к мальчику. — Лицо Томилова обмякло, ни одной строгой черточки. — Что за тетя Агаша, если бы ты знал! — умилялся он от воспоминания. — Выучила дочь, сейчас она в столице, профессор. Был сын — погиб на фронте. Осталась одна. Дочь звала ее к себе, не поехала.

— За травкой? — спросила старушка лет семидесяти вошедших в ее дом двух мужчин. — Что болит?

Тетя Агаша издавна пользовалась популярностью как знаток целебных трав. С самой ранней весны и до глубокой осени она собирала травы, выкапывала корни растений, сушила, настаивала и наделяла тех, кто обращался к ней. Раздавала бесплатно, сердясь, когда ей навязывали подарки.

— Тетя Агаша! — Сергей шагнул к старушке, осторожно обнял ее. — Не узнаете?.. Друг Николая, Сергей Томилов, помните?

Она пристально всмотрелась в лицо высокого мужчины.

— Томиловы... Томиловы... — Ее скуластое смуглое лицо сморщилось сильнее и вдруг просияло: — Кольки

Улагашева друг!— Она всплеснула высохшими маленькими руками:— Сережка!.. А как же, помню, хорошо помню!— Ее черные глаза заскрились.— Еще на сцене выступал, песню на шорском языке пел. Получалось.

— Пел, тетя Агаша, пел!

«А это помнишь?.. А это?..» И Сергей в свою очередь спрашивал: «А вы помните?..»

Долго сидели за столом, покрытым белоснежной скатертью, старые знакомые, земляки.

— Слыхала, большим человеком значишься, директором. И Коля тоже наше родство не посрамил. Приятно! Когда он работал здесь по строительству, навещал меня. Учивый, ласковый. Я нет-нет да всплакну. Сына вспоминала. Коленку-то возьму да по головке погляжу, а он в ответ скажет: «Мамаша». О тебе всегда говорил. О твоей жене. Знаю, пошла учиться в медицинский институт.

— Окончила, тетя Агаша. Глазным врачом уже работает,— подсказал Сергей.

Хозяйка внимательно посмотрела в его глаза.

— Свой врач. Хорошо. Вылечит, увидишь снова.

Сергей вздрогнул. Сухой, будто выцветший, тихий голос старушки точно уколол его.

— Что вы, тетя Агаша!— испуганно возразил он, даже прикрылся рукой, словно ему действительно предлагали вернуть зрение.— Моя песня спета. Никогда не увижу.

Хозяйка не спускала с него глаз.

— Не то говоришь. Вижу, на лице ни одной печали не носишь. Должность есть, семья. Все есть. Нет зрения, и это не печалит. Значит, будет.

— Не будет, тетя Агаша.— Сергей защищался отчаянно, с упорством.— Мы с женой ездили к врачам-«звездам», ничего не обещали. Я ничего и не просил. Знал.

Старушка покачала седой головой:

— Ай-яй-яй— не просил! А жена-то из-за тебя врачом стала. Выходит, она будет изучать твою болезнь, искать лечение и найдет. Вылечит. Потом такую болезнь будет лечить у других.— Она помолчала.— А звезды всех не обопреют. И не каждый достанет их. А если кто достанет, заглянут в глаз— и ответ. Не могут же они каждому отдавать месяцы. А жена годы может следить, искать лечение. Ты ведь уже видишь свет.

— Вам сообщили и об этом? — изумился Сергей.

— О чём? — не поняла его старушка.

— О том, что я немного вижу.

Тетя Агаша заулыбалась.

— Сама заметила, как ты посмотрел на солнце и обрадовался.

Она постелила Сергею на своей кровати. Он наотрез отказался:

— Ни за что, тетя Агаша! Не хватало, чтобы вы из-за нас спали на полу. Мы с товарищем отправимся на чердак, на воздух. Не впервые. Там мы с Николаем не одну ночь провели. Мне хочется снова окунуться в детство.

— Ну что ж, полезайте, — согласилась хозяйка. — Постелите сами.

Сергею не спалось. Илья затих почти тут же, как устроился на матрасе, положенном на дощатый настил, сооруженный еще с давних пор. В словах тети Агаси по поводу его глаз таилось какое-то магическое пророчество. «А жена годы может следить, искать лечение...» А что, если чудо допустимо? Предсказание старого человека сбудется?.. Сергей ложится на спину и размыкает веки. Что тогда? Свет, краски. Он увидит то, что сейчас захоронено мраком. Да он... Что он? У него не хватало остроты, силы воображения: что тогда? С какой жадностью он бы набросился на созерцание всего всплывшего из темноты!.. И рядом — боязнь. Чего? Пока он не мог отделить это чувство боязни от сомнительности возможного прозрения. Вспомнив об Ане, он сел. Неужели боится ее рук, которые могут сотворить то, о чём сказала тетя Агаша? Неужели те руки, которые он любил, ласкал, будут свершать чудеса и будут принадлежать не только ему, станут чужими? Лучше бы ей не кончать медицинский. Было бы все по-прежнему, спокойно, умиротворенно... Не надо было бы надеяться на чудо и опасаться его разрушений.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дальше им предстояло добираться на лодке вверх по реке. Другого пути не было. Беспрерывный стрекот мотора, нарушая тишину, усиливался горным эхом. «Капитан» маленького судна, парень лет восемнадцати, сидел на корме, держался за руль и что-то пел для себя.

Поляков и Томилов устроились посреди лодки, на доске, положенной поперек ее, и с наслаждением вдыхали прохладный чистый воздух. Поляков восхищенно осматривал проплывающий мимо ландшафт, пересказывая его красоты Томилову. Тот жадно слушал, преобразуя слова в картины.

Кончался перекат. Чешуйчатая поверхность воды начинала сглаживаться. Дно реки уходило вглубь, темнело, просматривались только белые камешки. Но и они замутнели и постепенно скрылись совсем. Темно-зеленая толща воды накрыла, спрятала дно. В полированной глади реки, как в зеркале, отразилось безоблачное небо. Получилось два неба — вверху и внизу. Лодка словно повисла в пространстве. Она двигалась по причудливому коридору с проплывающими мимо низкими берегами справа, скалами и горами слева.

Сколько леса, сколько зелени! То темно-зеленого цвета, то синеватого, то бирюзового. Зелень всех оттенков. Чем питают ее горы, эти каменные хребты?

Русло реки не любит прямых линий — не успеет выровняться, как снова изгибается то в ту, то в другую сторону, часто меняет бег своего течения. На плесе, вольготно раскинувшись, засыпает, нежится под небом. Но вот берега суживаются, водная гладь морщится. Издали доносится мягкое журчание. Порог. Из глубины выступает каменистое дно. Там, где камни огромные, вода закручивается в воронки. А если они горбами торчат из воды, тогда вокруг них образуется настоящий водоворот. Вода беснуется, пенится, сердито ворчит, плюется брызгами. Мотор натужно ревет, но лодка продвигается медленно.

Порог пройден. Впереди снова гладь — зеркальная, оттуюженная, дремлющая. Справа показалось селение. Оно занимало мыс, который доходил почти до середины реки, напоминал язык какого-то гигантского животного, тянущегося к воде от жажды.

Из ущелья вытекала речушка, разрезая крошечный материк на две стороны. Домов немного, в две улицы. Их небольшие окна, поблескивая от солнца, весело смотрели на водную гладь и гостеприимно звали пристанить к берегу.

— Скоро прибудем, — объявил лодочник, метнув взгляд куда-то к вершинам гор.

Солнце подбиралось к зениту, тепла не жалело. Парень снял рубашку, штаны, остался в плавках. Одежду кинул в большую кожаную сумку, стоящую у его ног.

— Будем загорать,— улыбнувшись, сказал он.— Люблю такие деньки. Курорт!

Выше деревушки реку разделил остров, отороченный желтоватой тесьмой из песка, заросший сочной зеленою травой, кустарником, разнолесьем. И над ними как гулливеры возвышались тополя. Они охраняли свой лоскуток земли.

Миновав остров, лодка повернула влево, туда, где в узком русле шумливо билась речушка, нервная, быстрая. Она с разбегу врезалась в главную реку, теснила ее от берега, образуя в зеленовато-мутной толще прозрачный колодец.

— Приехали! Пристань.

Капитан подвел суденышко к сухой гальке. Под днищем зашуршало, заскрежетало. Парень прыгнул в воду, еще подтолкнул лодку, взял чемодан пассажиров, вынес на берег и сказал:

— Завтра поутру я вернусь с лесопункта и попутно заберу вас.— Ему было так велено в управлении.— Пасека вон там,— показал он на зеленеющую поляну, раскинувшуюся по южному склону горы.— Идите по той дороге. Она приведет вас прямо к дому. Бывайте!

По существу никакой дороги не было. Виляя по уступам, в гору взбиралась тропа. Ее сжимали деревья и в пояс вымахавшие травы. Полякову приходилось, как следопыту, разыскивать оборванный конец тропы по другую сторону растительности. Снова лес, снова дорожка. По ней ходили, не давали исчезнуть.

Томилов шел с трудом позади Полякова, путаясь ногами в зарослях. Рядом идти тесно. Они часто останавливались, чтобы успокоить непривычное к таким переходам дыхание.

Сделав очередной перерыв, Илья осмотрелся и восхищенно сказал:

— Какая красота!

Там, где они стояли, шагах в десяти падал обрыв. Поляков видел остров, деревушку. Он взял руку Томилова и показал, где что. Сергей мысленно нарисовал раскинувшуюся перед ним картину, повторил восхищенно за Ильей:

— Да, красота!

Дошли до поля. Сосны и кедры, дружное семейство которых заселило цепи гор, раздались в стороны. Поляна, светлая, яркая и чистая, пестрела цветами. Тропа вела к деревянному дому с двумя окнами. В той же стороне виднелся городок из карликовых домиков — ульев. За ними еще несколько строений. Затерявшаяся страна в таежной глухи. Ни электричества, ни магазинов, ни уличной суэты.

Залаяла собака, учуя чужих. Поляков сбавил шаг. Кто-нибудь да должен выйти. Из-за угла дома показался человек в белой навыпуск рубахе, серых штанах и в широкополой соломенной шляпе.

— Рэк, перестань! На место! — донесся оклик мужчины. — Идите смелее! Он брехать горазд, а тронуть не тронет.

Томилов и Поляков вышли на утоптанную площадку, огибающую дом. Рыжий пес восседал около хозяина и, высунув язык, не стесняясь, плутовато рассматривал мужчин.

— Вижу, гости — значит нам праздник, — баском встретил хозяин незнакомцев. Бугристый шрам бороздкой шел от виска к левому уголку рта. Верхняя губа немного вздернута, отчего казалось, что человек ухмыляется. Карие глаза были добрые, умные. Обменялись рукопожатиями, представились. Хозяин назвался Федором Ивановичем Журавлевым.

— Пойдемте в дом, — пригласил Федор Иванович и на ходу справился: — Вас привез почтарь Васька?

— Как зовут, не знаем, — признался Поляков. — А что на лесоучасток почту везет — знаем.

— Мне ничего не передал? Ни газет, ни журналов? Поляков отрицательно покачал головой.

Дверь дома находилась с обратной стороны. Между жильем и подсобными помещениями трава выкошена. Дрова сложены полено к полену. Хозяйственный инвентарь прибран под навесом. Там же стоял верстак, какие-то станки, штабельком лежали доски. Везде порядок.

В сенцы вела одна ступенька. Дверь открыта. И вторая — в дом — тоже настежь. Все крепкое, добротное, капитальное, покрашено в светлые тона. Видно, здешние обитатели осели тут накрепко, навечно.

Войдя в довольно большую квадратную комнату, Поляков поставил на дощатый пол чемодан, огляделся: на-

лево — проем в кухню, направо — в смежную комнату. В передней — скамья, стол, два стула, посудный шкаф. В смежной комнате — две деревянные кровати, две тумбочки, полки с книгами, шкаф, два стула.

Хозяин хитровато спросил:

— Мебелью интересуетесь? Как считаете: какой фабрики?

По части дерева Поляков разбирался плохо, поэтому пришлось признаться:

— Не знаю, Федор Иванович.

Журавлев самодовольно рассмеялся:

— С фабрики «Собственные руки»! Мое производство!

Теперь Поляков стал придирчиво осматривать кустарную продукцию и изумился качеству отделки, покраски. Перед ним стоял добротный товар.

— И кровати вы?

— Все, что видите! — пояснил Федор Иванович. — И дом этот, и кровати, и шкаф.

— Сергей Михайлович, пощупайте!

При слове «пощупайте», хозяин нахмурился, как-то испуганно посмотрел на высокого, опрятно одетого мужчину, которого сначала принял за городского начальника, не заметив незрячих глаз. Томилов уверенно, быстро ощупал мебель и отозвался:

— Чистая работа, ничего не скажешь!..

Федор Иванович кивнул на Томилова и, показывая пальцем на свои глаза, задал немой вопрос Полякову: «Совсем»?..

Поляков утвердительно наклонил голову. Глаза Журавleva погрустнели.

— Вы откуда? — спросил он.

— Я директор школы для слепых, — представился Томилов. — Есть у нас в Сибири такое заведение, которое занимается незрячими — учит самостоятельной жизни, возвращает к труду. А это заместитель директора по производственной части, — указал он на Илью.

— Вы-то зачем мучились, потащились сюда, если не видите? — не то жалея, не то осуждая, сказал Федор Иванович Томилову.

— У меня такая должность — заботиться о судьбе незрячих.

Изумлению хозяина не было предела.

— Вы и в самом деле начальник? И работаете? —

Журавлев рассматривал слепого человека, как инопланетного пришельца.— Да как это?..

Вмешался Поляков:

— Очень просто, Федор Иванович. Он руководит настоящим большим коллективом, как любой другой зрячий начальник.

Федор Иванович никак не мог совместить этих двух понятий — начальник и слепой. Один — в работе, в движении, другой — недвижимый, калека, вроде его сына.

— Если бы вы, дорогой Федор Иванович, сами посмотрели, как трудятся незрячие, какую продукцию они выпускают, как учатся, выступают с концертами, вы бы легче разобрались, что к чему.

— Они с концертами выступают? Что же, больше некому, кроме них? — охнул Федор Иванович.

— Точно так же, как другие люди, поют, играют на разных инструментах, танцуют,— вступил в разговор Поляков.

Журавлев пятерней расчесал густую бороду.

— Вы меня не дурачите? А то, может, вообразили, что я на ум туговат. Тайга кругом. За дикаря сочли и на потеху небылицы говорите.

Томилов сделал строгое лицо и огорченно сказал:

— Для потехи мы бы место поближе выбрали. Прибыли к вам, Федор Иванович, с надеждой на ваш ум и вашу рассудительность. Нас интересует ваш сын. Мы вместе с вами обязаны научить его нормально жить. Он у вас даже не умеет писать и читать. Мы и вы — ответчики за него.

— Писать... Читать... — пробасил хозяин.— Он-то у меня ведь совсем слепенький. Свет маленько видит, и все.

— Мы покажем нашу грамоту — она у нас с собой,— пообещал Томилов.— А где он, ваш сын? — несколько тревожась за отсутствие мальчика, спросил он.

Что-то мученическое выступило на загорелом лице Журавлева, перерезанном шрамом. Задели самую большую рану — спрашивают о сыне, и конечно уж не из простого любопытства.

— Отдыхает на воле. В доме душно, жарко.

Федор Иванович не обманывал. Можно было и согласить: «Нет его. Уехал». Так однажды случилось, когда за сыном приехала женщина, чтобы забрать его в ка-

кой-то интернат для слепых детей. Тогда он так и сделал — обманул. Теперь явился слепой человек, и обмануть его было бы нечестно.

— Можно с ним побеседовать? — спросил Томилов.

Хозяин помрачнел еще больше, подумал и молча вышел на улицу.

Илья торопливо описал портрет Федора Ивановича, сказал о шраме на лице.

— Понятно... — догадался Сергей. — Не зря он держит около себя мальчишку. Утешка. Остаться без живой души ему здесь гибель. Чую, Илья Максимович, наткнулись на твердый пласток...

Федор Иванович ввел под руку мальчика лет двенадцати, постриженного под машинку, в майке и в трусах до колен. Лицо мальчика с прямым носом, с полноватым румяным ртом, тяжелым крепким подбородком было красивым, мужественным. Один глаз мальчика темно-карий, другой затянут серой пеленой.

Поляков шагнул навстречу ему.

— Здравствуй! — Он пожал руку, мягкую, дряблую.

Поздоровался и Томилов. Мальчик испуганно прижался к стенке.

— К тебе прибыли, Олег. Учить собираются... — одобрял ли, насмехался ли отец, по интонации голоса определить было нельзя. Сказано ровно, четко, напрямую.

Голова Олега задергалась, как у перепуганного зверька. Он и сам весь как-то задрожал, точно готовый скользнуть в норку, спрятаться, забиться где-нибудь в укромный уголок.

— Ты, Олежек, не бойся. Один дядя тоже не видит, слепой, как ты.

— Как я? — изумился мальчик, перестав дрожать. — Разве такие есть?

Томилова охватило чувство жалости. Он обнял Олега за костлявые, худенькие плечики.

— Есть, Олежек, есть... Я вот. И много еще есть.

— А как вас принесли сюда? Меня папа заносит на плечах.

— Я сам пришел, — пояснил Томилов и, подведя Олега к скамье, усадил его. — Я сам и с горы спущусь. Надо уметь все делать самому.

— Самому... — как эхо прозвучал мальчишеский голос. — Я, дяденька, слепой. Вижу свет, и больше ничего.

Как я буду делать все сам?— Он вразумлял непонятливого дядю. У него своя стихия, свои границы возможно: есть, пить, спать, слушать транзисторный приемник, который стоит на тумбочке у его кровати, возиться с собакой и котом. В летние ясные дни лежать под деревьями и слушать пение птиц, шелест листвьев. Он научился понимать птичью мелодию, узнавал, какая из птиц подает свой голос, узнавал их настроение: волнуются, жалуются или радуются. И птицы не боялись его, садились совсем где-то рядом. Под их пение он придумывал слова, и получалось так, что птицы будто говорили с ним о чем-то. Умел он вести разговор и с собакой. Подойдет она, лизнет ногу или руку: «Я пришла. Давай поговорим». Олег садится на крыльцо, а то прямо на траву. Собака кладет морду на колени: «Слушаю». Олег чешет лохматую шею, рассказывает что-нибудь из слышанного по радио или от отца, который в свободное время читает ему сказки, детские книжки. Часто мальчик и сам сочинял всякие истории, пусть несуразные, бесцветные — собаке все равно. Она слушает, слушает, взьмет да тявкнет: «Интересно, давай дальше». С котом у него несколько другие отношения. Тот любитель нежиться на руках. Ласкится около ног, мяучит и, как только окажется на руках, начнет мурлыкать, знай только слушай. И Олег слушает. Может, когда-нибудь научится что-то разбирать в этой поскрипывающей длинной песенке. Не зря же мурлычет.

— А как вы все делаете? — поинтересовался Олег, проявляя любопытство к такому же незрячему человеку.

— Научился, конечно, не сразу. Ничего сложного тут нет. Книги сам читаю, пишу. — Томилов придвинулся к столу. — Илья Максимович, достаньте-ка нам книгу и прибор. А ты, Олежек, двигайся ко мне.

Не вытерпел и Федор Иванович, тоже подсел к ним.

— Пожалуйста, — Поляков положил толстую, необычного вида книгу. Такую Федору Ивановичу видеть не приходилось.

Он взял ее, раскрыл и непонимающе уставился на точки, как бы гадая, чем их наклепали так аккуратно.

— Что они значат? — Федор Иванович полистал плотную бумагу и вопросительно посмотрел на Полякова.

— Это он разбирается,— указал Илья взглядом на Томилова.— Вам слово, Сергей Михайлович!

Сергей положил палец на испещренную точками строчку и прочитал текст без запинки, с выражением. Указательный палец плавно, чуть касаясь бугорков, пробегал слева направо, затем на следующую строчку. Ниже. Ниже.

Закончив чтение, Томилов объяснил:

— Журнал для слепых. Издается в Москве. А статья о нашей школе, о ее учащихся. Такими точками переписаны обычные книги. Пощупай-ка, Олежек.

Мальчик всей ладонью накрыл пупырчатую сыпь, потом провел ею по всему листу, спросил:

— А почему бумага шершавая?

— Это точки, они заменяют буквы, Олег.

Томилов взял тоненький указательный палец мальчика и велел отделить один бугорок от другого. Олег старательно принял вдавливать горбившиеся точечки, но отец, следивший с открытым ртом за чудодействием рук незрячего гостя, подсказал сыну:

— Ты не дави, затрешь их. Товарищ директор водил по ним легонько. Читал.

— Читал по точкам?— Мальчик был совсем сбит с толку. Он потер несколько шишечек.— А как читал?

В разъяснения вступил Томилов:

— Сейчас покажу.

Илья принес прибор и грифель. Федор Иванович снова стал внимательно наблюдать за действиями гостя. Томилов кончиком шильца давил на бумагу, она с хрустом прокалывалась. Получались вмятины. Шильце перескакивало из одного окошечка в другое.

— Теперь...— он вытащил из прибора лист, перевернул,— посмотрим-ка, что получилось.

Олег нашупал точки. Томилов подал грифель, показал, как его держать, как действовать, познакомил с устройством прибора.

Олег надавил грифелем на бумагу. Щелк. Щелк. Он заерзal на стуле. Занятие пришлось по душевому. Щелк. Шильце стало быстрее находить гнездышки, прятавшиеся под бумагой.

— Папа! Слышишь, как давлю?

Томилов велел ему раскрыть крышку прибора.

— Возьми бумагу, переверни на другую сторону.

Мальчик обнаружил точки и рассмеялся.

— Папа, смотри, я сам их наделал! Такие же!..

Томилов подсказал:

— По ним ты научишься читать и писать.

Олег радостно подхватил:

— Как вы?

— Как все мы.

— Вы научите меня? И вы будете жить у нас, пока не научите?

— У нас есть учителя, они научат.

Ответ директора больно уколол Журавлева. Заныло сердце. Хотя другого ответа он не ждал, а больно. Рано или поздно Олег потянеться туда, к своим, в школу, в коллектив. «Что останется мне? Одиночество? Страшное, убийственное одиночество...»

— Какие учителя? — Олега неудержимо влекло к неизвестному.

— У нас в школе есть всякие учителя, которые учат писать, читать, решать задачи, работать, ходить везде.

— А-а, у вас... — разочарованно протянул мальчик. — Я думал, вы приехали сюда учить меня...

Вилять вокруг да около, Томилов понимал, ни к чemu. Он обратился к Журавлеву:

— Знаю, Федор Иванович, вам нелегко будет отпустить сына в школу. Трудно сломать привычный покой. Но мальчик не должен, не имеет права остаться навсегда таким. Неужели вы допустите, чтобы ваш сын остался неграмотным, во всех отношениях слепым — глазами, душой и умом? Я бы вас просил отпустить его с нами, в нашу школу.

Федор Иванович махнул рукой.

— Что толку? Кому понадобятся его точки. Все равно здесь забудет. Писать некому. А таких книг надолго ли хватит.

Он противился и в то же время хотел, чтобы сын узнал другую жизнь, лучшую, чем та, которой он живет.

Томилов нажимал:

— Пройдет курс обучения, устроится в вечернюю школу, позже направят на предприятие, где работают такие же инвалиды! — И посоветовал: — Если вам станет тяжко, скучно одному, перееедете к сыну.

В сущности, что могли изменить, нарушить эти два залетных чужака? Ничего. Журавлев мог показать им на дверь, оградить себя от надвигающейся бури. Сын его — он и судья. Но что-то мешало ему выгнать гостей.

Он с остервенением, чтобы не скрипнуть зубами, сжал челюсти, отчего под скулами набухли желваки, встал и вышел из комнаты.

Томилов повернулся к мальчику:

— Ты один вокруг дома ходишь?

Олег опустил плечи, склонил стриженую голову.

— Я слепой. Как пойду.—Прозвище «слепой» убедило его в полной зависимости от других, от зрячих людей.—Меня папа водит везде... Далеко, по горе.

— А какие они, горы, ты представляешь? Какая река, какой лес?

Русоволосая голова поднялась. Мальчик широко открыл глаза и неуверенно сказал:

— Горы твердые, а река мокрая. Горы стоят на месте, а река бежит.

О лесе он умолчал. Что сказать, если земля для него была темным пятном, небо светлой крышей, так как он видел свет. Он не имел ни малейшего понятия о городах, о больших домах, об асфальтированных улицах, о дорогах. Его дорога начиналась от крыльца и кончалась лесными тропами не дальше километра от жилья. Рассказывать ему о городе, о машинах было бы тем же самым, как если бы черным рисовать по черному.

— Считать умеешь?—спросил Сергей.

Лицо мальчика оживилось.

— Умею! Много умею.

— У кошки сколько ног?

— Две слева, две справа. Четыре. И у Рэка четыре.—Гордясь своими математическими знаниями, Олег с упоением стал перечислять количество ножек у мебели. Пересчитал чашки, стаканы, ложки.

Сергей решил озадачить его:

— Попробуй двенадцать чашек раздать поровну: папе, коту, Рэку и оставить себе. По скольку достанется каждому?

Мальчик не обратился к пальцам, как поступают в таких случаях первоклассники. Назвал ответ:

— По три чашки.—Его ум работал нормально, цепко.

Вошел Федор Иванович.

— Ага, сынок-то заблестел, как начищенный самовар!

Радость за сына вспыхнула и тут же погасла. Мальчик радовался принесенной сюда весточке о существовании

нии таких же незрячих, как он, об их жизни и, конечно, не мог сознавать того, что, потянувшись к ним, наносит смертельный удар отцу.

— Баснями гостей не накормишь.— Федор Иванович поставил на стол бутыль с янтарной жидкостью, миску со свежими огурцами, тарелку с сотовым медом, принес хлеб, колбасу, консервы, ложки, стаканы.— В нашей тайге гастронома нет. Питаляемся больше с огорода и поля. Плаваю в Сосновку, вон туда...— Журавлев показал на окно, в которое были видны остров и знакомая деревушка.— Мучное, консервы, сладкое, мясо, колбасу добываю оттуда.

Олег, приученный к соблюдению определенных домашних правил (одно из них — не мешать взрослым), встал и робко попросил:

— Я книгу возьму и эти...

Поляков схватил брайлевские предметы, подал мальчику:

— Возьми, возьми!.. Это теперь твое.

Олег прижал к груди журнал, металлическую доску, несколько чистых листов, как бесценное сокровище, и осторожно пошел в спальню. Вслед за ним потянулся кот.

— Двери в комнату и на кухню я специально снял, чтобы не стукался. И порожек вырубил. Запинался...— с печальной ласковостью глядя на сына, сказал Федор Иванович.— А ну, отведите нашего таежного некстара.— Он взял бутыль, наполнил стаканы. Пряно запахло цветами, травами.— За встречу, за доброе знакомство! Пожалуйста, Сергей Михайлович, Илья Максимович!

Сергей пригубил стакан. Язык ощущал кисло-сладкую влагу, приятную на вкус, не приторную, похожую на нежный фруктовый сок. Хозяин выпил свою порцию разом, как обычную воду, и закусил огурцом. Илья достал из чемодана ветчину, сыр, печеные, конфеты, принял угощать Журавлева. Тот в знак благодарности закивал головой. Оставшиеся три плитки шоколада Поляков понес Олегу. Мальчик сидел на полу у окна и старательно клепал точки. Рядом, растянувшись, спал кот.

— Возьми-ка, Олежка.

Мальчик прервал занятие.

— Что вы сказали?— не понял он.

— Вот, гостицы тебе.

Олег взял плитки, одну развернул, отломил кусочек, попробовал.

— Вкусно!.. Я ел. Папа привозил. Спасибо вам!

От выпитой медовухи у Сергея и Ильи покраснели лица. Бородатый хозяин оглядел стол и предложил:

— Пойдемте-ка на волю, там и продолжим обед. Вы ступайте вон туда, за амбар, увидите скамейку, расположайтесь. Я покормлю сына.

За подсобными постройками Поляков увидел ровные грядки, густо поросшие жирной ботвой. За ними кустился картофель. Широкая доска, укрепленная на двух толстых кедровых чурках, имитировала стол. По обе стороны стояли скамейки. Недалеко дымилась печурка.

— Вот здесь бы провести отпуск! — восторгался Поляков.

— Да, дышать тут есть чем!

— Воздуха хватает! — услышав Томилова, поддержал Федор Иванович.

Бутыль и закуска перекочевали на новое место — на промытую дождями, прокаленную морозом, пахнущую тайгой столешницу. Журавлев наполнил стаканы все тем жеnectаром. Томилов пить отказался, сославшись на жару. Неволить не стали.

— Вот так мы и существуем, — чуть захмелев, подвел итог хозяин. — Вы женаты, Сергей Михайлович? — спросил он помолчав, просто так, ожидая отрицательного ответа.

Тот ответил:

— Женат.

— Она инвалид тоже? — вырвалось у Журавлева. Он, видимо, полагал, если уж кто-то нашелся для слепого, так определенно калека.

— Почему? Вполне здоровая женщина. Работает врачом.

Федор Иванович часто заморгал.

— Это правда?

— Я свидетель! — вступил Илья. — Да какая еще женщина!

Журавлев подался вперед. Темная борода, иссеченная белесыми прожилками седины, нависла над столом веером.

— Это как, никакого порока? — требовал он ответа от Полякова.

— Кроме красоты — никакого!

Федор Иванович смотрел на него с недоверием. Помолчал, подумал, потом сказал:

— Может случиться, и Олег не останется один?

Томилов просто ответил:

— Если он выберется отсюда, научится читать, писать, приобретет профессию, то и он будет жить как все — и друзей заведет и семью тоже.

В спокойную, тихую заводь бросили камень. К страсти Журавлев мечтал с сыном поселиться в доме инвалидов и вместе с ним прокоротать остаток своей жизни. Но выходит, дорога туда заказана. Ему предлагают другую, обосబленную от Олега. Для самого-то ладно, для Олега — нет... Он налил себе и Полякову, у Томилова стакан стоял наполненным.

— Выпейте...

Томилов не дотронулся. У него кружилась голова от одного стакана.

— Не думал, что об Олеге кто-то станет заботиться. Я считал, кому он понадобится, незрячий? Кому нужны возня с ним, хлопоты? Что выпало на долю, пусть, думаю, тем и пользуется. — Федор Иванович надолго замолчал. Потом снова заговорил. Вспоминал о фронте, о том, в каких сражениях принимал участие, как был тяжело ранен. Но боль о сыне заставила снова вернуться к рассказу о нем.

Мальчишки — народ воинственный.

Однажды затеяли играть в войну. Да кто же захочет остаться побежденным! Спорили, спорили, кто кого, и придумали последнее испытание: чья сторона быстрее, ловче перепрыгнет через костер, тот и победил. Голопузых пацанов, вместе с ними и Олега, от соревнований отстранили. Мальчики прыгали через костер. Мелкота стояла поодаль, наблюдая за подвигами старших. И вдруг от этой стайки отделился Олег. Подражая смельчакам, он побежал прямо к костру. Никто из ребят не успел его удержать — растерялись, видно. У костра Олег споткнулся, упал, левым виском ударился о бревешко, попытался подняться, упал снова правой щекой на раскаленные угли...

— Ваше горе, Федор Иванович, велико. Но не накладывайте на себя клеймо неудачника и не лишайтесь общения с людьми, — произнес Томилов после долгого гнетущего молчания. — Я сам немало перенес всяких

жалостей, унижений. А жена? Сколько ей наушничали: «Кто он? Калека». А мы с ней живем и не замечаем этих стонов. Некогда замечать!

Поляков подошел к Журавлеву, взял его крепкую, большую ладонь и горячо пожал:

— Вы... Вы... В общем, здорово!

Журавлев поднялся, подошел к Томилову и Полякову, положил на их плечи руки.

— Потом о школе поговорим яснее. Что-нибудь на-думаем...

Томилов сейчас думал не только об Олеге.

— Вы вдвоем приезжайте к нам. Работу для вас подберем. И Олегу с вами будет веселее.

Вернувшись в дом, они застали мальчика за чтением. Он щупал точки и сочинял свое. Более двух часов он просидел, не отрываясь от занятия. Листы бумаги, усеянные точками, лежали рядом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Мамочка! Голубя можно выпускать!

Светлана смотрела на мать такими счастливыми глазами, что Аня не удержалась, чтобы не приласкать дочь.

— Врач ты мой, врач! — Она обняла дочь, поцеловала. Светлана помогла снять ей плащ, повесила его на место и потянула мать в свою комнату.

Месяц назад Светлана подобрала голубенка, вывалившегося из гнезда на асфальт. Осмотрела его. Требовалось лечение, и голубенок был госпитализирован в доме Томиловых. Светлана сама обработала рану, наложила гипсовую повязку на крыло. Недавно она сняла ее, и голубь, ставший уже большим, с удовольствием взмахнул крыльями, совершив самостоятельный перелет с домашнего «операционного стола» на подоконник.

Каких только зверят не перебывало на обыкновенном журнальном столике, превращенном Светланой в больничный уголок. Медицинскую помощь получали все, кто в ней нуждался. Была и старая собака. Лечились кошки, воробы, зимою — полузамерзшие синички. Список длинный, и в тетради велись аккуратные записи: «Ворона. Сломана ножка. Ребята подбили из рогатки. Поймала в нашем садике. Вылечена и отпущена обратно в садик». И так на каждого пациента. Были и такие

записи: «Кошка упала из окна, разбила носик и задние лапки. Лечение не помогло. Умерла...»

Голубь сидел в клетке и требовал воли: совал головку между прутиками, бил крыльшками. Аня взяла его, осмотрела.

— Можно выпускать,— разрешила она.— Пойдем вместе.

Светлана прижала птицу к груди, погладила по шелковистым перьям.

— Ты молодчик у меня! Быстро поправился. Сейчас мы тебя отправим к твоим родственникам.

Аня заглянула еще в одну клетку, где сидел щенок с большой лапой. Пес был породистый. Знакомый мальчик, хозяин щенка, со слезами попросил спасти его любимца. Сведения о щенке в тот же день попали в журнал, и на «операционном» столе, с помощью матери, Светлана сделала ему все необходимое.

— Не скучит?— поинтересовалась Аня.

— Нет, мамочка, не жалуется.

— Значит, не больно. Пока корми из соски. Бегать не разрешай.

Аня давала указания серьезно, деловито, как у себя в больнице.

У подъезда в ожидании угощения разгуливало несколько пар голубей. Светлана пустила своего питомца. Он вспорхнул, сел, снова взлетел. И, как бы убедившись в исправности крыльев, перелетел к стайке. Голуби встретили чужака агрессивно, некоторые устрашающе распустили крылья. Голубь Светланы остановился поодаль. Один из храбрецов, одаренный удивительной расцветкой, наскочил на незнакомца, но тут же вынужден был смирить свой нрав. Чужак, выкормленный на «больничных» харчах, оказался недюжинным бойцом, сразу дал понять, что он и с каким уважением должны к нему относиться. Драка не состоялась. Чужака приняли с почестями.

— Добрый вечер!

Костя потный, тяжело дышит.

— Ты что такой запаленный?— спросила мать сына. Он в спортивных брюках, в белой рубашке с короткими рукавами, в босоножках.

— Наступаем,— шепнул он.— Твой, Света?— указал Костя на голубя.

— Мой,— важно ответила девочка.

— И летает?

— И летает.

Костя срывается с места, исчезает.

— Лишь война на уме,— по-взрослому критикует Светлана брата и философски обобщает:— Надо стараться лечить всех.

Светлана кормила голубей, когда Костя вернулся домой.

— Мама дома?— спросил он, стараясь проскользнуть в комнату.

— Дома.— Света подняла темноволосую голову и застыла в изумлении.— Костя... у тебя под глазом синяк и опухло...

Вздохи сестры только начало. Ему еще предстояло отчитываться перед родителями.

— А папа?

— И папа дома!.. Ждет тебя.— Светлана бросила остатки крошек птицам и участливо предложила:— Пойдем, несчастненький братик, примочку сделаю, опухоль пройдет.

— Без доктора обойдусь,— защищался Костя.

Светлана поплелась за ним, это не входило в его расчеты. Свидетелей при подобных объяснениях лучше не иметь. И просить отстать ее — не хотелось, завоображает.

Мать и отец сидели в гостиной. Костя вошел решительно и так же решительно начал:

— Мама и папа, я подрался. Получил по глазу. Во-о...— Он указал пальцем, точно они могли не заметить.

У Ани вытянулось лицо.

— Сын, да как же это?— возмутилась и одновременно пожалела она.

— Подрался?— это уже удивился и возмутился отец.— Рассказывай...

Аня освободила кресло, в котором сидела, перешла на диван к дочери.

— Садись и рассказывай.

Сын и отец оказались друг против друга. Их разделял маленький низенький столик, тот самый столик, за которым когда-то давно-давно Костя признавался в поломке самоходного танка, а отец утверждал незыблное

правило не лгать, не быть трусом. Костя не забыл тот разговор и вот теперь держит ответ — честный и смелый.

— Я за тебя Ваську два раза стукнул...

— Ого! Слышишь, мать, у меня есть телохранитель. Какая же опасность мне грозила?

— Я никому не позволю насмехаться над тобой! Пусть сам получу сдачи, и вы меня накажете еще к тому же... Я виноват перед вами за свой нехороший поступок. А перед ним — никакой! Еще добавлю! — разгоряченно закончил он.

— Да в чем дело-то, в чем?

— Мы там играли в войну... Ну, я встретил Ваську, а он мне анекдот про внука и слепого деда рассказал... Плохой анекдот... И еще сказал, что ты тоже слепой и над тобой можно подшутить. Вот я и врезал ему по морде!..

— По какой морде, что ты говоришь? Что за слова такие? — не выдержала Аня.

Костя не смотрел на мать.

Сын взрослеет. У него свои убеждения, которые он защищает.

— Спасибо, Костя, за честное признание. — Сергей, как лодочник на речном перекате, старающийся не налететь на камни, выискивал более или менее точные слова. — Спасибо за то, что защитил меня. Но прибегать к драке не только не обязательно, но и низко. Понимаешь, Костя, это скорее смахивает на мелкое хулиганство, говорит о твоей невыдержанности. Такие вопросы не решают при помощи кулаков. Умный ничего подобного не позволит, а дуракам закон не писан.

Костя высказал свое мнение:

— Если дураку прощать, кое-кто из умных примкнет к ним. — Он посмотрел прямо в глаза отцу. — Из дураков надо выбивать дурь. По-другому они не поймут.

— И все равно драться стыдно, — вмешалась Светлана.

Костя пренебрежительно взглянул на нее:

— Не вмешивайся! Мала!

Светлана обиженно крикнула в ответ:

— Ну и что же! Я тоже член нашей семьи и имею право...

Аня отвела глаза, повеселевшие не по обстановке.

— Я поддерживаю Светлану! Драться, Костя, нехорошо.

Телефонный звонок прервал беседу. Аня взяла трубку. Спрашивали Сергея. Он слушал и менялся в лице. Аня видела, как затеплились его глаза, щеки порозовели, губы заулыбались.

— Хорошо! Завтра с утра ко мне. Сегодня устройте получше.

Положив трубку, он сообщил:

— Приехали Журавлевы — отец и сын. Если бы вы знали, что это за люди!

Карие глазенки Светланы засверкали любопытством.

— Расскажи, папа!

Сестру поддержал и Костя.

— Вы слушайте, а я приготовлю ужин.— И, чтобы они ее уход не приняли за равнодушие, Аня добавила:— Мне папа рассказал.

И Сергей поведал Косте и Светлане то, о чем говорил тогда Федор Иванович: о защите сопки, ранении, возвращении домой, поездке в Сибирь. О том, как умерла его жена, о жизни в тылу, о том, как добывали картошку, каким редкостным и дорогим лакомством она была, как ценили и берегли каждую крошку хлеба. Потом о жизни маленького Олега, его счастливом детстве, игре ребятишек у костра, о слепоте.

— Потом,— продолжал Сергей,— Журавлевы переехали на пасеку. Олегу сейчас столько же лет, сколько и Косте, а он не умеет ни читать, ни писать. Наша школа должна научить его всему.

— Ты мне покажи того мальчика,— тоненько, голосом, похожим на материн, пропела Светлана.— Я хочу его видеть. И буду помогать ему.

— Ужинать!— послышалась команда из кухни.

Ужин давно поспел. Аня ждала конца беседы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Много разного передумал Федор Иванович после отъезда слепого директора. Обрывки мыслей, как костяшки домино, перепутанные игроками, никак не выстраивались в последовательную логическую линию. Отправить Олега — значит потерять сына. Он уплывет от него далеко, на другой берег, в другие края. Федор Иванович останется один, потеряет последнюю радость. По-

ехать с ним? Что там его ждет? Вдруг не сможет прижиться? Вернуться сюда будет нельзя, место займет. Остаться здесь вдвоем? Нет, это невозможно теперь, после всего рассказанного директором школы. Он, отец, не имеет права калечить жизнь Олегу. И Федор Иванович, прислушавшись к этому внутреннему голосу, наконец вынес решение: «Поедем вдвоем. Отвезу, там будет видно».

Неприспособленного к дальней ходьбе Олега Федору Ивановичу пришлось спускать к реке на своих плечах. В лодке мальчик сидел ко всему безучастный. Все, что его окружало — вода, берега, горы, небо, — было недоступно его воображению. То, что он видел когда-то малышом, прступало лишь слабым, бледным, плохо пропечатанным снимком. Детская память не удержала увиденное когда-то. Иногда вдруг что-то возникало, брезжило, но тут же исчезало, чтобы, быть может, не возникнуть никогда.

Немало труда пришлось приложить Федору Ивановичу, пока они добрались до школы. Олег пугался городского шума, людских голосов. В автобус, в вагон поезда его приходилось вносить и выносить. Олег никак не мог понять, что такое ступеньки. В вагоне он как лег на нижнюю полку, так пролежал до конца пути, боясь даже шевельнуть ногой или рукой. Ему казалось — сядь или встань он на ноги, погромыхивающий, дергающийся дом провалится, перевернется.

До проходной Журавлевы добрались окончательно вымотавшимися. Двое суток дороги с пересадками с одного транспорта на другой, короткий, настороженный сон, тяжелый чемодан, Олег вконец обессилили Федора Ивановича. Пока дежурный докладывал по телефону о прибытии нового ученика, пока получал разъяснение, он задремал, сидя на стуле.

Пришла Ильина.

— Где тут товарищ Журавлев? — спросила она.

Федор Иванович вскочил, оглядел светловолосую женщину, потом отозвался:

— Я Журавлев. Я слепого мальчика привез в школу. Директор велел.

— Знаю, Федор Иванович. Здравствуйте! — Ильина протянула руку. — Очень рада встрече с вами! Наш директор, Сергей Михайлович, передал вам привет. Сегодня уже поздно. Завтра прямо с утра придете к нему. Он

будет ждать.—Она открыла дверь, придержала ее.—Пойдемте со мной.

Светловолосая женщина легкой походкой шла по асфальтированной дорожке к высокому дому. Олег, ухватившись за рукав отца, брел чуть позади, боком, как буксируемая баржа, высоко поднимая ноги. Вошли в подъезд. Женщина начала подниматься по лестнице. Олег запнулся за первую же ступеньку, ничего не понял.

— Это что, папа?

— Лестница, сынок, нам надо на второй этаж,—пояснил Федор Иванович.

— Какой второй этаж?

— Внизу один дом, на нем еще и еще.

Мальчик встал на четвереньки и, перебирая руками и ногами, пополз вверх.

— Он что, не представляет этажей?—спросила Надежда Васильевна, остановившись на полпути.

— Где там! Жили в тайге...

Кто-то боднул Ильину в ногу. Она пошарила: волосы, голова.

— Это ты, мальчик?

— Я,—не поднимаясь, ответил Олег.

— Что ты там ишешь?

— Не знаю.

Федор Иванович внес ясность:

— Он никогда не поднимался по лестнице. Боится. Поэтому и карабкается на всех четырех.

Надежда Васильевна подняла Олега.

— Надо идти ногами.

— Боюсь! Держи, папа, упаду!—Олег дрожал как в ознобе.

— Дай руку.—Надежда Васильевна нашла вялую мягкую ладонь, положила ее на перила.—Держись и стоя перешагивай со ступеньки на ступеньку.

Олег вцепился в перекладину и застыл.

— Он не поднимется...—Не зная, как поступить дальше, Федор Иванович прикинул, не затащить ли его на руках.

Ильина велела Олегу опустить одну руку, вторую передвинуть выше.

— Неплохо! Теперь поднимай правую ногу, выше, выше. Правильно! Теперь снова передвинь руку. Не бойся, я держу тебя. Хорошо... Теперь поднимай левую

ногу, ставь к правой. Точно! Теперь опять давай правую... Ну, ну, выше! Шарь ногой — там ступенька. Опять хорошо!

И так, ступенька за ступенькой, добрались до второго этажа. А Олегу казалось, что он залез куда-то так высоко, что отсюда на землю больше никогда не спуститься. У Журавлева мимолетно мелькнула мысль — не напрасно ли они приехали сюда? Муки-то какие мальчишке. Изведется на нет. Побелел, бедняжка. Лицо что стена... Он поддерживал сына за локоть, пока хозяйка открывала квартиру.

— Ничего, сынок, не бойся... Здесь пол крепкий, ровный, никуда не упадешь.

— Проходите, — пригласила женщина, распахивая дверь. — Вы будете ночевать вон в той комнате. — Она показала туда, где жила когда-то Трошина. — Завтра определимся как следует.

Проснувшись утром, Федор Иванович не сразу пришел в себя и понял, где они. Беспробудный, глубокий сон стер некоторые вчерашние впечатления, и для их восстановления ему пришлось мысленно проследовать по пути от железнодорожного вокзала до проходной школы. «Зря я не затащил по лестницам Олега на себе. Той светловолосой женщине, наверное, смешно. Затащить бы затащил, а потом как, без меня? Потом кто станет таскать? — И самодовольно хмыкнул: — А забрался все-таки! С трудом, а забрался... Умеет та женщина обращаться с ними... Научится сын кое-чему, будет жить на пасеке, пусть мастерит мебель, читает свои книги, пишет. Книги буду менять. Ничего, что далеко, была бы польза». По телу разливается утешительное, благостное тепло. Наконец колебания рассеялись: «Пусть поучится...»

Олег спал на другой кровати.

— Вставай, сынок! Скоро нам к директору.

Олег разомкнул веки.

— Мы где? — сонно спросил мальчик.

— Мы на новом месте, в школе. У тети, помнишь, которая нас вела?

Олег вспомнил и сел.

— Мы не там... — Олег затруднялся выразить то,

что его зазвоновало.— Ну, куда лезли?— Он побледнел — вчерашний испуг повторился.

— Не бойся. Здесь хорошо.— Федор Иванович погладил его по стриженою головке.

— Домой поедем, папа,— нахохлился Олег.— У нас лучше.

— Поучись немного, и я приеду за тобой.— И Федор Иванович нравоучительно закончил:— Дети все должны учиться.

В дверь постучали. Журавлев открыл — вчерашняя женщина.

— Доброе утро! Как отдыхали?

У Федора Ивановича онемел язык. Глаза женщины были затянуты бельмами. Он, запинаясь, спросил:

— Вы... вы не видите совсем?

— Я не вижу нисколько,— без малейшего сострадания к себе сказала Надежда Васильевна.— У нас многие из служащих такие. А ученики все.

— Но вы вчера вели нас...— Федор Иванович подумал, не ошибся ли он. Нет, она.

Ильина улыбнулась:

— Удивлены, Федор Иванович? Приготовьтесь к еще большему удивлению. Ваш сын после школы будет ориентироваться не хуже.

Журавлев нахмурился, будто над ним подсмеивались.

— Что вы! Ему бы самому одеваться да кое-что по работе, и то было бы достаточно. Куда там, ходить, как вы ходите. Прямо как зрячая!

— Переубеждать не стану, сами увидите. Мы вам покажем наших учеников.— И Надежда Васильевна напомнила:— После завтрака не забудьте к Сергею Михайловичу.

— Я быстро одену, умою Олега.

— Не надо, Федор Иванович! Это мы начнем делать сами. Он уже наш.

В коридоре послышались шаги. Вошел мужчина в черных очках, с тростью. Пожимая руку Журавлеву, он представился:

— Кулачков, Даниил Прокопьевич, инструктор по ориентированию. Ваш сын будет обучаться в моей группе.

По какому-то шороху или движению Олега он определил, где мальчик, обернулся к нему.

— Тебя как зовут?

— Олег,— отозвался тот.

Кулачков подошел к нему.

— А меня зови Даниил Прокопьевич.

Олег повторил медленно, с расстановкой, словно запоминая каждый звук:

— Да-ни-ил Про-ко-пьевич...

— Правильно, Олег.— Кулачков отошел к столу.— Давай-ка начнем заниматься.— Он обратился к Журавлеву:— Олег знает, где лежит его одежда?

— Она в чемодане... Чистая там. А эта — дорожная.— Федор Иванович схватил чемодан, достал белую новую рубашку, куртку, башмаки. Все он купил по пути, в областном городе. Там, на пасеке, в лесу сходила одежонка попроще.— Все новое,— подчеркнул он.

От Кулачкова последовала первая команда:

— Вставай. Пойдем умываться.

— Папа, ты где? Возьми меня. Мы сейчас, Даниил Прокопьевич.

Кулачков отметил: память у мальчика отличная. Большинство запоминают его имя и отчество не сразу, часто путают.

— При чем тут папа?— усовестил ученика преподаватель.— Надо привыкать все делать самому. Встань на ноги.

— Встал...

— Теперь иди на мой голос.— Кулачков отошел от двери. Шаг... Еще шаг...

— Подними правую руку, пощупай, что там?

— Стена,— пролетел малчик.

— Молодец. Шагай дальше.

— Здесь нет ничего,— удивился Олег.

— Это выход в коридор. Шагай, шагай...— Кулачков командовал уже из глубины коридора.— Иди...— Он слышал: Олег шел, шаркали ноги.

— Дерево!— более уверенно определил Олег.

— Запомни: дверь в туалет,— уточнил Даниил Прокопьевич.— Еще шагай.

— Стена... Опять дверь...

Нашлись и краны, ванна, но растолковать их назначение — для чего они и как ими пользоваться, стоило немалых усилий. Незрячий человек, никогда не видавший подобного сооружения, не имеющий ни малейшего представления о нем, не в состоянии сразу осознать, за-

чем надо крутить краны, откуда в трубах появляется вода.

Вернулись в комнату.

— Я его сейчас одену,— Федор Иванович схватил брюки.

— Не надо!— остановил Даниил Прокопьевич.— Найди стул, Олег.

Мальчик постоял, подождал, не поможет ли отец. Нет, не помогает. И, недовольный навязчивостью преподавателя, стал пассивно водить вокруг себя руками. Привыкший к постоянной помощи, он не умел проявлять инициативу. Жалея его, ему невольно связывали руки, делали пассивным, поэтому мальчик рос вялым, флегматичным, нерасторопным.

— Что-то нашел!— наткнувшись на спинку стула, сказал Олег.

— Начнем одеваться. И без папы.

Журавлев смотрел на сына. Ему казалось, что на него навалилось непосильное тяжкое бремя. Хотелось броситься на помощь. Вот-вот мальчик не выдержит, расплачется... Пока Олег разбирался, где у рубашки воротник, какой стороной надеть брюки, где рукава у куртки, а инструктор настойчиво заставлял все делать самому, он вспотел, раскраснелся. «Выдержит ли мумки? Настоящая пытка! Не плонуть ли на их школу и не освободить ли мальчика от истязаний?» — снова засомневался Федор Иванович. Когда Олег оделся, причесался, Журавлев залюбовался им. Во всем новом, ладном, сын выглядел выше, симпатичнее, старше.

— Ну как?— войдя в комнату, спросила Надежда Васильевна.

— Порядок!— доложил Даниил Прокопьевич.— Мы готовы к завтраку.

Столовую от квартиры Олега отделяла космическая даль. Спуск со второго этажа и подъем на восемь ступенек в столовую...

Кулачков спросил ученика:

— Ты тростью пользоваться умеешь?

— Какой тростью?

Кулачков подал.

— Вот такой палкой.

Олег ощупал ее от начала до конца.

— А чем здесь пользоваться?

Преподавателю снова пришлось все объяснять. Олег,

тыча концом трости впереди себя, засеменил за нею. Она будто двигалась сама и тянула его. Федор Иванович даже ахнул.

— А я и не представлял, что значит эта палка!

На лестничной клетке Даниил Прокопьевич Кулачков показал, как надо искать тростью ступеньки и не спеша, осторожно спускаться. Сам, стоя спиной к спуску, подстраховывал мальчика и терпеливо руководил. Перед первой ступенькой Олег хотел сесть и, сидя, ощупывая руками ступеньки, спускаться. Но отец предупредил:

— Ты спускайся, сынок, как дома. Там низенькая лесенка, на ней всего две ступеньки, а здесь много.

Трость Олега упиралась в препятствие. Он опускал ногу и, уверившись в прочности, подставлял к ней вторую. Ниже ступеньки, еще ниже. На лице Олега и страх и радость. Мальчик преодолел трусость и обретал уверенность.

Эту же лестницу осваивали, подчиняли себе многие учащиеся, и первооткрывателями были Трошина и Колчин.

Разные способы подхода к овладению незримыми маяками у таких, как Трошина и Олег. У первой — осязаемое, слуховое ассоциируется с сохранившимся представлением об окружающем здимом мире. Олег вынужден расширять свое познание в мировосприятии совсем иначе. Он, ощупывая детали предмета, соединяет в своем воображении в единое целое с условным назвлением цвета — зеленый, красный, желтый. Олегу придется пополнять свой скучный багаж знаний об окружающем его мире куда труднее, чем Трошиной. У той главная беда — депрессия, безволие. У Олега — пустая память и слепая душа.

До столовой Кулачков вел Олега под руку. Освоение этого маршрута — занятие будущих дней. Сегодня надо показать новому ученику, чему выучит его школа. Восемь ступенек в столовую пришлось преодолевать с помощью трости. И Олег поднялся смелее, чем только что спускался в подъезде дома.

Журавлевых встретила преподавательница по домоводству Ирина Борисовна. Федор Иванович присмотрелся к ее глазам. Ирина Борисовна за шесть лет работы в школе привыкла к пониманию всякого рода немых вопросов. И этот не первый.

— Я — зрячая, Федор Иванович. Будем завтракать.

— Извините, я вчера ошибся...

— Ничего,— Ирина Борисовна говорила мягко, приветливо.— Принесли хлеб,— сказала она Олегу.

Федор Иванович протянул руку:

— Я ему подам...

Вновь вежливое обращение Ирины Борисовны:

— Федор Иванович, вам придется отвыкать от обслуживания сына. Вы возьмите себе, он возьмет себе.— Она подняла тарелку.— Слушай, Олег...— поставила.— Слыхал? Теперь протяни сюда руку. Смелее!..

Олег робко потянулся к тарелке. Коснувшись пальцем чего-то твердого, проверил тщательнее. Такая посудина есть и у них дома.

— Бери, бери ложку.

Олег взял. Подали котлеты. С ними мальчик умел расправляться. Он схватил их руками. Ирина Борисовна предупредила:

— Котлеты надо брать вилкой.

В их доме вилки были, но он никогда ими не пользовался. Долго не думая, Олег схватил котлету, наживил ее на вилку и поднес ко рту. Ирина Борисовна осторожно остановила его:

— Не так надо. Давай-ка научимся есть правильно, красиво.— И показала.

Позавтракав, Олег взял трость. Он старался все время не расставаться с нею. Она ему понравилась.

— Папа, а папа, купи мне такую палочку,— прошептал он.

Кулачков расслышал шепот и ответил за отца:

— Зачем покупать? Эта трость твоя, личная. Тебе дарит школа.

Мальчик вспыхнул, щеки покрылись густым румянцем.

— Моя?..— не веря переспросил Олег, ласково ощущая овал ручки.

— Твоя, Олежек, твоя, раз сам товарищ учитель говорит,— ответил Федор Иванович за Кулачкова.

— Спасибо,— сказал мальчик. Сказал с той благодарностью, точно ему подарили не палку с загнутым концом, а легковую машину.

Томилов встретил Журавлевых как дорогих гостей, обнял мальчика, потом Федора Ивановича.

— Скоро ты, Олежка, станешь гордостью папы!

Журавлев не удержался, чтобы не высказать сразу произведенного на него школой впечатления:

— Представьте, Сергей Михайлович, Олег-то сегодня сам оделся, умылся, по лестницам ходил! А я-то считал — его носить надо. Чудо какое-то!

«Замечательно!» — обрадовался директор. Задуманный план удался, в чем-то убедил ранее скептически настроенного отца. Вначале Сергей сомневался, привезет ли он мальчика вообще. А привезет — может увезти и обратно. Не понравится, и все тут! Такое в истории школы случалось. Практика подсказала — надо недоверчивым сопровождающим родственникам с первого же часа их пребывания в школе показывать, какое влияние оказывает она на изменение поведения ее подопечных, чтобы вызвать веру в избавление от беспомощности слепого.

— Никакого чуда не произошло, дорогой Федор Иванович, — отозвался Томилов. — Ваш сын начинает учиться тому, чего жаждет человеческая натура. Он получает то, что недодано ему. Олег попал в школу возрождения к жизни и восстановления трудоспособности. Он станет обыкновенным человеком.

— Научится работать! — воскликнул Журавлев, начиная верить всерьез словам директора, которые были сказаны на пасеке.

Томилов без малейшей тени сомнения заверил:

— Научится всему, что необходимо нам, незрячим! Садитесь, Федор Иванович, Олег. Садитесь. Как доехали? Трудновато, наверное, пришлось.

Журавлевы сели. Федор Иванович поведал о нелегкой дороге. Томилов полуушутя вставил:

— Обратно он вас повезет.

Журавлев принял шутку. Если Олег выучится всему, что он видел сегодня, будет вполне достаточно, будет большой радостью.

Зашел Поляков, расцеловался с Журавлевыми.

— Мы ждали вас!

Федор Иванович засмущался.

— Опоздал малость... Прособирался. Подмену дожидались.

— У нас не думаете остаться? — спросил Томилов. — Работа есть по специальности.

Журавлев замахал руками:

— Что вы! Что вы! Кто обходит нашу пасеку, как я?
Прилип! Вечером поеду.

— Никуда сегодня не поедете! — нарочитым начальственным тоном заявил директор. — Здесь мы хозяева. До обеда обойдете школу, ознакомитесь, после обеда отдохнете, к ужину — ко мне. Обязаны сделать ответный визит.

— А завтра ко мне, — добавил к расписанию Томилова Поляков. — Так не отпустим.

— А послезавтра, — вносил очередной пункт в распорядок Журавлева Томилов, — мы вас отвезем на машине в областной город на вокзал и посадим в вагон поезда.

Неожиданное гостеприимство растрогало Федора Ивановича.

— Как поступить, и впрямь не знаю...

Поляков показал Журавлеву клуб, в учебном корпуче классы, территорию с ее условной азбукой для незрячих, и под конец — коронный номер:

— А теперь посмотрим наши мастерские, где незрячие овладевают трудовыми навыками.

Умышленно он вначале ввел гостя в отделение металлообработки. Несколько учащихся стояло за прессами, следя на ощупь за работой механизмов. Неподалеку группка учащихся на специальном приспособлении счищала с концов проводников ниточную оплетку, резиновую оболочку. Оголенные кончики свертывали в кольца, передавали другим ученикам. Те продергивали в кольца винтики и вкручивали их в резьбу металлических штырей. Следующие учащиеся вкладывали штыри в половинки карболитовой заготовки, накрывали такой же заготовкой и посередине скрепляли их винтом. Получалась штепсельная электрическая вилка с проводом.

— И все они незрячие? — усомнился Журавлев.

— Одни незрячие, — уверил Илья Максимович.

— И Олега будут учить этому?.. — неуверенно спросил Федор Иванович.

И тут твердое обещание:

— Обязательно! Иначе нельзя. Программа для всех одинакова.

Доски, бруски, стружки, смолистый лесной запах отделения деревообработки взбодрили Федора Ивановича. Его глаза загорелись. Он даже подался вперед, точно

попал в родную стихию, взял первопопавшуюся заготовку, и руки ощутили тепло дерева.

У верстаков стояли учащиеся: пилили, строгали. Одни мастерили рамки для картин, портретов, другие — табуретки, третьи — полочки. За последним верстаком пожилой мужчина заканчивал работу над ларцом, на ощупь защищая его поверхность. Федор Иванович попросил разрешения осмотреть изделие. «Все правильно. Досточка к досточеке. И крышка ложится ровно. Не мешало бы побольше изящества, легкости форм... Округлить бы углы... Склейте поаккуратнее — в соединениях кое-где темнеет выступивший клей».

— Илья Максимович,— обратился Федор Иванович к старшему мастеру.— У вас тут целый завод! Много денег зашибаете?

— Зарплаты, что ли? — не понял Поляков.

— Зачем зарплаты. От торговли,— Журавлев обвел взглядом цех, где жужжали пилы, скреблись ножовки, струились опилки, посвистывали рубанки, тюкали молотки, шуршала наждачная бумага.

Поляков вскинул брови.

— Ах вы вот о чем! — Ему припомнились и собственные коммерческие расчеты.— Мы ничего не продаем, Федор Иванович.

Губы Журавлева дрогнули, шрам побагровел.

— Что, на ветер? — рассердился он.— Такую технику впустую гоняете! Да вашу продукцию продать — можно озолотиться!

Они отошли от визжащей циркулярной пилы. Поляков признался:

— Я когда-то смотрел на мастерские теми же глазами, что и вы. Считал — оборудование не должно работать вхолостую, продукцию необходимо сбывать, получать деньги. И поверьте, Федор Иванович, даже сбежал на завод. Потом до меня дошло, что здешние станки производят больше, чем обыкновенную продукцию, деньги. Они пробуждают в слепом человеке умение и желание трудиться.— Он кивнул на учащихся.— Их точно с больничных коек поднимаем... Вот так-то... Уходил, да вернулся. Здесь интереснее, чем на заводе. Считайте, выпускаем продукцию живую.

Но краснодеревщик Журавлев остался глух ко всем доводам Ильи Максимовича. Пропадала энергия людей

и машин, пропадала производственная площадь, расточалось по напрасну высокосортное сырье.

— Какие капиталы гибнут!.. — пожалел он.

— Зато какие капиталы воссоздаются! — Старший мастер показал на людей и добавил: — Сергей Михайлович хотел вас назначить сюда мастером.

— Сюда?.. — удивился Журавлев. — Я — мастер по дереву.

Поляков пожал плечами. Этого, очевидно, переманить не удастся.

Журавлев перебил раздумья старшего мастера:

— Вообще-то здорово придумано — незрячие трудятся!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Начальник строительного комбината, Егор Яковлевич, ожидал Улагашева. На его письменном столе среди различных документов, подлежащих изучению, согласованию, лежало распоряжение из министерства — дать объяснение по поводу затянувшегося проектирования теплотрассы для города Дальнего. Про себя он клял Улагашева за то, что трест впутался не в свое дело, втянул в него и комбинат. Прежде чем браться за изложение своей точки зрения, Егор Яковлевич побывал у председателя исполкома города Дальнего и выяснил его личную позицию. Председатель не поддержал мнения горкома партии, который был за строительство теплотрассы. Секретарь горкома Гузенко переоценивал возможности коммунального хозяйства. Проложить трассу до города — еще допустимо. А дальше, по городу? У коммунхоза нет ни средств, ни материалов. Но у исполкома были такие оппоненты, как совет ветеранов труда под предводительством Тихова Ивана Ивановича. Ветераны пошли по организациям и предприятиям собирать средства и материалы. Деньги не давали, а материалами помочь обещали. Комсомол с присущим ему молодым энтузиазмом брал на себя обязательство вырыть траншеи. Детские забавы! Пыл пройдет, трассу бросят, а горисполком с комбинатом отвечай за скоропалительное решение. И все-таки у Егора Яковлевича единомышленник авторитетный, как-никак — исполком. Заставить бы отказаться еще и самого автора этой заварухи —

управляющего трестом, тогда бы можно доложить: «Вопрос решен на месте» — и все.

А вот как убедить этого невысокого роста, в черном костюме, белой рубашке, ярком галстуке, смуглого, черноглазого, быстрого в движениях, резковатого в спорах человека. Егор Яковлевич вышел ему навстречу, пожал сухую, жилистую руку и провел к столу.

— Садись, Николай Сафонович... С планом по жилью не отстаешь?

Слова общие, шелуха. Зернышко не в плане. Начальник комбината сводку знает наизусть. А когда начинается разговор с пустяка, значит, предстоит нелегкая беседа.

— Численность недоукомплектовал?

Опять не то. И это известно ему. Его голубые глазаискрились весельем, но в глубине темных зрачков застыло настороженное беспокойство. Он взял письмо из министерства и, будто злясь на сочинителя, сказал:

— Просят объяснения по строительству теплотрассы Дальнего.

Улагашев покосился на бумагу.

— И у меня подобное письмо было.

Начальник комбината вскинул голову, уперся в опрошающим взглядом в Улагашева.

— Почему «было»?

— Потому что я на него ответил.

— Без ведома комбината? — Взгляд начальника послорвал. — По-моему, субординация никем не отменена.

— Запрос адресован на мое имя. И я высказал свои соображения.

Начальник комбината с иронией процитировал предполагаемый текст объяснения:

— Задержать проектно-сметную документацию, внести в нее изменения и от трассы все-таки не отказываться.

— В основном угадал. Главная мысль именно такая! — Николай усмехнулся. — А объем написанного гораздо больше. Завтра отправлю.

Егор Яковлевич подскочил в кресле. Белое широкое лицо со вздернутым носом просияло.

— Ответ еще не отправлен? Тогда к тебе есть просьба: и не отправляй. Я дам заключение за комбинат и за трест.

— Я отвечу сам, — отклонил просьбу Улагашев.

— И будешь продолжать доказывать?

Николай не скрывал своих намерений:

— Отчаянно буду! И прошу у комбината поддержки.

От досады Егор Яковлевич поморщился, словно разжевал кислую ягоду.

— Уволь, Николай Сафонович! Никаких тебе благословений! Требую по-доброму — откажись от чудачеств. Брось заниматься чепухой. А на письмо ответь, что отвлекся от главного. Посчитали, разобрались — строить теплотрассу ни к чему. Извиняемся. Ну и дальше в таком же роде.— Полагая, что он убедил управляющего, предложил перемирие:— По рукам?

Николай выпрямился, точно готовясь к обороне.

— За то, что предлагаешь, руки не даю. Говорю откровенно, не увиливая — за трассу буду бороться!

— Напрасно. Пожалеешь!

— Не стану жалеть!— Глаза Улагашева построжели.— Попробую доказывать. Рассуди, Егор Яковлевич, от копоти города не видно, а люди дышат.

— Тебе-то какое дело? — нетерпеливо перебил начальник комбината.— Ты строитель, не санитарная инспекция. Тебе положено вовремя сдать объект государственной важности, а ты в лирику ударился, сентиментальностью заболел. Пусть о судьбе города думает тот, кому дано отвечать. А ты управляющий трестом. Не понимаю, к чему тебе городские заботы!

— Да к тому, что мы можем помочь этому городу! Мы, строители,— упорствовал Улагашев.— Кому-то надо исправлять непорядки. Дальний без горячей воды, а она рядом будет выбрасываться в реку. Нет, мы берем на себя ответственность и попросим изменить проект.

Егор Яковлевич встал, прошелся по кабинету.

— Никак не могу понять твое упрямство. Забот всюду по горло. У нас, строителей, своих дел невпроворот. Улагашев тоже поднялся.

— Но если наше вмешательство может оказать услугу городу, почему не помочь?

Начальник комбината остановился, слегка прищурившись и отрезал:

— Хватит демагогии! Подписывай, не задерживай документы, пока нас с тобой не взяли за шиворот.— И сухо, жестко досказал:— Это приказ управляющему трестом!

Смуглое лицо Улагашева покрылось багровыми пятнами, черные брови сомкнулись у переносицы.

— Как управляющий трестом я вынужден исполнить приказ. Но как коммунист я буду бороться!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Томилов, Журавлев-старший и Журавлев-младший вышли через проходную за территорию школы. Остановились.

— Подождем машину.— И, прислушавшись к знакомому грохоту, Сергей кивнул:— Видите, там отвал породы и копер?

— Прямо от нас с километр будет,— уточнил Федор Иванович.

— Точно.— И задумчиво поведал:— Моя шахта. Работал на ней. Там меня и ранило.

Федор Иванович вгляделся в даль повнимательнее, словно стараясь рассмотреть, где случилось то несчастье. Слово «ранен» вызвало в нем сопреживание. Вместо шахты перед глазами встала та далекая высотка, которую защищал с группой бойцов, та сопка, где получил он ранение. Федор Иванович смотрел, и ему представлялось, как Томилов тоже вел бой, защищал эту высотку и получил ранение. Ослеп. Он оглянулся на Сергея, сделал к нему шаг. Хотелось пожать руку совсем по-новому, как фронтовику, с которым вместе отставали ту высотку, но опомнился, тихо спросил:

— Тянет, наверное, туда?

Томилов пожал плечами, промолчал.

Подошла машина. Вышел Иван Иванович:

— Ждете?— И, здороваясь с Журавлевым, сказал:— По отчеству мы с тобой никак тезки, Федор Иванович? Я тоже Иванович. И дочери мои Ивановны. Значит, Иван Иванович. Твой сын?— разглядывая мальчишку, спросил Тихов.

— Мой Олег.

— Ну, давай, парень, садись в машину.

Его подвели к дверце. Федор Иванович велел нагнуться и влезать. Мальчик наклонился, протянул вперед руки и попятился.

— Какая-то дыра!

Поняв, в чем дело, Сергей велел ощупать машину снаружи.

— Это легковой автомобиль. Называется «Москвич». Это дверцы; здесь мотор, с его помощью машина идет.

Олег шарил по гладкой поверхности, с интересом прислушиваясь к тому, чего касались пальцы. Осмотрев автомобиль, он смелее полез в салон. Усевшись на мягкое сиденье, мальчик насторожился. А когда Иван Иванович включил скорость, съежился и закричал:

— Падаю! Уйдем! Боюсь!

Федор Иванович прижал его к себе.

— Не бойся, чудак! Мы поехали так же, как в вагоне и на автобусе.

Томилов с переднего сиденья протянул руку, нашел голову мальчика, погладил:

— Всему научишься. Только не пасуй. Жизнь-то, оказывается, штука сложная. Просто через нее не перебредешь.

В подъезде новая задача — подъем на третий этаж. Журавлев и Томилов занялись Олегом. Мальчик медленно поднимался по лестнице. Федор Иванович попытался помочь ему, но тот, орудуя тростью, потея от натуги, оставлял за собой ступеньку за ступенькой.

— Я сам, папа. Видишь?.. — хвалился он победой.

— Надо скорее, сынок. Сергей Михайлович нас ждет.

— Ничего. Торопиться некуда, пусть осваивается, — сказал Томилов.

Томилов достал ключ, быстро нашел замочную скважину и открыл дверь. «Как можно натренировать себя», — изумился Журавлев, не в силах представить сына в подобной ситуации.

В прихожей гостей встретила Аня. Она приветливо поздоровалась, пригласила в комнату.

Вышли дети.

— Здравствуйте! — по очереди поздоровались они. Девочка в маму — темноволосая, белолицая, карие глаза, прямой носик. Паренек похож на отца, только глаза не серые, а карие, как у матери, и что-то еще неуловимое в лице ее. В гостиной они познакомились с женой Ивана Ивановича Валентиной Алексеевной, накрывающей стол.

Когда стол был готов, Костя и Светлана потянули Олега в ванную.

— Пойдем мыть руки. Потом в нашу комнату, ужинать. А взрослые будут есть в большой комнате.

Федор Иванович склонился к уху Томилова и шепнул:

— Олег не умеет есть по правилам. Он, может быть, пока где-нибудь посидит.

Сергей тоже прошептал на ухо:

— Что вы, Федор Иванович! Костя и Светлана помогут. Среди детей ему будет спокойнее.

А Светлана уже опекала гостя. Она завела его в свою комнату, подала птицу с перебинтованной лапкой.

— Ворона! — определил Олег. Он многих птиц держал в руках.

— Нет. Это голубь, — поправила девочка. — Ворона не такая.

— Голубь? — переспросил Олег. — У нас так не называют. На пасеке есть совы, филины, синицы, воробыи. Кукушки есть.

— А это голубь, — повторила Светлана. — Голуби живут на чердаках домов. — Она подала щенка.

— Собака.

— Правильно! Собака, — подтвердила Светлана.

— У нас дома большой Рэк!

Костя через открытую дверь из прихожей показывал жестом и щелкал зубами: «Идите, есть хочу!» Девочка повела Олега снова в ванную.

— Я уже мыл руки.

— На шерсти животных есть микробы, поэтому перед едой надо мыть руки, — с важностью разъяснила Светлана.

За столом Олег нащупал тарелку и, чтобы узнать, что там, потянулся пальцами.

Светлана остановила:

— Вот тебе вилка. В тарелке жареная картошка с мясом.

Он зажал вилку в кулаке. Светлана тут как тут:

— Неправильно! Держи вот так. Теперь не торопись, подцепляй и подноси ко рту. Сиди прямее. Еще... Совсем прямее.

Костя восхищался сестрой и безропотной исполнительностью мальчика.

— Ты что-нибудь делать умеешь? — спросил он.

Олег подумал, что сказать, и вспомнил:

— Считать умею.

— В школе научился?

— У нас на пасеке школы нет. Есть в деревне, где я

родился. Далеко. Меня не примут. Писать и читать не научусь: я не вижу.

— Научишься по Брайлю,— подсказал Костя с видом осведомленного человека.— У нас папа читает и пишет. А таблицу умножения знаешь?

— Знаю,— подтвердил Олег.

— Шестью шесть сколько будет?

— Тридцать шесть!— без запинки ответил Олег.

— А к двумстам сорока восьми прибавить триста восемьдесят два, сколько?— не отступал Костя от экзаменируемого.

— Шестьсот тридцать.— Олег считал, будто щелкал орешки.

— А тридцать четыре умножить на двадцать восемь — тоже умеешь?— Тут Костя надеялся наверняка обезоружить безграмотного сверстника, хотя ответа не знал и сам. Считать надо было на бумаге.

Через несколько секунд последовал ответ. У Кости округлились глаза. Светлана прыснула: «Ага, нарвалася!..» Костя на всякий случай сбежал к себе в комнату, перемножил. Точно! Перемножил восемьдесят девять на шестьдесят пять и, вернувшись на кухню, задал новый пример с подготовленным ответом. Секунды... и опять ответ готов.

— Тебя кто учил? Папа?— спросил Костя, удивленный памятью и сообразительностью мальчишки.

— Не. К нам на пасеку приезжает дядя Максимов — медовушку пробовать. Он учит. Мы долго с ним сидим... Он помаленьку медовушку пьет и задает мне задачки.

Костя вошел в гостиную.

— Извините...

Аня спросила:

— Вам что-нибудь надо?

— Нет, мама, мы поели. Спасибо.— Костя подошел к отцу:— Папа, ты бы послушал, как Олег умеет быстро считать!

— Любопытно! Как же это?— заинтересовался Сергей.

— Сейчас!— убежал Костя и вернулся с Олегом.

Сверстники были разного роста и комплекции. Олег выше, Костя шире в плечах, мускулистее и полнее. Олег смуглее, но лицо безучастное, равнодушное. У Кости черты мягкие, лицо живое, подвижное.

— Задай ему, папа, что-нибудь посложнее. Пусть умножит двухзначные цифры,— попросил он.

— А ну-ка шестьдесят четыре умножь на тридцать два.

В лице Олега ни малейшего напряжения.

— Две тысячи сорок восемь,— назвал он цифру, будто она была припасена заранее.

— Молодец!— восхитился Сергей. Задал еще несколько задач. Олег решал их с той же быстротой.

— Это его научил наш начальник участка,— вмешался Федор Иванович.— С высшим образованием он. Любит математику. Приедет отдохнуть, а сам целый день напролет занимается с малым.

Появилась Светлана.

— Мама! Посуда помыта и убрана,— доложила она.— Теперь нам втроем разрешите сходить на улицу.

При упоминании об улице у Федора Ивановича защемило сердце. Разве ровня Олег этим развитым зрячим ребятишкам.

— Ему трудно спускаться. Высоко. Не привык ходить по лестницам,— удерживал он сына.

Иван Иванович пробасил:

— Пусть с ребятишками поиграет.

Сергей встал.

— Пойдемте. Я помогу Олегу спуститься.

Ни к кому не обращаясь, мальчик спросил:

— А где моя трость?

Журавлев пребывал словно во сне. У незрячего Томилова, оказывается, действительно красивая жена. Он тогда у себя дома не поверил Полякову. У незрячего Томилова такие чудесные дети. А какая квартира, обстановка, чистота. И этот незрячий человек пошел помочь такому же незрячему спускаться по ступенькам. Пошел свободно, уверенно.

После того как ослеп сын, Федор Иванович считал— для Олега все кончено. Калека обречен на вечное, безрадостное одиночество, на мучительное, жалкое существование во тьме. Оказывается, такие, как Олег, работают, имеют семьи, квартиры. Неужели хоть каплю из того, что имеет Томилов, может получить его сын? Всего каплю— и то вполне достаточно! Томилов зрение потерял позже, был уже образованный. А Олегу— лишь бы научиться самому ходить.

— Все в порядке!— войдя, объявил Сергей, прошел

к своему месту, сел.— Проворнее становится. Начинает ощущать пространство и ориентироваться в нем.

— Знаете, Сергей Михайлович, мне все не верится, что Олег сможет один ходить, что-то делать,— взволнованно заговорил Журавлев и уточнил:— Вот вижу сам — начинает сын постигать вашу науку, а все не верю. Неужели скоро и я буду радоваться, глядя на него?

Томилов знал всяких. Через их школу прошли разные люди.

— Как скоро Олег научиться ходить — зависит от личных качеств самого незрячего. Одни постигают наше обучение быстро, легко, другие медленно, осторожно. Ваш Олег по всем признакам имеет хорошие задатки на ориентировку.

По бородатому лицу Федора Ивановича пробежала радостная улыбка.

— Спасибо, Сергей Михайлович, за приятные слова! Спасибо за все!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Затрещал будильник. Надежда Васильевна вскочила, прижала кнопку, чтобы унять звонок. Приложила палец к стрелкам. Прямая линия — шесть утра. Начало рабочего дня — и так до вечера без отдыха. Сейчас занятие с Олегом. Он жил в ее квартире, в той же комнате, куда их с отцом поселили впервые. Она попросила директора не переводить мальчика в общежитие. Здесь ему будет лучше. И у нее будет больше времени на индивидуальные занятия с ним. После многих суждений по дальнейшему образованию Олега было решено: после окончания школы дирекция убедит отца оставить мальчика у них и попытается переманить сюда самого Федора Ивановича на постоянное местожительство. К следующему учебному году Надежда Васильевна и другие преподаватели подготовят Олега по программе двух-трех классов, а дальше обстоятельства подскажут.

До обеда Надежда Васильевна занята своей основной работой — она завуч. Во второй половине дня — совещания, заседания.

Сегодня первое партийное собрание только что созданной партийной организации при школе. До этого коммунисты находились на учете кто где. В основном,

по старому месту работы. Томилов и Ильина после ликвидации предприятия числились в партийной организации технического училища, расположенного вблизи от их школы.

Вечерами Надежда Васильевна участвует во всех проводимых мероприятиях клуба: лекциях, вечерах отдыха, беседах. После ужина снова занятия с Олегом.

Надежда Васильевна умылась, оделась, зашла к мальчику.

— Ты уже не спиши? — спросила она, услышав еще за дверью щелчки грифеля.

— Я давно встал, Надежда Васильевна! Урок выполняю.

Олег был на редкость усидчивым, трудолюбивым. Письму и чтению по точечному шрифту он научился за короткий срок. В особенности ему давалась математика. Исключительная память позволяла решать в уме довольно сложные задачи. Занимаясь с ним по арифметике, Поляков дивился его способностям. Олег решал задачи без всякой записи, тогда как преподавателю приходилось прибегать к карандашу.

Излишнее усердие мальчика несколько озадачило Надежду Васильевну.

— Ты бы, Олег, давал себе отдых. Много сидишь за учебниками.

Но Олег старался наверстать упущенное.

— Я ваше задание выполнил! — доложил он. — Написал сочинение про вас, Даниила Прокопьевича и Илью Максимовича.

Надежда Васильевна прочла его.

— Ошибочек еще хватает, — отметила учительница. — Будем разбирать правила.

Они сели рядом и начали занятия по русскому языку.

За час до завтрака зашел Поляков.

— Доброе утро, прилежные учительница и ученик! — сказал он. — Теперь моя очередь заниматься.

Надежда Васильевна и Олег встали, поздоровались.

— Пусть отдохнет, потом продолжите, — попросила Ильина.

— Я не устал, Надежда Васильевна! — Олегу не хотелось терять понапрасну время. — Правда, правда!..

— Ты в кино никогда не ходил? — спросил Поляков.

— А что там делают?

— Что? — переспросил Илья и обратился к Надежде Васильевне: — Пойдемте сегодня? Его возьмем, познакомим.

— Ну, если Олег ни разу там не был, тогда просто необходимо нам пойти в кино, — поддержала она.

После сделанного когда-то предложения стать его женой Илья ни малейшим намеком никогда не выказывал Надежде Васильевне своих чувств, хотя относился к ней по-прежнему. И она держалась так, будто того предложения и не было. Она, как и раньше, не отказывалась от совместных посещений клуба, поездок в областной город, в театры, в цирк, от вечерних прогулок в парке. Но в отношении Поляков улавливал какую-то настороженность. Олег вынудил их к частым встречам, и Илья был рад возможности прийти сюда лишний раз, повидаться с любимой женщиной.

— Задачки решил? — спросил он Олега.

— Решил! Еще вчера.

Олег нашел тетрадь по математике.

— Проверим. Читай.

Олег прочитал условие задачи, назвал ответ.

— Правильно! — не без восхищения отзывался учитель. Задача была сложной, рассчитанной не только на знания, но и на сообразительность.

Восемь коммунистов ждут открытия первого партийного собрания. Среди них — Томилов, Ильина, Поляков, Арская. Представитель горкома партии зачитывает решение о создании партийной организации при школе, поздравляет коммунистов с важным политическим событием в истории их учебного заведения. Предложенная кандидатура избрать секретарем организации бухгалтера Арскую Елену Алексеевну принята единодушно. Ее попросили пройти за председательский стол.

Смущаясь, она сказала:

— Я счастлива, что мне оказано такое доверие. Поэтому волнуюсь. Прошу извинить меня. — Она перевела дух, стараясь справиться с волнением. — Я постараюсь оправдать его. Но вас прошу помочь. Будем вместе защищать честь нашей партийной организации.

Заместителем секретаря единогласно избрали завуча Ильину Надежду Васильевну. Остальных коммунистов раскрепили по участкам. Повара Иванову, пожилую

женщину,— к пищеблоку. Преподавателя по домоводству — к ученическому комитету. Преподавателя физкультуры — к культурно-массовой работе, стенной печати, Полякова — к быту и санитарии. Коменданта общежития, участника войны, бывшего работника общества по распространению научных и политических знаний Денисова, ныне пенсионера,— к политической и экономической учебе. Утвердили план работы партийной организации на предстоящий месяц.

Следующим вопросом повестки дня был доклад о дальнейших задачах школы по восстановлению трудоспособности слепых в свете достижений современной науки.

— Слово предоставляется коммунисту товарищу Томилову,— объявила Арская.

Забилось сердце маленькой партийной организации, начала свою жизнь маленькая ячейка коммунистов, одна из клеточек огромного живого организма.

В коридоре конторы шумно.

— Сергей Михайлович! Надежда Васильевна!— звали сотрудники.— Даниил Прокопьевич с глазами пришел!

Арская посмотрела на Кулакова и не узнала. Перед ней стоял сероглазый мужчина, смотрел прямо, открыто на нее. Лицо его стало одухотворенное, привлекательное. Глаза... Пусть они ненастоящие. Но они украсили, как-то возвеличили Даниила.

— Ну, как я выгляжу? За зрячего сойду?— шутил Кулакков.

Арская поделилась впечатлением с Томиловым и Ильиной, и те поздравили Даниила с успешной операцией.

«Аня... Все работа моей Анюты. Она была права, решив стать врачом. Она нашла свое призвание, свое настоящее дело. Да и мы с ней стали ближе, и работа у нас с ней одна — возвращать людям радость».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Председатель исполкома города Дальнего Юрий Николаевич проехал по местам намечаемой стройки. Что ж, это пока всего лишь наметки. А когда будет электростанция? Срок сдачи неизвестен. Ясно одно: не скоро. Шутка ли — перегородить речку, построить посе-

лок, саму станцию. «Ох и не скоро! Не скоро!.. А когда еще потянут теплотрассу к Дальнему?» Надо ли ему сейчас отстаивать свою точку зрения о теплотрассе? Трубы проложат и бросят. Город сам не осилит такую работу, и тогда получат по заслугам те, кому пришла в голову эта идея.

«А какое мое дело?..» Юрий Николаевич прикинул предположительный срок строительства. Может, к тому времени он уже на пенсию уйдет. Да нет, годами не так-то уж стар. «Выходит, сейчас хочешь не хочешь, а свою позицию по этому вопросу надо выбирать. Нечего голову прятать, как страус под крыло».

В дверь постучали. Вошел член партийного бюро.

— Вы у себя? Решил напомнить вам — членские взносы надо заплатить.

— Извините, сейчас зайду к вам, заплачу.

Юрий Николаевич достал партийный билет и чуть не выронил его. Красная книжечка точно огнем обожгла пальцы. Билет вернул его к действительности, напомнил, что прежде всего он коммунист и думать ему надо не о своем покое, а о благополучии города. Ему стало нестерпимо стыдно за свои мысли, колебания. Такое случилось с ним за четверть века пребывания в партии впервые. «Опасный симптом старческого раскисания, осторожничество», — устыдил он себя и спрятал билет в напрудный карман пиджака.

Юрий Николаевич взял ручку, придинул чистый лист бумаги, написал письмо в партийные инстанции, где он поддерживал идею Улагашева о теплофикации города за счет тепловой энергии с электростанции.

Прошло около двух месяцев, сегодня заседание бюро горкома партии. В небольшом зале заседаний горкома областного центра идет совещание. Вдоль торцевой стены длинный стол для президиума, сбоку трибуника. Остальную площадь зала занимают ряды стульев со сквозным проходом посередине. За столом — члены бюро, в зале — приглашенные. Как и у них, в горкоме Дальнего. Только люди другие, незнакомые, кроме начальника строительного комбината и управляющего трестом. У себя, в городе Дальнем, председатель исполкома Юрий Николаевич на подобных заседаниях знает всех членов бюро и почти всех приглашенных. Он знаком с их характерами, знает, кто как поведет себя при обсуждении того или иного вопроса: кто будет мямлить,

кто отнекиваться, кто самоотверженно защищаться, отстаивать свои позиции. Здесь же для него все новое.

Гостей из Дальнего — первого секретаря горкома Гурия Михайловича и председателя исполкома Юрия Николаевича — попросили занять место за столом.

Первый секретарь горкома, высокий, лет сорока мужчина, сидящий в центре стола президиума, после оглашения повестки сегодняшнего заседания предоставил слово начальнику строительного комбината.

Егор Яковлевич уверенным шагом подошел к трибунке и, не ощущая ни малейшей скованности, растерянности, начал:

— Великодушие, донкихотство смешны, жалки и сегодня. Они привели нас сюда, на бюро горкома. Наш рыцарь Улагашев по доброте души хотел бы покончить разом с загрязнением города Дальнего и преподнести ему горячую водичку. Это сегодня. Завтра его глазу увидятся другие проблемы, другие изъяны в благоустройстве и он снова бросится в бой.

— Вы считаете названные качества руководителя отрицательными? — перебил ведущий заседание бюро секретарь.

— В данном случае считаю, — подтвердил докладчик. — Мы с ним строители. У нас четко определенные обязанности — строить объекты, утвержденные планом. Нам не до сантиментов, нам на них просто не хватает времени.

— А если бы прокладку теплотрассы включили в план, вы бы это сочли за сантименты? — бросил кто-то из зала.

— «Если бы» да «кабы» — слова неопределенные. Пока мы видим упрямую истину: в проектно-сметной документации на электростанцию теплотрассы нет. Проектировщики не нашли нужным привязать ее к объекту государственной важности. Я понимаю, можно теплотрассу включить в план. Но посмотрим, что этому предшествует. Во что обойдется эта затея? Во-первых, нужно добиться разрешения на проектирование. Во-вторых, добиться лимита и средств. В-третьих, согласовать проект с десятками организаций. Так кто же нам разрешит отложить важнейшую стройку, когда по существу вся документация на ее объекты уже готова? Личные симпатии к Дальнему со стороны товарища Улагашева не должны идти во вред государству. Можно обойтись и

без красивого жеста. Землякам, друзьям надо помогать, это бесспорно, но какой ценой? Вот в чем вопрос...

Следующим к трибуне вышел первый секретарь горкома партии города Дальнего Гузенко. Он холодно, отчужденно посмотрел на предыдущего оратора, сказал:

— Да, мы просим теплотрассу провести к нашему городу. Она поможет не только улучшить быт людей, а о них мы должны заботиться в первую очередь. Население города Дальнего в основном — рабочие. Егор Яковлевич видит только свой план, а то, что за чертой их комбината, его не волнует. Пусть город покрыт дымом, когда его можно убрать. Пусть люди получают горячую воду в квартирах два раза в неделю, тогда как ею можно обеспечить население бесперебойно. Мы считали и те экономические выгоды, которые получит сама станция. Эшелоны угля, сжигаемые в топках кочегарок города, выработают на электростанции дополнительно миллионы киловатт-часов в год. Если мы упустим возможность привязать наш город к строящейся ГРЭС, вряд ли потом поправим эту ошибку. Будущие поколения нам не простят нашей беспечности, а вам, строители, — местничества. Мы все работаем для народа и делить на «ваше» и «наше» нам, членам партии, мягко говоря, не к лицу.

— А за срыв сроков начала стройки нам простит партия? — раздраженно вставил начальник комбината.

— Егор Яковлевич высказался напрямую, его беспокоят только свои дела. Мы понимаем, что кроме должностной ответственности у нас есть общие задачи, гражданские обязанности, партийная совесть. Простите меня за прямоту, вы в обсуждаемом вопросе не постеснялись показаться этаким собственником.

Начальник комбината обидчиво выговорил:

— Будем хорошо работать каждый на своем участке, значит, и в общем масштабе будет хорошо.

Слово попросил Улагашев.

— Никаких личных побуждений, никаких особых симпатий к городу Дальнему у меня нет. Я поступил бы так же в любом подобном случае и считаю себя правым. Поэтому прошу горком партии поддержать обращение города Дальнего. Вы, товарищ начальник комбината, действительно напоминаете удельного князька. Людей, потерявших здоровье за родину, за нас с вами, сортируйте на своих и чужих. А мы, товарищи, — гневный огонек

в глазах Улагашева переметнулся на начальника комбината,— не сумели отстоять правильное решение.

— Я против перепроектирования,— заявил заведующий строительным отделом горкома.— Все равно в план капитальных вложений теплотрассу не включат. Деньги на ее строительство придется тресту вынимать из собственного кармана.

Попросил слова председатель исполкома города Дальнего. Егор Яковлевич, вдохновленный прямой поддержкой со стороны заведующего строительным отделом, а он фигура здесь немаловажная, расцвел окончательно, когда к трибунке направился тучноватый, постоянно хмурый Юрий Николаевич.

— Недооценив важности предложения Улагашева,— начал он,— я не поверил и нашему активу, и энтузиазму комсомола, высказался против мнения горкома. Я испугался объема работ. Испугался трудностей, связанных со строительством. Но, взвесив важность теплофикации города, я пришел к убеждению — строить трассу необходимо, о чем и написал письмо в Совет Министров.

Белое, холеное лицо Егора Яковлевича как-то одеревенело, сразу потускнело. Он был уверен в поддержке Юрия Николаевича, не считаться с мнением которого было нельзя. Председатель исполкома Дальнего принял сторону Улагашева.

— Разрешите дать справку,— попросил Егор Яковлевич.— Меня тут называли частником, князьком. Не согласен! Я защищал и защищаю государственные интересы. Я не консерватор, я оптимист и прежде всего решаю — что важнее для страны. А город Дальний без нас построит себе центральную котельную, зато ГРЭС начнет строиться в срок.

Егор Яковлевич гордо сошел с трибуны и сел на свое место.

Горком партии принял решение поддержать предложение Улагашева и просьбу города Дальнего о строительстве теплотрассы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В воскресенье Олег проснулся рано, протянул руку к столу, нашел часы — подарок Надежды Васильевны. Она же купила ему валенки, теплые носки, две рубашки

ки, свитер. Томиловы подарили зимнее пальто, шапку, перчатки. Осеню Федор Иванович прислал деньги на приобретение зимней одежды для сына. Мальчик попытался отдать их за купленные вещи, но Ильина предупредила, чтобы он больше никогда не упоминал об этом, а деньги, полученные от отца, посоветовала отослать обратно. Тогда Олег попросил:

— Давайте папе купим костюм, туфли и красивую рубашку. А когда он приедет за мной, мы ему отдадим.

Предложение мальчика понравилось Надежде Васильевне. И они договорились вместе с кем-нибудь из зрячих в ближайшее воскресенье съездить в магазин за покупками.

Олег нажал на головку часов. Откинулась крышка. Указательный палец лег на стрелки, прочно укрепленные на оси. По краям циферблата, у черных цифр, выпуклые точки «Пять минут восьмого», — с точностью до минуты определил он. В девять ему надо быть у Светланы. Обещала научить кататься на лыжах. Он прислушался — в коридоре тихо. Встал, заправил кровать, пошел в ванную, умылся. За дверью комнаты Надежды Васильевны шаги. Не спит. Тоже встала. Он постоял в нерешительности: зайти ли? Из комнаты донеслось:

— Заходи, заходи! — Ее чуткое ухо уловило затаенный шорох. — Я уже уборку заканчиваю. Садись. Пойду умоюсь.

Срок обучения в школе скоро заканчивается. Олег привык здесь. Как теперь ему быть дальше? Что делать?

Вошла Надежда Васильевна, села около мальчика и заговорила о том, о чем собирался поговорить Олег.

— Ну вот и тебе скоро придется прощаться со школой, с нами. — Она помолчала. — Что ты собираешься делать дальше? — В ее голосе слышалась тревога, озабоченность.

— Надежда Васильевна, мне здесь хорошо. Не хочу уезжать отсюда. На пасеке скучно и делать нечего. Не будет вас, Надежда Васильевна... — Он кашлянул. — Я без мамы... А тут вы мне, как мама...

Надежда Васильевна обняла его, поцеловала.

На столе ритмично тикал будильник, в батарее нет-нет да забулькает вода. А Надежда Васильевна и Олег сидели молча. На его плече ее рука. «Без него...» И Наде становится жутко. По утрам задорный мальчи-

шеский голос не огласит квартиру: «Доброе утро!» Не засмеется он, не расскажет приснившийся сон. Не надо будет ей спешить к нему на занятия, не пойдут они вместе в столовую. Вечерами он не расскажет ей об успешном освоении заданного маршрута, о сделанной детали в мастерской. И этот голос придется забыть.

— Надо написать твоему папе, убедить его в том, что возвращаться домой, в тайгу тебе не следует,— наконец произнесла Надежда Васильевна.— Тебе надо учиться дальше. Попросим настойчиво, чтобы и сам он переехал к тебе. Директор устроит его на работу, дадим квартиру.

— Мы станем жить в вашей квартире?— обрадовался мальчик.— Я от вас в другой дом не пойду!— И, поймав себя на недозволенной самоуверенности, переменил тон:— Если вы не будете против...

— Мне-то что...— И Надежда Васильевна перешла от грез к действительности.— С вами мне будет веселее. Папа захочет ли...

Олег не дал говорить дальше:

— Что вы, Надежда Васильевна! Он сильно обрадуется, если вы разрешите жить нам в одной квартире с вами! Вот увидите.

Она поднялась, заходила по комнате и начала разрабатывать план.

— Напишем Федору Ивановичу письмо, подождем ответа. А тебя после школы задержим.— Она остановилась, вздохнула:— Не согласится, ничего не поделаешь, придется расстаться.

— Я никуда не поеду!— отрубил Олег с такой твердостью, что убеждать его в чем-то другом было бесполезно.— Пусть мне на еду высыпает деньги, готовить я умею. А там скоро примут на предприятие. Буду работать.— И попросил:— А жить буду здесь, если вы позволите...

Олег оделся. Надежда Васильевна «осмотрела» его, как это сделала бы заботливая мать. «На пальто пуговицы в порядке... Нет, верхнюю надо закрепить». Правила шарф — подарок Ильи.

— В столовую опять не идешь?— с теплой ворчливостью спросила она.

— Анна Ивановна не велит. У них завтракаю.

Олег говорил правду. Ему не хотелось никого обижать — ни Томиловых, ни Надежду Васильевну.

— Я есть еще не хочу.

— Не сбейся с дороги,— напутствовала Надежда Васильевна.— Мороз и ветрено.

Он рассмеялся.

— Что вы! Я сколько раз ездил один на предприятие! А тут для меня путь пустяковый.

— К обеду возвращайся! Илья Максимович пригласил нас на дневной концерт в театр.

— В большой город поедем?— воскликнул Олег.— Можно, я приглашу Свету?

— Обязательно пригласи. Тогда мы больше никого не возьмем в сопровождающие.

Надежда Васильевна проводила мальчика до двери, постояла, пока он не начал спускаться по лестнице. Ждала не потому, что он мог оступиться или упасть — ориентировался Олег прекрасно,— просто от приятного чувства, что у нее есть человек, которому она не безразлична, которому нужна.

На территории школы, на ближайших от нее маршрутах Олег тростью не пользовался. И сейчас, выйдя из подъезда дома, засунул руки в карманы пальто, свернул направо. Подул холодный сквозняк — значит ориентир стена кончилась. Еще сто сорок шагов — проходная. Он прошел через нее. Прямо — автобусная остановка. За ней гремит, пыхтит шахта. Олег держался левой стороны дороги. Путь пересекло шоссе. Переходить к остановке не надо. Мальчик сворачивает влево. Теперь идти долго. Шахта лязгает правее. Впереди на вокзале перекликаются паровозы. Путь снова пересекается дорогой, за ней железнодорожная линия, через нее переезд. Но мальчику надо сворачивать опять влево. Теперь шахта позади, а справа вокзал. Двести шагов. Он чувствует заполненность пространства, приглушенность звуков. Около дома, где живут Томиловы, ветертише, от начала стены до второго подъезда около двадцати шагов. Олег не считает их. Он вообще теперь не ведет счет шагам. Эта деталь, необходимая при освоении маршрутов,— пройденный этап. Сейчас — интуиция. Она и счетчик и проводник.

Светлана подбежала к Олегу, захлопотала около него, снимая и вешая в прихожей шапку, пальто, шарф. Он снянул валенки, девочка поставила к его ногам домашние тапочки.

— Замерз, наверное?

Раскрасневшийся на холодном ветру Олег бодрился, хотя руки у него закоченели.

— Нет, мне не холодно.

Девочка потянула его за рукав свитера.

— Пойдем в мою комнату, у батареи согреешься.

Присев у батареи на пuf и вбиная в себя тепло, он спросил:

— Кого лечишь? — Ему хотелось подержать, погладить какое-нибудь животное или птицу. И у осязания есть потребность на воспоминание, и оно скучает, как скучает глаз по запечатлевшейся живой картине.

— Всех вылечила. Пока моя больница пустует. — И Светлана досказала угрюмо: — До лета...

— А кот живой? — спросил мальчик.

— Живой! — Светлана вышла, вернулась с мурлыкающим котом и посадила его на колени Олегу. Он провел ладонью по мягкой шерсти.

— Котик! Такой же, как наш на пасеке. — Кот удобно растянулся, блаженно работая когтями, впиваясь ими в брюки, иногда цепляясь за тело.

— Илья Максимович меня и Надежду Васильевну приглашает сегодня на четыре часа в театр на концерт. Ты поедешь с нами?

Светлана весело крикнула:

— Конечно, поеду!

И голос ее уже звучал в прихожей:

— Мама, мамочка! Олег пришел!

— Очень хорошо! Будем завтракать. — Олег узнал Анну Ивановну.

— Он едет на концерт. Я поеду с ним?

Голос Анны Ивановны приблизился.

— Олежка, доброе утро!

Мальчик встал, поздоровался.

— Ты с кем едешь в театр?

— С Надеждой Васильевной и Ильей Максимовичем.

Карие глазенки Светланы так и выпрашивали: «Ну, мамочка, разреши?» И мать разрешила.

— Поезжай. Сходи к деду, попроси, пусть свезет вас. И сам концерт послушает.

Светлана захлопала в ладоши, пропела строчку из какой-то детской песенки, а через минуту ее словно сдуло ветром.

Зашел Костя, пожал руку сверстнику, пожал крепко.

— Хочешь, я тебя научу боксу? Я хожу в спортивную секцию.— Он осекся:— Ой, забыл... Ты же не видишь, куда бить... Ну, хорошо, будем тренировать мускулатуру. Пойдем ко мне.— Он помог Олегу надеть боксерские перчатки.

— Вот в таких рукавицах руки никогда не замерзнут,— подметил слепой мальчик.

— Это не рукавицы, а специальные боксерские перчатки. На улице в них не ходят. У них другое назначение.— Костя подвел Олега к углу, где была подвешена резиновая груша, и велел ударить по ней перчаткой.

Олег ударил неловко, слабо. Костя показал простейший элемент из первоначальных упражнений для укрепления бицепсов. На голоса ребят явился Сергей:

— Что у вас за война?

Костя пояснил:

— Учу Олега боксу.

Сергей ухмыльнулся.

— Ты себе избрал неподходящего противника. Победа всегда будет на твоей стороне. Бокс не для Олега. А вот борьбой можно заниматься. Попробуйте после завтрака на улице посостязаться. А я сойду за судью. Договорились?

— Договорились!

Аня позвала Костя.

— Олег, снимай-ка брюки и свитер,— вернувшись, сказал он.— Мама тебе купила лыжный костюм.

Олег замешкался. Он не знал, что представляет из себя лыжный костюм и как его надевать. Показаться перед Костей неуклюжей неумехой стеснялся.

— Переодевайся!— поторапливал Костя.— Мама хочет посмотреть, подошел ли он тебе.

Пришлось снять брюки, свитер. Взяв поданную вещь с характерным запахом новой ткани, он по брюкам и поясу определил, как его надевать. Подали что-то еще— мягкое, вязаное. Он покрутил, покрутил и сдвинул широкие брови.

— А это что? С шариком...

— Это спортивная шапочка.— Костя надел ее Олегу на голову.— Теперь пойдем.

Аня ожидала мальчиков на кухне. Темно-коричневый костюм сидел на Олеге аккуратно. Аня подошла к нему, проверила, не узка ли в плечах куртка, не мал ли ворот.

— Нигде не жмет?— спросила она.

Мальчик поднял руки, развел их в сторону.

— Удобно. Спасибо, Анна Ивановна!

Влетела запыхавшаяся Светлана.

— Мама, дедушка согласен! — с радостью доложила она. — В театр с нами он не пойдет. Говорит, побудет с бабушкой и тетей Галей.

После завтрака Сергей с детьми отправился на улицу. Светлана и Олег взяли с собой лыжи. Выбрав площадку, очищенную от снега, Костя и Олег начали бороться друг с другом. Костя, физически развитее, действовал смело, напористо. Олегу приходилось лишь обороняться, увертываться от атак противника. Зрителем была Светлана. Она болела за слепого мальчика. Ей хотелось, чтобы победил именно Олег, а не брат. Но, к ее разочарованию, бой кончился проигрышем Олега. Под напором Кости он покачнулся, присел и свалился в снег. Брат упал на него, придавил всем телом.

— Один ноль в мою пользу! — торжествовал он.

Светлана придумала оправдание:

— Олег поскользнулся! Правда, папа?

Сергей поддержал ее:

— В соревнованиях оплошность не в счет. Повторите!

И мальчики сцепились снова. Физическая закалка Кости опять немедленно сказалась. Силы его были не исчерпаны, дыхание ровное, тогда как Олег уже устал и дышал тяжело. Состязание длилось недолго.

— Два ноль! — без особой спортивной страсти подытожил вторую легкую победу Костя.

— И не задавайся! Он все равно победит потом! — раздосадованно предсказала Светлана, готовая сама свалить брата в сугроб.

— Ничего, Олежка, ты еще наберешься сил! — утешил Сергей и стал отряхивать с него снег. На помощь подскочили Светлана и Костя.

— Он и так сильный, папа! — признался победитель. — У него пока нет сноровки. Мы с ним позанимаемся.

Олег пожаловался:

— Меня, может быть, папа к себе заберет. А мне неохота ехать на пасеку.

— А ты не езди! Напиши, что тебе надо учиться в школе, — порекомендовал Костя.

— В школу меня не примут, в такую, в какой учишься ты. А эту, где учусь сейчас, я заканчиваю.

На горестную откровенность Олега первой откликнулась Светлана:

— А ты поступи в нашу школу. Будем ходить вместе и за парту сядем вместе. В каком классе учился?

— В классе я не учился. Надо бы в первый — говорят, перерос.

Светлана не отступала:

— Пойдем в мой класс.

В наивном совете дочери Сергей уловил что-то дельное, возможное. Мальчик должен учиться, обязательно должен. «Завтра же надо поговорить с Ильиной».

— Дай-ка, Света, лыжи! Я позанимаюсь с Олегом,— попросил Костя.

Но Светлана крепко прижала их к себе:

— Я сама научу, мы договорились раньше!

Не сразу Олег понял, как надо плавно передвигать лыжи по снегу, как в такт шагу опираться на палки. Он тяжело переставлял ноги, словно к ним были подвешены гири, неуклюже взмахивал руками, и палки описывали в воздухе размашистые дуги. На первом же небольшом спуске он упал, испугавшись ускоряющегося движения. Ему почудилось, будто что-то подняло его и потащило вниз. Отплевываясь от снега, он еле поднялся — ногам мешали крепления. И как ни объясняла Светлана приемы ходьбы на лыжах, Олег не мог их уловить.

— В следующий раз позовем Костю. Он отлично ходит,— Светлана вынуждена была признаться, что тренерского опыта у нее нет.

— Все равно научусь! — не терял надежды и Олег, бредя по снегу. Лыжи со сломанным креплением он нес на плече.

В театр ехали вшестером. Впереди Иван Иванович за барабанкой, рядом Валентина Алексеевна. На заднем сиденье Поляков, Ильина и Светлана с Олегом. Девочка всю дорогу пела или задавала вопросы.

— Дедушка! А почему нас обгоняет машина?

Дедушка отвечал:

— У той легковушки скорость побольше.

— А почему Олег так мало учился?

И Надежде Васильевне приходилось объяснять, что в их школе установлен такой срок обучения.

Вопросы иссякали, и она принималась снова петь.

Входя в здание концертного зала филармонии, она посерезнела. Помня об ответственности, вела Олега осторожно.

В гардеробной Поляков собрал все пальто. Светлана было ринулась за ним:

— Вам помочь?

Илья остановил ее:

— Ты постой, я справлюсь один.

Когда сели на свои места, Светлана восторженным шепотом начала рассказывать о том, что здесь ей так понравилось: яркий свет, фигурные люстры, ложи, многолюдье.

Олег вслушивался в трепетный рассказ и удивлялся, сколько всего вокруг, сколько цветовых названий. А какой он — цвет? Как его представить?

Наконец зал в ожидании затих. Прозвучали первые аккорды.

— Коля, иди-ка сюда, посмотри, кто приехал! — Галина расцеловала мать, отца. — Как никогда кстати! В среду у Миши день рождения. Мы решили отметить сегодня, в выходной. Раздевайтесь, родные!

— У вас нюх отменный: пир издали учуяли. — Зять помог раздеться Валентине Алексеевне, Ивану Ивановичу.

— Только у вас с Галиной нюх никудышный. Ни наши пиры, ни нашу скуку не чуете. — В ответной шутке Ивана Ивановича невольно прозвучал упрек.

Появился Миша в новом костюме. Мальчик сдержанно улыбнулся.

— Здравствуйте, бабушка! Здравствуйте, дедушка!

И попал в их объятия. Валентина Алексеевна подала ему увесистую сумку с гостинцами.

Пока накрывался стол, Иван Иванович выяснил то, зачем в основном заехал.

— С горячей водой, говоришь, все уложено?

— Состоялось заседание бюро горкома партии. На нем представитель обкома партии сказал, что ведущий институт, который проектирует электростанцию, берет на себя сверхплановую работу по привязке и разработке документации на теплотрассу. Строительные министерства дали согласие на прокладку и подключение теплопровода к ГРЭС. Помогли просьбы вашего горкома и горисполкома.

Объяснение Николая обрадовало Ивана Ивановича. Он стукнул себя по колену.

— Выходит, не зря и наш совет ветеранов труда размял свои старческие кости. Мы сразу после обсуждения разошлись по нашим прежним местам работы, побывали и в других организациях. Партикомы и профсоюзы подхватили наш призыв, по-деловому обсудили его. Школа слепых взяла обязательство подвести тепло и к своим зданиям за счет средств и материалов их общества. Заводы дают трубы, понемногу денег. Шахты тоже вступают в пай. И мелкие организации не отстают, стараются хоть что-нибудь наскрести.— Он понизил голос:— С рабочей силой туговато. Но ничего, и здесь выход есть — комсомольцы берутся. В них сила! Вон какие стройки поднимают!

Вошла Галина с дымящимся блюдом и рассмеялась:

— Мама! — Валентина Алексеевна была на кухне.— Наши мужчины цветут от чего-то!

Валентина Алексеевна тоже рассмеялась:

— И правда! Мой-то как ясный месяц! И морщины куда подевались!

Галина подошла к длинному, уставленному яствами столу.

— Пожалуйста, рассаживайтесь. А ты, сынуля, садись сюда,— она показала на стул рядом с собой.. Погладив его по голове, умилилась:— Ой, мама! Давно ли на руках носила! Уже школьник!

Валентина Алексеевна сидела напротив внука и незаметно разглядывала, на кого же больше он похож. Есть что-то от отца — черные жесткие волосы, черные брови. Глаза серые, как у матери. Но они схожи с ее глазами лишь по цвету, разрез же отцовский. Только у Николая они спокойные, веселые, а у внука бегающие, чего-то ищащие, с хитринкой. И в них какой-то непонятный блеск, точно внутри горят светлячки.

Тroe у нее. Три маленьких сердечка. Внучата-дети. Но любимы неодинаково. Костя и Светлана будто ее собственные дети, ее плоть. Миша... Этот внук при всей своей воспитанности как-то чуждался, держался натянуто. Она посмотрела на внука прямо, в упор.

— К нам-то когда приедешь, погостить, внучок?

Миша склонил голову набок.

— Не знаю... Зимой учусь. Может быть, летом...

Отвеченено правильно, как нужно, а ни волнений, ни детской горячности, непосредственности. Ах, Галина, Галина, что-то ты не видишь в своем сыне. Сама отошла далеко от родителей, от Ани, и у сына сердечко по ним не сохнет.

Галина разлила в рюмки вино. В фужер Миши налила минеральной воды и, протянув к нему свою рюмку, сказала:

— За тебя, сынуля! За твою светлую дорогу!

Иван Иванович бесцеремонно перехватил поднятый Мишой фужерчик и мягко пробасил:

— Тебе еще рановато тосты поднимать и чокаться.

Галина, чувствуя неловкость, постаралась сгладить ее:

— У него же минеральная вода, папа...

— Разве важно, что в стакане? Не надо приучать мальцов к самому факту, к участию в питии,— строжился Иван Иванович.— Внуку торопиться некуда. И мне нельзя — я за рулём.— Он отставил свою рюмку.— Ты нам дай-ка поплотнее поесть, слышу, пахнет вкусно. Давай, дочка, не возражай и не сердись. А мальчишку нечего к рюмке притягивать! Наоборот, надо подальше ее прятать!

— Я ей говорил! — присоединился Николай.— Считает, с педагогической точки зрения не противопоказано.

— С педагогической!.. — уязвил Тихов.— «Сапожник всегда без сапог».

Перед Галиной сидел отец. Дочери надлежало его слушать. Они с Аней всегда слушались родителей.

— Не буду, папа! — пообещала она.— Конечно, в этом ничего плохого нет, так я считаю. Ну, ладно, не буду. Люблю я его очень. Все для него! Женщине задано любви на три-четыре ребенка, а то и больше. Он у меня один.

— Эх, дочка! — Иван Иванович покачал головой.— В жизни встречается по-разному. Одной-то любви мало. Надо руля не терять. Надо управлять душой ребенка. А как потеряешь управление — говори, пропало: дите покатится своим ходом. И куда вынесет его — к хорошему или плохому, кто знает.

Галина рассмеялась.

— Ты, папа, заправским водителем стал, у тебя и сравнения автомобильные.

— Эх, дочка, машина тут ни при чем: А говорю я так, что не нравится мне твое отношение к сыну. Смотри, не справиться потом будет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Томилов и Ильина тщательно обсудили все, что могло помешать устроить Олега учиться в обычную среднюю школу. Материальную сторону, если отец мальчика все-таки не пожелает переселиться к нему, Надежда Васильевна брала на себя. Она и слушать не желала, когда Томиловы предлагали свои услуги.

— Ничего подобного! — горячилась она. — У вас семья, двое детей, у меня никого нет. Пусть будет Олег. Комната у него есть. Питаться прикрепим к нашей столовой. Питание буду оплачивать. С одеждой тоже не проблема. Сложнее то, как он приспособится к столь необычной среде. Как скажется на характере, на психике незрячего мальчика общение с детьми физически здоровыми?

Много этих «как». И решили рискнуть. Подобные случаи уже были. Многие слепые дети получили образование в средних школах, не говоря уже о высших учебных заведениях. По линии общества никаких специальных вузов нет. И все-таки многие получают высшее образование.

— Я и наши педагоги поможем ему. Он усидчивый, толковый, — убеждала Надежда Васильевна. — Я сама среди зрячих учились. Ничего особенного не нахожу.

На этом же совете договорились посадить Олега вместе со Светланой в классе. Среди учеников он будет слишком выделяться, хотя возрастная разница с одноклассниками невелика и рядом — Светлана, которая уже привыкла к нему. Да и знания, полученные за время пребывания в здешней спецшколе, отвечают программе обучения обычной средней школы.

В учительской Томилов дождался конца смены. Из коридора донесся постепенно нарастающий гул детских голосов. Началась перемена. Когда-то и он также стремглав вылетал из класса и включался в общий поток бегущих мальчишек. Время прошло, а коридорная многоголосица все так же звучит.

— Вам кого? — перебил раздумья Сергея чей-то голос.

— Мне нужна учительница Трофимова.

— Вера Филипповна! Вас просят!

— Я слушаю,— голос молодой, высокий.

— Мне бы надо с вами поговорить. Я директор школы восстановления трудоспособности незрячих, Томилов Сергей Михайлович.

— А, Сергей Михайлович, здравствуйте. Ваша дочь Светлана учится в моем классе. Девочка старательная, дисциплинированная. Успеваемость...

— Я не по поводу дочери,— перебил Томилов.— Я к вам с необычной просьбой.

— С необычной?.. Тогда пойдемте в класс,— предложила Вера Филипповна,— там поговорим.

Слушала она Томилова не перебивая, не задавая никаких вопросов. Он рассказал о жизни незрячих, о работе их школы и только тогда перешел к основной теме.

— Мальчика надо учить, дать образование,— закончил Сергей.

— Но почему именно в мой класс?— возразила учительница.

Томилов рассказал ей все, о чем они говорили с Ильиной.

— Извините, Сергей Михайлович.— В тоне Веры Филипповны отчуждение.— Я не могу принять в свою группу слепого ученика. Вы спросите почему? Скажу. Я отвечаю за учебный процесс, за воспитание вверенных мне учащихся. Ваш мальчик внесет смятение. Ученики будут отвлекаться — кто-то жалеть, кто-то подстраивать козни. Будут смеяться. Дети. И я, как учитель, вместо того, чтобы вести урок, должна буду разбираться со всем этим представлением. Не могу!

По тому, как сказано это «не могу», Томилов понял — доказывать дальше бесполезно. Учительница представила себе Олега среди своих питомцев, как волчонка среди ягнят.

— Тогда зайдемте к директору.

Вера Филипповна согласилась.

Директор с тихим грудным голосом принял Томилова вежливо, терпеливо выслушал его и не успел что-либо ответить, как вмешалась Вера Филипповна:

— Я против! Если у вас другое мнение — дайте мне другой класс.

— Зачем?— остановил директор.— Вы, Вера Филипповна, отвечаете за класс, я за школу. Наши молодцы

возьми да столкни его с лестницы или свались он сам, да мало ли какие каверзы могут приключиться со слепым человеком, а я отвечай! Чепе!.. Инвалид, знаете ли... Он будет подавляюще действовать на остальных физически здоровых ребят, я бы сказал, гнетуще... Рекомендую устроить его в спецшколу. Такие заведения в нашей стране есть.

— Такая школа есть в нашей области! — еле сдерживая гнев, подсказал Томилов. — Но в той школе мальчик не может учиться, перерос.

— Тем более! — ухватился за высказанный аргумент директор.

Томилов упорствовал:

— Там всего лишь начальная школа!

— Ничем не могу помочь. — Директор подошел к Томилову, пожал ему руку. — Ни один из наших преподавателей не решится взять вашего подростка себе в группу. Ручаюсь! Слишком необычный, я бы сказал, сенсационный факт! До свидания!

Услышав от Томилова о непредвиденном препятствии, Надежда Васильевна загоревала. Она-то полагала, учебой Олега будет обеспокоен каждый, и каждый, кого это касается, поможет ему немедленно, без проволочки.

— Что дальше, Сергей Михайлович?

Томилов подбодрил:

— Добиваться будем, добиваться! — А как добиваться, он пока и сам не знал.

— Среди незрячих — сотни докторов и кандидатов наук, есть композиторы, писатели и даже скульпторы. А сколько учителей, адвокатов, профессиональных музыкантов! И все они окончили средние школы, потом институты или университеты. Мальчик, о котором я говорю, может остаться неучем, — завершил свое подробное повествование об Олеге Томилов. — Помогите устроить, Юрий Николаевич. Мальчик и так несчастен, а тут, выходит, ему дальше и дороги нет. Он очень способный.

Брякнул рычажок телефона, — значит, председатель горисполкома взял трубку.

— Первую школу! — попросил он у дежурной телефонистки. — Директора!

— Его нет. Скоро будет.

— Пусть позовонит председателю горисполкома.— И, снова брякнув рычажком телефона, сказал:— Подождем.— Он закурил.— От центральной теплотрассы не отказался?— заполняя паузу, уточнил он.

— Что вы! Ждем с нетерпением. Мы готовы ставить этот вопрос хоть сегодня.

— К сожалению, придется потерпеть,— поправил Юрий Николаевич.— Не скоро еще. Не дождусь, наверное, стройки. А хотелось бы принять личное участие, увидеть собственными глазами последний вздох кочегарок. Потом с чистой совестью можно бы и на пенсию.

— Увидите,— поддержал Томилов и прикинул: сколько же будет ему? Стройка протянется годы. «Может, и меня не будет на посту директора».

Телефонный звонок..

— Ах, ты! Тебя-то и надо! Здравствуй. Я к тебе с претензией: почему не принимаешь учиться слепого мальчика?.. Вот тебе на! Да ты знаешь, у них в школе все преподаватели незрячие и с высшим образованием. И все они начинали с такой же обычной школы, как твоя.— Юрий Николаевич это добавил от себя, наверное, для большей убедительности.— Мало ли что тебе неизвестно! Притом разве ваша школа закрытого типа?.. Вот, вот... Массовая! Так кто дает право закрывать ее двери перед некоторыми детьми! Раз массовая — пусть оправдывает свое название...— Председатель горисполкома повысил голос:— У нас в стране всеобщее обучение! Мальчик не виноват, что он инвалид. К такому-то и надо проявить особую чуткость, особое внимание... Да, да, попробуйте... Что случится, вместе ответим. Мы и так за всех и за все отвечаем. Договорились. Добро... Не получится, разберемся, почему не получилось.— Он резко положил трубку и ворчливо продолжил:— Боится. Подстраховывается, как бы чего не вышло.

Ученическая сумка стояла в полной готовности. Олег открыл замок, проверил, на месте ли учебники — объемистая брайлевская книга занимала почти весь ранец,— проверил тетради из плотных листов, грифель. Броде ничего не забыл. Он любовно погладил каждую вещь. Это его друзья. С ними он будет сидеть в классе, с помощью их получит знания.

— Ты к завтраку готов? — войдя в комнату мальчика, спросила Надежда Васильевна.

— Давно готов.

Она обняла его:

— Поздравляю тебя, Олег! С началом твоих школьных занятий!

— Спасибо! — Олег прижался щекой к ее плечу. — Я буду стараться!

— До Томиловых тебя проводит Илья Максимович, а дальше пойдешь со Светланой.

Олега задело неверие Надежды Васильевны в его ориентировку.

— Я сам дойду. Меня встретит Света возле своего дома ровно в восемь часов.

Ильина догадалась, что не понравилось пареньку.

— Илья Максимович проводит только сегодня и не потому, что ты можешь сбиться с маршрута, а просто как провожают учеников в первый день учебы. Ты отправляешься в очень дальний путь.

Заметив идущих Олега и Илью Максимовича, Светлана бросилась к ним навстречу.

— А я беспокоилась, не опоздал бы...

Оставшись одни, Олег и Светлана свернули в улицу, перпендикулярную той, по которой Олег шел сюда.

— Погоди, — остановил он. — Ваш подъезд вон там? — он указал вправо.

— Там! — подтвердила девочка.

— Вон там — угол вашего дома. Мы от него идем влево.

— Правильно! — снова подтвердила Светлана, не понимая, к чему нужна такая точность. — Мы от нас будем ходить вместе, — на всякий случай рассеяла она тревогу Олега.

Но тот упрямо заявил:

— Я сам должен знать дорогу до школы! Какой из меня получится ученик, если будете водить. — И попросил Светлану, чтобы она подробно рассказала о всех поворотах, переходах, о начале и конце стен домов по той стороне, по которой они шагали.

Светлана засмеялась:

— Да тут нечего и рассказывать! На той улице, на которую мы свернули, через два дома и наша школа. Вон она! Вот и крыльцо, пять ступенек...

Олег остановился. От волнения сердце забилось ча-

ше. Ему казалось, что он вступает совсем в иную жизнь, в иную часть света.

— Ну, чего ты? Пойдем, не бойся,—по-своему поняв заминку Олега, подтолкнула его Светлана.

Они разделись и, взяв сумки, поднялись на второй этаж.

Кругом детский визг, крик, гул. Туда-сюда шныряют ребяческие фигурки. От шума, от бурлящего движения — Олег определял это по шарканью, топоту ног, волнению воздуха, по дыханию, по перемещению голосов — ему становилось не по себе. Терялись острота ощущения пространства, ориентиры. Он словно находился во сне. Перед ним все расплывалось: ускользало от восприятия, мешало сосредоточиться.

Светлана подвела его к своему классу. Перед ними остановилась одноклассница Зойка, острые на язык девчонка, за что в своем кругу ее прозвали «Язвочкой». Светлана приготовилась к отпору.

— А ты что его за ручку ведешь? — хихикнула Язвочка.

— Он не видит. Будет учиться в нашем классе, — почетному открылась Светлана.

Зойка на мгновенье опешила. Но только на мгновенье. Придя в себя, она ехидно спросила:

— Женишок?

Светлана не терялась:

— Допустим!

Дерзость одноклассницы не устраивала Зойку.

— Но он не видит?

— А у тебя нет и такого! — взаимно уколола Светлана и ввела Олега в большую, светлую комнату.

В класс вошла Вера Филипповна. Поздоровалась. Ребята дружно и шумно встали, приветствуя ее. Как и ожидала учительница, сидящие за партами мальчики и девочки были возбуждены. Глаза ребятишек все время устремлялись то на странного ученика, то на учительницу.

Вера Филипповна объявила:

— У нас, дети, новый ученик. Журавлев Олег. Он не видит совсем.

Взгляды всех приковались к ее губам, затем переключились на Олега и застыли на его глазах. Вера Филипповна видела, как на лицах учеников, у каждого по-

своему, отражалась внутренняя борьба: «Идет процесс вроде совмещения или отторжения. Чем кончится?» И сказала:

— Олегу нужна помощь.

Ребята ждали, что будет дальше.

— Завтра мы будем писать сочинение,— продолжала Вера Филипповна.— Как ты, Журавлев, напишешь? Олег несмело пояснил:

— Точками...

Светлана ткнула его в бок и зашептала:

— Встань! Всегда вставай, когда спрашивает учительница.

Олег встал и повторил:

— Точками.

Светлана подняла руку и, получив разрешение говорить, тоже поднялась.

— Он будет писать по-своему, а я над точками напишу наши буквы, чтобы вам проверить.

— Ты знаешь эту азбуку?— не без удивления спросила Вера Филипповна.

— Знаю. Мама и брат знают. Мы помогаем папе.

Взгляды учеников скрестились на Томиловой.

— А как ты будешь читать учебники?— продолжала допытывать Журавлева Вера Филипповна.

— У нас есть все учебники, для любого класса,— уже смелее пояснил Олег и достал книгу, тетради, прибор, грифель.— Вот!

Раздался звонок, но никто, как обычно, не рванулся к двери. Все, точно цыплята на зерна, сбежались к парте слепого мальчика. Сам мальчик больше не вызывал любопытства, невидалью теперь стали его принадлежности. Они пошли по рукам. Книгу листали, щупали точки. От удивления ахали, охали, прищелкивали языками. Потом осматривали брайлевскую доску, грифель с таким заинтересованным видом, будто перед ними представили орудия труда первобытного человека. Олега заставили показать, как он пишет, сами наперебой пробовали наколоть точки, а потом повели Олега в коридор, на территорию, где можно было шуметь, бегать, громко говорить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В школу восстановления трудоспособности слепых приехала комиссия представителей Центрального прав-

ления общества и научно-исследовательского института дефектологии.

Период организации давно прошел, и школа уже выпустила немало своих учеников. Но ее пропускная способность была невелика, а нуждающихся в восстановлении трудоспособности по стране было много.

Пять суетных, напряженных дней остались позади. Представитель Центрального правления Куликова и представитель научно-исследовательского института дефектологии Марьянов ознакомились с постановкой воспитательной работы, учебного процесса, изучили историю школы, переговорили с каждым сотрудником. Одним словом, охватили все стороны жизни этого учебного заведения.

В кабинете директора представитель Центрального правления изложила свои замечания, впечатления, огласила выводы. Ничего неожиданного. Предложения полезны. Особых дифирамбов Куликова не пела. Но в конце информации она отметила:

— Коллектив мне понравился. Творческий, дружный. Школа проводит большую работу по восстановлению трудоспособности незрячих.

Томилов ожидал, когда начнет говорить Марьянов, и, разряжая затянувшееся молчание, попросил:

— Мы бы хотели послушать вас, товарищ Марьянов. Вы сотрудник научно-исследовательского института...

По ходу проверки Томилов имел с ним несколько дискуссионных бесед. Марьянов поучал, указывал. То, что Томилов считал неверным, неприменимым в условиях их школы, оспаривал, не соглашался и, не желая того, ущемлял авторитет проверяющего.

— Мы с товарищем Куликовой разошлись в принципиальных выводах,— сказал Марьянов.— Товарищ Куликова довольна. Я напротив. Мое мнение: школа нуждается в усилении руководства.

Слова Марьянова точно оглушили находящихся в кабинете.

— Я не поняла вашей мысли: в чем должно заключаться усиление руководства?— спросила секретарь парторганизации Елена Алексеевна.

«Периферия! Все разжуй и положи в рот»,— неприязненно подумал Марьянов и пояснил:

— Усиление руководства и замена его — одно и то же.

Томилов чуть заметно вздрогнул, но сдержался.

— Вам придется изложить мотивы на педсовете.

Марьянов тоже не горячился. Однако по его лицу пробежала тень внутренней борьбы.

— О мотивах я буду докладывать в нашем министерстве. Они командировали меня сюда. А какое решение последует — это уже не мое дело.

— Вы не правы, товарищ Марьянов,—вмешалась Елена Алексеевна.— Ваше заключение касается работы нашего педсовета и партийной организации школы.

Марьянов поморщился.

— При чем тут ваша партийная организация! У вас учебное заведение, а не райком партии.

— Товарищ Томилов — коммунист,—продолжала Арская.— И поскольку ему приписывается серьезное обвинение, партийной организации положено знать о нем. Он прежде всего коммунист, а потом уже директор.

— Спасительная ссылка на партию,—Марьянов усмехнулся.— Я беспартийный. Что у меня прежде всего?

Арская, не задумываясь, ответила:

— Долг перед партией, честное исполнение ее воли.

— О-о!—Научный сотрудник сделал испуганную гримасу.— Да вы мне припишете политическую слепоту!— Он встал.— Свыше вы получите окончательное решение. Оно не заставит себя ждать. Завтра я улетаю. А послезавтра министерство получит мой доклад.

Арская тоже поднялась:

— Я приглашаю вас, товарищ Марьянов, сегодня в семь часов вечера на открытое партийное собрание. Пригласим всех членов педсовета.

— Извините! Изъясняться на партийных собраниях я неполномочен.—Марьянов вышел.

Представитель Центрального правления изумилась:

— Не понимаю, почему он держится таким образом! Но то, что я буду говорить на педсовете, то же самое буду докладывать и Центральному правлению.

Арская подошла к телефону.

— Позвонить разрешите, Сергей Михайлович?

— Пожалуйста, пожалуйста,—разрешил директор и вышел из кабинета вместе с Куликовой.

Арская доложила секретарю горкома партии Гузенко о том, что случилось в этой комнате минуту назад.

Гурий Михайлович одобрил созыв партийного собрания и предложил пригласить Марьинова еще раз:

— По такому случаю я тоже буду.

— Марьинов не придет, Гурий Михайлович! — уверила Елена Алексеевна. — Он заявил категорически. А что наговорит в министерстве, кто его знает.

Гузенко спросил:

— Как именуется ваше министерство? — И, получив ответ, пообещал: — Попробуем кое-что предпринять.

Звонок в обком партии, из обкома партии в министерство, из министерства прямо в школу.

Далекий женский голос спрашивал:

— Школа восстановления трудоспособности слепых?

За час напряженного ожидания Арская устала. Теперь ее нервы напряглись как струна.

— Да, школа! — подтвердила она и услышала вначале: «Здравствуйте!» Потом просьбу: «Пригласите, пожалуйста, товарища Марьинова».

Елена Алексеевна выбежала из кабинета. Марьинов был у Ильиной и что-то наставительно объяснял ей.

— Вас приглашают к телефону из министерства.

Марьинов резко обернулся, озабоченно переспросил:

— Меня? Забавно! В стоге сена нашли иголку.

Арская зашла к себе в бухгалтерию, чтобы передать телефонный разговор. Ждала недолго. Марьинов разыскал ее и, не глядя ей в глаза, виновато произнес:

— Из министерства просили меня выступить на вашем собрании. Мне все равно... Надеюсь, от моего доклада здесь ничего не изменится там.

Арской не хотелось показывать своего торжества. Она сдерживалась.

— Напоминаю: ровно в семь, — вежливо и миролюбиво сказала она.

Партийное собрание пришлось проводить в одной из аудиторий. Кабинет директора для двух десятков участников собрания мал. Клуб слишком велик.

Марьинов скучающе осматривал собравшихся. Избрали председателя, секретаря, утвердили повестку дня, регламент. Во вступительном слове секретарь партийной организации сказала о предвзятых выводах проверяющего Марьинова. Наконец председательствовавший Поляков предоставил слово научному сотруднику.

Марьинов ленивой походкой прошел к столу, пригла-

дил рыжую шевелюру и, чуть отклонив назад голову, начал:

— Я не буду объяснять вам значение нашей проверки. Вы знаете. Вам товарищ Арская в своем выступлении сказала. И то, что не договорено, я постараюсь договорить. Да...— Он преднамеренно остановился, обвел всех присутствующих, сидящих за ученическими столами, взглядом и продолжил:— Да, мы прибыли к вам не с тем, чтобы только отметить, что хорошо, что плохо. Основная наша цель — помочь вам найти новые формы воздействия на духовное выздоровление незрячих, чтобы школа смогла осваивать новые высоты. Ей стало тесно в своей старой рубашке. Она выросла из ее размера. Школе надо развиваться и расти дальше.— Но,— продолжал он,— располагаете ли вы собственными мощностями для такого взлета? Нет, не располагаете. У вас нет соответствующего движка, не хватает сил.— В классе задвигались, зашептались. Марьянов выждал.— Понимаю. Вам нужны доводы. Упоминая про движок, я имел в виду основного руководителя — директора школы. Сам по себе товарищ Томилов превосходный, обаятельный человек, хороший организатор, вложивший немало энергии в создание школы. Но для перехода на новую, более высокую ступень нужен и новый руководитель, новые свежие кадры. А товарищ Томилов свои ресурсы выработал. Он не более чем практик. А школе необходим руководитель, имеющий высшее педагогическое образование. Пора работу ставить на научные рельсы. Скажу без преувеличений, руководителем этого учебного заведения должен быть, самое меньшее, кандидат наук. А теперь мне хочется сказать о тех недопустимых явлениях, которые я узнал. Как, например, вы отнесетесь к факту, когда из школы выписывают учащихся досрочно, вместо того чтобы их воспитывать, и мотивируют это тем, что они занимаются распитием алкогольных напитков? И как увязать логику одинаковых по сути примеров,— он остановил взгляд на Данииле.— Товарищ Кулачков, снятый за пьянку с должности заведующего клубом, очутился здесь в роли инструктора. Пьяница — и преподаватель!— Голос Марьянова наливался гневом.— Между прочим, у вас в школе имеют специальное педагогическое образование немногие. Что мы можем потребовать от Кулачкова, Арского, Полякова, если они в педагогике не больше чем кустари? Это

вроде кузнеца, допущенного к хирургической операции.

Наступила плотная, недобрая тишина. Никто не шевелился.

— Слово вам, товарищ Куликова,— наконец произнес председательствующий Поляков.

Представитель Центрального правления говорила недолго. В основном она читала подготовленную справку, с содержанием которой был ознакомлен весь педагогический состав. В конце добавила:

— Школа, по моему мнению, находится на верном пути. Ее вклад в воспитание — моральное и трудовое — инвалидов по зрению неоценим.

За ней выступили все преподаватели, и ни один не остановился, словно сговорившись, на выступлении Марьянова, будто он здесь не присутствовал и ни о чем не докладывал.

Кулачков признался:

— Я не имею педагогического образования. Заверяю: буду иметь! Я люблю свою работу. Постараюсь для нее отдать все.

То же самое сказал Арский.

Когда взял слово Томилов, Марьянов замер, ожидая возражений, речей в свое оправдание. «Пусть покипятится, наговорит дерзостей. Мне на пользу», — подумал он. Но директор, определив задачи на будущее по сделанным замечаниям проверяющих, неожиданно сказал:

— Да, мы справились пока с запуском только первой ступени. Товарищ Марьянов прав, нам надлежит подняться выше. Верно, для этого нужны специальные знания. Товарищ Кулачков и Арский взяли обязательства иметь их. Я следую за ними. Я тоже люблю свою работу и готов отдать ей все!

К столу вышел невысокий мужчина. Марьянов видел его впервые. «Наверняка кто-нибудь из сотрудников райкома партии...»

— Вправе ли вы, товарищ научный работник, решать вопрос, снять с работы директора школы или нет? Слишком скропалительно ваше заявление...

— Свое мнение я передам в министерство, — внес ясность Марьянов. — Решать будут там. Прошу мои выводы не подвергать тут разбору. Вы, очевидно, не имеете отношения к педагогическому персоналу, и вам трудно разобраться в моих аргументах.

Невысокого мужчину трудно было сбить с толку.

— Да, я не имею отношения к педагогическому составу школы,— резко продолжал он.— Я, как и товарищ Томилов, шахтер, окончил горный институт. Но партия мне доверила возглавить городскую партийную организацию. Товарищу Томилову партия доверила руководить школой, и бюро горкома считает, что коммунист Томилов вполне справляется с порученными ему обязанностями. Отвечу и на вторую вашу реплику по поводу того, что мы не имеем права касаться ваших выводов, приготовленных для доклада министерству. Извините, товарищ Марьянов, имеем право! И вмешаемся!— Гузенко повернулся лицом к Марьянову.— Чтобы в министерстве не сложились превратные мнения о руководстве школы, мы на ближайшем бюро горкома партии обсудим доклад товарища Томилова о работе школы, ваше предложение и примем соответствующее решение. Решение пошлем в министерство.

Еще с порога Сергей окликнул Аню.

— Почему так поздно?— спросила она.

Раздеваясь, балагуря, он доложил:

— В нашей квартире объявился еще один школьник: поступаю учиться в педагогический. На моем посту оставаться дальше без специального образования нельзя. Вот оно как, моя милая докторша! С тебя беру пример!

Аня озабоченно сказала:

— А я-то рассчитывала на твою помощь...

— Какую?— «Что она опять задумала?»

— Хотела, чтобы ты занимался со мной по физике и химии.— И Аня поспешила опередить встречное «зачем».— Современная медицина — это знание врача плюс электронная, электрическая, лазерная и прочая, прочая аппаратура, новые приборы, различная методика анализов, исследования и требует очень много знаний.

— В чем разбираюсь — помогу. Время найду,— пообещал Сергей.

— Еще одна просьба...

Сергей шагнул на кухню, но остановился.

— Порядком поднакопила! Давай выкладывай.

Аня посадила его за обеденный стол и, стуча посудой на плите, сказала:

— К нам поступил новый электронный аппарат для просматривания глазного дна при тяжелой форме поражения роговой оболочки. Приходите с Олегом. Помогти.

«Нет, не зря она стала окулистом! То, что привело ее к решению стать врачом, она, оказывается, не забывала. А я-то думал, с моими глазами она давно все покончила».

— Может быть, посмотришь одного Олега? — увертывался Сергей. — Он молодой, только начинает жить, а я доживу и так.

— Приходите вдвоем! — Просьба Анны прозвучала как требование.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Серое небо сплошь закрыто облаками, похожими на сшитые в огромнейшее полотно овчины. С него сыпется нудная изморось. Ни дождь, ни туман — что-то вроде мокрой пыли. На улице днем сумрачно, тоскливо.

Журавлев подолгу стоит у осиротевшего дома и печально смотрит туда, куда убегает река, виляя то в одну, то в другую сторону. Там где-то Олег. Он знает — сын пока не вернется, но глядит в даль, глядит, ожидая чего-то. Рядом сидит пес. И он смотрит туда же. О чем думает пес? Может быть, та же тоска по Олегу, и собака тоже ждет его, надеется увидеть, готовясь преданно броситься навстречу.

Дождевик Федора Ивановича начинал промокать насекомый, и он шел к избе, а за ним понуро плелась промокшая до шерстинки собака. Пчелиный городок давно перебрался на зимовку. В амбаре стоят полные душистого меда фляги, готовые к отправке в магазины. Под навесом в аккуратные поленницы сложены дрова. В погребсыпаны картофель, морковь. Засолены огурцы, грибы. Все прибрано, подготовлено к зимовке. А внутри Журавлева пустота, неустроенность. Он не скучится на разговор с собакой, котом, и те преданно слушают и вроде что-то понимают. Он говорит и с Олегом, будто сын где-то здесь, недалеко. «Наварим картошки, обольем подсолнечным маслом, а вприкус лапку рябчика — вчера подстрелил». И как бы слышит ответ: «Ой, как вкусно, папа!» Или ложится спать, стелет постель себе, сыну и говорит: «Вначале почитаем...»

Зажжет лампу, возьмет книжку, читает не про себя, а вслух, с выражением. Задремлет и скажет: «Ну, сын, теперь спать пора. Спокойной ночи!» И снова будто слышит: «Интересный рассказ. Спокойной ночи, папа!»

Поздняя осень уступила место зиме. Выпал снег — белый, пушистый, закрыл всю землю, холод сковал льдом реку. Длинные ночи и короткие дни изнуряли Журавлева. Заняться нечем. Жизнь текла понапрасну — скучно и тягостно.

В один из морозных вечеров на пасеку пожаловал начальник строительного участка Максимов.

— Встречай гостя, хозяин, — зайдя в дом, загрохотал он.

Журавлев выскочил из спаленки, обнял гостя — на конец живая человеческая душа, — помог снять шубу, шапку и подвел к пышущей жаром печи.

— Давненько не загуливал ко мне! Живу как медведь в берлоге.

— Ждал, когда плес перехватит. Вот и приехал. — Максимов снял валенки, голые ноги приблизил к чугунной дверце. — Как с медом? На днях будем вывозить.

Федор Иванович гоношил на кухне ужин.

— Все в порядке! Затарен, взвешен. Крышки опломбировал, этикетки привязал.

Отогрев руки, начальник участка достал из внутреннего кармана пиджака конверт.

— Письмо привез. От сына. Журналы и газеты возьмешь там, в сумке. В сенях оставил.

Федор Иванович выскочил в сени.

— Письмо от Олега! Где оно?

Нетерпеливые пальцы вскрыли конверт, извлекли вчетверо сложенный лист бумаги.

— Олежка!.. — вымолвил он, будто это было не письмо, а он сам.

— «Дорогой папа! — начал читать вслух Федор Иванович. — Обучение в школе кончается...» Наконец-то и мое одиночество тоже кончается! — оторвавшись от письма, порадовался он. — «...Я тут привык. Не обижайся, папа, скажу откровенно — возвратиться на пасеку не могу. Она мне могилой кажется...»

Журавлев замолчал, весь как-то ослаб, сник.

— «...Меня устраивают учиться в обычную школу. Правда, поздновато. Постараюсь нагнать. Не сердись,

папа. Я уже многому научился. Теперь надо получить образование. Потом стану трудиться...»

У Федора Ивановича покатились слезы. Он смахнул их рукавом рубахи и продолжил:

— «Папа! Мне плохо без тебя. Я сильно скучаю, потому что люблю тебя. Приезжай ко мне навсегда. Будем жить в комнате, куда ты меня привез. Надежда Васильевна согласна. Работать будешь мастером в нашей мастерской. Папа! Какая жизнь у нас с тобой настанет! Сообщи согласие. На работе тебя здесь ждут. Об этом велела сообщить Надежда Васильевна. Твой сын Олег. До свидания!»

Журавлев не сразу оторвал взгляд от письма. Он выискивал что-то еще. Перечитав по нескольку раз отдельные абзацы и убедившись, что нового ничего не найти, свернул лист вчетверо, как лежал в конверте, сходил в спальню, положил письмо туда, где лежали другие письма. Собирая на стол, он сказал:

— Вот тебе задачка! Попробуй решить!.. Звать обратно? Здешнее безлюдье — могила... И не осудишь. Он прав. А без него мне и самому тут могила. Ехать туда, перебраться насовсем... — Федор Иванович сделал паузу.

Нарушил ее гость:

— Давай-ка поразмыслим как следует.

Максимов подсел к столу. Федор Иванович налил ему медовухи. Свой стакан оставил пустым.

— А себе что? — спросил Максимов.

— Мне не надо... — Журавлев отставил стакан подальше, будто он мешал ему. — Сын там счастье нашел, а я буду пить?

— А ты за счастье парня, — предложил Максимов и взялся за бутыль.

— Не надо, не надо! — остановил Федор Иванович. — За счастье на расстоянии не получится. Захмелю голову и начну выть белугой. Какое тогда счастье! Все горести переберу.

Максимов приставать к хозяину не стал. Выпил.

— Вижу, совета ждешь.

Журавлев подхватил:

— Жду! Угадал. Больше не с кем сердцем обменяться. Скажи, как мне поступить?

Начальник участка, глядя в просящие глаза Федора Ивановича, признался:

— Отпускать тебя жаль. Честнейший ты человек, работяга! Подобного не сыщешь. Но, судя по сложившейся обстановке, тебе надо сниматься отсюда, ехать к сыну, дать ему возможность выйти на широкую дорогу жизни. Ради этого тебе следует пожертвовать покоем. Да и ты там свыкнешься — не стар еще, среди людей побудешь. А сюда мы какого-нибудь деда откомандируем. Молодежь ведь не затащишь. За дом уплатим — сам выстроил.

Журавлев махнул рукой:

— Никакой оплаты не нужно. Выстроил и жил — чего еще!..

Начальник участка не понял.

— Заплатим не за счет того, кто будет здесь жить, а за счет государства.

— Не надо, говорю,— противился Федор Иванович, сминая в кулаке конец бороды.— Какая разница, из чьего кармана. Забирайте дом, мебель без всего, так. Я деньги заработка и мебели наделаю. Тому, кто передает сюда, все это необходимо.

За окном, посвистывая заунывную мелодию, разгуливало вьюга. В печке огонь жадно поедал поленья. Свернувшись клубком, около печи лежал пес Рэк, а рядом, вытянув вперед лапы, нежился кот.

Солнце становилось ярче и так пригревало в полдень, что снег на пригорках становился ноздреватым, рыхлым, оседал и таял. Оголялись каменистые выступы, темные прогалины напоминали заплаты, которые увеличивались с каждым днем. Белая мантия зимы, как истлевшая ткань, рвалась, расползлась. Земля сбрасывала с себя старую одежду, чтобы надеть новую, яркую, праздничную, весеннюю.

Река вздувалась, выходила на ледью, потом приподняла зеленоватую ледянную крышку и стала ломать, крошить ее, уносить вниз по течению.

К тому времени как очиститься реке ото льда, Журавлев уже приготовил лодку, проконопатил щели, залил варом, уложил пожитки в два чемодана, припасенных сразу после разговора с начальником строительного участка, и стал ожидать замену.

Вновь назначенный пасечник приплыл на лодке с тем же парнем, который в прошлом году доставил сюда

Томилова и Полякова. Скарб сменщика тоже невелик — узел и ящик. Узкое скуластое лицо было в морщинах, угольно-черные глаза усталыми. Говорил старик неторопливо, коверкая слова:

— Хорошо здесяка. Жил-жил и, как птичка, крылья поднялся, улетел. Теперь моя посадился здесь. Из тайга приехал, далеко... Тоже пчелкам уход делал. Нога ломал, хромой теперь — сам видишь.

Журавлев показал свое хозяйство, методику учета, рассказал об особенностях каждой пчелиной семьи, капризах и щедрости здешней природы. Старик понимающе поддакивал. Войдя в дом, он показал на мебель:

— А это когда повезешь?

Федор Иванович пробежал глазами по самодельному гладко отполированному гарнитуру.

— Никогда. Тебе оставляю. Пользуйся.

— Ой-ой,— закачал седенькой головой старик.— Я всегда бедный и сразу — богатый! — Он удивлялся и чего-то побаивался.— Я давно один. Такой мне не надо было. Теперь не знаю, как беречь. Дорогой вещь!

— Беречь не надо,— поучал Журавлев.— Надо пользоваться, до старости хватит. Тебе лет-то сколько?

Собеседник Федора Ивановича недоуменно посмотрел на него.

— Кто считал? Сам не считал. Может, больше семьдесят, может, больше восемьдесят. Кто считал! Грамоте раньше не учили. Дети и их ребятишки грамотные. А моя знала пушину.

— А почему стал пасечником? — Журавлев подумал, не угробит ли он здешний пчельник.

Старик сощурил и без того узкие глаза.

— Надо было! Охота не полюбил меня. Моя чуть совсем не пропал. Яма свалился. Не видел — завалок был. Нога пополам! Силы хватило вылезть, ползти немного. Далеко силы не хватило. Я лежу на берег — какой-то баба шел, помог. Изба мой был близко. Баба был интересный — ничего не говорил, только шевелил губами и смотрел, как рысь. Волосы длинный, косматый.

Допоздна новый хозяин пасеки и старый просидели за разговором, поведав друг другу о своих бедах; вместе погоревали, вместе помечтали над тем, что ждет впереди каждого.

Дед проводил Журавлева до лодки, Федор Иванович торопился, чтобы поскорее отплыть, скрыться от печаль-

нога, осуждающего взгляда собаки. Пес спокойно сидел у ног старика. Когда лодка шевельнулась и поползла с берега, пес сделал рывок, но тут же остановился, уперся передними лапами в галечник. Раньше хозяин сам приглашал: «Рэк, сюда!» И Рэк устраивался где-нибудь по средине лодки на мягкой подстилке.

— Не обижай собаку! Пес ласковый, умный,—проクリчал Федор Иванович и оттолкнулся веслом от берега.

— Добрый путь, добрый человек!—раздалось с берега.—Не беспокой себя! Хорошо жить будем!

— Прощайте!—повторил Федор Иванович, расставаясь навсегда и с дедом, и с поляной, с горой, служившей много лет ему и Олегу родным островком.

Маленько суденышко, схваченное бурным весенним потоком, как перышко, понеслось навстречу убегающему горизонту, мимо зазеленевших берегов.

Журавлеву предстояло проплыть много километров, прежде чем он увидит сына, обнимет его.

Такси остановилось у ворот. Журавлев медлил. Пасека позади. Впереди новая дорога. Надо было делать шаг. Первый шаг в неизвестное. Где-то здесь Олег. Какой он?

— Вам плохо?—поворнувшись к побледневшему пассажиру, спросил водитель.

Журавлев открыл дверцу.

— Не беспокойся. Все в порядке. Немного развелся.

Он взял в руки чемоданы. Водитель поднял тяжелый узел.

— Я помогу вам.

В проходной дежурный позвонил Ильиной и, повесив трубку, велел прибывшему бородачу следовать в квартиру завуча.

Ильина уже ждала, открыла дверь.

— Вы почему без предупреждения? Мы бы встретили вас на своем автобусе,—выговаривала она.—А мы гадали, приедете или нет. Проходите в свою комнату, там все подготовлено.

«В свою...»— отметил про себя Федор Иванович.

— А где Олег?—спросил он, испытывая желание немедля увидеть сына.

— Олег в школе на уроках.

— Он разве не окончил?—встрепенулся Журав-

лев, подумав: «Наверное, ничего не получается, трудно дается».

— Он в школе, где учатся обычные дети,— рассеяла его опасения Надежда Васильевна.— Учится вместе с дочкой Сергея Михайловича.— Она прошла в комнату Журавлевых.— Устраивайтесь, Федор Иванович. С дороги примите ванну. А о себе Олег сам расскажет.

— Мы, наверное, стесним вас...

Ильина не дала продолжить:

— Что вы! Мне с вами будет веселее. Да и к Олегу я привыкла. Школа могла бы дать вам квартиру, да мы с Олежей расставаться не хотим. Может быть, вам здесь тесно будет?

Журавлев укоризненно забасил:

— Зачем так говорить, Надежда Васильевна! Я наскучался по людям, а среди них тесно не должно быть.

— Будем считать — наши желания обоюдны.— Ильина прошла на кухню.— Сейчас приготовлю вам поесть.

Комната не походила на ту, в которой Журавлев оставил сына. Кровати стояли по-иному, с левой стороны. Справа — шифоньер, прямо — сервант, у окна — диван, около стола — полумягкие стулья. Одну стену занимали книжные полки. На полу — ковровая дорожка. Наверное, в своей измятой, выцветшей одежде Федор Иванович выглядел в этой нарядной комнате как железная кружка среди хрустальной посуды.

Олег шел один, без трости, без сопровождения. «Не ошибся ли я?» — растерянно взглядался Федор Иванович в приближающуюся фигуру мальчика. Олег подрос, раздался в плечах. На сине легкое темно-синее пальто. На брюках четкие линии стрелок. Все новое, такую одежду он ему не покупал.

Федор Иванович шагнул навстречу и, не дойдя нескольких шагов, не выдержал, крикнул:

— Олежка! Сыночек мой!..

Мальчик резко остановился, прислушался, потом радостно заулыбался и протянул руки.

— Папа!.. Приехал! Вот замечательно!

«И слова-то выговаривает как-то по-другому», — обнимая и целуя сына, подметил Федор Иванович.

— Как же так — один? — осуждая и восхищаясь, спросил он.— Не страшно?

Олег засмеялся.

— Что ты, папа! Я один в магазин езжу, в областной город, на предприятии общества был несколько раз.

— В город? Без сопровождающего? — с тревогой переспросил отец.

— Ну конечно, без сопровождающего! Точно так же, как шел сейчас из школы.

Сбылось пророчество Томилова. То самое пророчество, в которое не верил Федор Иванович, не верил ни на каплю.

Олег сам открыл дверь проходной, прошел через нее, свернул к дому, нашел подъезд. Федор Иванович застыл в удивлении. Сын не держался за перила, бегом взбежал на первую лестницу, повернулся на вторую.

«Что это?.. Не сон ли?..» Он поднялся за ним. Олег достал ключ, ловко вставил в замочную скважину, отпер дверь. За порогом переобулся в тапочки, снял пальто, повесил. В комнате нашел домашние брюки и легкий свитер. На кухне включил электропечь, взял кастрюлю со щами, поставил на конфорку. Выйдя в коридор, он достал из шифоньера новые домашние туфли и подал отцу.

— Сам купил. Тебе. Переобувайся здесь.

Младший Журавлев командовал старшим, и тот безмолвно подчинялся. Слепой, меланхоличный, почти неподвижный мальчик превратился в расторопного, энергичного подростка. Появился новый Олег — уверенный, красивый, рослый. И Федору Ивановичу надо было теперь привыкать к сыну заново. Радость переполнила отца, и он, обняв его, прижал к себе, заплакал...

— Дорогой мой сынок! Каким ты стал, а?..

Олег погладил бороду отца.

— А плакать зачем, папа! Все хорошо! Не плачь! Скажи лучше, как там Рэк и кот?

— Остались, сынок. Дома остались... Жаль, конечно. Что поделаешь? Не повезешь сюда. Привыкнут без нас. Там им раздолье.

Олег поставил на стол две тарелки, сам налил щей. Одну из них подвинул к отцу, подал ложку.

— Ешь. В обед сходим в столовую, а сейчас я очень проголодался.

Федора Ивановича накормила Надежда Васильевна, но он стал есть тоже.

Помыв посуду, Олег повел отца в комнату.

— Раздевайся-ка!.. — потребовал Олег и достал из платяного шкафа темно-коричневый костюм, рубашку, ботинки, носки. — Надежда Васильевна позабыла. Размер Светина мама подсказала.

Еще одна неожиданность! Федор Иванович снова растерялся.

— А твою одежду на какие деньги купили? Я для тебя высыпал.

Олег улыбался.

— Мне подарили. А твои деньги Надежда Васильевна потратила на тебя. Переодевайся. Тебе теперь надо ходить в хорошем костюме. Ты ведь будешь заниматься с учениками. Мастер! Преподаватель!

Федор Иванович сбросил с себя старый костюм, темную рубашку и, безропотно подчиняясь сыну, надел все новое.

— Ну как, папа, переоделся? Подошло? Старое сложим в кладовую. Ты посмотрись в зеркало. Пойдем в прихожую.

Увидев свое отражение, Федор Иванович обомлел. Он не узнавал себя.

Со дня ранения он избегал зеркал, но сегодня, повинувшись желанию сына, наконец-то увидел себя во весь рост.

— Ну что, папа, нравится? — спросил Олег.

Федор Иванович схватил сына за руки.

— Спасибо, сын! Моя ты радость!

— Ты что, папа! Вон я какой большой! — И, освободившись из рук отца, посоветовал: — Тебе бы еще бороду сбрить.

Федор Иванович снова взглянул в зеркало и попробовал представить себя безбородым.

— Шрам заметнее станет, — вслух подумал он.

Олег поднял руки и впервые коснулся затвердевшего рубца, спускающегося от виска к уголку рта.

— И пусть станет заметнее, — успокоил он отца. — Ты его получил на войне. Ты герой!

У последнего верстака ученик нервно бросил рамку, бормоча что-то под нос. Журавлев подошел к нему, собрал разлетевшиеся рейки и спокойно спросил:

— Не получилось?

— Перекос! — сердито буркнул ученик.

— Перекос поправим.— Мастер определил причину неудачи.— Ты понапрасну не злись. Не сразу все получается, Дмитрий. Потерпи, дружок! Надо добиться, чтобы получилось. Найди-ка ошибочку.

Дмитрий неохотно взял заготовку, измерил большие стороны и меньшие. Те и другие равны.

— Правильно! Равны.— И мастер потребовал:— А ты проверь все остальные.

Дмитрий завозился, измерил бруски по толщине — сходились. Сравнил пазы. Один паз на меньшей рейке был взят глубже, чем на противоположной. Он сложил рамку — она перекосилась.

— Далековато запилил...

— Ну вот и нашел ошибку. Молодец! — Федор Иванович дал ученику додумать, как исправить.

— Запилю на этом уровне и вторую.

— А еще как?

Ученик собрал на лбу складки.

— Вместо испорченной сделаю другую.

— Правильно. Молодец, Дмитрий!

У Дмитрия губы расплылись в улыбке.

Журавлев никогда не повышал голоса, был со всеми одинаково ровным, умел успокоить, уговорить любого ученика. За это снискал уважение и доверие. За время работы он не только обучал слепых столярному делу, но изготавливал и мебель для нужд школы. В общежитиях заменили железные кровати на деревянные. В классе наглядных пособий появился новый интерьер. Он любил мастерскую и почти каждый вечер задерживался в ней, то дополнительно занимаясь с отстающими, кому не поддавалась деревообработка, или с теми, кто хотел получше освоить эту специальность, то сам мастерил что-нибудь, а то и просто беседовал с учениками. Они любили слушать его рассказы о жизни, сами рассказывали о себе. Вначале, когда у Федора Ивановича была борода, его звали «батя» — не открыто, а за спиной. После того как он сбрнул бороду, прозвище отпало само по себе. Федор Иванович помолодел, и зрячие поправляли учеников: «Какой он «батя»?»

Федор Иванович не сразу привык к бритому подбородку. Забывшись, он нет-нет да хватался за несуществующую бороду и смеялся.

В конце рабочего дня он зашел в конторку старшего мастера.

— Ну, Илья Максимович, до свидания! Завтра еду в отпуск. Давай руку, Илья Максимович! И прими мою благодарность. Те слова твои правильные, что работа с людьми почетная, интересная, святая. Я теперь сам это вижу. И я вместе с вами вроде врача. И мои руки помогают вставать на ноги таким, каким был мой сын.

На улице Федора Ивановича ожидали учащиеся. Они пришли проститься с ним. Их срок обучения кончился. Доведется ли встретиться? Ученики преподнесли ему торт, который испекли сами.

— Спасибо вам, мои друзья! — проговорил Журавлев, тронутый их вниманием.

В городе, не пряча лица от взглядов людей, Журавлев Федор Иванович шагал с гордо поднятой головой.

Живым положено жить. И он жил. Жил на совесть. Жил и шагал вперед, счастливый счастьем Олега и своим!

СВЕТ, ЗДРАВСТВУЙ!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Аня сошла с широкого крыльца главного входа больницы, остановилась и, оглянувшись, подняла голову. От окон седьмого этажа она перевела глаза на четвертый этаж. Первое окно с краю — палата, второе — тоже палата. Дальше — процедурная. А вот... Ее лицо посветлело. За тем окном — Сергей. Ее Сергей. Аня улыбнулась окну и быстрым шагом пошла к стоянке машин.

Редкий снег падал лениво, словно предвидел бессмысленность своего существования на земле.

Часто Аня на работу приезжала на своих «Жигулях», хотя при переводе в областную глазную больницу ей обещали служебный транспорт.

— Вижу, Анна Ивановна, я сегодня вам не понадоблюсь. На своем коньке, — крикнул из-под навеса шофер, где стояло несколько дежурных спецмашин и светло-голубые «Жигули» Томиловой.

— На своем, на своем! — сказала Аня и села за руль.

Она любила водить машину сама. Когда-то чувствовала себя за рулем неуверенно, боялась. Теперь это чувство прошло. Подвластный ей автомобиль, как безупречно вышколенная лошадь, исполняющая любое приказание хозяина, чутко отзывался на любое ее движение. Уличная суeta города отвлекала. Она забывала о трудном дне в больнице, своих обязанностях, обходах, осмотрах больных, о подготовке к операциям и самих операциях. К концу рабочего дня она порядком уставала, и вот — руль, шоссе, улицы. Организм перестраивается, откуда-то берутся силы, и ее притомившиеся глаза

веселеют, а когда последний дом города останется позади и она прибавит скорость, тогда станет еще отраднее. Шоссе быстро поведет дальше и дальше, туда, где ее дом, семья. Еще и еще быстрее. Аня начинает напевать какую-нибудь мелодию. Проплыл новый угольный разрез. Машина ходко взбралась на длинный затянувшийся подъем. Показался ее милый, ее родной Дальний. Машина резко сбавила скорость, зашипел под колесами асфальт. Аня оборвала песенку. Вон ее дом — отсюда она видит его. Но там нет Сергея. Он остался позади, в больнице, откуда она едет.

За последние годы Дальний сильно разросся.

Четыре гигантские шахты, пять заводов притянули к себе тысячи и тысячи людей. Выросли новые микрорайоны с новыми домами, больницами, магазинами, школами, клубами. Для дальнейшего развития города воин за теми курганами строится электростанция. Растет, ширится город... Растут дети... Вспомнив о предстоящем разговоре с Олегом, Аня прибавила скорость.

Дверь в комнату Светланы была открыта. За низким столиком по обе стороны в креслах сидели дочь и Олег. Хотя Аня и не видела лица Светланы, та сидела спиной к двери, но по возбужденному разговору чувствовала, как у нее алеют щеки, блестят глаза. Олег улыбался. Аня видела его лицо. На крутой лоб свисла прядь русых волос. Он редким, коротким движением головы отбросил ее назад. Лицо красивое, волевое. А если бы он был зрячим...

Олег встал. Широкоплечий, руки сильные, спина прямая, крепкая.

— Кто-то пришел, — перебил он Светлану.

— Кто там? — Светлана тоже встала. — А-а, мама... — И нарочно строго упрекнула: — Ты куда упрытала папу? Куда увезла?

Аня вошла в комнату.

— Увезла, увезла я, доченька, нашего папу. — Она села на стул, к письменному столу, за которым Светлана готовила уроки. — Присядьте... — пригласила она, и по ее голосу нетрудно было догадаться: предстоит необычная беседа.

Светлана сразу посерезнела, села на свое место. Сел и Олег.

— Отец в больнице...

Минутное настороженное молчание.

— Будем готовить к операции.

Светлана затаила дыхание: «Готовить к операции»...
Она смотрела на мать вопрошающе.

— И он увидит все? — как бы не доверяя услышанному, боясь ошибиться, переспросила она.

Аня пожала плечами.

— Будем стараться... — Она обратилась к Олегу: — Мне хотелось посоветоваться и с тобой, Олег.

Тот вскинул широкие темные брови, повернулся на голос, сел прямее.

— Слушаю, Анна Ивановна.

— Вы кончаете десятый класс. — Аня взглянула на дочь. — Светлана, наверное, помчится в медицинский институт, о котором она бредит и во сне и наяву. А тебе, Олег, придется с университетом подождать. Математика от тебя никуда не уйдет. А глаза не ждут, надо оперировать.

— Когда? — вскрикнул Олег.

Светлана хотела что-то сказать, но мать предупредительно подняла руку.

— Сдашь экзамен, получишь аттестат зрелости, я за это время сделаю операцию Сергею Михайловичу и начну готовить тебя.

— А до экзаменов в университет успеть нельзя? — спросил Олег, растерявшись, не зная, как ему быть.

Аня пояснила:

— Предстоит очень сложная операция, Олег. Очень! Нам долго придется готовить тебя, а потом длительный послеоперационный период. Уйдет не менее полгода. Потом отдохнешь, подготовишься к экзаменам и начнешь учиться. Мне кажется, такой вариант самый удобный. Ведь это лучше, чем отрывать тебя от занятий среди учебного года.

Лицо Олега горело. Он сидел безмолвный. В нем бурлила радость: он сможет увидеть свет, краски, и было жалко выношенного плана поступить в этом году в университет, по-настоящему заняться математикой.

— Мама, я с институтом тоже подожду! — вскочив с места, твердо заявила Светлана. — Мы с Олегом начнем учиться дальше одновременно. Я пойду к тебе работать санитаркой, чтобы помогать Олегу. У меня будет год практики, легче пойдет учеба.

Такое решение дочери не понравилось Ане.

— Напрасно ты бросаешься в крайность, — попробо-

вала урезонить ее она.—Ты и так можешь навещать Олега. Зато у тебя не пропадет год. А вузы вы закончили все равно вместе. Тебе учиться шесть лет.

Светлана подошла к матери, поцеловала ее в щеку.

— Ты мой милый хищник! И папу положила в больницу, и Олега собираешься похитить. И все-таки я буду около него. Обещаю быть самой исполнительной, самой внимательной няней. Вот посмотришь!

— Поживем — увидим,—неопределенно ответила Аня.—А теперь давайте ужинать.

Светлана метнулась на кухню.

— Пойдемте. Все готово.

Двухместная больничная палата. Одна койка свободна, застлана умелыми руками нянечки. На другой лежит Томилов. Лежит первый день. На тумбочке несколько книг по Брайлю. На столе письменный прибор, грифель, листы плотной бумаги — необходимый запас для заполнения дооперационного бэзделья. Пока до всего этого не дотронулся. Некогда. Первоочередной необходимостью он посчитал ознакомление с внутренней планировкой здания. Поэтажный план расположения комнат, лестниц, холлов, лифтов, поворотов Сергей досконально изучил еще у себя в школе — по макету здания областной больницы, который находился в аудитории наглядных пособий. Его подробные схемы вызывали особый интерес у учащихся. И сейчас, обходя клинику, Сергей не испытывал особых затруднений. К тому же сама по себе планировка корпуса с учетом специфики больных была предельно проста. Прямой коридор, по обе стороны кабинеты, палаты, лаборатории, служебные комнаты. Сегодня Сергей за день изучил все от седьмого этажа до четвертого, назавтра надлежало освоить остальные.

Надвигалась ночь. Первая ночь в больнице. Сколько их впереди? Какая будет последней? А главное, с чем его выпишут: с круглосуточной ночью или...

Сергей лежит на спине, руки заложены под голову. Думает. Час. Еще час. Там приблизится операция. Пройдут дни, и они канут в прошлое с их событиями, свершениями. Снова придут настоящие и будущие дни. Сколько их еще впереди? Не за горами его пятидесятилетие. Сколько оставлено позади? Были всякие дни. Легкие, как дождинки, тяжелые, как ртуть. А как слу-

чилось, что ему, Сергею, снова пришлось очутиться в больнице? И не с какой-нибудь болезнью, а опять по поводу глаза, чтобы дать ему свет. Есть ли тот фитилек, который может воспламениться от ножа хирурга? Ведь после первой неудачной операции наступила слепота окончательная, непоправимая. Его оставшийся глаз не интересовал ни одного окулиста, даже очень известных. И вот в глазу-покойнике замечен фитилек. Наверное, замечен, иначе бы Сергею не быть тут. Ему хотят вернуть светлый мир. И кто? Аня, его жена, его Анюта, библиотекарь. Сколько мужества, самоотверженности, стремлений, решимости и дерзости нужно было, чтобы преодолеть это поистине межпланетное расстояние. Каждая одержимость, страсть, какой подвиг! Сделала ли она прыжок ввысь, поменяв должность библиотекаря на профессию врача? Да! Безусловно. Библиотекарь — специальность нужная, почетная, полезная. Но врач, врач, побеждающий смерть, несущий человеку здоровье, вносящий в науку собственные открытия, — это уже не просто профессия, а талант. Особый склад ума. Был ли у Ани особый склад ума, ответить трудно. Она сама развила в себе талант, стала видным окулистом, хирургом. Сколько в каждом человеке потенциальных возможностей в приобретении и развитии какого-нибудь дара! Каждому бы так добиваться своей цели, как достигала ее Аня. Конечно, ее поступок был продиктован любовью к Сергею. Она вдохнула в нее силы. Не Сергей бы, не появившаяся у него ничтожная надежда — капля света, вероятнее всего, быть бы ей всю жизнь библиотекарем. Не спасти бы теперь многим, многим больным зрения, не печататься бы ее научным статьям. Из-за него, из-за Сергея, она оказалась в областной больнице, для него, для того, чтобы вернуть ему зрение. Любовь...

Сергей тоже любил Аню беззаветно. Стремился как можно больше сделать для семьи. Все, чего он достиг в жизни, — это тоже в первую очередь заслуга Ани. Делая полезное для других, он делал это и для нее. Так он окончил педагогический институт, так написал кандидатскую диссертацию.

Следующее утро ознаменовалось посещением Колчина, Трошиной и Моргунова. Обычно в такие часы для посетителей вход запрещен, но, по-видимому, председа-

тельский титул Колчина оказался сильнее всяческих препон.

— Как же вам удалось прорваться через наших стражей? — удивился Сергей.

— Я лицо ответственное, в какой-то степени прове-ряющее. Поэтому закрытых дверей для меня нет, — полуслыша-полусерьезно сказал Колчин.

По сути дела, это так и было. Областное правление общества принимало самое активное участие в строительстве глазной больницы, помогало в проектировании, улаживало встречающиеся неурядицы во время строительства, полностью финансировало стройку. По инициативе областного правления при больнице создали учебно-консультационный пункт, брайлевскую библиотеку, оборудовали комнату истории Общества слепых, и те больные, кому суждено было выписываться из больницы с полной потерей зрения, знакомились с жизнью, которая ожидала их, узнавали, что создано, приготовлено для них. Медработники знали Колчина, принимали его с почтением, информировали о своих делах.

— Ну, рассказывайте, как у вас? — с интересом обратился Томилов, будто он здесь, в этих стенах, пробыл вечность.

— Прежде всего, Сергей Михайлович, примите наши гостинцы, — от всей делегации сказал директор предприятия Моргунов. — Мы вам изготовили макет Дворца труда и планировку всех четырех этажей. По схемам вы прочтете расположение технологических линий с наименованием станков, размещение участков, цехов.

Томилов взял в руки миниатюрное здание, брайлевские схемы и тут же начал ощупывать их. Моргунов предостерег:

— Э нет, Сергей Михайлович, — это вы будете изучать в свободное время. А сейчас бы нам хотелось поговорить на вольную тему.

— Хороший гостинец вы мне принесли! Удружили! — Томилов радовался возможности ознакомиться с новым производственным корпусом, пущенным в эксплуатацию недавно. — Все собирался побывать, да закрутился.

— Мы вам хотели это преподнести в день юбилея школы, но решили не ждать и отдать вам сегодня.

Колchin рассказал о новостях в областном правлении. Потом задал вопрос:

— А как с вашей ученой степенью?

— Не знаю,— признался Сергей.— Все порожки, казись, перешагнул, и тайное голосование состоялось. Что дальше, пока неизвестно. Главное сделано. Написана работа о восстановлении трудоспособности слепых. Надеюсь, мой труд не останется без практического применения.

— Безусловно!— вмешалась Трошина.— Кроме научных трудов не мешало бы создать художественные произведения, фильмы. Такие произведения откроют читателю тот уголок жизни, в котором люди, не видя света и красок, борются за свет и краски, где совершается поистине героизм.

Колчин рассмеялся.

— Работник библиотеки в своем излюбленном амплуа.

— Вообще-то ты прав,— рассмеялась и Елизавета Дмитриевна.

— Вы оба правы,— поддержал Сергей.— Жизнь незрячих нельзя отделить от всей большой жизни страны. Она должна стать такой же темой искусства, как тема завода, стройки, пшеничного поля.

Колchin хмыкнул:

— Послушать со стороны, так можно подумать, что вы напрашиваетесь в герои.

— Почему мы?— возразила Трошина.— Речь идет о всех, кто нормально живет, трудится, хотя его окружает мрак.

— Первый экземпляр из таких — ты, Лизанька.

Трошина не успела возразить мужу. Послышался голос Ани:

— Откуда взялся тут партизанский отряд?

— Не ругай их, товарищ доктор. Они проявили заботу о моем душевном покое, развлекают меня.— Сергей указал на преподнесенный подарок, лежащий возле него.— Значит, помогают вам в подготовке операции.

Сколько лет уже прошло, как Трошину никто не называет врачом, а все-таки воспоминания о любимой работе не исчезают. Как правило, они приносят тоску, угнетающее раздумье. И сейчас Елизавета Дмитриевна представила, как она, подобно Томиловой, входит в палату, интересуется самочувствием больных. Тех, кто был после операции, спрашивает: «Как глаз? Не болит?»— «Ломит, доктор».— «Потерпи. Скоро пройдет».— «Потерплю. Лишь бы видеть...»

И надо ответить дипломатично, не пообещав наверняка, в то же время поддержать надежду. Самовнушение в успешном выздоровлении — действенное лекарство.

Занятая своими мыслями, Трошина не слышала, о чем говорили рядом. И только когда ее имя было названо Аней, она повернулась на голос.

— Наша встреча, Елизавета Дмитриевна, как нельзя кстати.— Аня взяла ее под руку.— Пусть мужчины говорят, а мы пойдем ко мне.

В кабинете Аня усадила Трошину подле стола. В таком приеме было что-то необычное. Елизавета Дмитриевна напряглась. Сама Аня не села, осталась стоять около нее. «Что-то мне готовится сообщить», — отметила Трошина и притаилась в ожидании.

— Обстановка вам знакома? Наверное, свою стихию узнали даже по запаху.

Томилова была права. Да, больница сразу напомнила о себе, как только Елизавета Дмитриевна вошла в здание. Она ничего не видела, а по голосам медработников узнавала, куда и зачем они идут. Воображение рисовало ей людей в белых халатах, куда-то спешащих с сосредоточенными лицами.

— Не только по запаху узнала, Анна Ивановна,— она жалко, мучительно улыбнулась.— Само пространство, звуки, голоса больных говорят о себе.

Аня отошла и села не за свой стол, а напротив.

— Вам не надо объяснять, с какими больными мы имеем дело,— начала она.— Поступают к нам разные больные: и со свежими ранами после травмы, и с застаревшими болезнями. И те и другие хотят видеть. А вернуть зрение удается не каждому. Вот вам последний факт. Молодой рабочий на стройке повредил левый глаз. Начался острый воспалительный процесс.

— Для того чтобы сохранить правый, потребовалась ампутация поврежденного,— подсказала Трошина.

— Вот именно. И парень,— продолжала Аня,— заладил: «Какая мне жизнь одноглазому. Петлю на шею — и все. Наметили свадьбу, а кому я такой нужен теперь...» Подобным больным необходимо педагогическое и психотерапевтическое воздействие. Мы добились штатной единицы — врача-консультанта. Как ни говорите, триста койко-мест. Посчитайте, какова пропускная способность за год. Тысячи! Солидно! — Она

подошла к Елизавете Дмитриевне:— Я с предложением... Вернитесь в больницу.

— Что вы! Справлюсь ли? Я уже все забыла!— не сказала, а выкрикнула Трошина.

— Обязательно справитесь,— успокоила Аня.— Вы врач, прошли курс обучения в школе восстановления трудоспособности. Один ваш жизненный пример многое значит.

Трошина поднялась, прижалась к Томиловой.

— Вы чудотворка! Вернуть меня в больницу! Возможно ли, Анна Ивановна? Стать врачом снова...— Она заплакала.

— Возможно, Елизавета Дмитриевна!— Аня обняла ее.— Считайте, что вы уже врач. Будем вместе лечить больных.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Константин Томилов шагает по длинному залу электростанции. Пока во многих местах култышками виднеются трубы, кисти проводов. Сверкают молнии электросварки. Он подходит к высокой громадине котла. Сварщик только что закончил строчку, придирчиво осмотрел ее, остался довольным. Выпрямился.

— Дядя Сеня, здравствуйте!— узнал Костя.

— А-а, Константин Сергеевич! Добрый день!— Кузнецов взглянул еще раз на сваренный шов, повернулся к Томилову-младшему.— Как поживаете?

— Ничего,— сказал Костя и спохватился:— Да, мама положила папу в больницу. К операции готовят.

Семен впился в парня удивленным взглядом.

— И сможет увидеть? Сергей Михайлович сможет увидеть?— пытал он и, стукнув пальцами по защитной маске, которую держал в левой руке, вскрикнул:— Вот здоровово-то!

Разговор перебил подошедший мужчина:

— Давай, бригадир, срочно к мастеру.

В диспетчерской Костя записал в журнал то, что сделал за день, осмотрел заваленное обрывками проводов, изоляторами, крючьями, железками помещение и подумал: «Скорее бы снесли все эти времянки. Тогда нас, эксплуатационников, переселят туда, в главный корпус».

Строительство ГРЭС неподалеку от города, где жил Костя, сказалось на выборе его профессии. В детстве он мечтал быть военным, потом понравилась геология, потом шахты. Но, однажды побывав на стройке ГРЭС, он твердо решил стать энергетиком. После восьмого класса, не внемля уговорам родителей окончить среднюю школу, а потом поступить в энергетический институт, он выбрал электротехнику на Урале, окончил его с отличием, сюда прибыл по распределению и сразу же поступил в политехнический институт на вечернее отделение. Сейчас он временно исполнял должность диспетчера. Въедливо изучая различные схемы, старался узнать, как устроен тот или иной узел, как будут работать различные механизмы электростанции. Выходя из будки-домика, сооруженного на скорую руку в самом начале стройки, Костя свернул на берег моря. Рабочее время окончилось, спешить домой не хотелось. Широкая водная гладь раздвинула берега речушки. Упервшись в бетон плотины, привольно раскинулась она, отражая небо, горные кряжи. Сейчас здесь было тихо, пустынно, не-приветливо. Море только что освободилось от льда. Костя поежился, поднял воротник пальто. Здание станции, детский комбинат, двухэтажные здания. Дальше диспетчерская. Там делать нечего. Он поворачивает налево, в поселок. Жилые многоэтажные дома, больница, почта, универмаг. Зайти, что ли? Костя заходит. Один отдел, другой. Обувь. За прилавком молоденькая продавщица. Костя замер и стал разглядывать не товар, расположенный на прилавке, а нежное лицо девушки со вздернутым носиком, маленьким ртом. Стойная фигурка проворно сновала между прилавком и полками. Маленькие руки подавали то туфли, то сапожки, забирали их обратно, ставили на место.

— Что вас интересует? — мягко спросила она заглядевшегося на нее Костю. Такие покупатели ей не впервые: подойдут, постоят, нагло наблюдая за ней. Молодой человек молчал. Девушка обратилась к следующему покупателю. Улучив момент, Костя отошел от прилавка и скрылся в толпе.

Зашел в следующий магазин. Продавцы как на подбор: симпатичные молодые девушки, очевидно, окончившие торговое заведение в одно и то же время. Тоже миловидные. Прежде он как-то не замечал, не вглядывался в девичьи лица. Они для него все были одинаковы.

Красивые. В отдельности он их не разглядывал, не сравнивал. Увидев ту, курносую, он разглядел, что все девушки разные. Вот, например, черненькая. Видная. А на лице какая-то отрешенность. Спрашивает, отвечает словно автомат. Вон у той, беленькой, движения резкие, грубоватые. С покупателями обращается бесцеремонно, невнимательно.

Вон та, полненькая,— хорошенская, а хмурая, будто что-то гнетет ее. Большие глаза с темными густыми ресницами. Чудесные глаза! Но безучастные, холодные.

А у той, из универмага... Нет, она совсем другая, не такая, как эти, лучше, добре, красивее.

Позже, у себя дома, как ни старался он вычеркнуть ее из памяти, ничего не получалось. И назавтра, едва закончился рабочий день, он снова пошел в универмаг. Для отвода глаз постоял перед одной, другой витриной, постепенно передвигаясь к нужному отделу.

Она узнала его сразу. Он поздоровался, спросил, нет ли туфель для весны. Девушка участливо кивнула:

— Какой размер?

Ему не нужны были туфли. Но пришлось назвать.

Она порылась в картонных коробках.

— На толстой подошве подойдут? По сезону,— предложила девушка. Отказываться было неудобно. Туфли ему понравились. И, чтобы не обидеть ее, он купил их. Продавщица улыбнулась ему.

— Носите на здоровье,— сказала она.

Кто-то потребовал:

— Покажите вон те...

Кто-то поинтересовался размерами. Кто-то назвал девушку Любой.

— Есть билеты в кино. Не задерживайся.

Костя ревниво посмотрел на обладателя билетов — высокого парня, с темно-карими глазами. Перед закрытием магазина Костя вышел на центральную улицу и стал ждать, когда появится Люба и не встретится ли с тем парнем. Если нет, он подойдет к ней, заговорит. О чём? Костя не знал. Не остановится, ясно — не нужен.

Наконец она! В красном пальто, в пушистой белой шапочке. Идет легко, быстро. Без халата Люба казалась выше и, пожалуй, еще красивее. «Остановить... А что, если она обидится за навязчивость, назовет нахалом? Мало ли ей кому приходится улыбаться из вежли-

вости по работе, а потом с каждым расплачивайся вот так?» Он почувствовал, как стыд обжег щеки, уши.

— Я случайно увидел и подошел... Туфли понравились... — И испугался, что несет околесицу.

Видя его замешательство, девушка остановилась.

— Я довольна, что вам понравились ботинки.

Не смеется, глядит открыто.

— Вы не знаете, какое кино в «Энергетике»? — поспешил спросить Костя, чтобы еще задержать ее.

— Не знаю, — ответила Люба.

— А на какой фильм вас пригласили?

Снова «не знаю». И наверняка чистосердечно. Видно по лицу.

— В «Энергетике», мне припоминается...

Девушка перебила Костю:

— Я живу в Дальнем...

— И я! — громко подхватил он. — Тогда вы идете, наверное, в кинотеатр «Венера»?

— Точно не знаю... Но мы там частые посетители.

— Невероятные совпадения. Я собирался сегодня пойти туда же.

Решение Костя принял на ходу.

Девушка сделала вид, что это ее не касается. Она извинилась и направилась дальше к автобусной остановке. Костя прошел к остановке другой улицей. Любы уже не было. «Уехала...»

И все-таки в кино он пошел.

Брат Любы Степан в присутствии Миши Улагашева поинтересовался:

— Это кто около тебя второй день увивается? Я видел, как он на улице ждал тебя.

Брат излишне ревностно оберегал ее от ухажеров, встречал с работы, не разрешал допоздна задерживаться у подруг. Один Миша считался доверенным и был вне контроля. Любке надоела опека. Она съязвила:

— Кавалер, Степочка! Что, не понравился? Если да, скажи чем?

Михаил побелел от бешенства. А Люба, как бы не заметив его состояния, на всякий случай предупредила:

— Он и в кино придет.

Миша зло посмотрел на девушку, придержал Степана. Освободившись от телохранителей, Люба независимо, легко пошла дальше.

— Надо проучить этого... — Миша выругался. В одиночку он не посмел бы даже подумать об этом, а со Степаном чувствовал себя смелее. У Степана кулак — целый молот. Посмотришь — испугаешься.

— Как «проучить»? — не понял Степан.

— Расписаться на мордочке и печать поставить: «Наших не трогать!» — уточнил Миша.

Около кинотеатра светло, ярко огрыз лампочки. Там, где они, — безлюдно и сумрачно. Вдруг Миша рванул Степана за рукав пальто:

— Стой! Он!..

Пересекая им путь, в вечернем сумраке двигалась фигура. Не управляя собой, Улагашев бросился к парню.

Костя не ожидал внезапного нападения, но легко увернулся и в ответ ударил противника по скуле. Тот свалился на тротуар. Тут же навалился на Костю еще один.

Костя успел заметить злые, горящие глаза. Все его тело напряглось. Хорошо отработанным приемом он отбросил нападающего назад. Тот попятился, устоял. Пришлось добавить еще, и здоровяк оказался там же, где лежал его товарищ.

В фойе Костю встретила Люба. В ее глазах плескалось беспокойство.

— Вы их не очень?

Костя не думал, что Люба могла видеть драку.

— Я стояла там, на втором этаже... — Она показала на лестницу. — Это мои телохранители.

Костя сконфузился.

— Я не виноват. Честное слово! — объяснил он. — Я шел, они набросились...

— Знаю, знаю, — перебила Люба. — Они очнулись?

— Конечно, очнулись. Я так, легонько, в порядке самообороны. Наверное, придут в кино.

— Ой, а я напугалась! — с облегчением выдохнула девушка. Ее глаза стали такими, какими были там, на работе. — Чертенята! С ума посходили... Тоже мне конвоиры!

Костя пошутил:

— Могу предложить свои услуги вместо них. Обещаю охранять самоотверженно.

— В этом я убеждена!.. — рассмеялась Люба. — Вижу, на вас положиться можно.

Томиловы жили в старом районе, около старой шахты. Улагашевы в районе новой застройки, куда переместились основные административные учреждения города.

Мише сегодня пришлось подняться раньше. Надо ехать к Косте Томилову заниматься по математике. Родители договорились, что Костя поможет Мише. Не любил Миша этот сухой предмет и порядком подзапустил его.

Посматривая из автобуса в окно, Миша припоминал подробности вчерашнего события. После оплеухи болела скула. Он нисколько не досадовал, что ему попало, наоборот, чувствовал себя героем. Броситься на защиту девушки, как он, не всякий сможет. Его так и подмывало похвастать перед кем-нибудь своим подвигом. И не мешает рассказать в красочной интерпретации о вчерашнем событии Косте.

Дверь в квартиру Томиловых открыл коренастый, выше Михаила парень в зеленой спортивной куртке. Их взгляды скрестились. Они не видели друг друга давно. Михаил машинально потрогал подбородок.

— Миша, ты? — воскликнул Костя, скрыв, что видел его вчера в драке.

— Я, Костя, — сдержанно произнес Михаил, гадая, знает ли он его, и если узнает, каково ему, Михаилу, будет оправдываться.

— Как ты изменился! Возмужал! — удивился Костя.

— И ты, брат... — в тон ответил Михаил. — Мы виделись с тобой, считай, в детстве.

И в самом деле, как-то получилось, что Михаил не виделся с Костей очень давно. Он забегал к Томиловым. Костя то учился в техникуме, то был на работе, то уезжал в институт в областной город.

— Раздевайся, проходи, — по-хозяйски распоряжался Костя. — Дядя Коля звонил мне. Сегодня иду во вторую смену, давай позанимаемся.

— Я, знаешь, не в ладу с математикой. Скоро экзамены, — удрученно признался Миша.

Костя повел брата в свою комнату.

— Пустяки, нагоним. Времени в твоем распоряжении достаточно. Приезжай пораньше.

Вошла Светлана. Миша вскочил, просиял. С сестрой он встречался чаще. Света обратилась к нему:

— Горком комсомола создал объединенный штаб средних школ по прокладке теплотрассы. Я, как секретарь комитета комсомола нашей школы, назначена начальником. Ты ответственный за материальную часть. Твой пapa — управляющий, ближе к тебе, легче будет обращаться за помощью. Завтра у нас первое заседание сразу после уроков. Учи.

На заседание штаба собралось столько молодежи, что школьный зал еле вместил всех. Светлану бросало то в жар, то в холод. Здесь не только их комсомольцы, а представители от всех школ. Она поднялась из-за стола, глубоко вздохнула. «Будь что будет», — подбодрила себя и начала:

— На днях состоялось бюро горкома партии. Разговор шел о теплотрассе от электростанции до нашего города. — Она сделала передышку, чтобы окончательно освободиться от скованности. — Основной пролет будут прокладывать строители. Бюро горкома обратилось ко всей молодежи с просьбой выкопать траншее в городе, для чего придется отработать каждому определенное количество часов на рыхте траншей. Сколько? Это мы и должны сегодня решить. Город нуждается в горячей воде и очистке воздуха от пепла, дыма и сажи. — Она собираясь говорить долго, более убежденно, но ее красноречия хватило всего-навсего на краткое, сухое сообщение. Она подумала, чем закончить, и досказалась: — В общем, такие заседания идут во всех штабах: определяются участки, берутся социалистические обязательства. Нам предстоит сделать то же самое.

Из всех концов зала посыпались вопросы:

— Сколько комсомольцев в городе?

Светлана ответила:

— Около пяти тысяч.

— А вообще молодежи?

Светлана замялась:

— Не знаю. Очевидно, десятки тысяч.

— Где наш участок?

- Как с экзаменами?
- Когда приступать к работе?
- Как каникулы?

«Как?..» «Где?..» Куда?..» В чем Светлана была осведомлена, терпеливо разъясняла. В чем сомневалась, обещала узнать, ответить потом.

Слово взял парень в очках из соседней школы.

— Громко митингуем: «Комсомольская стройка!— Парень взмахнул длинными руками.— Ура!» А как митинг окончится — и тю-тю! Никого! Кто во время летних каникул станет в земле ковыряться? А десятиклассникам надо готовиться в институт. Некоторым перед армией захочется жири нагулять. До лопаты ли? Наобещаем, обнадежим — и в кусты!

Заскрипели сиденья, в зале затопали, засвистели. Оратор обиженно пожал плечами, сел. На его месте появилась девушка из той же школы. Когда улеглись страсти, она гневно сказала:

— Стыдно, что среди нас есть подобные паникеры. Когда я собиралась на это заседание, мои родители напутствовали меня голосовать за теплотрассу. Это же забота о людях, о целом городе. И я голосую «за»!— Она сделала паузу.— Мой папа — строитель, монтажник. Работает на электростанции. У него есть предложение: основной участок трассы провести не строителям, а молодежи города. Он прав. Здесь, в городе, мы разойдемся по участкам, не будет у нас спаянного коллектива, а там линия цельная, результат весь на виду. Заработанные деньги передадим коммунальному хозяйству исполкома, а оно на эти деньги параллельно проложит трассы внутри города. Наш участок папа предлагает объявить молодежной ударнойстройкой.

Предыдущий оратор подскочил к девочке, снял очки, и перекривая восторженный зал аудитории, выпалил:

— А я о чём говорил! Именно о такой стройке! Нам нужен настоящий объект, где можно развернуть фронт в полную силу!

Желающих выступить было сколько угодно. Все ораторы говорили об одном: «Объявить стройку ударной молодежной!» Постановили: «Обратиться в горком комсомола с просьбой передать молодежи для прокладки теплотрассы основной участок». «Отработать каждому столько часов, сколько потребуется для завершения ра-

боты». «Объявить стройку ударной — младшей сестрой больших строек страны».

После заседания Миша Улагашев подошел к Светлане и с опаской спросил:

— Не нагородили мы? Что-то страшновато. Не замеют нас?

Находясь еще под впечатлением собрания, Светлана отмела его сомнения:

— Сами комсомольцы требуют, их инициатива. Примлема она или нет, пусть решает бюро. А ты посоветуйся с дядей Колей. Если мы на правильном пути, пусть поможет. Он член горкома партии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обычное утро. Аня проснулась рано, сегодня ей предстояла очередная операция. Сделала она их немало — разных, сложных и очень сложных, успешных и безрезультатных, приносящих врачу огорчения, хотя по сути в неудаче врач и не виновен. Заболевания бывают разные.

Сегодня необычный больной — ее муж, ее Сергей. По общепринятыму неписаному закону хирург старается не оперировать родственников. На этот раз случай исключительный. Она, Аня, стала окулистом, чтобы самой проникнуть в чудодейственную тайну появления капли света в глазу Сергея. Многие годы она училась сама, перенимала опыт других врачей, упорно работала над собой, следила за всеми новейшими достижениями науки в области офтальмологии. За бельмом глаза Сергея она обнаружила здоровые ткани. Нужно пробить окошечко в изуродованной роговице, чтобы дать засветиться солнцу. Так может ли Аня теперь доверить кому-то эту операцию? К ней она шла долгие, трудные годы... А вдруг неудача? Простила бы она себе такое? Никогда! Всю жизнь попрекала бы себя за это. А если и у нее не получится? Если и она обманывается? Что тогда? Аня задумывается. «Нет! — Она решительно встает. — Надо оперировать! И в случае неудачи буду знать, что предпринято все возможное... А каково ему?..» Она села. Каково ему принять еще одну неудачу, теперь ее неудачу? Ведь все делалось ради него, ради его капли света. А вдруг она отберет у него ту, последнюю, капельку света? Не допустила ли она ошибки, не направив

Сергея в Центральный глазной институт, где уже отработана методика кератопротезирования на уровне современных достижений медицины и технической оснащенности? Она и сама там проходила специализацию. Институт имеет при себе завод, выпускающий оптические протезы. Завод обеспечивает ими и зональный центр. Одним из таких центров в зоне Сибири и Дальнего Востока является их больница.

Объявлять отбой поздно. Право на операцию она завоевала в жестокой битве.

Она надела легкий халат, собралась пойти на кухню, чтобы в домашних хлопотах отвлечься от больничных забот. По существу, сегодняшняя операция пока не дает конечного результата. Аня вложит в кармашки роговицы каркас протеза, укрепит его, и все. А вот месяца через два-три, когда она прорежет окошечко и вставит в него оптический стержень, тогда или-или... Вторая операция не сложная и не ответственная, но она подведет итог всей ее работы, ее борьбы за спасение глаза Сергея. Итог определит правильность поставленного диагноза и избранного ею пути лечения.

— Ты уже на ногах, мама? — Светлана села на кровати. — Отдыхала бы. Я готовлю завтрак и разбуджу тебя.

Светлана чувствовала, чем озабочена мать, почему ей не спится. Там, в больнице, отец, и наверняка тоже не спит, ждет... И она попыталась отвлечь мать.

— Сегодня у нас городской комсомольский актив, — заговорила она горячо, торжественно. — Будем обсуждать обращение нашего строительного штаба ко всей молодежи. Мы решили строить главный участок теплотрассы. — Она стала с присущим ей темпераментом рассказывать о подробностях стройки. Аня подумала: «Организационные способности как у отца. Ее неугомонная, пылкая натура просит широты действий. Вряд ли ее целиком захватит кропотливый труд врача... Костя — тот другой. Сдержанnyй, вдумчивый, привязан к учебникам, к книгам».

В кухню вошел Костя. Умытый, темные волосы зачесаны назад. В руке тетрадь. Он поздоровался с матерью. Со Светланой уже виделся.

— Ты знаешь, мама, сколько электрической энергии будет вырабатывать наша электростанция? — Он раскрыл тетрадь, подал: — Я сделал расчет каждому тур-

богенератору и определил общую мощность, примерно подсчитал, сколько можно выработать различной продукции.— Он указал на колонки цифр.

— Очень нужно маме забивать голову твоей арифметикой,— вмешалась Светлана.

Но Аня внимательно читала названия: «Чугун...» «Уголь...» «Сталь...» «Перевозка грузов...»

— Нет, дочка, эта арифметика, как ты выразилась, интересная.— Дочитав до конца, она сказала:— Хорошую специальность выбрал себе Костя.

Косте было лестно, что мать так отзывалась о его работе. Он, как и Светлана, тоже хотел чем-нибудь отвлечь мать от предстоящего тяжелого дня, поднять ей настроение. Вчера она была вон какой мрачной, грустной. Сегодня надо быть ей бодрой и уверенной. И Аня чувствовала заботу детей. Она понимала их. Аня посадила около себя сына и дочь, обняла их.

— Вы не переживайте. Я для папы сделаю все.

О настроении Ани беспокоились не только Костя и Светлана. Пришли Иван Иванович и Валентина Алексеевна. Тихов для отвода глаз прежде всего обратился к внучке:

— Ты продолжай нажимать по комсомольской линии, а мы—пенсионеры—по своей. Теперь у нас есть и деньги. Собрали с предприятий по ниточки, а хватит на рубашку. Городскую сеть полностью поднимаем. И материалами подзапаслись. Надо бы начинать стройку, чтобы к отопительному сезону успеть взять горячую воду с ГРЭС.

За последний год Тихов сдал. Как-никак под семьдесят. Но вид у бывшего горняка довольно бодрый.

— Сегодня у нас молодежный актив, дедушка. Надеюсь, после него приступим к стройке,— отозвалась Светлана, готовая говорить на эту тему сколько угодно.

Валентина Алексеевна принесла на кухню дымящуюся сковородку, на которой аппетитно шкварчали блинчики с мясом.

— Идите, а то остынут,— пригласила она мужа и внучку. Аня с Костем уже сидели за столом.

— Ты скоро на работу, дочь?— спросил Иван Иванович и тут же виновато добавил:— Зрение никуда не годится, а то бы отвез...

— Я сама, папа, не беспокойся,— сказала Аня, и в

тоне ее не уловил ни малейшего волнения, тревоги. «Порядок. Спокойна», — удовлетворенно заключил он.

Раздался звонок.

— Угадайте, кто пришел! — громко объявила Светлана. — Дядя Коля и тетя Галя!

— Ехали мимо и забежали...

«Так ли, мои дорогие родственники?» — усмехнулась про себя Аня, радуясь всеобщему вниманию близких.

Галина поцеловала Светлану, сестру, мать.

— Тебе, Костя, спасибо за Мишу, — сказала она и, обращаясь ко всем, добавила: — Пятерку по математике получил. Небывалое явление!

Николай обратился к Ане:

— Ты на чем едешь?

— На своей машине.

Ответ не устраивал его. В дорожной сутолоке может случиться всякое: испортится мотор или сломается какая деталь. Вынужденная остановка. Нервы... А ей нервничать нельзя. Или авария — чего не бывает! Пусть вероятность ничтожная, все-таки... А там Сергей. Он ждет.

— Я еду в областной центр, попутно завезу, — предложил он. — Тебе руки надо беречь и сосредоточиться, — договорил он.

Уловки Николая рассмешили Аню.

— Поскольку у тебя все получилось попутно, с удовольствием воспользуюсь твоими услугами.

Сергей лежал на кровати, переодетый в чистое белоснежное белье, ожидая команды: «Поехали...» Поехали, и куда? На операционный стол, к Ане, под ее хирургический нож.

Трудно лежать, когда за окном цветет, бушует весна. Пахнет проснувшейся теплой землей. Сергей помнит этот запах. Сейчас бы в поле или в лес. А тут лежи на кровати.

Сергей думает о своей школе. Соскучился. Как там? Завуч Надежда Васильевна и старший мастер Илья Максимович дважды проводили его, но о работе ни слова. Категорический приказ Ани. Перед операцией ни малейших волнений. О своих скучать не успевает. Аня заходит ежедневно, дети — по выходным дням. Светлана тараторит об одном — о молодежной стройке. Не зава-

лила бы экзамены в школе. Костя ждет не дождется пуска в эксплуатацию ГРЭС.

И чего только не случается в жизни! Разве мог он когда-то предположить, что ему придется снова оказаться в больнице, вопреки прежним «пока». А тут собственная жена протягивала руку, чтобы вывести его из тьмы. И его скептицизм начал потихоньку таять, а уверенность в возможный успех росла.

После окончания Аней медицинского института в их отношениях ничего не изменилось: он не воспринимал ее как врача-окулиста. Сейчас Аня словно раздвоилась, став Аней-женой и Аней-врачом. Аня одна дома, другая — здесь. Там, дома, они — свои, близкие. Здесь, по создавшемуся положению, — чужие, отдаленные друг от друга ее профессиональными обязанностями. Ей предстояло дать ему свет или обмануться в своих расчетах, а ему пережить еще одну катастрофу. Изменится ли что-нибудь в их отношениях потом? В первом случае она будет бесконечно счастлива, во втором — страшно думать — казниться, считать себя виноватой.

А как он?..

У двери послышались шаги. Его пригласили лечь на каталку. Ее движение вперед ознаменовало начало неизвестного.

Операционная. Все знакомо до мелочи. На Аню надевают халат, сзади завязывают тесемки. Сестра-ассистент, как обычно, на месте. Все как обычно. Необычно лишь одно: на столе Сергей, ее муж. Та минута, загаданная много лет назад, приблизилась вплотную. «Спокойно, доктор, держись», — командует себе Аня точно так же, как при первой операции. Ей кажется, у нее кочеюют кончики пальцев рук. Подуть бы на них, погреть. Но ни рука, ни пальцы уже не принадлежат ей. Временное замешательство улеглось. Аня наклонилась над больным, забыв, кто он. Больной, и только. Осмотрела оперируемое поле.

Включили микроскоп, навели на глаз. Аня припала к окулярам.

— Спокойно, спокойно!.. Новокайн.

«Спокойно» сказано Сергею со строгой вежливостью, и он улавливает в интонации жены незнакомые, чужие

нотки. Да, она обошлась с ним сейчас как с посторонним. Они вместе и далеко друг от друга. Так далеко, что он не имеет права назвать ее Аньюткой. Нет, над ним склонилась не Аня, а врач, и только врач.

Аня берет хирургический нож, надсекает края роговицы уверенным точным движением. Роговица, как слюда, состоит из наслоения тончайших листиков. Но у Сергея она грубая, покрыта бугристым наростом, что не позволяло делать трансплантацию, зато освобождало от наживления дополнительной ткани при кератопротезировании. Острое изогнутое ножа расслоило роговицу, получились узкие карманчики. Блеснул каркас величиной с ноготь мизинца. Каркас изготовлен из благородного металла — тантала. Края его напоминают ажурную вязь. В центре, размером с пшеничное зерно, отверстие для ввинчивания оптического стержня, того протеза, который будет вставлен позже, при повторной операции. Аня осторожно вводит каркас в подготовленные кармашки, и он полностью скрывается в них. Миниатюрная трехмиллиметровая игла-ресница сшивает тончайшим швом разрез. Пока все. Ни света, ни красок. «Пока» снова повисает над ним, дразня лучиком света. И будет висеть так до будущей операции, до вживления металлической вязи в ткань роговицы.

Сергей лежал тихо. Он не ожидал чуда. Знал, сегодня судьба не решится. Будет ли видеть — узнает позже.

Больного увезли. Все прошло просто, буднично. А как крута была в эту операционную лестница для Ани!

Через полчаса она зашла к мужу и стала снова той же милой Аньюткой, разве только в ее певучем, мягким голосе появился оттенок озабоченности, который будет звучать в нем до тех пор, пока не закончится вторая операция.

Более двух месяцев нудного однообразного режима — уколы, процедуры, лекарства и томительное ожидание, тревожное нетерпение. С минуты на минуту должно что-то свершиться. Вначале объявят: «Пора!» А там... Что там под роговицей с вжившимся в нее каркасом-кератопротезом?

Чтобы отвлечь себя, Сергей включил транзисторный приемник и стал слушать музыку — песня, еще песня,

еще... Зазвучала мелодия, которая всколыхнула в душе его, казалось, все забытое, заставило трепетать каждую его клеточку:

День Победы, как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты обгорелые, в пыли,
Этот день мы приближали, как могли!

В груди сладко замирает.

Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник с сединою на висках...

К горлу подступает комок.

Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей...

Слеза набухла на ресницах и покатилась по щеке.

Это радость со слезами на глазах —
День Победы!
День Победы!
День Победы!

— Сергей Михайлович! Что с вами? — как сквозь перегородку слышит он и приподнимается.

— Песня сильная, — виновато говорит. — За мной?

— Да, за вами...

Предстоящая операция не сложна. Но такое волнение, какое испытывала Аня сейчас, было впервые.

Скрытое от всех она коротко вздохнула, взяла трепан — стальную трубочку с заостренными краями на нижнем конце. Инструмент напоминал бур, крошечный бурик, который ставится на центр роговицы. Пальцы Ани повертывают инструмент, а сердце бьется гулко, часто. Аня вращает стержень, он врезается в роговицу, и кружочек, словно крышечка от люка, нависает над зрачком. Пробурено окошечко для света.

Аня пинцетом вынимает вырезанный кружочек и замирает. Замирают присутствующие при операции. В эти секунды для нее не существует ничего. И только ее взгляд — острый, пытливый — напряжен до предела. Она ждет сигнала: есть или...

Сергей вздрогнул, словно в глаз капнули раскаленный металл, зажгло затылок, голову закачало из стороны в сторону. Потом зажегся свет — яркий, ослепитель-

ный, будто кто-то навел на глаз солнечный зайчик. Свет какой-то беспорядочный, контуры предметов расплываются, что-то бесформенное маячит перед ним. Вот ярко-белые шевелящиеся щупальца повисают над лицом. Сергей, завороженный открывшимся странным видением, с нетерпением ждет, когда из этого слепящего моря света выплынет лицо Ани. Ведь оно где-то рядом, совсем близко. Он чувствует его всем своим существом.

У Ани в пальцах оптический стерженек из оргстекла. Прозрачное зернышко. Зернышко встает в металлическое обрамление каркаса, укрытого в роговице. Специальным ключиком Аня ввинчивает его внутрь кольца и видит, как Сергей с упорством вглядывается в нависшие над ним приборы.

А он действительно, подобно человеку, заново обретшему жизнь, удивляется краскам, свету.

Больного отправили в палату, не забинтовав глаз.

— Полежишь, отдохнешь часа три-четыре и можешь смотреть телевизор.— Сказано не в шутку, а всерьез.

Правда, зрение возвращено лишь частично и существующие таблицы определить его не смогут — так оно мало. Но это уже не тысячные доли — сотки! При таком остатке зрения можно ходить одному, различать лица людей, видеть цвета...

Сергей стоял в палате. И это уже был не сон. То, что сейчас видел он, было слишком устойчивым, реальным, осязаемым. Он попробовал шагнуть и побоялся. Видны ноги, пол, и теперь к этому надо привыкать, теперь нет черной пропасти. Есть земля и он. Сергей все-таки шагает и не верит. Нога становится на пол, подчиняется зренiu, расчету, контролю. Он видит стену и, не доверяя глазу, щупает ее. Стена. Снова осматривается — кровать, стол, окно, за окном — небо. Он протягивает к окну руки, шепчет:

— Аньота...

«Неужели вижу?...» — спрашивает он кого-то там, за стеклами окна. Хочется смеяться, как ребенку, переполненному радостью.

Открылась дверь. Это он увидел, а не только услышал. Знакомое лицо. Память сохранила давний отпечаток: черные волосы, черные брови, белая кожа, а глаза карие, родные.

— Аньота... — вскрикнул Сергей, сделал шаг на встречу.

Аня рванулась к нему, обхватила шею.

— Узнал? — сквозь слезы вымолвила она.

Ответить Сергей не смог. Горло сдавило спазмой. Он смотрел на нее, смотрел молча на милое лицо, смотрел жадно, как после долгой, долгой разлуки. По существу, так и было. Хотя Аня находилась рядом, но неизмеримо далеко. Тут она и не тут. А теперь он видит ее, видит морщинки у глаз, белесые прожилки в волосах. Он улыбнулся, прижал к себе ее голову — крепко и бережно, поцеловал тепло, благодарно.

С городского актива молодежи Светлана не шла, а летела, не замечая ничего вокруг. Перед глазами зал Дома культуры, заполненный людьми до отказа. Она видит сосредоточенные лица, видит с трибуны. Она — Светлана Томилова, секретарь комсомольского комитета школы, начальник объединенного строительного штаба, заканчивая свое сообщение, говорит:

— Просим передать основной участок строительства нам, молодежи, и считать эту стройку ударной комсомольской.

Какой всплеск аплодисментов был ей ответом! Хлопали горячо, задорно, требовательно, словно вызывали на бис. Она села за стол президиума рядом с Николаем Улагашевым.

— Молодец! — шепнул ей он. — Здорово сказала!

Много ораторов выходило к трибуне, больше молодежи. Выступали и старшие.

Начальник стройкомбината Егор Яковлевич сказал:

— Люблю наш комсомол за огонек и дерзость! Взяв на себя такое обязательство, вы тем самым высвобождаете много рабочей силы, которую мы направим на строительство главного объекта электростанции и сдадим ее раньше срока. Как видите, решается вопрос общенационального значения.

Первый секретарь горкома партии Гузенко свое выступление начал с продолжения мысли начальника комбината:

— Та энергия, которая будет выработана станцией за период от ее досрочной сдачи в эксплуатацию, будет вашим подарком Родине...

Светлане и сейчас здесь, на улице, слышится тот взрыв рукоплесканий. Она и сама хлопала яростно, бур-

но. «Молодежный подарок Родине», их подарок, небольшого районного городка! «Тысячи киловатт-часов электроэнергии получит страна дополнительно!»

— Мама! Мамочка! Я выступила с докладом! — застремилась она, обнимая мать. — Наше предложение принято!

— Знаю, знаю, заправская общественница! — Аня потрепала дочь по разрумянившейся щеке. — Сколько в тебе необузданной силы! Костя рассказал, как ты там раскипятилась!

— Он вперед меня пришел?.. — разочарованно сказала Светлана. — А я спешила, почти бежала, чтобы захватить тебя первой. Знаешь, мамочка, вот только жаль, что Олег не с нами. Он очень огорчается. Но ведь правда это ничего? Он еще будет с нами работать, потом, когда ты вернешь ему зрение?

Настроение Светланы омрачилось лишь на миг. Она перескочила на другую тему.

— В медицинский твердо решила неходить. Иду в строительный! Какая перспектива строить заводы, школы, электростанции, города! Секретарь горкома Гурий Михайлович посоветовал после актива. Сказал, что строитель из меня получится настоящий! И поступлю, мама, не спорь!

Аня и не спорила. Сматывая на дочь, она думала: «Пусть идет в любой вуз».

— Нынче поступаешь? — спросила Аня.

Светлана замотала головой.

— Поступала бы. Без тебя справимся. Работа в больнице для будущей профессии все равно ничего тебе не даст. — И попросила: — Я завтра привезу домой папу. Ни слова о том, что ты пропускаешь год. Он спрашивал, как у тебя дела с подготовкой, я сказала, что все в порядке. Пойми, дочка, ему сейчас ни в коем случае нельзя волноваться. Ничуть нельзя!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кузнецкий Алатау. Горы и горы. Сколько их! Идут они издали, с юга, вдаль, на север. Плынешь на лодке, караван гор преданно сопровождает тебя. Едешь ли на поезде или машине, и тут горы не оставляют тебя, спешат, бегут вслед. Иногда вереница горбов напоминает позвонки, будто земля, пытаясь распрямиться, так на-

вечно и застыла в поклоне. Хвойные с синеватым отливом леса покрывают хребты.

Дальний вырос в одном из уголком горного хребта. Николай Улагашев уже привык к этому промышленному городу, привык считать его своим, родным. Они с Галиной приехали сюда, когда Миша был еще маленьким. А теперь вот и сын вырос. Трудно иногда приходится Николаю с сыном. Бывает так, что не понимают они друг друга. Конечно, Галина баловала Мишу больше чем надо. А ему, Николаю, подчас некогда было в это вмешаться — работа, работа. И сейчас главное — опять работа. Строится электростанция. На ее строительство съезжаются люди, надо их устроить, обеспечить работой. Весь день в хлопотах. Вечером он не в силах иногда даже перемолвиться словом с Галиной. Она его понимает, хотя и сердится иногда. А с сыном они далеки...

Улагашев-младший покидал областной город без малейшего сожаления. Сюда, в Дальний, раньше переехал его друг Степан Скворцов с матерью и сестрой Любой. С Любой Миша учился в школе и был влюблен в нее. После восьмого класса Люба поступила на курсы продавцов. Миша поехал бы за ней в любую провинцию, в любую деревню.

Мечты Миши клубятся, их много, а пробуешь ухватиться за какую-нибудь — пустота. Ничего. Одна фантазия. Фантазером он был всегда, с детства. Как только научился читать, стал увлекаться научно-фантастическими книгами. В последнее время пристрастился к романам о любви. Хорошо вот так, перед сном, в мягкой теплой постели уноситься мечтами далеко-далеко и расставлять события по своему желанию.

Миша дочитал повесть «Человек-невидимка» Уэллса и, отложив книгу на прикроватную тумбочку, подумал: а что бы он сделал на месте Невидимки? Прежде всего он бы подслушал разговор между Костей и Любой, — интересно, о чём они говорят, какие у них отношения? Если Люба держится с Костем так же, как с ним, Михаилом, — тогда порядок! Он бы сумел завоевать ее любовь, будь он невидимкой! Фантазия его работала безудержно. Он уже разрабатывал целый план, как сделать, чтобы Люба была его. Осуществить свои планы он не успел, голос отца прервал его мечты:

— Ты почему не встаешь?

— А разве сегодня в такую погоду будут рабо-

тать? — удивился Миша, нехотя выбирайся из-под теплого одеяла.

— А ты считал, если на улице брызнул дождичек, строителям отбой? Грейтесь дома? — Николай сердился на сына. — Давай-ка собирайся — и бегом, иначе не застанешь машины, пешком потеряешь полдня.

— Коля! Иди-ка сюда, — откуда-то из глубины квартиры позвала Галина.

Миша догадался, зачем она зовет отца, поэтому начал нарочно медленно собираться, может быть, мамочка отстоит его от неприятных занятий в выходной день.

— У тебя ни капли жалости к ребенку! Грязь, ветер, а ты его гонишь на те канавы, — читала мораль Галина бессердечному супругу. — Простынет, заболеет, а у него экзамены, а потом экзамены в институт.

Улагашев надевал толстый свитер.

— Видишь, я и сам собираюсь. Весь выходной проведу на трассе.

— Ты ответственный. Пусть даже никто не явится, тебе положено. А ребенку...

— Он, Гая, уже не ребенок, — поправил Николай, — а парень, мужчина! И ты плохо знаешь молодежь! Кто не хлюпик, кто понимает, что ему доверили, тот обязательно придет. В месяце всего четыре выходных, их пропускать никак нельзя! Понимаешь, никак нельзя! Иначе сорвем прокладку.

— Тогда возьми его в свою машину, — умоляюще попросила Галина.

Николай развел руками.

— Не могу. Все едут на автобусах, на грузовых машинах, а он, видите ли, привилегированная личность — поедет с комфортом. Пусть пользуется тем, что дано. Убережем от чувства высокомерия, пренебрежения, заныства.

Не впервые Галина вступала в спор с мужем, чтобы оградить сына, как ей казалось, от его излишне жесткой требовательности. Она понимала, Николай в чем-то прав. Мишу нельзя всю жизнь водить за ручку. Пусть набирается самостоятельности. Но как это сделать? Оттолкнуть, не помочь погладить брюки, рубашку, не почистить туфли, не прибрать в его комнате? В сущности, это все пустяки, а мальчик так занят, ну почему не помочь ему.

Она положила на плечо Николая руку.

— Сжалься над ним хоть там. Если соберется немного ребят, пусть едет домой. Промочит ноги, загриппует. А здесь я посажу его за учебники.

Не получив ни согласия, ни возражения, она вышла из комнаты, позвала сына.

— Ехать надо, Мишенька, оденься потеплее. На ноги я тебе дам шерстяные носки. Как замерзнешь, бросай все иди домой, скажи: «Недавно переболел воспалением легких, врачи велели предостерегаться».

Галины прогнозы не оправдались. Вдоль всей трассы работали люди. Во многих местах горели костры — и для тепла, и для того, чтобы огонь придавал бодрости в такую неприветливую погоду.

Все работающие на трассе были разбиты на отряды, бригады, оснащенные необходимой техникой, хозяйственным инвентарем, инструментом, обеспечены транспортом по всей линии участка работы, в живой цепи почти не было разрыва.

Ранняя весна жаловала теплом и чистым небом. Работать в такую погоду среди своих ребят, охваченных единым порывом, было одно удовольствие. Но погода менялась. Многие искатели дешевой романтики не выдерживали осложнений и потихоньку ретировались. Многих, явившихся на стройку ради праздничного развлечения, отчислили сами штабы отрядов. Остались комсомольцы да те, кто действительно понимал значение своего труда. На трассу выезжали после рабочего дня, в выходные дни работали с утра до вечера. Стройка превратилась в настоящую ударную стройку. По всей трассе чернели траншеи, бугрились холмики выброшенной глины, песка, гравия, завозились материалы для обмuroвки, утепления труб. Между четырьмя сформированными отрядами велось соревнование. Соревновались между собой и бригады, созданные внутри этих отрядов. На сколоченных из досок стендах вывешивались газеты-молнии, итоги выполнения задания каждого отработанного дня. Здесь же можно было увидеть сообщение о передовиках, отстающих, прогульщиках. В каждой бригаде велся журнал выхода на работу. О каждом прогульщике докладывали в штаб, в комсомольскую организацию по месту работы или учебы. В течение месяца молодежная стройка превратилась в мощную организацию, объединяющую тысячи молодых людей, сплоченных крепкой дисциплиной.

Бригаде, в которой числился Михаил Улагашев, предстояло расчистить заваленную камнями выемку после вчерашних взрывных работ.

Семнадцать километров трассы легко прочертить на карте. Карандашу не мешает абсолютно ничего — плоскость ровная, ни единого препятствия. А прочертить траншеи на местности, которая иссечена горбами, песчаными наметами, сугробами, перелесками, сопками, — не просто, порой даже кажется непосильно. Но бригада шла и шла. Траншея упорно продвигалась вперед и вдруг уперлась в гранитную грудь. Без подрывников — ни на сантиметр дальше.

Ребята разожгли костер. Девушки поддерживали огонь. Дождь, перемешанный с мокрым снегом, пропитывал одежду. Соседняя бригада наступала на пятки. Взорванная полоса нуждалась в немедленной расчистке, потом в доделке стен и dna траншеи. Мелкие камни носили девушки, выкладывая из них в стороне от трассы игрушечные терриконики. Парни расправлялись с более увесистыми глыбами. Некоторые валуны приходилось взваливать на носилки, и группа ребят перетаскивала их в отвал.

Сегодня дневную норму явно недотягивали. Требовалась помощь. Миша вызвался сходить в штаб отряда. У каждого отряда был вагончик, а в нем телефон. Мокрый, вымазанный грязью, согнувшись от холода, Михаил старался идти быстрее, но липкая грязь цеплялась за подошвы ботинок, тянула к земле. «Какой только шизофреник придумал эти канавы! — бурчал он. — Светка тоже выскоцила. Больше всех ей надо. А ты дрожи, мокни... Копались бы в городе. Непогода — сиди по квартирам, нагоним потом. Участки рядом...»

В вагончике не было никого. Странно. И ответственным не сидится, тоже где-нибудь на трассе. В помещении сухо, тепло. Миша расстегнул куртку, вытер платком мокрое лицо и подсел к столику. Донесся гул грузовой машины. Вошел Степан Скворцов.

— Ты как здесь? — вскрикнул он, подавая руку.

— А ты как? — в свою очередь спросил Михаил.

— Вожу грузы, обеды. Забежал позвонить.

— А я по пути. Тоже позовонить... — сказал Улагашев.

Он взял трубку, вызвал центральный штаб и, подождав всего лишь несколько секунд, передал ее Степану.

Тот получил необходимое распоряжение и зашагал к двери.

— Спешу, Миша. Некогда! Будь здоров!

— А ты куда?—Улагашева осенила внезапная мысль.

— В поселок,—на ходу ответил Скворцов.

— Погоди, и я с тобой! Выскочу у центрального штаба.

А когда сели в кабину, Михаил с завистью сказал:

— У тебя здесь раздолье! Светло, тепло и белые мухи за шиворот не сыплются.

Грузовик, переваливаясь с боку на бок, полз медленно. Колеса скользили с бугров, вязли в размокшей глине, крутились вхолостую. Улагашеву очень хотелось узнать, где Люба, но он молчал.

— Мухи-то за шиворот не сыплются, а помотаешься вот так, за день мозоли на руках натрешь, кишки переболтаешь так, что есть не хочется,—отозвался Степан, когда грузовик выехал на твердую дорогу.

— Всем достается,—обобщил Улагашев.—Где сестрёнка?..—как бы между прочим поинтересовался он.

Степан ответил:

— Тут, со всеми, в четвертом отряде.

— Стоп!—скомандовал Михаил.—Здесь спрыгну.

В километре от дороги темнели временные постройки центрального штаба. Справа виднелся поселок, за ним белело здание ГРЭС.

Дождь перестал. Небо по-весеннему заголубело. Стало потеплее. Михаил взбодрился, зашагал весело, на свистывая песенку. Он зашел в домик, к которому тянулись несколько паутинок-проводов. За столом сидел кудрявый юноша.

— Тебе что?—оторвав взгляд от книги, спросил он. Михаил объяснил цель визита.

Юноша взял трубку.

— Мне второй... Второй? Командира оперативной группы. Это дежурный центрального штаба!—важно произнес паренек.—Давай стрелой!—И пока в трубке молчали, он самодовольно ворчал:—Никак не привыкнут к порядку. Начнут тянуть резину—«что?» да «кто?».—Он прижал трубку к уху, прислушался:—Нали? Передаю.—Дежурный подал трубку Улагашеву.

— Слушаю,—раздался далекий певучий голос в мембране.

— Кто говорит?—И, услышав ответ, воскликнул:—

Ты, Света? Привет! Не узнаешь? Я Михаил. Нашей бригаде трудно приходится. Просим подкрепления.—Переговорив, он передал команду Светланы дежурному:— На второй срочно подать транспорт.

Юноша понимающе кивнул:

— Пошли.

У второго домика стоял автомобиль-вездеход.

— Садись и крой. Машину срочно обратно!

Михаилу не хотелось уезжать, пришлось соврать:

— Я останусь. У меня есть еще поручение.

По обе стороны трассы работали люди. Слышались смех, возгласы. На участке первого отряда, как слон хоботом, шевелил стрелою подъемный кран. День разведривался. Земля подсыхала. Костры утомленно догорали, курились, стлались по земле дымки. Михаила охватывало желание найти, увидеть Любу, а уж потом на попутной машине уехать в свою бригаду. «К обеду успею». Он вглядывался в девушек. Сколько их! В плащах, в куртках, в теплых кофточках, в шапочках, косынкой и совсем без головных уборов. Одежда всех цветов. Люба в розовом свитере, в черных брюках стояла рядом с Костей. Он держал в своих ладонях ее руки и дул на них, грел дыханием, хотя солнце уже пригревало вовсю. Михаил резко остановился, будто натолкнулся на препятствие. «Передо мной фыркала, изображала из себя недотрогу»,— с завистью подумал он и, чтобы остаться незамеченным, свернулся к дороге. Настроение упало, грызла обида.

Оперативная группа под командой Светланы Томильвой в бригаду Михаила прибыла в обеденный час. Юноши и девушки, разделившись на группы, отдыхали. Одни гоняли мяч, другие, собравшись в кучки, распевали песни, третьи сгоняли усталость за беседой. Увидев автомобиль с командой «спасителей», все вскочили, закричали «ура», бросились навстречу помощникам.

— Что у вас?— улыбаясь спросила Светлана.

— Дневной план срываем.

— Заело!

— Завал!— наперебой начали жаловаться строители.

Светлана отправила машину за очередной партией, а сама в сопровождении бригады направилась к нагро-

мождению камней. Но тут кто-то возвестил: «Скворцов едет!»— и толпа молодежи повернула назад.

Степан выключил мотор, вылез из кабины.

— Угощай обедом!— обратился он к бригадиру, невысокому парню в расстегнутой штормовке.

Бригадир залез в кузов, откинул с ящиков брезент, поднял крышки.

— Подходи!— скомандовал он и начал раздавать целлофановые мешочки. В каждом из них— пакет с молоком, бутерброды с колбасой, сыром, яблоки. На еду набросились с аппетитом, с шутками и хохотом.

Прибыла еще часть оперативной группы.

Бригадир объявил:

— Обеденное время вышло! За работу!

Степан остался один, завел грузовик, поехал на следующий участок. Светлана с бригадным начальством осмотрела заваленный участок, посоветовалась, как его быстрее очистить от камней.

— Признаюсь, эти завалы пугают меня. Много времени придется потерять.— Бригадир посмотрел на рослых, атлетически сложенных ребят из оперативной группы, подобранных один к одному. — Вообще-то с ними, наверное, осилим.— Он подал команду:— По местам!

Людская масса пришла в движение. Застучали ломы, носилки. Ребята из оперативной группы работали споро, без лишней суеты. Глядя на их работу, им старались подражать и другие. Подкупало и то, что во главе оперативной группы стояла девушка.

Светлана занималась не только оперативной группой. Она редактировала бюллетень итогов социалистического соревнования всей стройки. Ежедневные сводки передавались в редакцию, и на второй день в городской газете о них читало все население города, заинтересованное ходом прокладки трассы, необходимой каждому жителю.

Управляющий строительным трестом подъехал к электростанции, когда работа шла полным ходом.

— Николай Сафонович! Смотрите, как продвинулись за день!— Мастер кивком головы указал на дно траншей, где лежал железобетонный лоток для труб. Метрах в ста он обрывался, но подъемный кран, схватив очередную тяжелую бетонную тушу, уже нес ее в траншею.

— Когда начнут подвозить трубы? — спросил Улагашев.

— Как только дойдем до первого переходного колодца, — ответил мастер, достал из кармана записную книжку. — У нас есть график.

Здесь было все в порядке, и Улагашев поехал дальше, в четвертый отряд.

Выйдя из машины, он пошел вдоль траншеи. Девушки и парни стояли в траншее кто по колено, кто по пояс, а кто и глубже. Слышалась шутливая перебранка, смешки. Улагашев подошел к раскрасневшейся девушке с влажным от пота лбом. Она воткнула лопату в землю, выдернула из-за пояса брюк платочек, вытерла лоб.

— Устали? — спросил Улагашев.

— Ничего, привыкли уже. Только вечером ноет поясница. К утру все проходит.

Говорила девушка серьезно, как бы успокаивая управляющего. Их разговор услышали, стали подходить. Вокруг мужчины в плаще, кирзовых сапогах собралась вся бригада.

— Как там, на Большой земле? — спросил кто-то.

— Не знаю, ребята, — признался Улагашев. — Сам еду из тайги. Был на строящемся угольном разрезе.

— Им не нужна наша помощь?

Управляющий усмехнулся.

— Они бы с удовольствием приняли таких! Да у вас у самих дел невпроворот. — Его черные глаза обежали всех собравшихся, увидели Костю, повеселели. — Ваша армия завтра чуть поубавится...

Все замерли.

— С завтрашнего дня учащимся десятых классов надо готовиться к экзаменам. Работать придется тем, кто не учится, а работает на предприятиях, учреждениях.

— Мы же не выполнили соц обязательств!

— Нет, мы не согласны, будем работать! — подхватили недовольные ученики.

— Сдадите экзамены, пожалуйста! За вами места сохранятся. Выполните! — Улагашев снял плащ, остался в темно-зеленом свитере. — Все равно до конца стройки многих не досчитаемся. Кто-то из вас уедет учиться дальше, кто-то будет отдыхать.

— А многие не поступят и вернутся к нам, — продолжил в тон управляющему девичий голос.

Мужской добавил:

— Отдыхать летом необязательно. Надо с долгами рассчитаться.

Заспорили, загалтели, как стая вспугнутых птиц.

— Ничего, справимся в любом случае! — Улагашев старался перекричать спорщиков.

Подобная реакция повторилась и в третьем, и во втором, и в первом отрядах. Подъезжая к бригаде, где работал Михаил, Улагашев подумал: «Рабочему дню конец, захватчики, пожалуй, сына, тоже намыкался парень».

Выброшенные взрывом куски породы образовали по обе стороны траншеи завалы камней. Ложе было очищено, требовалась доработка — пробить грунт ниже, выровнять стены, загладить дно. Дело нелегкое. Управляющий стоял и решал, чем помочь этим никогда не унывающим молодцам.

— Здравствуйте, Николай Сафонович!

Улагашев обернулся. Перед ним стоял бригадир.

Николай подал ему руку.

— Придется настоящих специалистов подослать. Вам без них не справиться.

Подошли еще несколько человек.

— А мы разве не настоящие? — обиделась светловолосая голубоглазая девушка.

Николай смутился.

— Вы меня не так поняли. — Он указал на каменное дно. — Лопатами да ломами, к сожалению, не возьмешь.

— Дайте технику. Специалисты среди нас найдутся. Любые есть! — крикнули с заднего ряда.

Улагашев опять оказался в людском кольце. Собрались все.

— Сами доделаем!

— Строительство наше! — Молодежь не хотела терять свой престиж.

Улагашев оглядел сгрудившихся парней. Сына среди них не увидел.

— Хорошо! Пусть будет по-вашему, — сказал он. — Но ведь с завтрашнего дня с вами не будут работать десятиклассники.

Вперед вышла Светлана, в болоньевой куртке, в брюках, в резиновых сапогах. Смуглое скуластое лицо управляющего заулыбалось.

— А кто возьмет на себя обязательства сдать экза-

мены на «хорошо» и «отлично», может продолжать работу?

Разве мог он, руководитель треста, отказать тем, кто не хотел бросать работу, не боялся трудностей, не хотел подводить свой коллектив, тем, кто успел полюбить стройку. «Наша», «моя» называли они ее. И это было по праву их. Попробуй оторви, лиши.

— Я поговорю в исполнкоме и городском комитете партии,— неопределенно пообещал он.— Передам вашу просьбу.

— Мы не подведем!

— Времени на подготовку хватит!

— Начатое не бросим!

К Томиловой подстроился высокий, широкоплечий парень.

— Меня отсюда не гоните,— срывающимся баском сказал он.— Тянуть без нас трассу нечестно, товарищ управляющий! Даю слово: экзамен сдам.

Этот сдаст. Может быть, даже лучше, чем без стройки. Тут одно поддерживает другое, повышая ответственность, мобильность.

«Молодцы, ребята! Давайте!» — хотелось закричать Улагашеву, обнять их. Как он хотел быть сейчас на их месте!

На дощатом стенде белели бумажные листы. Один из них большого размера пестрел разноцветными заголовками. Николай приблизился, прочитал броское название «Молния!» Внимание привлекла черная строчка в конце газеты. «Таинственное исчезновение». Он почувствовал что-то неладное и, не читая еще текста, увидел свою фамилию «Улагашев». В заметке сообщалось: «Объявляется розыск потерявшегося из отряда Михаила Улагашева. Приметы: черноволосый, сероглазый, смуглолицый, рост невысокий, в кармане — комсомольский билет. Обнаружившему его местопребывание сообщить бригаде. Исчезновение произошло при странных обстоятельствах. Пошел звонить по заданию и в пути сбежал...» У Николая плотно сжались губы. Все, что за день накопилось приятного, радостного, рухнуло разом. Он опустил голову, словно уличенный в неблаговидном поступке, и устало, тяжело зашагал к машине.

От многолюдия в магазине шумно, по-базарному суетливо. Мимо прилавков проплывают сотни разнообразных лиц — угрюмых, болезненных, веселых, задорных,

молодых, старых, вызывающих и добрых, красивых и неприятных. Каких только не промелькнет за день перед продавцом людей! И по характеру разные. Одни грубые, другие слишком требовательны, третьи капризны, есть нервные, суровые, есть ласковые, вежливые, терпеливые, застенчивые. Всякие есть. И продавец должен, обязан обслужить каждого одинаково, приветливо, сдержанно, каждому ответить ровно, внушительно, посоветовать выбрать товар нужного цвета, размера. Продавец не знает имен, фамилий покупателей, а принимает как дорогих гостей. Они идут и идут, успевай обслуживать, не обращая внимания на гул, на беспорядочную толчею, на специфический запах нового товара, на жару, неумолчное хлопанье дверей. Продавцу не положено сидеть. Смена на ногах. Труд не легкий.

И все равно Люба Скворцова любила свою профессию. Она радовалась вместе с покупателем, которому пришлась по душе покупка, огорчалась, когда понравившаяся вещь оказывалась не того размера, а другого не было. Советовала зайти еще раз, когда будет поступление товара.

— Зайди ко мне, когда освободишься, Скворцова,— голос заведующей звучал почему-то раздраженно.

Люба зашла в подсобное помещение.

— Сейчас вот эти сапоги,—заведующая показала на стопку коробок,—продашь тем, кто скажет, что он от меня. Я отлучусь. Скоро буду.

— Хорошо, Мария Семеновна...

«Как же так,—думала она, подходя к прилавку,— продавец должен обманывать людей, говорить, что сапог нет, тогда как они есть, и украдкой продавать тому, кто назовет пароль. Сама же Мария Семеновна учит честности, говорит о святости, о чистоте. Как быть? Подчиниться? Изменить собственным принципам, сдаться?» Колебания разрешили сами покупатели. Кто-то спросил:

— Сапоги есть?..

Спрашивали именно о тех, которые лежали в укрытии.

— Есть!—Люба принесла коробку.

У прилавка моментально образовалась очередь. За считанные минуты модных сапожек словно и не было. Совесть не грызла Любу. Наоборот, она почувствовала облегчение. Теперь ей не приходилось врать, что сапожек нет. До обеда побывало несколько женщин, тех,

кому предназначался товар. Получив отказ, они сконфуженно пожимали плечами.

После обеденного перерыва Мария Семеновна пригласила Любу в кабинет директора.

— Объясните, Скворцова, что случилось? Вы выполнили мое поручение?

Девушка кашлянула, открыто, доверчиво взглянула на встревоженную заведующую отделом.

— Я продала сапоги в порядке общей очереди,— призналась Люба.

— Как в порядке очереди? — не поверив своим ушам, переспросила Мария Семеновна.

— Очень просто... Тем, кто стоял в очереди...

— Ты что, спятила! — не дослушав, взорвалась Мария Семеновна. Она вскочила, приблизилась к Любке: — Ты сошла с ума! Ты понимаешь, что наделала? Я выпросила на базе специально. Кто тебе дал право нарушать мои приказы?

— Я ничего не нарушила,— Люба старалась быть спокойной.— Вы же сами говорили: «работать на совесть».

— Замолчи! — Глаза Марии Семеновны горели яростно, ненавидящие.— Ты не продавец, а... — губы ее беззвучно шевелились, не находя обидного сравнения.

— Все равно я права! — не выдержала девушка.— Я докажу это!

Заведующая схватила со стола чистый лист бумаги.

— Садись, пиши заявление! Пиши — и вон из магазина! Ветродуй нам не нужны!

— Заявление я напишу, но я поступила по совести... — Люба начала сердиться.

Вот и все! Не успела начать свой трудовой путь — и неудача. Сопротивляться бесполезно. Рано или поздно эта обиженная женщина так или иначе вынудит ее уйти... Любка написала заявление. Написала по всей форме, «по собственному желанию». Она положила ручку в стаканчик письменного прибора и поднялась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Костя со своей бригадой закончил обмурковку первого отрезка теплотрассы. Он выбрался из ямы, расправил спину — часа два пришлось работать в наклон — и облегченно вздохнул. Позади рабочая смена. Выпол-

нена норма. Теперь куда хочешь! В первую очередь к Любке. Скоро и она освободится. А куда потом, зависит от нее. Прогуляться по морю—пожалуйста! Погулять по набережной — он готов! Поехать домой — есть машина.

Около него собирались ребята, те самые, которые находились вместе с ним в траншее.

— Шутя-шутя, а смотри — освоили эту механику! Недурно утеплили! — сказал долговязый парень, оценивая результат работы. Другой, полный, с короткой толстой шеей, посмотрел вдаль, куда уходил конец трассы, и присвистнул:

— Далеко еще тянуть струнки!

Худощавый, невысокий парень не согласился с товарищем-пессимистом:

— Далеко не далеко, до зимы успеем!

Время шло. Костя уточнил:

— Собираемся послезавтра. Как ваши смены на предприятиях?

Ребята подсчитали. У одного долговязого смена на шахте была в ночь.

— Соберемся без тебя, — сказал Костя и признался: — Спешу. Извините!

Минуя навороченные бугры глины, переходя траншеи по дощатым мосткам, он почти бежал к диспетчерской, чтобы переодеться. У самого домика пыхтел экскаватор, рыл еще одну канаву — траншею под фундамент будущего административного здания электростанции. Жалкая хибарка, построенная в начале стройки, доживала свой век.

Ждал Костя всегда вот здесь, на скамье, в садике. Отсюда виднелся универмаг и угол, из-за которого выходила Люба. Магазин закрылся более двух часов назад, а Любы все не было. «Задерживается. Может быть, собрание...» Наконец он увидел белую кофточку Любы. «Она!» Идет почему-то не торопясь. Обычно шаг ее уверенный, стремительный. «Устала. День на ногах, в духоте...»

Она прошла мимо, точно не заметив его. Костя наgnал ее, остановил.

— Любонька, здравствуй! Я давно жду. Почему ты задержалась? Куда пойдем? Или поедем?

Любу трясло как от озноба. Она никак не могла успокоиться после разговора с Марией Семеновной.

— Хочешь, отвезу тебя домой? Ты устала...

— Ничего не хочу.— У Любы показались слезы.— Ничего не надо! Меня выгнали с работы! Я никуда не годна!— Слезы бежали ручейками.

— Уволили с работы...— Костя подумал.— Ну и что! Подышем другую.— Он вытащил свой платок, вытер Любे щеки.— Я люблю тебя, Любашенька,— сказал он.

Люба всхлипнула.

— Я люблю тебя,— повторил Костя и хотел взять ее под руку, но девушка вырвалась и быстро зашагала к шоссе.

Не вовремя Костя признался в любви. Люба не приняла его объяснений, хотя они были искренни. Ей показалось, Костя произнес «люблю» как бы между прочим, холодно, равнодушно, чтобы ее успокоить. А она мечтала услышать эти слова совсем в другой обстановке, в особую минуту. И вдруг — так все просто, легко. Ей стало обидно, до слез больно... Он не понимает ее. Она шла от Кости торопливо, боясь одного — не нагнан бы. Он не нагнан. Стало легче. Она зашла к подруге. Они вместе поплакали над Любиным горем. Успокоившись, Люба подробно рассказала о конфликте с Марией Семеновной.

— Я сгоряча написала заявление, Женечка,— печально заключила она.

Подруга отозвалась не сразу. Расчесывая густые светлые волосы, она о чем-то думала.

— Теперь меня заставит отпускать дефицитный товар знакомым. Ничего не выйдет! Я поговорю с девочками, обратимся в комитет комсомола. Погоди, мы еще повоюем за тебя!

— Поздно,— обреченно вздохнула Люба.

— Мы проследим, кому идет товар. До тебя она тоже занималась подобными делишками. Ты пока где-нибудь устройся, пережди.

Любе стало легче. Она не одна. Домой поехала притихшая, грустная.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Давно, много лет назад, когда авария в шахте отняла у Сергея зрение, проснувшись утром в больнице, он со страхом дотронулся до повязки и еще с большим ужасом приподнял ее. «Ослеп...» Как это не видеть?

Разомкни веки, распахни их шире и встречай свет. Но у него кругом абсолютный мрак. Сергей открывает глаза, еще надеясь на силу волшебства: «А может...» Но никаких «может» не происходит.

Тогда Сергей опустил повязку. Она прикрыла глаза, и так стало легче. Повязка утешала. Темно — так это под повязкой.

Сегодня, проснувшись, Сергей снова боится разомкнуть веки, боится миража. Он приказывает себе открыть глаза, и не может. «Ну, ну!» — нетерпеливо подгоняет внутренний голос. Сергей замирает, и свет, ясный, трепетный, живой свет вливается в глаз. Сергей видит!

«Вижу!» — говорит он радостно себе.

Закрывает глаза — снова тьма. Открыл: комната — потолок, окна. И для того чтобы разгадать эти предметы, ощупывать пальцами не надо. Смотри, они перед тобой. Оказывается, и черные пласти мрака можно взорвать. Есть такая взрывчатка — любовь! Сергей встал. Руки привычно тянулись к вещам, ощупывали их. Предстояло перестраиваться. Теперь он видит, надо отвыкать от привычек слепого. Он взял со стола брайлевскую книгу, раскрыл и начал медленно, как дошкольник, читать по точкам, припоминая, какая семейка точек обозначает ту или иную букву. Вскоре чтение убыстрилось. Осязаемое представление письменных знаков слилось с видимыми, и глазу стало легко объединять буквы в слова, слова в предложения. Он зажмурился, положил на строчку указательный палец, и палец, обрадованный своей привычной работой, поспешно заскользил по бугоркам.

После завтрака Сергей спустился на первый этаж. Перед выпиской из больницы по заведенному правилу он обязан был пройти собеседование с врачом-консультантом.

— Томилов прибыл, товарищ доктор! — представился он слепой женщине, сидящей за столом.

Елизавета Дмитриевна подняла голову. Она что-то писала по Брайлю. Встала.

— Сергей Михайлович! Милый Сергей Михайлович! Поздравляю! Не знаю, как выразить свою радость. Со светом вас! — Она шла навстречу. — Где вы?.. Дайте-ка пожму руку. — Не выдержала — поцеловала в щеку. — Значит, видите?

— Вижу, Елизавета Дмитриевна,— подтвердил Сергей не совсем весело, даже как-то виновато, будто он изменил тем, кто еще остался там, во мраке, как эта незрячая врач, сбежал от них, оставив в беде.

— И какова ваша бывшая ученица? Ну-ка? — Елизавета Дмитриевна чуть отошла назад. — Не вздумайте льстить! — погрозила она пальцем.

Сергею не верилось, что он может читать жесты, мимику и ему не придется больше напрягать слух, распознавая по невидимым сигналам действия собеседника.

— Пышная прическа... — Он старательно присматривался. Далеко не полное зрение не могло сразу отделять одну деталь от другой, заметить неброские особенности. — У вас приятная внешность!

— Да?.. — Елизавета Дмитриевна удовлетворенно улыбнулась. — Если приятная, то, пожалуй, поверю. Сказал бы — красивая, — она опять погрозила, — попало бы вам от меня! — Она вернулась к столу, села. — Сядьте и давайте-ка поговорим о той жизни, по которой отныне придется вам шагать без трости, без поводыря. Поговорим, как вы толковали когда-то со мной при моем поступлении в вашу школу.

Ее лицо серьезно, сосредоточенно.

— Разве человеку, увидевшему свет, тоже нужна специальная школа?

— Обязательно нужна! — серьезно подтвердила Трошина. — Только с противоположным полюсом, что ли. Там человек попадает во мрак — жутко. Эмоции отрицательные. Здесь — наоборот, он попадает к солнцу, к краскам. Невообразимо радостно! Эмоции положительные. Первые требуют силы воли, духовной поддержки. Вторые — сдержанности, умеренности и, если хотите, большего — самообладания. Первому и второму надо учиться. Чему учиться, вам подскажет ваш лечащий врач. В теперешнем вашем положении нужна постоянная осторожность, та же приспособляемость.

Сергей задумался. Да, у него последняя капля зрения. Не убереги он ее — другой капли не будет. Вместо нее опять вечная ночь. И тогда из той ночи не выручат ни чудотворные руки врача, ни любовь Ани.

— Постараюсь уберечь, Елизавета Дмитриевна! — сказал он, продолжая что-то додумывать.

— Наконец-то разыскала! — В комнату вошла Аня. — Сегодня домой, Сережа!

— Вот мы беседуем, Анна Ивановна, — отозвалась Трошина.

Аня подсела к столу, положила перед собой лист чистой бумаги, припасенный заранее по согласованному плану с Елизаветой Дмитриевной.

— Договоримся, Сережа, никаких волнений, потрясений, никаких умственных нагрузок. Запомни! И надо беречься от холода, физического перенапряжения...

— Общения с людьми, — подхватил Сергей, — и света и тьмы...

— Это лишнее. — Аня взяла ручку. — Я напишу от твоего имени заявление во Всероссийское общество слепых с просьбой освободить тебя от директорства.

Сергей уставился на жену:

— Как, бросить школу?

У Ани навернулись слезы. Ей жаль его, но другого выхода нет.

— Пока надо уйти, Сереженька, — мягко подтвердила она. — Нельзя тебе сейчас волноваться, нервничать, а в школе без этого не обойдется. Десятки самых разных болезней могут подкрасться к твоему глазу: и глаукома, и отслоение сетчатки, и воспалительные процессы. Придется потерпеть.

— И долго? — подавленно переспросил Сергей.

— Год, может, больше, может, меньше. Надо ждать. Долечиваться.

Сергей видел Аню, видел Елизавету Дмитриевну, увидит детей, Николая, всех и все! Он повеселел. Видеть все-таки здорово! Зрение — это в жизни самое дорогое, бесценное!.. А на работе... Подумаешь, незаменим! Надежда Васильевна справится. А он будет помогать ей на общественных началах.

— Ладно, пиши! Потом разберемся, увидим! — и с отчаяньем махнул рукой.

«Жигули» остановились у дома, где жили Томиловы. Сергей вышел раньше, Аня поехала ставить машину в гараж. От обилия простора, от многоцветия у прозревшего слепого закружила голова. Он будто попал в совсем иной, удивительный, странный мир. Шел, шел по неосвещенному штреку, долго шел, годы, и вдруг выбрался на свет, под яркое солнце, на разодетую в яркие наряды землю. Где он? Ни одного знакомого уголка, ни

закоулка, ни домика. Все незнакомо! Разве только небо такое же иссиня-бледное, глубокое. Он закрыл глаза и в темноте учゅял — вот она, дорога, по которой ходил на работу и домой! Несколько шагов — знакомое ощущение пространства между зданиями. Вот угол... В слепоте он чувствовал себя как бы зрячим. Открыл глаза — и словно опять ослеп. Кругом все чужое. Он уверен, сейчас ему не найти ни своего подъезда, ни школы. Для точной ориентировки пришлось снова закрыть глаза, чтобы ощутить заученную расстановку незримых вещей. Теперь их можно забыть, оставить. Они уже не пригодны для ориентировки. Теперь появились другие указатели, иные приметы — зrimые. Вот они! Вот — вокруг! Сергей зашагал быстрее. Встретился первый человек, первый на улице. Женщина с хозяйственной сумкой. Он приостановился и, не в силах сдерживать неудержимую радость, поведал:

— Я вижу! Иду сам!

Ему хотелось рассказать, прокричать на всю округу, что он вышел из плена мрака, на свет. Женщина отскочила в сторону и, зашагав дальше, гневно обругала:

— Пьянчуга! Нализался и липнет к каждому!

Но Сергей не слышал ее ругани. Он продолжал идти, разыскивая подъезд, в который шел впервые и не впервые, который был известен по многим приметам исследования слепого и совершенно чужим для зрения. Ноги ступали со ступенки на ступеньку смело. Руки узнавали каждую извилину, неровность перил. А глаз удивленно рассматривал белые стены лестничной клетки, двери.

Перед входом в квартиру он остановился. Ждал, пока поднимется Аня. Шаги ее. Обострившийся слух за годы слепоты научил различать такие звуковые оттенки, которые для зрячих зачастую бывают неуловимыми.

— Узнаешь? — спросила Аня.

— Ноги, руки узнают, а... — Сергей обвел взглядом тесное пространство. — Для глаз все новое, непривычное.

В прихожей ожидали дети.

Сергей увидел тоненюкую девушку, черноволосую, белолицую, карие глаза широко открыты и счастливы. У Сергея словно не было мучительных, трудных лет. Они ушли, канули. Перед ним стояла Аня, та Аня. Молодая. Он прижал к себе дочь.

— Анюта! Анюточка!

Светлана поцеловала отца и нарочито обидчиво протестовала:

— Я не Анююта, папа. Я Светлана! Я дочь твоя! Дочь, Светлана.

Сергей слегка отодвинул ее, держа за плечи, сказал:

— Как ты похожа на маму, доченька!

Аня не могла смотреть на них. Ведь дочь для Сергея родилась только что. Раньше Светлана существовала для него как невидимая плоть, обладающая всего-навсего голосом да осязаемыми формами. А сейчас она живая, зрячая.

Аня стояла в гостиной у окна. У того окна, у которого Сергей признался, что он увидел свет, каплю света, и показал на солнце, откуда началась борьба за его настоящее зрение. Она прятала слезы и неслышно всхлипывала. Дочь и отец смеялись. Смеялись от счастья.

Сергей спросил:

— Экзамены в школе сдала?

— На пять. Одна четверка по физике.

Аня замерла. Неужели спросит про институт? Спросил:

— А как с медициной?

— Лечу. Пациенты не выводятся. В августе буду сдавать экзамены в медицинский, куда собирается.

Аня слушала и не верила своим ушам, что Светлана может так естественно, артистически произнести неправду. Она боялась, что дочь запутается и выдаст себя.

За спиной Сергея кашлянули. Этот звук тоже был знаком. Сергей обернулся. Увлеченный дочерью, он не заметил сына, который стоял в углу, в тени, не мешал. Голос принадлежал Кости. Это Сергей мог сказать наверняка. А кто перед ним? Караглазый, как Аня и Светлана, незнакомый. Воображение создало неясный портрет.

— Не узнаешь, папа?

Сергей бросился к нему, обнял. В ответ поцелуй — короткий, сдержанnyй.

— Признаюсь, Костя, не узнал! Ведь я тебя встретил впервые. До этого только слышал.

— А теперь хорошо видишь? — Голос Кости дрожал.

— Конечно, вижу! — Сергей положил руку на плечо сына. Крепкое. Знакомое. — Вижу тебя хорошо!

У Ани снова подступили к глазам слезы. Светлана подошла к ней.

— Спасибо тебе, мама, за папу! — Она прижалась к матери. Ей верилось и не верилось, что ее отец видит по-настоящему. Ведь он увидел ее и Костю. — Тысячу раз спасибо!

— А ты, дочь, артистка! Солгала отцу и не моргнула, — не по-доброму похвалила Аня.

Светлана насупилась.

— Почему обманула? Я правду сказала! Ты просила меня не огорчать папу, а сказать ему неправду я не могла. И, чтобы не лгать, я решила поступить в институт нынче, и именно в медицинский.

Теперь Аня обняла Светлану.

— Доченька! Умница ты моя! Я знала, что солгать не сможешь. Сделаешь папе приятное.

— Где там наши женщины? — донесся голос Сергея из прихожей. — По больничному режиму — время приема пищи.

Собралась вся семья. Все по-одинаковому счастливы, взволнованы. Для всех небывалый праздник, небывалое торжество. У всех глаза на мокром месте. Даже у Кости, который был менее эмоциональным.

Зазвонил телефон. Опережая сына, подошла Аня. Ей предстояла нелегкая миссия предупреждать всех, чтобы никто не смог сообщить Сергею чего-нибудь неприятного. Она говорила негромко: «Завтра, завтра... Сегодня нельзя». «Слишком велика нагрузка». «И от счастья гибнут...» «Потерпите, прошу! Успеется!..»

— Слыши, кто-то просит аудиенции.

Аня поспешила положить трубку.

— Николаю с Галей не терпится увидеть тебя.

— Придут?! — обрадовался Сергей.

— Завтра, Сереженька! — Аня взяла его под руку, как раньше, когда он не видел. — Столько эмоций тебе сразу противопоказано!

Перехватила отца Светлана, повела в свою комнату. Аня с Костем пошли на кухню.

— Отгадай-ка, папа, это кто? — радовалась Светлана, словно открывала отцу новый мир.

— Кот! Наш котик! — воскликнул он, беря кота.

— А как ты догадался, что это он?

Сергей засмеялся.

— Я же раньше видел кошек, знаю, какие они.— Он погладил кота по мягкой пушистой шерстке.— Ишь ты какой белый!— И цвета не забыты.— Теперь я не буду сослепу наступать тебе на хвост.

— А это кто?— продолжала испытывать дочь, на этот раз держа предмет на расстоянии.

— Воробей! Серенький воробушек.

— Ой, папка! Ты все, все видишь! Как это здорово! И как я тебя люблю!

Один. В квартире никого. Сергею теперь домовничать долго. Суровый образ жизни. Что поделаешь, надо беречь зрение. Слушай говорящую книгу. Разрешено. Недолго смотреть телевизор можно. Ходить по улицам, любоваться деревьями, цветами полезно. В школу слепых ни в коем случае. Слишком много новостей обрушится там на него. Взволнуют. И он говорил себе: «не пойду», припоминая, как от неосторожности в одесской клинике погубил успешную операцию. Что нельзя, пусть остается недозволенным, хотя и велик соблазн сходить в школу, заняться научной работой. Нельзя! Зрение. Наконец Сергей собрался с духом и подошел к зеркалу, которое старательно обходил со вчерашнего дня, боясь при членах семьи показать свое разочарование по поводу своей изменившейся внешности. Но, оказалось, бояться было нечего. И хотя прошло два десятка лет, его узнать было нетрудно: он увидел знакомое отражение. Поредевшие волосы, а на висках словно пылинки мела — седина. Морщины у глаз, у рта, лицо пополнело.

Сергей подмигнул зеркальному близнеццу.

— Ну что, наконец встретились? Здравствуй!— Отражение улыбнулось. Сергей договорил ему:— Долго, браток, тебя не существовало! Кланяйся Ане, она нас с тобой свела. Постараемся больше не расставаться.

В садике, около их дома, в котором Сергей часто гулял с детьми, пока они не стали взрослыми, он обошел дорожки, тропинки, останавливаясь у деревьев, осматривая их, как житель пустыни, никогда не видевший подобного чуда, наклонялся к траве, к цветам, трогал их живые стебли, гладил, как котят. Зримый мир был неописуемо прекрасен. Сергей сорвал цветок, сел на скамью и стал разглядывать. Красные лепестки пламенели, как язычки костра. В середине желтые маковки

будущих зерён. Удивительная форма листков. Их края словно вырезаны самым чудесным ювелиром. Цветок будто смотрит, будто все видит и все понимает.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Завтра приступать к работе.

Марьянов расхаживает по комнате в отведенной ему квартире и планирует: «С первого же дня надо показать, что бывшего директора не существует. Есть он — Василий Никанорович, со своим стилем руководства, характером и нравами. Я прибыл сюда, чтобы внести в работу новые методы, выветрить застоявшийся провинциальный дух».

Чисто выбритый, одетый в тщательно отглаженный бежевый костюм, светлую рубашку с нарядным галстуком, в новые коричневые полуботинки, он вошел в приемную, где сидела секретарь — молодая девушка. Поздоровался и дал первый устный приказ:

— Пригласите ко мне по очереди всех преподавателей, потом завуча.

Девушка приподняла темные полоски бровей и, сказав «слушаюсь», вышла. Марьянову сразу же не понравились и эти нагловато приподнятые брови, и это старомодное «слушаюсь». «Ломать все!» — рассердился Василий Никанорович и вошел в кабинет. Письменный стол маловат, стулья для посетителей и директорский стул примитивного изготовления. Бедно, серо, неприглядно. «Обставлю как положено». Он не успел еще сесть за стол, чтобы освоиться с обстановкой, утвердиться в кабинете, как вошел широкоплечий улыбающийся мужчина.

— Добрый день, Василий Никанорович! Кулаков Даниил Прокопьевич прибыл! — Он раскланялся и сел к приставному столику.

Марьянов вспомнил его, хотя тогда учитель по ориентировке был в черных очках.

— Ну, чем занимаемся? — спросил директор, будто хотел уличить преподавателя в безделии.

— Тем, за что платят деньги, — в тон директору ответил Кулаков. — Вот на днях попал в милицию.

От неожиданности Марьянов подпрыгнул на стуле.

— В пьяном виде?

Кулаков ухмыльнулся.

— Спиртное не употребляем.

— Тогда объясните подробнее,— потребовал директор. В его баритоне прозвучали металлические нотки.

— Забавная история приключилась!— Кулаков сел попрочнее, откинувшись на спинку стула.— Поехали мы со старшим мастером Поляковым к незрячему пареньку, чтобы пригласить его к нам на учебу. Паренек ослеп в детстве, проживает в таежном селе, ничем не занимается, так, небо коптит. Приезжаем в село. Ночью. Ждать утра негде, станции нет. Разыскали сельсовет — на дверях замок. Во дворах тявкают собаки. Что делать? Поляков видит у сельсовета телегу с сеном. Предлагает: «Давай-ка заберемся в сенцо да переспим». Разве от такого соблазна откажешься? Я сам деревенский.— Даниил помолчал, выжиная, как директор прореагирует. Тот молчал. Он продолжил:— Улеглись, зарывшись в сено. Заснули. Просыпаюсь, слышу — нас потряхивает и что-то поскрипывает. Испугался. Окликнул Илью Максимовича: «Ты ничего не чуешь?» Он спросонья удивляется: «Где мы?» — «В берлоге, говорю. Но она почему-то качается». — «Точно!» — подтвердил Илья Максимович и стал выбираться на поверхность, за ним — я. Только вылезли из сена, как раздался дикий крик мужчины: «Грабители!» Оказалось, пока мы сладко спали, хозяин воза запряг лошадь и поехал к себе домой в соседнюю деревню. Ничего не подозревая, он подремывал, подгонял кобыленку. Когда из сена высунулись две физиономии, бедный мужичок перепугался насмерть. Погнал лошадь ну и привез нас в милицию, как мы его ни уговаривали.

Марьинов не смеялся.

— А где этот незрячий? Вы с ним беседовали? — выдерживая начальственный тон, поинтересовался он.

— У нас учится,— пояснил Даниил.

Преподаватель не понравился директору своей развяźностью, балагурством. Он считал, что в кабинете руководителя не должно быть лишних слов, не касающихся дел их школы. Всему этому предстояло учить подчиненных.

— Вы какое-нибудь педагогическое образование имеете? — спросил Марьинов, подумав: «Если нет, заменю».

— Окончил институт,— сказал Кулаков.— Спасибо, с вашей помощью. Помните, приезжали с проверкой? Мы вас послушались.

— Кто это «мы»? — спросил Марьянов.

— Я, инструктор по ориентировке, Арский и Томилов Сергей Михайлович, — перечислил Кулачков. — Ваша критика тогда на нас действовала положительно.

Не понравился и Арский со своим хрипловатым голосом.

— Методика ориентировки у нас отработана...

Марьянов перебил объяснения Ефима Аркадьевича:

— Одной отработки мало. Надо к обучению подходить творчески, учитывая специфику каждого учащегося.

— Мы так и поступаем, — защищался Арский. — У нас есть прекрасный исследовательский материал — научная работа Томилова.

При упоминании имени Томилова Марьянов взорвался:

— Вы что, без суфлера обходиться не могли? Вам нужен путеводитель? А где педагогическое творчество, инициатива?..

— В труде Сергея Михайловича, — внес ясность Арский. — Мы накапливали исследования, опыт, Томилов обобщил — написал кандидатскую диссертацию. Учебник получился добротный, полезный для преподавателей.

— Кандидатская Томилова еще нуждается в защите. Ее будут исследовать с разных точек зрения — дефектологии, медицины и психологии, — оборвал директор Арского и ужаснулся: с кем придется иметь дело! Да разве такие, как Кулачков, Арский, Поляков, смогут дать ему интересный материал! Тем более что многое уже использовано Томиловым. Выходит, старый педагогический состав изжил себя. Для новой исследовательской работы потребуется обновление аппарата. А где его взять?

Последней зашла Ильина. Энергичная, одетая со вкусом, она вежливо поздоровалась, смело прошла к стульям, села, дожидаясь вопроса.

— Как идут дела в школе? — спросил густой баритон.

Надежда Васильевна, помедлив, сказала:

— Вопрос слишком расплывчатый. О чем конкретно рассказать?

— О делах школы, разумеется, — невозмутимо потребовал Марьянов.

Она немногословно изложила об укомплектовании школы учащимися, о проводимых занятиях, о выполнении учебной программы и заключила:

— В целом — все нормально, если не считать ухода от нас Сергея Михайловича...

— Потому я и очутился здесь,— продолжил мысль завуча Василий Никанорович.— Придется управлять школой нам с вами.— От глаз Марьянова не укрылось промелькнувшее на лице Ильиной недовольство, разочарование. «Ишь ты, не нравлюсь! Ничего, привыкнешь»,— подумал он и приказал:— После обеда прошу представить мне на просмотр дневные планы учителей. И ваш тоже.

Школа выходила из своего привычного ритма. В системе управления намечались неизбежные перемены. Отныне кабинет директора для Надежды Васильевны не будет тем местом, куда входить можно было без доклада, где принимали ее, да и всех сотрудников, доброжелательно, участливо, без наигранной заинтересованности, где журили за промахи, за оплошность, и давали советы, и сочувствовали в личных невзгодах. В тот кабинет хотелось входить. В этот — нет. В этом что-то давит на тебя, связывает, заставляет чувствовать, что ты подчиненная. К рабочему столу Ильина вернулась от нового руководителя подавленной, мрачной. Зазвонил телефон, она взяла трубку.

— Да-а...— И это «да» прозвучало так мрачно, что в наушнике немедленно удивились:

— Вы больны, Надежда Васильевна?

— Ах, Анна Ивановна! Здравствуйте!— весело заговорила Ильина.— Извините за трагический тон. Причина есть. Новый директор приступил к своим обязанностям... Нет, не из наших... Из Москвы направлен. Марьянов.

Теперь с того конца провода Ильина услышала недовольное «да» и сожаление:

— А Сережа надеялся — вы его замените.

Надежда Васильевна возразила:

— Нет, Анна Ивановна, ни за что! Я ведь согласилась только на время, надеялась, что Сергей Михайлович вернется скоро!

В трубке послышался вздох.

— Не знаю, вернется ли. Его зрение держится за счет покоя. Как пойдет лечение дальше — сказать труд-

но.—Она спохватилась:—Надежда Васильевна, будьте любезны, постарайтесь ваши события скрыть от Сережи. Обманывать неудобно, но ничего не поделаешь. Надо выбирать: правда — потеря зрения, ложь сохранит ему глаз.

Могла ли Надежда Васильевна отнять с таким трудом добытое счастье Томилова.

— Будьте уверены, Анна Ивановна! Я сделаю все, что нужно. Не волнуйтесь!

— Благодарю! Потерпим, потом, может быть, признаемся сразу во всех грехах наших.

Через час после «заговора» позвонил Томилов и сразу же поинтересовался, как справляется его преемник.

Ильина кашлянула. Оказалось, называть себя тем, кем ты не значишься, нелегко. Хочешь не хочешь, будь артистом.

— Справляюсь понемногу...

Томилова «понемногу» не устраивало.

— Надежда Васильевна! У вас такие прекрасные организаторские способности, знания! Стыдно прибедняться, скромничать. Надеюсь, у вас там работа кипит ключом. Долечат, приду в школу вместо вас завучем.

На лице Надежды Васильевны выступили багровые пятна. Она чуть не плача сказала:

— Я останусь преподавателем, а директором будете вы.

— Нельзя,— послышалось в трубке.— Не знаете моего врача. Строгий. Приходится подчиняться. Подыскивайте мне работенку полегче. Обещаю — из меня подчиненный выйдет безупречный.

Продолжать разговор Надежда Васильевна не смогла. Спазмы перехватили горло, трубка легла на рычажки. Спохватившись, что, если Томилов по ее интонации почувствовал фальшь, он может позвонить кому-нибудь из конторских служащих, она набрала номер и как ни в чем не бывало взялась доигрывать роль более добросовестно:

— Я не поняла, вы положили трубку?

— А я думал вы. Техника барахлит...

Ильина помолчала, собираясь с мыслями.

— Вы слышите меня?

— Да, да! — Сергей продолжил: — Я вначале позвонил в кабинет директора, считал, вы там занимаетесь. Вместо вас ответил какой-то мужской голос. «Я — ди-

ректор», — говорит. Так что наведите порядок, товарищ начальник! Займите ваш кабинет...

Ильина с трудом сохранила спокойствие и сумела сказать лишь «до свидания». Вечером она позвонила Ане домой, передала свой разговор с Сергеем и порекомендовала придумать что-нибудь с телефоном.

— Иначе он все равно дознается.

— Это уже хуже, — обеспокоилась Аня.

Все, что находилось в квартире, Сергей осмотрел по несколько раз, осмотрел и ощупал, сравнивая качества этих двух восприятий. Зрение. Какой дар! Видишь и объем, и очертания, и цвета, и расстановку. Видишь живую картину в целом. Здорово! А без зрения... Сергей закрыл глаза. Мрак. И картину надо рисовать красками собственного воображения.

Звякнул электрический звонок. Вошли двое. Один пониже и шире в плечах, пожилой. Через всю щеку у него шел шрам, который стягивал кожу от носа до рта, немного искривляя левую часть лица.

Сергей протянул обе руки, обнял мужчину:

— Федор Иванович!

— Узнали! — взволнованно пробасил Журавлев.

— А тебя отгадаю только, когда заговоришь. — Сергей видел юношу с пышными темными волосами, волевым раздвоенным подбородком, таким же, как у Федора Ивановича, носом.

— Я это, Сергей Михайлович! — подал голос Олег.

— Ну, я всплыл к свету. Наступает твоя очередь.

Олег застенчиво улыбнулся, шагнул к Сергею. Они обнялись.

— Вы видите!

— И ты будешь!

Сергей пригласил Журавлевых пройти в гостиную.

— Нам Анна Ивановна позвонила, — как бы оправдываясь за непрошеный визит, сказал Федор Иванович.

Сергей осуждающе покачал головой.

— А если бы Анна Ивановна не позвонила, вы бы не навестили меня?

— Зачем же!.. — смущился Федор Иванович. — Навестили бы. Но сначала попросили бы разрешения.

Кто-то разбойнически застучал в дверь. Дверь еще не распахнулась, а Николай уже кричал:

— Показывайся! К дьяволам запретные кордоны!
Ну-ка взирай, кто перед тобой, а?

Сергей узнал Николая сразу, хотя и в нем что-то изменилось. Невысокая крепкая фигура слегка ссутулилась, располнела. На скуластое смуглое лицо время наставило свои печати — от морщинок никуда не укроется.

— Николка! — Сергей трижды расцеловал друга, словно не встречался с ним с той поры, как потерял зрение, а все эти годы говорил с ним только по телефону. Друзья хлопали друг друга по плечам, приговаривали ничего не значащие слова: «Какой ты!...» — «А ты какой!» — «Ну, на охоту!» — «Давай!» Радовались как дети, дурачились. Потом Николай спросил:

— А где шаман?

Сергей не понял:

— Какой шаман?

— Твой шаман — Анна Ивановна. В ножки ей упаду за твои глазки!

— Она вылечила один глаз, — полусерьезно поправил Сергей.

— Какая разница, сколько! Важно основное — свет есть! — Николай прокричал: — Есть свет, понимать надо! — Он подошел к тумбочке, на которой стоял телефонный аппарат. — Смотри не бастуй! Эту штуку станция временно отключила. — Он снял трубку: — О, точно, отключила. Пока она тебе не нужна. Ты теперь зрячий. Слух не обязателен.

Просьбу Ани он выполнил. С руководством АТС договорился о выключении точки и поставил в известность самого абонента.

Но Сергей нахмурился.

— Ты что, лишаешь меня связи с миром?

— Ишь ты жадный какой! — Николай погрозил пальцем. — Тебе отпущено столько, что этот телефон — капля! Не обеднит тебя. Вот он, мир, смотри! Весь в красках! — Он посерезнел. — Его нужно беречь, не потерять. Потерпи, Серега!

«И тут не обошлось без вмешательства Ани», — подумал Сергей и ласково и горестно.

Послышались голоса Ивана Ивановича и Валентины Алексеевны. Чей-то еще... Сергей прислушался внимательнее: Галины. Увидев ее, он без притворства высказал:

— Ты не изменилась, Галя! Почти такая же!

Галина рассмеялась.

— Раз «почти», значит, изменилась, постарела.—
Она спросила родителей:— А вы показывались?

За себя и за мужа ответила Валентина Алексеевна:

— Наплакались и нарадовались!

Подойдя к Сергею, Галина поцеловала его.

— Я тоже рада очень за тебя, Сережа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Люба брела по центральной улице, останавливаясь перед вывесками магазинов. «Зайти, узнать?..» Раздумывала, что дальше. «Попробовать подыскать работу в городе?.. А что, если вернут на прежнее место? Подруга ведь пообещала».

«Дельфин»,— прочитала она на вывеске рыбного магазина. Постояла и сюда не зашла. Конец улицы. Дальше километрах в двух электростанция. Там — диспетчерская Кости. И, не отдавая себе отчета, она продолжила путь. Детский комбинат — двухэтажное здание. Давно ли она играла в куклы, нянчила их, кормила, укладывала спать, баюкала, устраивала детский сад, управляя тряпичными, глиняными, целлулоидными, плюшевыми куклами как настоящий воспитатель. В воображении Любы они жили настоящей человеческой жизнью, плакали и смеялись, ссорились между собой и дружили.

Она остановилась, представила себе, какая, наверно, интересная жизнь кипит в этих комнатах, пожалела, что не пошла учиться на воспитателя.

Что-то подтолкнуло ее войти в детский комбинат. Вспомнилось ли детство, игры.

Немолодая хмурая женщина выслушала девушки, которая не скрыла ничего из своей коротенькой трудовой деятельности. За хмуростью заведующей прятались доброта и чуткость. Женщина расспросила о семье, пожалела больную мать Любы и ласково сказала:

— Не отчайвайся. Ты только начинаешь трудиться. Дорога эта не ровная. Всякое встречается. В коллективе разные люди, разные характеры. Только никогда не поступайся гордостью, делай все по совести, дорожи честью. Если хочешь, приходи к нам работать. Мы тебя возьмем. Только и наша профессия нелегка. Дети... Они нуждаются и в материнской ласке и в постоянной

заботе. Могу для начала предложить место нянички. Понравится у нас, поступишь учиться, получишь специальное образование, переведем в воспитательницы. Не понравится, можешь устроиться куда угодно,— она подвинула к девушки чистый лист бумаги.

Люба работала во второй ясельной группе. Ей нравился этот ребячий мирок. Маленькие существа лопотали о своих делах, лопотали серьезно и смешно. С каждым днем подрастали, схватывали новые слова, учились ходить, играть. Интересно наблюдать за ними, слушать их щебет, ухаживать, помогать.

Дети требовали постоянного внимания, заботы, и Люба уставала за день. Но иногда вдруг вспоминала свою прежнюю работу и начинала тосковать. «Ничего, привыкну здесь,— убеждала себя Люба.— С ребятишками интереснее». Утром, в обед, в полдник надо подготовить столы, приборы, потом убрать, помыть посуду. Надо помочь одеться для выхода на прогулку. У каждой группы свои шкафчики. На каждой дверце— цветная картинка: яблоко или огурец, арбуз или ветка вишни, елочка или мяч, пирамидка. Малыши хорошо помнят свой рисунок, сами достают одежду, но одеться правильно не хватает смекалки. Пальто застегнут не на ту пуговицу, ботиночки наденут не на ту ногу. Надо поправить, показать. И малыши сопят, старательно учатся. Уйдут ребятишки гулять, надо протереть полы, мебель, прибрать кукол, заправить кроватки. Много чего надо! И Люба все делает с удовольствием, как для своей семьи, для себя. За месяц работы в детском комбинате она узнала каждого ребенка своей группы, его характер, привычки, кто его родители. По поведению малыша она определяла, как его воспитывают мать и отец. Детская душа доверчива, мягка. Люба любила ребятишек, любила не вообще, а в отдельности каждого, и они за это щедро платили ей своей привязанностью. Увидев Любу, они ласкались к ней, сообщали домашние новости: «Мне мама подарила мишку!», «Я с папой ходил в кино — зверей показывали», «Мы с мамой стирали. Я мыло в таз бросила!» Были и такие рассказы: «Папа пришел пьяный-пьяный. Мама ругала его, а он бросил в нее сапог». Дети делились печальными событиями, заново переживая обиду. А сколько за день наслышавшись

разного смешного! Напридумывают такое, что взрослое не придет в голову. Чудесное царство — милое, чистое, как горный родничок, светлое, как цветок подснежник, и сильное, грядущее, как надвигающаяся весна.

Вчера на собрании персонала детского сада заведующая похвалила Любу за усердие и добросовестность. А почему ее заставили уволиться из магазина? Разве там она меньше старалась? Нет, к работе и там она относилась добросовестно. Ей нравился людный зал, гул голосов, движение толпы, общение с покупателями.

Кончался рабочий день. Она заглядывала в окно — не ждет ли Костя. Он всегда ожидает ее вон там: на детской игровой площадке. Пока не пришел. Рано еще. Здесь он ожидал ее и в первый день работы после мольчаливой размолвки. Глупо. Она потом проклинала себя, боясь, что Костя рассердился надолго, а может быть, и навсегда. И был бы прав. Но он узнал, куда она поступила на работу, и полдня терпеливо расхаживал взад и вперед вон по той дорожке. Тогда с неба сыпал мелкий дождик, а он ждал. Она с утра поглядывала в окно, не покажется ли. Мысленно просила: «Приди, Костя». Угрюмо отмечала — не пришел. А после обеда, когда малыши спали, она, не рассчитывая ни на что, подошла к окну и, не веря своим глазам, радостно вскрикнула: «Костя!» Побежала к выходу, остановилась. Может быть, он ждет ее, чтобы проститься?

Решила терпеть до конца работы — будь что будет! Если дождется — значит, она нужна ему, если уйдет — значит, никакой любви. А он сказал: «Очень люблю!»

Костя выдержал, не ушел. Выдержал не минуты, а часы. Тогда они помирились, долго гуляли по набережной. Не могли наговориться и были беспредельно счастливы.

И сейчас Люба посмотрела на улицу. Не пришел. Рабочий день подходит к концу. Она присела к группке девочек, укладывающих кукол, стала помогать.

— Леночку — сюда, — подсказывала она.

— А куда уточку и киску? — заботилась о своих любимцах двухлетняя Наташа.

Любу позвали в приемную. Ее ожидала Женя — продавец из универмага.

— Ты? — обрадовалась Люба. — Никак не думала, что разыщешь меня!

— Важное сообщение! — заговорщики выдохнула Женя и потянула подругу в вестибюль за колонну, где можно было поsekretничать. — Очень важное!

— Да говори же, что? — Люба стала боком к подруге, чтобы лучше слышать ее шепот.

Лицо Жени было возбуждено. Она никак не могла начать рассказ.

— Все в порядке! — начала она. — С Марией Семеновной разделялись. После тебя она так же дала и мне кое-что продать втихаря. Я посоветовалась с девочками. Договорились товар отпустить и запомнить, кому отпускаем. Понимаешь?

Люба не понимала, но в знак согласия кивнула.

— Я запомнила. Их было пятеро. — Женя перевела дух. — Мария Семеновна рада не рада, что нашла себе покорную посредницу. Посматривает на меня елейно. Я помалкиваю. Вижу на складе мужские туфли. Закачаешься! Самые моднейшие! Она снова поручает продать тому, кто скажет «от Марии Семеновны». Покупатели те же. На воскресенье мы с девочками разделились на две группы. Одна отправилась на местную барахолку. Другая, и я с ними, — на центральный рынок. И что ты думаешь?.. — От удовольствия она громко рассмеялась. — Дальше как в детективе. Одну из тех покупательниц встречаю с теми самыми туфлями. Одна из нас спрашивает цену. Женщина называет двойную против государственной. С平淡ила пару, тут же вытащила вторую. Мы в милицию. Спекулянту задержали. Пришли к ней на квартиру. Там в прихожей целая куча коробок из-под всякой обуви. Не пряталась, была уверена — сойдет. Работники ОБХСС распутали все махинации. У нас состоялось комсомольское собрание. Виновных потребовали привлечь к ответственности, нам за бдительность объявили благодарность. Марию Семеновну сняли с работы. Директору магазина по управлению торговли объявили выговор. Слушай дальше. — Женя заговорила в полный голос. — Директриса послала меня к тебе, просила передать извинение и приглашала обратно в универмаг, и не младшим продавцом, а продавцом. Ну, как получилось? Классически! Девочки передают тебе кучу приветов. Ждут.

В Любे боролись два чувства. Одно ликующее — ее звали обратно в магазин. Другое — сожаление. Ее отрывали от того, с чем она уже сжилась, к чему привык-

ла. Люба подумала, справилась с колебаниями и решительно сказала:

— Хорошо. Я перейду обратно к вам. Доработаю ноябрь месяц и перейду.

Когда Женя ушла, растерявшаяся Люба с тоской обошла комнаты, заново осмотрела шкафчики-лилипуты, игровую комнату, спальню с кроватками-малютками, поговорила с детьми, которых родители оставляли на ночь в детском саду. Их немного. Остальных увела домой. Неужели она уйдет отсюда, бросит полюбившихся ей малышей? И все-таки уйти придется. Ничего не поделаешь. Ту работу она тоже любит. За право быть продавцом она боролась. И училась. И будет учиться еще дальше.

Выйдя из детского комбината, она подняла воротник пальто. Снег редкий, но колючий, с ветром. За калиткой детского садика она увидела «Жигули». Из кабины выскочил Костя и направился к ней.

— Препротивная погода... На автобусе съездил домой за машиной. Опасался опоздать.

«Съездил домой», — повторила про себя Люба слова Кости, и сразу стало теплее, легче. О ней заботятся. Это из-за нее ему пришлось дрожать на автобусной остановке, чтобы не мерзнуть ей.

— Ты, наверное, намерзся? — спросила и покосилась на Костя.

— Что ты. Я все время бегом! Забежал домой за ключом от машины, папа спрашивает: «Ты не на пожар?» — «Нет!» — говорю. И опять бегом.

Сев в машину, Люба поинтересовалась:

— Родители знают обо мне?

Костя вставил маленький ключик в скважинку на щитке прибора.

— Сегодня знакомлюсь с твоей мамой, потом очередь твоя знакомиться с моей семьей.

Он несколько раз просил Любу зайти к ним. Но она ставила условие:

— Вначале познакомлю тебя с мамой. Она интересуется. Потом познакомлюсь с твоими родными. — Поставив условие, она не задумывалась, когда случится это. И вот обещанному подходит срок.

Костя ехал к ней, затем надлежало ей побывать у него.

Погрустнев, она доверила Косте то, что давно тяготило ее, и чем дальше, тем сильнее и сильнее.

— Знаешь, мне кажется, ты скоро меня разлюбишь...

Пораженный внезапным заявлением, Костя слегка осадил машину, вопросительно посмотрел на девушку.

— Почему, Любаша?

Она опустила глаза:

— Ты окончишь институт, а я останусь нянечкой в детском садике или продавцом в магазине. Вот мы с тобой и будем стоять словно на разных полюсах...

Костя дал обогнать себя автобусу, поглядел на Любу на этот раз так, будто видел ее впервые.

— При чем тут образование? Разве любят за профессию, за должность...

Люба перебила:

— Вначале нет. Потом... Вначале клятвы, горячие признания. Позже чувства блекнут, остывают, и от клятв, страстных слов о любви ничего не остается...

— Люба, почему ты так говоришь? И откуда ты знаешь об этом? — снова удивился Костя. — Ты рассуждаешь как старушка, прожившая жизнь... И не очень счастливую...

Люба промолчала, задумалась.

— Знаю...

Разве ее отец не любил мать? Любил. Дорожил ею. И вот — ноги. Нежданная, преждевременная инвалидность. Горькое несчастье. Он не разделил этого несчастья. Наоборот, нанес новое — покинул семью. Где любовь?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Осень заботливо готовила землю к сибирским морозам, к буранам и длинным ночам: заботливо укутывала ее одеялом из листьев, щедро поливала дождиком. Осень подгоняла строителей теплотрассы, напоминая северными ветрами и заморозками о приближении зимы.

Грузно, неторопливо переставляя ноги, Тихов обходил строительные участки внутри города и отмечал: «Тут успеют. Трубы обмурованы. Остается засыпать... Тут подналечь — тоже успеют. Ставят лотки». Участок, который отходил от главного коллектора к узлу городской сети, был почти не начат. Почему-то оказался ничейным.

Войдя в кабинет председателя горисполкома, считавшегося главой всей стройки теплопровода, Иван Иванович устало опустился в мягкое кресло и, отдохнувшись, обвинил себя:

— Ваш ведущий ветеран труда просмотрел самую основную часть теплотрассы. В общем, слона-то и не приметил.

Юрий Николаевич знал, о какой части беспокоится председатель совета ветеранов труда, на чьей совести лежала прокладка теплотрассы внутри города. Все взрослое население находилось в распоряжении совета. В свободное от основной работы время оно рыло канавы. Кирками, ломами пробивало асфальт, помогало устанавливать железобетонные лотки, прокладывать трубы, засыпать траншеи. Даже старики и те копошились у развалин, орудовали лопатами, раздавали инвентарь, составляли сводки и передавали их в центральный штаб. На загородный участок не хватало сил, и Юрий Николаевич мыслил тот отрезок взять штурмом. После окончания работ на главной трассе и внутри города туда перебросить все отряды. Выслушав план председателя исполкома, Иван Иванович покачал седой головой:

— Ох, Юрий Николаевич, скует морозец земельку, в бетон превратит, трудно будет. Опоздаем!

— Что предлагаешь? — спросил Юрий Николаевич.

— Немедленно возобновить работы! — Иван Иванович хлопнул себя по колену. — Есть запас! — Его брови поползли на лоб. — Внучка моя подсказала. Ты знаешь, она командует оперативным отрядом. Ребята — самые те! Одни крепыши! Они быстро осилят.

— Ты говоришь о Томиловой Светлане? — уточнил Юрий Николаевич.

Тихов подтвердил.

— Но она поступила в институт. Я сам ее поздравил, когда объезжал отряды.

Иван Иванович ухмыльнулся.

— Время найдет. Говорят: «До конца останусь на стройке». И останется. В выходные будет работать.

Возвращаясь к начатому разговору, Юрий Николаевич спросил:

— Ты на основной стройке бывал?

— Что ты, Юрий Николаевич! — пробасил Иван Иванович. — Я здесь-то не успеваю. Утомляюсь. Стар, ноги не те...

— Стар... Да, старость — не радость,— подтвердил председатель исполкома, взвешивая и свои годы, которые катились к пенсионному возрасту.— Давай-ка, Иван Иванович, тряхнем стариной. Поедем в воскресенье вдоль всей линии. Покажу тебе молодую силищу, в которую я поначалу не верил. Считал, возня в грязи им быстро наскучит, а вышло — получил щелчок по носу. Темп ударной стройки не снижается. Наоборот, вопрос, несмотря на отсев — многие разъехались по учебным заведениям.

Исполкомовская «Волга», цепляясь колесами за целик — по ненаезженной почве пробираться легче,— ползла вдоль линии траншей. Там, где работали парни и девушки, Юрий Николаевич просил водителя остановиться. Тихов выбирался из машины и бодро шел к работающим. Размах работы восхищал его, видя энтузиазм молодежи, он сам словно молодел.

— Ну как, дедушка, довolen? — спрашивали звонкие голоса.

И Тихов, смотря на разбегающиеся траншеи, на дне которых тянулись трубы, говорил:

— Молодцы, ребята! На добро не жалейте сил! Добро оборачивается десятикратным добром. Мы все ста-римся, а добро, сделанное нами, останется нашим потомкам.

Доехали до подъемного крана.

— Чья бригада? — спросил председатель исполкома.

Один из парней показал на вышедшую из вагончика девушку в сапогах, в черных брюках и бордовом толстом свитере.

— У нас не бригада, а опергруппа. Вон наш главно-командующий!

Девушка подошла.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич! Здравствуй, дедушка!

Светлана, как бы оправдываясь, что она не на объек-те, развернула тетрадь, пояснила:

— Готовили график на следующую неделю. Остается немного. Так, подчистка недоделок.

Здесь, в поле, среди навороченных бугров глины, в необычной одежде, она выглядела старше. «Лицо озабоченное, глаза серьезны. Совсем не похожа на себя», — подумал дед, любуясь внучкой.

— График придется пересоставить, товарищ Томило-

ва.—Два десятка парней скрестили непонимающие взгляды на председателе исполкома.—Хотим предложить вам отдельный объект, трудный и важный,— участок от центрального коллектора до городской сети. Ну как? Возьметесь?

Каждый член оперативной группы вначале посмотрел на других, произошло как бы безмолвное совещание, затем глаза их обратились к Светлане. Она расшифровала их немое решение и объявила:

— Наша группа готова. Интереснее иметь определенный объект и отвечать за него от начала и до конца.

— Правильно, Света!— поддержали ее.— А то мы вроде маневровых паровозов — то туда, то сюда.

Юрий Николаевич пообещал с завтрашнего дня перевести группу на постоянный объект.

— Надеемся, товарищи, поручение центрального штаба стройки выполните с честью! — заключил он и пожал каждому руку.

Побывали у переходных колодцев, где работы в основном были закончены. Проехали до электростанции, куда подходили стальные трубы и откуда начиналась прямая линия теплотрассы.

Домой Тихов вошел словно хмельной, полный впечатлений после поездки.

— Ну, старуха, насмотрелся же я чудес! — переодеваясь в домашнее, ликовал он.

— Куда тебя носило? Пожалел бы старые кости!

Жена не в духе, сразу видно.

— Эх, старая, я размялся порядком.

Увидев в комнате Аню, торопливо вытирающую со щек слезы, Иван Иванович осекся. Бодрость точно сдуло ветром, плечи отяжелели.

— Что с тобой, дочь? — опустившись на диван, спросил он.

Аня попыталась улыбнуться, но у нее ничего не получилось.

— Ничего со мной не случилось, папа. — Аня вытащила из сумочки конверт, достала из него белый лист бумаги. — У Сережи неприятность. Письмо ему пришло. Отклонили присвоение ученой степени. Это удар по нему. — Она развернула листок и прочла: — «В вашей научной работе обнаружено много неточностей, сомнительных утверждений...» — Она прервала чтение, подняла голову. — Разве я могу разрешить ему заново за-

няться таким трудом? Над переделкой надо сидеть долго и упорно. Придется перепроверить факты, выводы, разобраться в недоделках, если они есть — устранить их. Для этого нужны большое напряжение, нервная нагрузка. Неминуемо осложнение, а то и слепота.— Слово «слепота» обожгло Ивана Ивановича так, что он сморщился и тихо, почти беззвучно ойкнул.

— Надо скрыть от него эту бумагу. Проживет без учености, зато со зрением,— рассудил он и подумал: «Вон она какая негладкая жизнь. Что еще не хватает им для спокойного счастья? Она уважаемый доктор. Он после стольких лет слепоты прозрел, все видит, и на тебе, полынья!»

Аня положила конверт обратно в сумочку, встала.

— Хорошо, что я первой захватила почту. Придется договориться с отделением связи не доставлять на дом корреспонденцию. Буду забегать сама.

Еще один мостик общения с миром оборван для Сергея.

— Ты дома, Сереженька?— по интонации нельзя догадаться, что Аня только что плакала. Он вышел из спальни заспанный, непричесанный, в нижней рубашке.

— Где же мне быть? Я домохозяйка. Лицо неслужебное.— Он зевнул.— Смотрел телевизор и заснул. Смешно! Не могу привыкнуть. Скажу «смотрел» и обо мне. Неужто не ошибся? Приснилось, Анюта... И что ты думаешь?— Он хохотнул.— Приятное. Диплом кандидата наук получил. Наверное, сон в руку.

Аня поспешила прошла на кухню, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Она сделала его зрячим, наблюдательности ему не занимать.

— Ты что, Анюта?— встревожился он.— Что-нибудь в больнице?

— Ничего, ничего, Сережа! Все в порядке. Нервы, очевидно. День выдался тяжелый.

Выдвинутая версия не убедила Сергея.

— Глаза, Анюта, у тебя не на болоте. Заставить плакать по пустякам вряд ли возможно.— Он положил на ее плечо руку.— Скажи честно, что произошло.

Могла ли Аня рассказать ему о письме, лежащем в ее сумочке? Нет! Ни за что! Она поцеловала мужа и попросила:

— Не надо, Сережа. Со мной ничего особенного не произошло. Не беспокойся.

Тихо. Воздух не колышется. Пространство сонное, неосязаемое. В этом его бездвижном покое звукопроводимость и слышимость особенно повышенны. Но где-то высоко существуют невидимые потоки, своеобразные воздушные водопады, смерчи. Они спускаются вниз, несут с собой холодный воздух. Деревья встряхивают листвой, на озере пробегает рябь, вода морщинится. Взметнется на дороге серая пыль. Ветер ворвется в открытую форточку домов, разыщет листки бумаги, поиграет с ними и успокоится. Эти легкие порывы похожи на детишек-шалунов, шкодящих безобидно, весело. Но бывает и такое, когда внезапно летняя жара сменяется холдом, мелкие облачка собираются в тучи, тучи в бешенстве скалятся молниями, стонут громом.

Сибирь знакома с этими резкими колебаниями в природе. Зимой ее пытают бураны, выюги, ураганы, вихри и смерчи. Изредка случается, что, кажется, все они разом собираются в единую силу и набрасываются на землю:

Утром небо над городом Дальним было выцветшее. Бледное солнце куталось в марлевую пелену морозной дымки. Будь оно поближе, казалось, смело дотрагивайся до золотисто-матового диска — не обожжешься. К обеду наползли низкие, пузатые облачка, замела поземка. Преждевременно стемнело.

К вечеру в поселке энергетиков бешеные порывы ветра безудержно расплясывали на улицах свою удалую кадриль, высиживали какую-то залихватскую песню. С каждым часом буря крепчала. Снег неистово метался в воздухе. Прохожему на улице держаться на ногах стало непросто. Ветер бесцеремонно толкает в спину, грудь, порой норовит приподнять и отбросить в сторону.

К ужину ураган распоясался вовсю. Ветер рвал подвешенные на столбы телефонные и электрические провода, как щепки сносил с крыш плиты черепиц, шифера, на сеновалах частных усадеб разметывал сено, ломал деревья. Беснующиеся вихри гонялись друг за другом, переплетались между собой, свертывались в спирали.

Ветер достигал такой силы, что, казалось, был способен разрушать своими ударами стены домов. Буря хозяйничала в городе, в поселке, у детского комбината, где в эту ночь осталась дежурить Люба. Неожиданно

выбило стекло из окна в коридоре второго этажа. Холод начал быстро заполнять коридор, проникать в комнаты, пожирать драгоценное тепло. Погасло электричество, вероятно, где-то была повреждена линия. Передвигаться по зданию приходилось на ощупь. Люба добралась до телефона. Телефон предательски молчал. Более двадцати ребятишек из разных групп остались в детском саду — родители побоялись вести их домой,— и Люба уложила их в кроватки.

Касаясь рукой стены, медленно, осторожно переступая ногами, она дошла до лестницы, спустилась, разыскала кухню, окликнула:

— Тетя Даша!

В ответ услышала причитания:

— Ой, матушки мои, конец света!

Люба зашагала на голос:

— Вы где?

Тетя Даша, испуганная, сидела в углу, набросив на себя одеяло, дрожала от страха.

— Помилуй нас, грешных! Ой, ой, что это деется на белом свете!..

Расталкивая ее, Люба торопила:

— Пойдемте! Надо спасать детей!

— Спасать детей... — повторила тетя Даша.

Напоминание о детях привело ее в чувство. Она поднялась и забормотала:

— Да, да!.. Детишки замерзнут. Вон как настудило! Пойдем, девочка, скорее пойдем!.. — Зашаркала валенками.— Темень, хоть очи повыкалывай... Ты не убегай от меня...

Сплошной мрак. Из правого конца коридора сильно дуло. Люба приблизилась к дышащему холодом окну, окликнула:

— Тетя Даша! Надо немедленно заткнуть окно хоть чем-нибудь, несите, что найдете, подушки, одеяла.

Пожилая женщина боялась подойти к окну.

— Доченька, нам с тобой не справиться вдвоем. Ох, господи, спаси и помилуй нас...

«Дочка» сама нуждалась в подсказке, в команде. Чувствуя свою беспомощность, она всхлипнула. Тетя Даша не видела ее растерянности, считая, что в такой беде молодость сильнее, попросила:

— Ты меня не отстраняй от дела. Я сейчас, сейчас, дочка. Что могу, постараюсь. Детишечко надо спасать.

Почти такими же словами Люба только что вывела из оцепенения тетю Дашу, теперь пожилая женщина этими же словами заставила Любу взять себя в руки.

— Пойдемте наверх,— вытирая слезы, твердым тоном приказала Люба.— Сюда, тетя Даша...— говорила она.— Я всех детишек забрала в одну комнату.

— А дальше-то что станем делать? Под ногами снег. К утру ребятишки замерзнут. И мы с ними...

Люба строго предупредила:

— Не ныть! Дети не должны чувствовать нашей тревоги. Слышите? Ни в коем случае не паниковать!

Тетя Даша схватила Любу за рукав пальто.

— А как мы их отведем от беды?

— Устроим в самой дальней группе. Там теплее. Уложим всех в кроватки, накроем несколькими одеялами, и вы останетесь с ними...

Тетя Даша вплотную прижалась к Любке:

— Одна... Что ты, девоночка!— И зашептала в ухо:— А ты куда? Что замыслила?

Люба не ответила. Она нащупала дверную ручку, вошла в комнату, где спали дети.

— Ну как вы тут у нас?— бодро спросила Люба притихших ребятишек.— Только не вылезать из кроваток, всем спокойно лежать.

Услышав веселый голос, они заговорили все сразу. Кто-то заплакал:

— Хочу домой!..

Кто-то пожаловался:

— Темно! Где мама? Когда она придет?

— Холодно!

Люба переходила от кроватки к кроватке, поправляла одеяла, гладила их по головкам: коротко остриженные волосы — мальчики, косички — девочки.

— Ах вы мои хорошие, как вы тут, мои маленькие?— громко известила о себе тетя Даша.

— Ну вот, видите, сколько нас!— тоже весело подхватила Люба, будто на помощь ребятам прибыло целое войско.

Плач прекратился. Детские голоса повеселились.

— А теперь мы с тетей Дашей вас по очереди перенесем в теплую комнату. Всем лежать тихонечко, как мышата в норке, пока мы понесем Танечку и Сашу. Договорились?..

Нянеckам пришлось немало повозиться, пока они не перенесли всех детей через холодный, черный от мрака, коридор в самую отдаленную от выбитого окна спальню.

Каждого надо уложить в постель, закрыть, завернуть в одеяло. Люба с тетей Дашей делали это старательно, душевно. Перетащили сюда почти все одеяла детского садика. Согреввшись, ребятишки успокоились совсем. Старшие даже шутили:

— Теперь нам не страшен серый волк!..

Люба проверила каждую кроватку, для каждого нашла ласковое слово, каждый в ответ ей сказал:

— Спасибо! Вы не уйдете?

С ней они считали себя вне опасности, но не уходить Любе было нельзя.

Люба позвала тетю Дашу.

— Вы побудьте, а я как-нибудь доберусь до электростанции. Там в диспетчерской дежурит мой знакомый, он нам поможет.

Ее решение испугало тетю Дашу:

— Дурочка безмозглай! Да ты прислушайся, что там творится! Тебя как былинку завертит, занесет снегом.

— Что же вы предлагаете? — заершилась Люба. — Чтобы под утро мы все превратились в сосульки? Потрогайте батареи, они давным-давно остыли...

Что могла возразить пожилая женщина? Понятно, положение трудное, но брести куда-то в такую погоду!..

— Ты, дочка, подумай, ведь не дойдешь! — взмолилась она.

— Дойду! — упрямо заявила Люба. — Знаю, никакой дороги сейчас нет. Но не везде же такая темень. Где-то горят огни. Другого выхода нет, тетя Даша. Постараюсь добраться. А что толку оставаться тут обеим.

— Ты в чем? Переобулась уже? — Тетя Даша ощупала ноги девушки. — Ой, матушки, в сапожках! Совсем спятила, девонька! — Она завозилась, закряхтела. — Ну-ка, надень-ка мои пимы.

Люба повиновалась, сняла сапоги, надела валенки.

— Что вы, тетя Даша! — Она потопталась, прошлась. — Они мне большие. Свалится. Не доплетусь. Где вы? Возьмите. Пойду в своих сапожках. Они легкие, внутри мех. На ходу не замерзну.

Тетя Даша заворчала:

— Не мех, а смех! Пимы-то как печка. Греют. Разве что идти неудобно — велики.

Пока спорили, в спальню заметно похолодало. Медлить нельзя.

— Возьми носки. Они у меня шерстяные, вязанные из правдашней шерсти.— Тетя Даша совала Любे мягкий сверток. Она ощупала юбку, тонкую кофточку, пальто Любы.— Не выкаблучивайся, дочка, не на свиданье идешь. Возьми мой свитер. А на голове что?— Ее проворные руки сняли шапочку, набросили пушистую шаль, заправили под ворот пальто, закрыли грудь, плечи, спину. Любe стало теплее.

— А вы как?

Тетя Даша передразнила:

— «Вы как?» Я остаюсь в доме! Здесь и одеяла и простыни. Да мало ли тряпок!— Она прижала к себе девушки.— Ты у нас сейчас главная. Мыслимо ли— брести в такую ночь! Отчаянная! Будь осторожна!

Ветер, словно только и ждал, когда Люба выйдет, накрыл ее с ног до головы облаком снега. Она задохнулась, отвернула лицо от режущих острых струй и, наклонившись вперед, двинулась по перемещающимся, словно штормовые волны, сугробам, по сыпучему снежному морю. Ни огонька, никаких признаков жизни. Ночь слепая, кругом густая темень.

Люба с трудом приоткрыла калитку и вышла в открытый океан улиц. Возвращаться назад было нельзя. Позади осталось более двадцати малышей. Они в опасности. И если не она, дежурная няня, то кто же защитит их, спокойно посапывающих сейчас там, в спальню. Люба качнулась от порыва ветра, но устояла, сказала себе: «Дойду, все равно дойду!» Начали мерзнуть ноги, пальцы рук. Прикрыв лицо шалью — снег залеплял глаза, она упрямо шла и шла вперед, преодолевая напор ветра. Холод лез за ворот, щипал щеки, проникал в рукава, под пальто. Впереди мелькнул огонек — маленькая звездочка.

— Станция! — крикнула она, но снег забил горло, дыхание остановилось.

Звездочка набирала яркость, приближалась. Люба зашагала быстрее, споткнулась, упала, поднялась, снова побежала. Диспетчерская совсем близко. Электростан-

ция направо. Надо вперед. Вон там где-то светит Костино окно.

— Костя! — крикнула Люба. — Костя! — повторила она, словно он мог ее услышать за воем пурги.

За столом сидел Миша Улагашев. Увидев укутанную, заснеженную фигуру, он удивился. «Среди ночи, в такую непогоду... Кто это?»

Любу он узнал лишь по голосу, когда она спросила:

— А где Костя?

— Люба, ты? — Он вскочил со стула. — Как ты тут очутилась?

Девушка откинула заснеженную шаль, поднесла к рту окоченевшие пальцы, подула на них.

— Где Костя? — повторила она.

— На станции авария... Все там... — он махнул рукой.

— Некогда разглядывать меня, — перебила она, раздражаясь спокойствием Улагашева. — Одевайся!

— Зачем? — Миша недоумевал. — Да объясни, что случилось.

Люба распахнула пальто: здесь было жарко.

— Возьмешь молоток, гвозди. Вон то! — Она показала на кучу проводов. — И быстро к нам, в детский сад. Там нет ни света, ни отопления и выбито окно. Замерзают дети. Я вызову аварийную, обогреюсь и, если не дождусь Костю, вернусь. — Она говорила быстро, словно боялась опоздать, что-нибудь забыть.

Миша переступил с ноги на ногу.

— Куда я в таких ботиночках?

— Туда, где замерзающие дети! Понял наконец! — прикрикнула Люба, берясь за телефонную трубку.

— Не работает. Нигде нет связи, — подсказал Миша и нехотя стал надевать пальто, шапку-ушанку.

Люба одобряюще посмотрела на него и, подавая один из молотков — на верстаке их лежало несколько, — горсть гвоздей — они были тут же, в ящике, — подбодрила:

— Не бойся. Я тоже скоро приду. Вдвоем или одна. Чуть согреюсь. Промерзла до костей... Ты только быстрее! Дорога каждая минута! Там тетя Даша одна, она ждет.

Молоток Улагашев сунул в один карман пальто, гвозди ссыпал в другой, надел перчатки, взял провода, шагнул к двери.

— Поднимешься на второй этаж, пройдешь прямо по коридору до конца, дверь последняя слева. Встретит нянечка.—Люба выпалила это, пока Михаил выходил из будки.

Оставшись одна, Люба сняла сапоги. Пальцы ног заломило так, что она от боли прикусила губы.

На нее навалилась усталость, словно она пробежала без передышки несколько километров. Тепло расслабляло, приятным покоем обволакивала дремота. Скорее бы пришел Костя. Вместе пошли бы к детскому садику. Одной ей теперь не дойти. И, вспомнив сейчас, что пережила, ужаснулась. Пожалела Мишу, который был сейчас там, на диком ветру, а когда услышала скрип открывающейся двери и в диспетчерскую ворвался холод, увидела перепуганного, замерзшего Михаила, Люба не поверила своим глазам. Но вошедший ясно проговорил:

— Невозможно!.. Сбился... Еле нашел будку...

Люба очнулась, поспешно начала натягивать на ноги сапожки.

— Дорога каждая минута!—прокричала она, представив себе, как беспокоится там тетя Даша.

Люба укутала в шаль и тронулась к выходу. Улагашев преградил ей дорогу:

— Отсюда нельзя всем уходить. Я пойду разыщу Костю, людей. Подожди! Одни мы все равно ничего не сделаем...

На столе тетрадь, карандаши—красный, синий, желтый. Такими цветами исписаны, исчерченны кривыми линиями листы. Люба нашла чистую страницу, написала красными буквами: «Костенька! Спешу в детский садик! Там замерзают дети! Надо что-то предпринимать! Миша не дошел—вернулся. Как увидишь записку, прошу, Костенька, быстрее к нам! Люба». Отойдя от стола, она посмотрела на него. Исписанная страница краснела строчками, бросалась в глаза тревожным предупреждением.

Снова улица. Мысленно девушка уже там, в детском комбинате. Они с тетей Дашей снимают два фанерных стенды и приколачивают их к раме, закрывают выбитые стекла. Она проверила, на месте ли молоток. Вот он, в кармане. Гвозди тоже на месте. Люба пытается бежать. Правая нога вдруг теряет опору. Люба летит куда-то вниз, в снежную яму. Она с усилием поднялась.

Утопая в снегу, руками пошарила вокруг себя. Слева, справа — стена. Впереди, сзади — снег. Наверное, в канаву свалилась, вот недотепа. Приподнялась на цыпочки, подняла руки — стена. Проползла немного, снова приподнялась. Руки нашупали край траншеи. За него не ухватишься. Она поползла дальше — тот же край и стена. Выбившись из сил, поняла: пытаться выбраться отсюда самой бесполезно. Она стала кричать, звать на помощь.

Расстояние от электростанции до диспетчерской невелико. Но Косте казалось — оно бесконечно. Он бежал, не замечая ни снежных наметов, ни ветра, ни мороза. Лоб взмок от пота. Рванул дверь.

— Где она? — помрачнел он, входя в пустое помещение.

Как и рассчитывала Люба, его внимание привлек листок с написанными красным карандашом словами.

Медлить нельзя. Вырвав из тетради записку, Костя сунул ее в карман. На следующем листе торопливо написал: «Улагашев! Дежурить за меня. Томилов».

Выскочив на улицу, Костя вытащил электрический фонарик, зажег. Бледная капля света как стакан пресной воды в соленом океане. Выключил. Падая, поднимаясь, он бежал к комбинату.

Вдруг показалось, кто-то крикнул. Ветер тут же отбросил, заглушил голос. «Да почудилось», — подумал он. А вьюга пела и пела свои разбойничьи песни. Со стороны траншеи снова донесся слабый крик, и вновь буря поглотила его. Косте стало жутко. Он стиснул зубы, согнулся, чтобы переждать очередной порыв ветра. Снова невнятный крик. Определив его направление, Костя пошел на него. Слабый луч фонарика вырвал из темноты край траншеи под ногами. Крик доносился справа. Не раздумывая, Костя спрыгнул на дно ямы. Увязая в снегу по пояс, рванулся на голос, направил луч света. На фоне черной стены белела фигурка, запорошенная снегом.

— Любашенька, родная моя! Слышишь, Люба, очнись!

Она открыла глаза. Видя, что Люба не узнает, кто с ней рядом, Костя взял ее мокрую руку в свою.

— Это я, Любаша, Костя...

— Ты?.. Костя!.. — она еле шевелила замерзшими губами.

Костя поднял ее, снял с себя пальто, накинул ей на плечи и, подхватив девушку на руки, понес вдоль траншеи, туда, где в конце ее должен быть пологий подъем.

— Костенька, милый! Скорее к ребятишкам! Они там замерзают.

Голова Любы касалась его подбородка.

— Не беспокойся. Все будет в порядке, — пообещал он.

— Я очень люблю тебя, Костенька! — прошептала Люба.

Костя плотнее прижал ее к себе. Впереди мелькнул свет в окнах диспетчерской. Их встретили Скворцов и Улагашев. Степан бросился к сестре.

— Люба! — крикнул он. — Что с ней?

Смуглое лицо Михаила бледно. Он молчит. Костя сажает Любу на стул, плотнее заворачивает ее в свое пальто, приказывает:

— Степан, срочно в детский комбинат. Михаилу дежурить здесь. Я с ней в больницу.

— Может быть, мне лучше? — Скворцов считал, что с сестрой должен быть он.

— Беги, Степа, туда. Возьми вот электрический фонарик. Там тебе он будет нужнее. А ее я отнесу сам.

Миша схватился за шапку.

— Я сбегаю за «скорой помощью»!..

— Не надо, — остановил его Костя. — Пока бегаем, ожидаем...

Он надел рабочий комбинезон, старую ватную стеганку, оставленную сменщиком, взял на руки Любу.

— Иди в пургу с объемистой ношей нелегко. Но Костя нес ее, упорно шагая навстречу тьме. Шагая наугад, надеясь на память и физическую выносливость.

Степану нелегко дался путь до детского комбината. Утопая в снегу, он отыскал калитку, вошел в ограду и увидел стену дома. Электрический фонарик осветил вестибюль. Его веселый золотистый лучик прорезал тьму. В коридоре на полу снег. Вокруг тихо. Ни звука. Комнаты пусты, выстужены. Степан поднялся на второй этаж. Здесь гуляет ветер еще сильнее. Где-то хлопнула дверь. Степан направился туда.

— Кто там? — послышался женский голос.

В конце коридора маячила бесформенная, укутанный с головы до ног фигура.

— Ты от Любаши? Где она, все хорошо? — заговорила женщина, подходя к двери. — Дети там. Укрывала, укрывала... А мороз как вода — ползет отовсюду.

— От нее, — хмуро ответил Степан.

— А я-то тут извелась. Заблудилась, думаю. — Тетя Даша спохватилась, откинула с головы край одеяла. — Напугался? — рассмеялась она. — Да и как не испугаться такого чучела! Другого ничего не придумала. Закоченела совсем. Обвернулась одеялами.

Ребятишки спали безмятежно. Тепла, сбереженного в постелях, еще хватало.

Степан разыскал щитки электропроводов. Проверил пробки. Не перегорели. Неисправность где-то на линии. Заделывать дыры в окнах придется без освещения, пользуясь фонариком. Свет небольшой, жидкий, но все-таки свет. Без него пришлось бы тухо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Остаток ночи Люба бредила, кричала. К утру успокоилась, притихла, жар спал. Проснулась она от головных болей. Открыла глаза — светло. Незнакомая комната. Три кровати. Ее четвертая. Пахнет лекарством.

— Где я? — испуганно спросила она стоявших возле нее мужчину и женщину в белых халатах.

— В больнице, девушка, — пояснила женщина. — Как чувствуете себя?

Люба пошевелилась. Заныло в руках, в плечах. Кольнуло в пояснице. Ноги. В ногах какая-то тупая боль, словно на них навалили тяжелый груз. Она попыталась согнуть колени, чтобы потрогать ступни, которых она нечувствовала, как будто их не было. Но не сумела. Ноги не подчинялись.

— Плохо мне, — пожаловалась она.

Мужчина с женщиной переглянулись. Мужчина сбросил с Любы простыню, дотронулся до щиколоток.

— Чувствуешь? — спросил он.

Люба чувствовала.

— Здесь? — дотронулся он до второй щиколотки.

Люба не могла понять, чувствует или нет.

— А сейчас? — Мужчина взялся за большой палец правой ноги и озабоченно переспросил: — Сейчас чувствуешь?

Люба видела, как ее палец мяли, сгибали книзу, и это создавало иллюзию, что она чувствует руки врача.

— Что-то чувствую, — неуверенно отозвалась девушка.

— Ну, хорошо... — неизвестно кому сказал врач, направляясь к выходу. За ним последовала и женщина.

Костя сидел в санпропускнике. Он опоздывал на сдачу смены, но не уходил из больницы. Ему нужно было узнать о Любке. Наконец появилась та самая женщина, которая приняла их и обещала сообщить о ее состоянии.

— Можете идти домой, — объявила она. — Ваша больная проснулась. Придется ей у нас полежать.

— А как она чувствует себя? — нетерпеливо спросил Костя и испытующим взглядом впился в усталое лицо дежурной.

— Пришла в себя. Будем надеяться на лучшее.

Неопределенность не устраивала Костя, но узнать большего он не смог.

Домой он не поехал. Пошел сдавать смену. Пурга затихла, и не верилось, что несколько часов назад она неистовствовала повсюду. Сугробы образовались у подъездов домов. На улицах, во дворах усердно трудились дворники. По дороге полз снегоочиститель.

Костю качало из стороны в сторону, глаза слипались. Спать. Только спать... Шагая почти механически, он пересек комнату, сел на стул, сложил на стол руки и, уронив на них голову, моментально заснул.

Спал он, наверно, всего несколько минут. Проснувшись, почувствовал себя способным работать. У верстака, на табуретке, сидел Скворцов. Увидев, что Костя проснулся, вскочил:

— Что с Любой?

Костя тоже поднялся, расчесал пятерней растрепавшиеся волосы.

— Сказали — надо полежать в больнице. Небольшое обморожение. Как там дети?

Степан устало улыбнулся.

— Ребятишки, точно медвежата, перезимовали в своих берлогах. Дыры в окне заделал быстро. Потом

добрался до котельной, помог устранить неполадки в электроощите, пустили отопление.— Он как-то сразу погрустнел.— А ничего опасного с сестренкой не случится?

Карие глаза Кости тоже погрустнели.

— Сказали: «Ничего особенного...»

А случилось именно особенное.

В поселке Костя Любу не застал. Ее увезли в городскую больницу. То, что сообщили ему в поселковой больнице, страшно испугало его.

— Обморожены пальцы ног.

Костя, не ощущая под собой земли, побежал к остановке. Автобус только что двинулся с места. Опередил его, поднял руку, крикнул:

— Останови! Останови!..

Шофер по взволнованному виду парня определил: «Что-то неладное».

В автобусе Костя нервничал, злясь на медленный ход, на остановки, он спешил, будто здоровье Любы зависело только от него.

Из прихожей квартиры в гостиной виден отец, самодовольно рассматривающий себя в зеркало. Костя впервые в жизни допустил такую низменную мыслишку по отношению к отцу. Там, в больнице, страдает человек, над которым нависла страшная опасность. А тут —тишь, гладь, самолюбование. Он влетел в комнату сестры. Светлана учila латынь.

— Мама дома? — спросил он.

— В спальне. А что стряслось? Ты на себя не похож.

Костя не стал объяснять, попросил:

— Позови сюда маму. Постарайся, чтобы не заметил отец.

Светлана вышла. Вскоре зашла Аня и, увидев сына, обмерла:

— Костя!.. Да что случилось?

— Со мной ничего, мама! С Любой... Я люблю ее...

Она попала в больницу с обмороженными ногами. Я нашел ее в пургу. Ей хотят ампутировать ноги...

Костя говорил путано, сбивчиво. Но Аня поняла: произошло сразу несколько событий: любовь, несчастье.

— Мама! Мамочка, спаси ее! Ноги... Пусть оперируют! Она мне нужна! Очень! Обязательно!

Он молил, требовал, выпрашивал, словно и его собственная жизнь висела на волоске.

— Я, сын, всего лишь глазной врач! А это дело хирургов.

Костя не хотел и слушать. Он с еще большей настойчивостью взывал к помощи:

— Вы, врачи, договоритесь! Ты обратись к самому опытному хирургу. Пусть он возьмется... Пусть спасет Любу.

— Хорошо, сын. Постараюсь договориться.—Аня понизила голос:—Ни слова папе. И лучше тебе не встречаться с ним.—Она постояла, приходя в себя. До сих пор ей удавалось все горести, переживания скрывать от Сергея. Но на сей раз он уловил ее встревоженность, подошел ближе, заглянул в глаза.

— Ты почему такая взъянованная? Что-нибудь у Кости неладно? Ты, по-моему, разговаривала с ним.

Ане было трудно притворяться, хотя обстоятельства и заставляли в последнее время не сообщать мужу никаких неприятных новостей.

— Да, я разговаривала с ним.—Она старалась быть спокойной.—Ничего серьезного, устал после трудного дежурства. Что-то у них там испортилось... Ты ведь знаешь, какая буря была ночью.

Сергей подозрительно хмыкнул.

— Мне он почему-то не жалуется.

Аня поспешило подхватила:

— Не хочет расстраивать тебя. От усталости на ногах еле держится. Авария была, устранили на морозе... В Сергея шевельнулось опасение.

— Он что, руки или ноги обморозил?

— Что ты, Сережа! Он устал, и больше ничего! Иди посмотри.

Теперь Аня говорила правду, поэтому в ее звонком голосе звучала искренность, убедительность. И Сергей поверил.

Ночь тихая. Глухая. Больничная ночь. За окном серебряными пуговками поблескивают звезды. Вчерашняя буря не смыла их, не перепутала, оставила там, куда они и пришли к синему куполу. А Люба-то думала — вчерашняя ночь перевернет, перековеркает вообще все. Лежит Люба в трехместной палате, от входа справа.

Слева у стены кровать занята пожилой женщиной. Третья, посередине, пустует.

Люба не спит. Не хочет спать. Не до сна. Может быть, жить-то ей осталось несколько дней. Может быть... Ей так и сказали, если она не согласится на операцию. А она не согласилась... Без ног... Люба щупает колени — чувствуют. Ниже — тоже. Еще ниже... Тут... Пальцы мертвые. Она давит, жмет — никакого ощущения. Люба часто-часто проверяет — не ожили пальцы? И перед каждой проверкой затаивает дух: «А если?..» И, прощупав, с болью, тихо произносит: «Нет!..»

За день ее навестило несколько врачей. Все они смотрели ее ноги, советовали оперировать.

Женщина с красивым лицом называлась Анной Ивановой, матерью Кости. Она погладила ее по голове.

На прощанье Люба передала Косте привет и попросила:

— Пусть приедет...

И опять она не знала, как это «пусть приедет» обожгло Аню, видевшую в окно Костю, который уже несколько часов ходил около больницы.

Ночь, как поезд, двигалась вперед. Утром она остановится на очередной станции, а там помчится снова. Если бы не Костя, Люба жила бы долго, перекочевывая из одного дня в другой. Без ног, на костылях или протезах — ей было все равно. Теперь у нее есть Костя. Он любит. Уверена — любит. Он будет говорить, что его любовь останется прежней и тогда, когда ей сделают операцию. И он будет искренен. Скажет — и она поверит. Она хочет в это верить...

Но ведь она больше не побежит с ним рядом по травяной поляне. Не побредет по лесу, не... «Не...», «не...» будут преследовать ее теперь всю жизнь. Сколько их будет? И разве это не та сила, которая подточит любовь? Разве отец не дорожил матерью, семьей?! А больные ноги мамы, ее инвалидность сделали свое дело. «Тем более у мамы ноги целы, а у меня...» Люба снова щупает ступни. Может быть, сначала Костя совсем, почти совсем не изменит к ней отношения, но потом хоть капельушечку, самую малую кроху, да изменит. Иначе не может быть. А Люба не хочет стать обкраденной. Хотя это может и не случиться, но она будет всегда настороже — подозрительна, недоверчива. Зачем такая любовь? Она откажется от любви сейчас, от такой, ка-

кая она есть,— ничем не омраченной, не запятнанной, не поколебленной. Пусть эта любовь останется навечно с ней и с ним.

Любе жарко. Она сбрасывает одеяло.

«А почему я так уверена в его чувствах? Он спасал меня, подвергая опасности и себя. Ну и что? Долг каждого смелого мужчины... Постой, постой!.. Проверим. Если он любит по-настоящему...— Воображение мигом рисует четкую картину.— Если струсит, заколеблется — увижу сразу. Тогда нарочно; назло, соглашусь на операцию. Выживу! Пусть он знает... Обойдусь и без него, без его любви... Ведь мама живет, и ничего... Работает...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наконец Сергей получил разрешение Ани побывать на предприятии общества. В областной город они ехали с Иваном Ивановичем. Он должен был сопровождать зятя в городе. Аня вела машину и жужжала как пчела:

— Смотри ходи осторожнее. Старайся сдерживаться, тебе вредно волноваться...

Читая нотацию, она прибегала к медицинским терминам, длинно объясняя, что может произойти со зрением. Сергей слушал не перебивая, опасаясь выдать свое лицование перед предстоящей встречей с друзьями, с которыми когда-то создавал производственную мастерскую, потом предприятие. Видящий глаз был закрыт марлевой повязкой. Глаз нельзя охлаждать, нельзя смотреть на мелькающую придорожную местность. Нельзя то... Нельзя это. Муторно? Терпи. У тебя зрение.

Дождавшись, когда Аня смолкла, Сергей спросил:

— Олега скоро собираешься оперировать?

— Готовлю,— не сразу ответила Аня.— Пока лечу... Пожалуй, скоро. Слишком сложна операция, Сережа. Необычная. Приходится готовить не только больного, готовиться и самой. Не в смысле техники, методики. Нет! Во мне еще не совсем созрела уверенность, не утвердились решимость. Иногда прокрадывается сомнение, и я отступаю, начинаю осмысливать все заново. Ну ничего. Все равно пробьемся!

Внезапному появлению Томилова в кабинете директора предприятия Моргунов обрадовался, расцеловал его, провел к своему креслу, усадил.

— А вы, Иван Иванович, сюда... — Он отодвинул стул от приставного столика.

Сергей снял повязку. В помещении такая роскошь ему дозволена, оглядел просторную комнату.

— Вольготно живете! Солидно! — Он встал. — А вот сидеть за директорским столом разучился. Подобные кресла мне теперь не по чину, как сапог с чужой ноги. Давай садись сам. По назначению.

Моргунов медлил. Потом присел к длинному столу и расхохотался.

— Взаимное уважение... Помните, как у Мольера. Ни хозяин, ни гость не хотят первым пройти в дверь, а потом шагнули одновременно и застяли!

Сергей тоже рассмеялся.

— Но мы с тобой вдвоем в одно кресло не усядемся!

Томилову было весело, легко, словно на него дунуло свежим воздухом. Он с жадностью человека, вернувшегося домой после долгого отсутствия, накинулся на новости. Как, что, сколько? И Моргунов с удовольствием посвящал его в свои дела.

Выходя на улицу, Иван Иванович подсказал:

— Завяжи-ка глаз. Морозно! Я поведу тебя.

Странно. «Поведу тебя...» И Сергея не обескуражили эти слова, не напугали. Наоборот, от них повеяло чем-то близким, связанным в прошлом с его жизненными интересами.

В помещении Сергей снова снял повязку. Глаз увидел просторный вестибюль. Справа — раздевалка, слева — стенды с наглядной агитацией. Оформлены со вкусом. Прямо — лифты. Для отдыха — у стены мягкие, обтянутые кожей стулья, под потолком — люстры. Не цех, а холл фешенебельной гостиницы.

— Начнем с нижнего этажа, — распорядился Иван Арсеньевич. — Первый цех, механическая группа. Со склада, через галерею, сюда поступает сырье.

Томилов поднял голову. По кран-балке полз подъемник, неся металлические листы. Бережно положил их на полотно приемника, повернул обратно. Подъемник скрылся, через некоторое время показался вновь с бухтой толстой проволоки. Бухта легла на другой приемник. А дальше, словно во сне, тугая проволока разматывалась, как нитка с катушки, и механические ножи-ножницы крепкими стальными зубами раскусывали ее на дольки. Транспортерная лента несла эти дольки к автома-

там. Станки катали, нарезали винты. Рядом штамповались гайки. Последующая группа станков выдавливала замысловатые детали. И вся эта масса бесконечно текла дальше и дальше. И только в конце зала ссыпалась в рабочий лифт и, по мере его загрузки, подымалась вверх. Станки выкрашены в мягкий светлый тон, и несмотря на то, что они по своей конструкции, по своему назначению различны, одинаковая окраска роднила их, делала похожими, как в строю солдат, одетых в одинаковую форму. На стенах панно, аншлаги, призывы.

Сергея заинтересовал фонтанчик для питья. Сопка, а из ее вершины, как из кратера, выбивается струйка воды. Около этого фонтанчика цветы.

На втором этаже две линии конвейера. Течет река металлических деталей. У каждого рабочего места аккуратный станочек, фигурные ящики для полуфабрикатов, кресла с крутящимися сиденьями. Всюду зелень. Спокойно, приглушенно играет музыка.

Щелчок в репродукторе. Объявление: «Поздравляем с днем рождения Василия Карася, ударника коммунистического труда, рабочего бывшей пимокатной мастерской...» Биографическая справка. Томилов уходит в далекое прошлое, вспоминает дряхлые деревянные дома, людей, валяющихся пимы в духоте и сырости, и этого именинника-шутника, насмешника.

«Для него передаем русскую народную песню «Коробейники...»

Моргунов показал на овальную нишу в стене, где, как и на первом этаже, плескался фонтанчик, только здесь струя пульсировала из кувшина, а поодаль, у цветов, стояла скульптура медведя с протянутой кружкой в передних лапах.

В цехе нешумно, несуетно. Рабочие слушают музыку, последние известия, ловко берут с конвейера нужные части, присоединяют к ним положенную деталь. На конвейер ложится полуготовое изделие, его подхватывают рядом, что-то присоединяют еще. Оно продвигается дальше, дальше, и аппарат готов.

Моргунов объясняет подробно, с упоением, как когда-то ему объяснял сам Томилов.

Звонок. Приостанавливается работа. По местному радио объявляют: «У нас в гостях...»

Сергей увидел, как с мест вскочили люди.

— Где он?

— Где наш Сергей Михайлович!

«Наш...» И радостно и грустно. Радостно, что его не забыли, горько потому, что он здесь всего-навсего гость.

Сергея окружили, жали руку, справлялись о здоровье, о зрении. Показывая на кого-нибудь, спрашивали: «А ну, Сергей Михайлович, угадайте, кто это?..» Легко сказать «угадайте», когда все эти лица явились ему лишь сейчас и он может узнать людей только по голосам. Он для них тот же невидимый Сергей Михайлович, а они для него зrimы. Кто это подошел к нему и улыбается — высокий, сухощавый, с продолговатым лицом? Кто, попробуй определи, если его внешность Сергею абсолютно неизвестна.

— Забыли, Сергей Михайлович... — почти с огорчением вымолвил рабочий.

Акающий голос выдал Карася.

— Василий! — обратился бывший директор к тому, невидимому Василию Карасю, а не к этому, зrimому — этот был чужой, незнакомый.

— Ну, догадались! Я, Сергей Михайлович! — Теперь рабочий говорил самодовольно. — Приятно день рождения отметил — с вами повстречался! Вы ведь вроде отца.

К нему из толпы протиснулся полный, круглолицый мужчина, тоже с улыбкой и тоже ждет, когда опознают его. Полных мужчин много. Назови не то имя — обидишь. По их понятиям, есть зрение — не ошибайся.

— Эх, председателя местного комитета забыли!.. Митин...

К нему приблизилась его жена Любка, кто-то еще из тех, кто много лет находился рядом.

Вышел еще один рабочий. Поднял руку с двумя пальцами. «Лапин», — про себя отметил Сергей, узнав его по искалеченной руке и по шраму на лбу: вспомнились портретные зарисовки зрячих. Умолчал умышленно, чтобы не напомнить ему о неприятных отметинах, оставленных войной.

— Я, Сергей Михайлович! Лапин! Помните друга Арского?

Томилов притворно воскликнул:

— А, Лапин! Как же, помню, помню!..

Томилова ввели в цех по изготовлению пластмассы. Этот вид производства и его технология были незнакомы еще Томилову. Высокие продолговатые туловища термопластиков не хлопали, не стучали, не по-

хрустывали, как прессы-станки на механическом участке, эти машины стояли смирно, чинно и в своих чревах, выдерживающих высокие температуры, плавили пресс-порошок и формовали полужидкое тесто в необходимые изделия. В помещении воздух чистый: вентиляция действовала идеально.

На четвертом этаже бытовое отделение.

— Здесь у нас физический тренаж,— пояснил Иван Арсеньевич.— По рекомендации врача рабочие тут занимаются физкультурой. Вот, например.

Томилов сел на седло, поставил ноги на педали и стал ими крутить как на велосипеде. Под нагрузкой оказались все мышцы от ступней до пояса.

— Это для развития рук.

Томилов взял ручку. Такими ручками раньше приводили в движение шерстобитную машину. Раздался звонок. Чем быстрее работал Томилов, тем большее сопротивление появлялось в рукоятке, тем заливчатее рассыпался электрический колокольчик.

— Это приспособление для гимнастики спинных, шейных мышц,— перечислял директор.— Этим отрабатывается дыхание, пульс.

Томилов жалел, что не в силах устроить подобное в своей школе.

Показали медпункт: УВЧ, кварц, ингаляторы, солюкс, кабина для снятия кардиограммы, темная комната для проверки глаз.

— История предприятия,— объявил Иван Арсеньевич. От обилия экспонатов у Томилова захватило дух. Макеты зданий, станков, машин, таблицы мощности производства. Выставка выпускаемой продукции от первых дней существования предприятия до настоящего времени убедительно рассказывала о становлении и развитии производства.

— Ну как, Сережа, насмотрелся?— спросил Иван Иванович и сам же ответил:— Не ожидал я увидеть такого! Молодец, товарищ Моргунов!

Иван Арсеньевич отговорился:

— При чем тут я? У нас всем этим ведает технико-экономический совет. Наши активисты.

Как все изменилось! Как далеко вперед шагнуло предприятие! Изменился и Иван Арсеньевич, став видным руководителем. Томилова грызла совесть, что он отстал от жизни, от времени. То, что он увидел сейчас,

было когда-то его мечтой. Воплотили же ее в реальное дело Колчина, Моргуновы. Сергей очутился в стороне, наблюдателем, и там, в школе, он тоже никто. Томилов покидал цех счастливым и подавленным.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще до завтрака у Любы побывал лечащий врач. Разговор был недлинным. Врач спросил:

— Ну как? Мы все-таки настаиваем на операции.

Люба поставила условия:

— У мамы больные ноги. Прийти сюда она не может. Мне надо обязательно повидаться с ней. Можно ее привезти сюда?

Врач нахмурил брови, нехотя согласился. Пообещал машину. Но Люба отказалась, надеясь на приезд Кости. Он должен быть с минуты на минуту. Он привезет маму. А что, если он не приедет, не захочет увидеть ее в таком состоянии?

Он пришел в белом халате, накинутом поверх черного костюма.

— Чудной ты в этой одежде,— усмехнулась Люба.— Вроде доктора.

Костя подсел к ней, пожал руку, погладил по голове.

— Ну, как ты у меня?

Больная женщина, лежащая на крайней кровати, вышла. Люба мысленно повторила: «Ты у меня...» Какие хорошие слова! И вслух пожаловалась:

— Неважно, Костенька...— Она придирчиво всматривалась в Костя, как он отнесется к сказанному.— Предстоит операция...

На лице Кости та же заботливость, нежность. В глазах любовь. Ни тени сомнений, настороженности.

— Вот останусь калекой...

В Косте и теперь ничего не изменилось. Он наклонился к ней и поцеловал в губы. Выпрямившись, покраснел.

— Знаю... Все знаю. Раз надо, соглашайся.— Он посмотрел ей прямо в глаза — просительно и настойчиво.— Ты мне нужна, понимаешь, ты... какая бы ни была...

— Я же стану инвалидом!..— Она уже плакала, не стесняясь.

Костя взял ее руки.

— Ну при чем тут инвалидность! Что ты все о ней твердишь...

Его пальцы сжали крепче ее руки. «Не обманывает...» Вспомнился ночной разговор с самой собой. Она пожалела Костя и себя...

— Не отвернешься после?

— Ты о чём это?..— Было видно, что Костя мучается от бессилия доказать ей настоящие свои чувства.— Я из больницы возьму тебя прямо к нам.— И в его глазах светилась такая радость, что Люба снова воспрянула духом.

— И в загс поедем?..— спросила она.

Костя оживился.

— Ну, конечно, глупышка ты моя! Когда захочешь!..

— Тогда после... Когда из больницы выпишусь... Ладно?..— Люба приподнялась.— Костенька, я так тебя люблю!— Она обняла его и поцеловала.— А теперь я тебя очень прошу, привези ко мне маму... Ты знаешь, ей самой ко мне не прийти...

Аня вошла в палату, где когда-то лежал Сергей. Теперь его койку занимал Олег. В палате Светлана. Она почти каждый день после занятий в институте прибегает сюда.

— Мама! У тебя такой измученный вид, что страшно смотреть.

Замечание дочери Аня пропустила мимо ушей.

— Как там Люба и ее мама?

— Пока ничего хорошего,— угрюмо отзвалась Света.

Аня устало присела на табурет около Олега.

— Ну что, Олежка, пока операцию отложим. Не могу. Боюсь.— Доктор жаловался больному.— Не могу. Потерпи.

— Пожалуйста, Анна Ивановна, сколько угодно,— согласился Олег.— Я ведь все понимаю. Я подожду...

— Ты когда домой, мама?

— Собралась. Иду.

Светлана встала.

— Я провожу тебя. Пойдем. Одну не отпущу.

Сидя в спецмашине, Аня старалась убедить себя в том, что она излишне болезненно принимает горести

свои и своих детей, что это в конце концов не укроется от Сергея. Он вынудит признаться ее во всем, и может случиться еще одна беда. «Я превращаюсь в профессионального лжеца. Я, как вор, прячусь от глаза Сергея, прячу от него свои думы, свою внутреннюю боль, хотя мне очень тяжело, очень...»

Вот и сегодня надо играть снова, изображать спокойствие в день сплошных тревог, волнений, переживаний.

Сергей следит, как багровеет закат, сгущаются, темнеют краски, и перебирает в памяти то, что видел на предприятии общества. Он с нетерпением ждет Аню или детей, чтобы поделиться своими впечатлениями. Закат погас. Стемнело. Он включает свет. Становится светло, и у него теплеет на душе. Сколько лет восход и закат не трогали его. Ночь и день отличались лишь сном да бодрствованием. А теперь щелкает выключателем. Необходимо. Видит раскрашенные предметы. Одно никуда не годится. Время. Нудно ползущее время. Ждешь, ждешь, взглянешь на часы — прошли минуты. Ходишь по квартире, слушаешь озвученные книги, что-нибудь записываешь, а стрелки часов стоят на месте. «Скорее бы кто-нибудь пришел», — прислушиваясь к шумам на лестничной клетке, просит он. Шаги. Сергей навостряет уши. Шаги Ани. Какие-то вялые, медлительные. Устает.

— Добрый вечер, Анюта! — возликовал он. — Наконец-то появилась живая душа, которой я могу похвастать! — Он помог жене снять пальто, пододвинул ей домашние туфли. — Итак, с твоего разрешения я побывал в городе на предприятии. Посмотреть бы тебе самой!.. — И вдруг осекся. Аня была неузнаваемой. Ее глаза были потухшими, отрешенными, застывшими. Губы кривились, не то пробуждая улыбнуться, не то чтобы сдержать рвущиеся рыдания.

— Тебе плохо? Ты заболела, Анюта?!

— Ничего, Сережа... — Ее голос потерял свою обычную звонкость. Говорила она глухо.

— Ты устала. Понимаю. Прости. Отдохни. Потом доскажу. Есть хочешь? Я мигом накормлю тебя. Ужин ждет. Угощать некого. И дети потерялись. Ты не знаешь, где они?

От еды Аня отказалась. А про детей пришлось сочинять небылицы.

— Костя дежурит. Там и спит. Электростанцию готовят к запуску. А Светлана ночует у Улагашевых, Галина заболела...

Когда холод сталкивается с теплом — в природе неизбежна буря. А когда безмятежная радость столкнется с горем, с безутешным горем? Тоже буря. Сергей услышал всхлипывания, насторожился, потом вышел в прихожую и почувствовал, как у него каменеет тело. Из комнаты Ани вырывался сдавленный плач. Впервые Аня плакала так мучительно и безысходно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Когда-то Марьянов слыхал изречение: «Легче построить вновь, чем произвести ремонт». Услышал и забыл: в то время это изречение его не касалось. Теперь же, исполняя обязанности директора школы восстановления трудоспособности слепых, управляя большим штатом, порядочным хозяйством, он вспомнил о нем и в полной мере осознал его мудрость. Наверно, организовать новую школу было бы куда проще, чем перестроить, переиначить уже существующую. У коллектива выработалась своеобразная традиция, свой стиль. И его, Марьянова, по существу человека со стороны, имеющего свои принципы, свой характер, свой интеллект, не принимает коллектив школы. Он пробовал вытравливать память о Томилове насильственно, запретив даже упоминать его. «Никаких бывших! Есть настоящие!» Не получилось. Служащие, преподаватели замкнулись, перестали заходить в его кабинет. И Марьянов изменил тактику, решив покорить сотрудников, завоевать авторитет велико-душием, вниманием, щедростью. «Те, кто готов принять мои отступные, пусть остаются. Будет костяк. Кто заупрямится, не сдастся,— незаметно выживу. Подберу других».

Первый выбор пал на Журавлева.

— Вам, Федор Иванович, наверное, надоело жить в общей квартире?

Журавлев не ожидал такой заботливости от сурового начальника.

— Да, в общем, не жалуюсь. Мы с сыном привыкли к Надежде Васильевне, а она к нам...

Марьянов прошелся по кабинету, обставленному новой мебелью.

— Я с вами из чистых побуждений. Вы старый, опытный мастер. Пора бы и самостоятельный угол иметь. Дам отдельную квартиру.

— Спасибо, Василий Никанорович! — У Журавлева засияли глаза. — Может быть, и кстати ваша заботливость. Понимаете, живем мы вдвоем с сыном... Сын ослеп малышом. А после этого несчастья и с женой что-то произошло, умерла она... Так вот и живем. А сейчас сыну операцию будут делать. Может, видеть будет. Радость в дом придет.

Успех! От удовольствия Марьянов потер руки. Нашел-таки у человека слабинку! Вот что значит правильный подход! «А я-то считал — у этого солдафона душа под семью замками».

— Я дам отпуск. — Марьянов решил быть щедрым до конца.

Федор Иванович расчувствовался:

— Благодарю, Василий Никанорович! А что касается отпуска — подожду. Нельзя сейчас, Олег в больнице. Надо к нему ездить. Как-никак — операция! Позже, когда выпишут его из больницы, отправимся вместе. Пусть землю посмотрит...

С Журавлевым дело сделано. Можно закругляться. И Василий Никанорович, усаживаясь за письменный стол, сверкающий полировкой, уже суще сказал:

— Как вам угодно.

Вошла преподаватель по домоводству — черноволосая, сероглазая, молодая женщина, нравившаяся Марьянову исполнительностью и вежливостью. Ее предшественница была всегда недовольна им. Пришлось освободить «по собственному желанию».

Дина Павловна почтительно спросила:

— Вы меня звали?

— Да, Дина Павловна. Звал. — Марьянов указал на стул: — Садитесь.

Преподавательница сложила руки на коленях, стала ждать.

— Вы педагогический окончили?

Она уточнила:

— Кулинарный техникум и педагогический институт.

— Замечательно! Не буду играть с вами в жмурки. Свои карты выкладываю на стол. — Для большей значи-

мости он выждал минуту-две, наблюдая, как в собеседнице загорается любопытство.— Мне нравится, как вы работаете.

Полные подкрашенные губы Дины Павловны дрогнули:

— Мне приятно слышать вашу похвалу.

— Надеюсь на конфиденциальность нашего разговора...— Марьянов сказал это вполголоса.

— Будьте уверены!— сразу посеръезнев, сказала Дина Павловна.

— Меня здесь невзлюбили. И для вас это не открытие.

— Я не в счет,— поспешила вставить преподавательница.

— Да. Все, кроме вас,— согласился директор.— Но, как вы понимаете, это слишком мало. А у меня большой штат сотрудников. Я обязан руководить им. Как, спрашиваю я вас, если мои любые распоряжения исполняются без охоты? Могу ли я в такой обстановке полностью, по-настоящему отдаваться интересам школы?

Как вести себя, Дина Павловна не знала. Этот крутой, грубоватый мужчина жалуется рядовому преподавателю, подчиненному. Что он ждет от нее? Она молчала.

— Я нуждаюсь в преданных работниках, в сторонниках, в настоящих помощниках.

— Можете располагать мной, Василий Никанорович.

— Другого я от вас не ждал!— одобрил Марьянов.— Считайте, мы с вами союзники. Теперь порекомендуйте других.

Дина Павловна замешкалась:

— Вы застали меня врасплох.— И, чтобы не обескуражить директора, пообещала:— Я присмотрюсь.

— Чудесно!— воскликнул Василий Никанорович.— Мне нужно знать каждого...— Он снял очки с толстыми стеклами, протер их носовым платком и положил на стол.— Ильина будет в числе рекомендуемых?

Внезапный вопрос сбил с толку Дину Павловну. Кто знает, какие у них отношения. Она пожала плечами. Марьянов объявил:

— Готовьтесь на ее место.

Дину Павловну словно оглушили. Вздернутый нос взмок. Она спросила:

— А куда Надежду Васильевну?..

Марьинов махнул рукой:

— Что Надежда Васильевна! Надежда Васильевна выдохлась. К такому учебному заведению, как наше, имеющее всесоюзное значение, предъявляются особые требования. Ее переведем преподавателем по обучению шрифту Брайля. Такая тележка ей под силу.

Откровение Василия Никаноровича привело Дину Павловну в окончательное замешательство. Что-то навревало.

— Я подумаю... Сами понимаете...

— Понимаю,— перебил Василий Никанорович.— Торопиться не будем.

Кулачкова Марьинов не вызвал, а после работы зашел сам к нему на квартиру.

Семья Кулачковых сидела за ужином. При появлении нежданного гостя Таня выскочила из-за стола.

— Василий Никанорович! Раздевайтесь, пожалуйста. Садитесь вечерять с нами.

Подошел сын Прохор. Он принял от Марьинова пальто, шарф, шапку, повесил.

Даниил встал, поздоровался.

— Попробуйте домашнего жаркого. У моей Танюши особый рецепт...

— Хватит тебе, Даниил...— застеснялась Таня и, поставив стул, усадила директора.

От продолговатой жаровни, стоящей на электроплиите, пахло жареным мясом с картофелем, приправленным какими-то специями. Василий Никанорович почувствовал, что он хочет есть.

Даниил пожурил себя:

— Жаль, что не держу про запас царских капель. Сам не употребляю, а про гостей забываю.

— Я тоже равнодушен к ним,— сказал Марьинов.

— Нам известно. Вы из трезвенников,— подтвердил Кулачков.— Для порядка надо бы... Впредь буду умнее.

— Сергей Михайлович нас тоже не обходил,— вмешалась Таня, ставя перед гостем тарелку с мясом.

Даниил сердито кашлянул от неуместной реплики жены. Он знал, как болезненно переносит настоящий директор добрые упоминания о Томилове.

— Я к вам, Даниил Прокопьевич,— заговорил Марьинов, когда после ужина они перешли в другую комн-

ту.— Я хочу открыть перед вами лично и перед другими учителями широкое поле творческой деятельности. Мы сможем написать коллективную книгу о восстановлении трудоспособности слепых.

— А при чем тут я? — удивился Даниил.

— Вы напишете статьи об ориентировке. У вас большая практика. Все, что будет касаться литературных недоработок, положитесь на меня. У меня есть надежный человек — прочистит. Было бы что. Нужны зернышки, а пыль отметется.

Кулачков не стал вилять и прямо сказал:

— Книга, Василий Никанорович, обойдется и без моей статьи. Я плохой писака.— Он рассмеялся.— Както Сергей Михайлович пошутил, порекомендовав мне издать сборник юмористических побасенок. Я их за свою жизнь насочинял порядком. Теперь вы предлагаете участвовать в сборнике научных статей. Нет, Василий Никанорович, не судьба мне быть автором ни того, ни другого сборника.

«Темнота, серость!.. — сердился Марьянов.— Ему предлагаю дело... Суют разжеванное в рот, а он и проглотить-то ленится! Темнота...»

Собираясь уходить, Василий Никанорович сухо предложил:

— Будем считать наш разговор не последним. Не спешите с категорическим отказом...

Шли дни, и чем глубже Марьянов вникал в работу школы, в процесс обучения слепых, в их приспособляемость к труду, к жизни, тем явственнее виделся ему богатейший материал для диссертации.

Идея директора создать коллективную книгу никого не прельстила. Отнеслись к ней с иронией. Конечно, книгу можно было написать и в самом деле. Но все понимали: нужна она была только самому директору, чтобы приобрести себе научную степень. Этому золотоискателю не хватало золотоносного песка, а его тайну хранили преподаватели, годами по горсточке его собиравшие. Они не хотели делиться с Марьяновым своим богатством. Он не сомневался: руководила противниками Ильина.

Сегодня Василий Никанорович пригласил завуча школы для беседы. Старался держаться просто, непринужденно, порой даже игриво. В начале разговора Надежда Васильевна чувствовала себя скованно. Но потом

незаметно разговорилась, подробно рассказала о тех учащихся, которые особенно тяжело пережили депрессию, а теперь успешно трудились.

Марьянов расцвел.

— Вот бы нам с вами, Надежда Васильевна, написать об этом, обобщить опыт школы. Показать это на фактах, с психологическим анализом.

Лицо Надежды Васильевны не изменило своего выражения. Она спросила:

— Вы незнакомы с диссертацией Томилова?

Веселость Василия Никаноровича как рукой сняло.

— А при чем тут диссертация?

Надежда Васильевна подсказала:

— Да там обо всем этом расписано как нельзя подробно. Хотите ознакомиться с рукописями? Я вам дам. У меня есть экземпляр.

Первым желанием Марьянова было послать к черту и ее, и мазню бывшего директора, потом захватило любопытство: «Что за труд?» И он, не меняя тона, согласился:

— Дайте, дайте. Заглянем в творение, что там такого, от чего вы все без ума.

Марьянов раскрыл папку, усмехнулся. «Труд Томилова». Он взглянул на стопку машинописных листов, отогнул верхний ее край. Листы спружинили и вырвались из-под пальцев. «Порядком наклепано!..» Набросив на плечи пиджак, Василий Никанорович развалился в кресле, придинул настольную лампу и, наслаждаясь тишиной своей квартиры, начал читать.

Он пробежал первые строки. «Реабилитация и социальная интеграция слепых...» «Громко заявлено!» «Психофизиологические особенности слепых...» «О!..» — восхитился Василий Никанорович и дочитал до конца раздел. «Компенсация дефекта». «Возрастные и индивидуальные особенности». «Ориентировка в пространстве, в быту». «Самообслуживание». «Физкультура как компенсатор дефекта». «Психотехника».

Василий Никанорович заинтересовался, углубился в чтение. И чем дальше он читал, тем больше понимал, что перед ним настоящий научный труд, подтвержденный многолетней практикой. Перевернув последнюю страницу, Марьянов закрыл глаза. За строчками руко-

писи он увидел самого Томилова — образованного, эрудированного человека, прекрасно знающего свою работу, имеющего творческий подход к процессам становления человеческих личностей, переживших одну из величайших трагедий.

«Кто я против него? Невежда. Бесталанный самозванец». Диссертацию Томилова можно задержать, материал переделать, добавив свои выкладки, наблюдения, свеженькие факты последних месяцев работы, и пожалуйста, готов новый кандидат! Пожалуйста, вот вам, Василий Никанорович, научная степень! А Томилов — истинный открыватель, исследователь процессов восстановления трудоспособности слепых — останется безвестным и к тому же бессовестно обворованным. «Ничего подобного! — Марьянов опускает тяжелую ладонь на рукопись, как бы защищая ее от возможного похищения. — Я не дам ей погибнуть!..» Ему стало обидно за себя. Кто он? Жалкий воришко?.. Да, воришко, пытающийся украсть чужие мысли, чужой труд, противопоставивший таланту Сергея Томилова свою беспомощность и бездарность. «Вот почему меня чуждались здесь! А я пыжился, выказывал свою ученость. С институтом — все! Не по мне одежка. Переайду в школу. Да мало ли куда можно перейти».

В научно-исследовательском институте он, по существу, посторонний. Не выполнено ни одного самостоятельного дела. Он был вроде подсобника или рассыльного. Василий Никанорович еще раз хлопнул по стопке машинописных листов. Оставаться здесь дальше глупо и подло. Побывав в школе, он теперь имеет ясное представление о ее жизни, о ее персонале, бывшем директоре, которого необходимо вернуть на прежнее место.

Утренний морозец обложил инеем деревья, ограду, двери домов. Воздух сухой, чистый. Дышится легко. Марьянов шагал по маршрутным дорожкам для отработки ориентировки в пространстве, наслаждаясь веселую мелодию. Он чувствовал себя свободно и спокойно. С него точно сняли тесный скафандр, и ему ничто не мешало жадно вдыхать вот этот холодноватый воздух, шагать, поскрипывая подошвами по сахаристому снегу, быть, наконец, таким, каким он есть. Василий Никанорович устал от притворства.

Учащиеся выходили из общежития и направлялись в столовую. Одни смело, другие поклевывали перед со-

бой кончиком трости, третья держались за руки товарищ. Наглядная сцена различных этапов обучения. Кто-то заканчивал курс, кто-то только что вырвался из-под опеки, кто-то приступает к чтению сложнейшей азбуки самообслуживания.

Войдя в приемную, Марьянов поздоровался с секретаршой. Девушка несколько удивилась веселому настрою директора, присмотрелась к нему, не с похмелья ли, и засмеялась:

— Вы сегодня, Василий Никанорович, не похожи на себя!

— Правда? — Он тоже рассмеялся. — Вернее, я сейчас такой, каким был всегда.

В кабинете Марьянов покосился на свой директорский стул, сел к приставному столику не как хозяин, а как посетитель.

Вошла Арская и остановилась у порога в недоумении.

— Проходите! — Марьянов освободил ей свой стул и сел напротив.

— Я как секретарь партийной организации... — Она запнулась. Необычное поведение Василия Никаноровича сбило ее с толку. Она шла сюда, чтобы поговорить с директором начистоту.

Видя ее заминку, Марьянов вежливо подсказал:

— Смелее. Не стесняйтесь.

— Со мной говорила Дина Павловна... — Арская глянула на директора, ожидая от него смущения или взрыва ярости. Ничего подобного! Он слушал миролюбиво. — Вы хотите заменить завуча школы... Я этот вопрос поставлю на обсуждение партийного бюро. Дина Павловна отказывается от предложения. И она права — не потянет.

Марьянов заулыбался.

— Ух эти женщины! С ними и посекретничать нельзя! — Он встал. — Не надо партийного бюро, товарищ Арская. Не надо трогать Надежду Васильевну. Она соответствует своему назначению. Не соответствует другой... Марьянов, то есть я.

Глаза Арской застыли в испуге. А Василий Никанорович пояснил:

— Поймите меня правильно. После Томилова сидеть там, — он указал на пустой мягкий стул директора, — не имею права. Не дорос. Извините за все. Диссертация

Сергея Михайловича, с которой познакомился вчера, открыла мне многое. По ней я написал диссертацию лично для себя. Тема ее — правильная жизнь. Честность и скромность. Поеду домой защищать ее.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сергей проснулся, прислушался. В квартире, как в ящике, — тихо, жутко. Мертвенная тишина. Он спешит разомкнуть веки. Светящаяся солнечная река течет от окна до самого порога. Вещи, предметы, купаясь в этих ярких золотистых волнах, сами становились ярче, отчетливее. Сергей смотрит на стенные часы. Одиннадцатый. Аня уехала. Дети вообще потерялись. На кухне давно ждет завтрак. Аня успела приготовить. Остается разогреть. Есть не хочется. Откуда возьмется аппетит, если Сергей целыми днями находится дома. Двигается мало. Больше лежит, спит. Спит для того, чтобы быстрее менялся листок календаря. Если не спать — время совсем останавливается. Бродишь, ходишь по квартире, слушаешь книгу, радио, смотришь телевизор. Ну, думаешь, полдня отбыл, прокоротал на свете. Взглянешь на часы и тяжко вздохнешь. Далеко еще до обеда. Тут-то и ощущаешь обратный ход часов. Живешь какое-то время как бы дважды. Сергей чувствовал, что, оберегая глаз, услаждая себя лицезрением окружающих красок, предметов, он, Сергей, сам по себе чахнет, нищает духовно и интеллектуально. Он словно рыбка, пущенная в аквариум, — есть среда, воздух, свет, но нет свободы. Разве его квартира не аквариум, за стенами которого распространяет мир? Разве Сергей не ощущает, что за этими прочными стенами, которые искусственно возвела Аня, сберегая его зрение, не происходит каких-то очень сложных событий?.. Выключен телефон. Не стало поступать писем, запрещено бывать в школе незрячих. Не зря Аня часто приходит домой расстроенная. Не зря вчера она так безысходно плакала. Не зря исчезли из дома дети. Там, на земле, за стеклами аквариума, что-то происходит, происходит важное, Аня, самый близкий, верный, самый дорогой человек, стала совсем иной — скрытной, какой-то фальшивой, чужой. Он теряет прежнюю свою Ань, свою Анюту. Ей нет доступа к нему со своим откровением, заботами и тревогами. Она сама сожгла все мосты к нему. Получив одно — зрение, он по-

терял другое — Аню, ту Аню, которая была с ним прежде. Потерял и доверчивость детей. Они тоже чем-то озабочены, стараются избегать встреч с ним. Наслаждаясь красками, он отрекся от работы, превратился в бездельника. Кем стал он, Сергей? Лабораторией переваривания пищи, о чем сам когда-то говорил тем, кто отлеживался дома, сторонился работы. «Живые должны жить!» Эти слова сказаны им Колчину и Трошиной, он выдал их чуть ли не за основной закон жизни. Как он глубоко ошибся!

«Я живу, живу сейчас только для того, чтобы видеть. А кому от этого польза? Кому оно нужно? Мне? Я жив и должен жить. Жить только для зрения? Ничего подобного! Живые должны жить! Но как? Для чего? И для кого? Человеческая жизнь должна быть достоянием коллектива, должна служить общим интересам. Надо отдавать без остатка свою энергию, свой ум. Вот у таких есть право на жизнь».

На земле трудятся все и всё! Деревья и цветы, насекомые и животные, ветер и облака. Трудится само солнце. Вселенная. А Сергей — плющ, питающийся чужими соками. Его не должна касаться им же выдвинутая формулировка для Трошиной, Колчина и других незрячих: «Живые должны жить».

Да, те живут, а я существую. Я, Сергей Томилов, который слепым создавал счастье людям, который много отдал школе восстановления трудоспособности слепых и руководил ею, сам потерял трудоспособность, превратился в зрячего калеку».

Сергей закрыл глаза. В такой тьме он строил дома, создавал предприятие, организовывал школу, писал научный труд. Сергей сейчас видит того Сергея, который постоянно жаловался на нехватку времени, у которого день пробегал за час. Видел того Сергея, у которого была Анна, его Анютка, единственная с ним душой, у которого были дети, спешившие поведать ему свои радости и горести. У того Томилова был паспорт на проживание в обществе на большой земле, хотя и без права видеть свет. Сергей съежился. Против того Сергея он был ничтожеством, незаметным, жалким, никому не нужным. И ему стало так жаль себя, что он заплакал. Никогда не плакал, даже после аварии, после потери зрения, а тут не выдержал — заплакал, трудно, сдержанно и скромно. Разрушить стены, выйти на волю, бросить этот тес-

ный островок и переплыть туда, где ждет его работа,— о, как бы он набросился на нее! Но, спасая себя, он убьет Аню: сказать ей, что он пренебрегает опасностью потерять зрение и выходит на работу... Сергей отказывается представить себе, что с ней будет. Он разрушит все, что создали руки Ани, на что ушла почти половина ее жизни. «Труд истощает энергию человека. Но труд в большем количестве и восполняет ее...»— припомнил Сергей выдержку из своей работы. «Труд дисциплинирует человека, развивает в нем жизнедеятельность, воспитывает собранность, четкость, дух и нравственность...» И точность, истину своих же выводов теперь он испытал на себе.

Вставал Сергей когда хотел. Физзарядкой занимался от случая к случаю. По утрам не принимал холодного душа — бодрость ни к чему. Он провел по подбородку ладонью — борода. Не брился несколько дней. Во всем теле вялость. Ко всему апатия, голова тяжелая. Он чувствовал себя хилым, будто жизненный заряд иссякал, как иссякает электрический ток в аккумуляторе.

Встал. Нужно сделать зарядку. Нужно чем-то заниматься. Необходимость беречь зрение съедала в Сергееве все животворящее, превращала его в живой труп. Трошина и Колчин постепенно деградировали из-за внезапной потери зрения. Сергей же деградирует, получив зрение, и вылечить его может только школа, труд. Он стал перед зеркалом, увидел себя. Увидел. Недовольно сощурился, словно тот Томилов, в зеркале, был виновен во всех бедах этого Томилова.

— Неудачники мы с тобой. Лучше бы не было тебя...— говорили два Сергея, один — вслух, другой только шевелил губами.

За окном улица. Идут машины, люди. За окном город, солнце. У всех есть цель, они движутся, живут. «Ничего нет у меня... Есть зрячий глаз. Он видит, а я слепой. Слепее, чем был ранее».

Кто-то позвонил в дверь. Наверное, Иван Иванович или Валентина Алексеевна. Он наскоро оделся, причесал волосы, открыл дверь, впустил незнакомого мужчину — высокого, широкоплечего. Из-под шапки выбивался рыжий чуб.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович.— Мужчина подал большую сильную руку.— Марьянов Василий Ни-

канорович. Помните, приезжал к вам с инспекторской проверкой, когда вы директорствовали в школе.

Сергей мог ждать кого угодно — и знакомых и незнакомых, но только не этого гостя. Теряясь в догадках, зачем он пожаловал в их город, зачем явился к нему, Сергей предложил раздеться, пройти.

Гость и хозяин сидели в креслах за журнальным столиком. Переоборов волнение, Сергей спросил:

— С проверкой школы прибыли?

Марьянов тряхнул рыжим чубом, непонимающе уставился на собеседника.

— При чем тут проверка? Я исполняю обязанности директора школы. Меня направили сюда вместо вас. Вы сами просили освободить вас.

Сергею показалось — в комнате разорвался снаряд. В левом боку закололо.

— А где Надежда Васильевна?

— Ильина?.. Работает завучем в школе. Она-то и надоумила меня познакомиться с вашей диссертацией, которую где-то наверху задержали.

Еще один снаряд разорвался рядом с Сергеем. Пока он блаженствоовал в покое, вокруг него жизнь безостановочно плела события. Заметив на лице Томилова муху, Василий Никанорович подбодрил:

— Ничего, Сергей Михайлович, мы ее еще вытащим на свет. Подправите, устраните замечания. Хоронить такой труд — варварство! Ваша диссертация помогла мне разобраться в своих заблуждениях. Я себя увидел как бы со стороны. Признаюсь, увидел себя не в очень-то хорошем свете. Давайте-ка выходите на работу, а я укажу домой.

Томилов отреагировал не сразу. Нахлынувшие мысли не давали сосредоточиться — выбрать более или менее правильное решение.

— Нельзя мне работать. Понимаете, зрение... — Он показал на правый глаз. Только крохотный кружочек в центре изуродованной серой роговицы был чист, прозрачен, и оттуда словно из глубокого колодца пробивался светлый лучик — взгляд зрячего человека. — Тяжелый труд запрещен. Оберегаю награду жены.

Марьянову хотелось закурить, но он стеснялся, зная, что Томилов не курит.

— Я выйду, выкурою сигаретку, вы уж извините меня...

— Зачем выходить... — Томилов принес пепельницу, открыл форточку. — Смолите. Табачный дым на мое зрение не влияет.

Отодвинувшись к окну и сделав глубокую затяжку, Василий Никанорович проговорил:

— Вы долго так не сможете жить. Не хватит терпения. Сужу по вашему уму и организационным способностям. По таланту. Вы просто не имеете права так жить. Вас ждут незрячие, школа. Вы нужны. Вас ждет и ваше собственное детище — научный труд. Его надо, обязательно надо довести до конца.

Треснули стены аквариума, рушилась искусственная оболочка. Марьинов протягивал руку, чтобы вытащить Томилова из глухой тесной ямы. Он обвел глазами комнату, посмотрел на рыжеволосого гостя и задержал на какую-то минуту дыхание, точно падая вниз. «А это значит — снова темнота, вечная холодная тьма...» Сергею предстояло выбрать одно из двух — мрак или свет. Во мраке ждала школа, учащиеся, научная работа. В мире света — стены квартиры да нудная слежка за медленно движущимся временем. Томилов снова оглядел ярко освещенные предметы, Марьинова и вздохнул.

— Подумаю, Василий Никанорович... Мне нужно посоветоваться с женой. Зрячим глазом распоряжается она. Это ее произведение.

Верни зрение не Аня, а кто-то другой, Сергей без колебания, сейчас же, вместе с Марьиновым ушел бы в школу и немедленно приступил к работе. Сергея тянуло к людям, к жизни, к такой, какая она есть.

«Откровенно поговорить с Аней... — Он задумался. — Ей будет тяжело. И мне не легче... А что, если посоветоваться с Николаем? Если он одобрит мое намерение, пусть поможет убедить Аню».

Он подошел к цветку, стоящему у окна, потрогал бархатистую зелень. Взгляд скользнул по узористым вырезам листьев. Потом он оглядел тюлевую белую штору, кресло, оббитое пупырчатой бордовой тканью, розовую хрустальную вазу, украшающую обеденный стол. Дотрагиваясь до вещей, он припоминал, какие они наощупь, жадно оглядывал их, словно прощался с ними навсегда. Перед тем как пойти одеваться, Сергей еще раз окинул взглядом гостиную и задал себе вопрос: «Не

пожалеешь? Ведь так прекрасно — видеть! Смотри — вот он, свет!» Сергей делает шаг к шифоньеру, шаг от разноцветных видений дня. Следующий шаг — в прихожую. Здесь — теплые ботинки, пальто, шапка.

По пути к автобусной остановке Сергей дважды заходил в подъезды чужих домов, зажимал теплой ладонью видящий глаз, грел. Мороз раскалял кружочек искусственной роговицы. Где-то там за ним, внутри головы, ломило. В автобусе, чтобы не утомлять зрение, он зажмурился. Напротив сидящие мальчик и женщина чуть слышно переговаривались.

— Сиди спокойнее. Не задень дядю.

Мальчик спросил:

— А почему?

— Дядя едет с работы, устал. Видишь — спит.

Входя в приемную управляющего строительным трестом, Томилов ощутил щемящую боль в груди. Можно еще вернуться, не поздно.

— Николай Сафонович у себя? — обратился он к девушке, печатающей на машинке.

Она подняла русоволосую голову.

— У себя. Вы по вызову?

Томилов не моргнув подтвердил:

— Да.

Появление друга в рабочее время и здесь, в тресте, удивило Николая. Он кинулся навстречу.

— Не ждал. Признаюсь, удивлен...

— Вижу, застал тебя врасплох, — усмехнулся Сергей. — Испугался, а?

Николай провел его к столу.

— Испугался не испугался, а так, от неожиданности. Давай садись да исповедуйся. Чую, прибыл не ради праздного интереса.

— Угадал. — Сергей помрачнел, свел брови. — Надоело гулять. Хочу поговорить с тобой. Поговорить по душам.

Улагашев сел напротив, выжидающе смотря на друга. В его черных глазах метнулась тревога. Оба помолчали.

— Надоело мне жить в кандалах, — наконец заговорил Сергей. — Свет не принес большого счастья. Наоборот, зрение мёня ослепило, Никола. Очутился я в клетке, откуда можно лишь наблюдать за жизнью, но не участвовать в ней. Меня задавили тоска, безделье. Мне

дали зрение — подарили бриллиант и приставили к нему охрану в лице самого меня. А кому это нужно? Кому, мне? Зачем?.. Скажи, к чему мне эти ценности? — Он обвел глазами кабинет. — Если я не имею права пользоваться ими, если они отняли у меня все остальное. Ведь я с этим дорогим бриллиантом превратился в ничто. Жизнь вокруг кипит, движется, а я в стороне — отставший, как пассажир от поезда. Трудно. Пойми, Никола, трудно есть хлеб, не заработанный своим трудом...

— Ну, насчет хлеба ты, брат, загнул. Ты давно все заработал и отработал... — перебил Николай.

Улагашев никогда не видел друга в таком возбуждении. После потери зрения он был менее потрясен, чем теперь. Тогда, после аварии в шахте, Сергея страшила неизвестность перед завтрашним днем. Ему пришлось приспособливаться к неизбежному, к жизни во тьме. А сейчас, в мире света, он потерял трудоспособность, возвращенное зрение стало в тягость, и Сергей готов променять его на мрак, лишь бы вернуть себе прежнюю жизнедеятельность. Но перешагнуть этот рубеж непросто. Нужно мужество, нужна крепость духа. И, чтобы Сергей не увидел в его глазах сомнение, жалость, Николай встал, зашел за его спину, положил на плечи руки, откровенно признался:

— Я часто навещал тебя и с каждым разом отмечал, как в тебе таяли страсти, таяла прежняя энергия, тебя оплетала ленца. Ты просто-напросто костенел, терял подвижность. Я не говорил об этом, опасаясь взволновать тебя, повредить твоему зрению. Я считал, оно важнее всего. Не знаю, хватило бы моих сил, окажись я на твоем месте. Но я, пожалуй, сделал бы то, что собираешься сделать ты... — Под его ладонью плечо Сергея дрогнуло, словно слова друга укололи его. — Нелегко, Степана, говорить мне об этом! Но ты пришел за откровенным разговором. Я не имею права молчать... Такая жизнь, не по твоему темпераменту и не по твоему характеру. Я бросаю на чашу весов то и другое, и, помоему... — Он отошел к окну, досказал: — Все-таки работа... Тебе надо работать.

Сергей повернулся к Николаю, тот стоял у окна спиной к нему — невысокий, широкий в плечах, отяжелевший. Стоял тот Николка, который в детстве высасывал из его ноги яд после укуса змеи, тот, который хотел

отдать ему свой глаз, когда Сергей ослеп. Он, как никто другой, понимал состояние друга.

Сергей подошел к нему, встал рядом.

— Спасибо тебе за прямоту, за верность! Мне в данную минуту не нужны сочувствия, скользкие утешения, лицемерие. Мне нужен прямой ответ. Не к теще на блины явился. Я собрался на работу, понимать надо! Ты пойял! Спасибо за это тебе!

Николай повернулся к нему.

— Поднатужься, перебреди еще один коварный поток.

Сергей горячо подхватил:

— Да, на той стороне я обрету иное зрение. А теперь сядем, как перед дальней дорогой, и потолкуем.

Они сели на прежние места. Сергей снова помрачнел, погас, постарел.

— Я-то перебреду этот поток,—с грустью сказал он.— Дело не во мне, Никола. Как-то надо убедить Аню, убедить, доказать, не травмируя ее. Задача сложная...— Он просительно поглядел на друга.

Улагашев задумался.

— Да, ты прав,— после долгого молчания отозвался он.— Твое зрение — это ее детище. Умертвить его для нее равносильно смерти родного ребенка.

— Я не смогу,— заговорил Сергей.— Не получится. Прошу тебя, поговори ты. Осторожно, как-нибудь издали...

Николай встал, беспокойно заходил по кабинету.

— Если надо, поговорю,— пообещал он.— Обязательно поговорю...

Вернувшись из длительной командировки, Улагашев, не заезжая домой, забежал к Сергею, чтобы оправдаться за невыполненное обещание встретиться с Аней.

— Из аэропорта прямо к тебе... После нашего разговора я в срочном порядке вылетел в министерство.— Он кашлянул.— Сразу увидеться с Аней не хотел, решил дать тебе время подумать еще. Спешить опасно.

Сергей выглядел подавленным, измученным, скучным.

— Времени на раздумья мне хватило перед тем, как обратиться к тебе,— с укором сказал он и пожаловался:— Не могу больше, не могу киснуть в этих стенах!..

Мне стало противно все. Я и сам себе опостылел. Чувствую — теряю Аню. В ее глазах притворство, ложь. И дети притворяются, чуть ли не чуждаются. О приезде нового директора школы слепых узнаю случайно. О том, что диссертацию зарезали, слух дошел тоже контрабандным путем... Жить так невозможно... Раньше, когда не видел, вокруг меня был свет, сейчас я вижу, а кругом мрак. Лучше радость во тьме, чем душевные муки в розовом свете. Вся моя жизнь теперь подчинена прозревшему глазу, только ему.— Сергей схватил руку Николая.— Прошу, поговори скорее с Аней! Я без тебя хотел, сам,— побоялся. Она не станет слушать. Опять затянется. А я больше не в силах оставаться здесь! Меня душит одиночество!

На второй день Улагашев поехал в областную больницу к Ане.

В кабинете заведующего отделением никого. Николай сел, стал ждать... «С чего начать? Прямо сказать? Застанешь врасплох, напугаешь».

Вошла Аня — в белом халате, сосредоточенная, строгая.

— Николай... — растерянно произнесла Аня, подала руку и пошутила:— С глазами неладное? Давай проперирую.— Она старалась держаться спокойно, но в черных зрачках плескалось беспокойство: «Зачем ты здесь?»

Несколько общих фраз: «Как там?» «Как у тебя?» «Когда навестите нас?..» «А когда нас?..»

— Скажи, Аня, Сергею долго еще находиться... как там у вас по-медицински? — на карантине, что ли? Когда ему можно вернуться на работу?

Аня предчувствовала, о чем пойдет разговор, села за стол.

— Не знаю, Коля. Откровенно признаюсь, не знаю... — Лицо ее как-то сразу постарело, потеряло свою строгость.— Пока достигнутый результат надежно укрепить не удается. Применяемые препараты малоэффективны. Вероятно, потребуются многие годы лечения. За последнее время замечаю ухудшение.

— А если ему все-таки пойти на работу? Вдруг работа больше успокоит его?

Аня протестующе замотала головой.

— Это исключено! Ему требуется абсолютный покой. Нервное перенапряжение — и наверняка глаз погибнет.

На работе бывает по-всякому. Даже температурные перепады воздуха и те опасны.

— Тогда, Аня, ему предстоит пережить еще одно потрясение...

От этих слов Николая Аня встрепенулась, с испугом посмотрела на него.

— Какое?..

Улагашев отвел глаза от испытующего острого взгляда Ани.

— Он не в силах больше оставаться взаперти, просят, ничего не делая. У него не та натура. Он дошел до точки. Его задавило безделье. Это, очевидно, и сказалось на ухудшении зрения. И чем дольше, тем больше он будет истязать себя, тем быстрее начнет развиваться болезнь глаза. Я не врач, но твои доводы привели меня к такому выводу. Дома он ослепнет скорее, чем на работе.

Аня вздохнула тяжело-тяжело.

— К сожалению, ты прав. К великому несчастью... Вся беда в том, что у Сережи неуемный характер.— Она отвернулась, вытерла слезинки.— Выпустить его из стен квартиры—значит открыть ему сразу кучу неприятных, убийственных вестей. А жизнь не поскупилась на них...

— А чем дальше, тем больше накопится их,— продолжил рассуждение Николай.— Аня, невозможно остановить жизнь, запеленать Сергея и оставить его так на все время.

— Все это так,— беспомощно согласилась Аня.— Не знаю, как поступить, что делать. Я совсем растерялась. Мне самой тяжело. Нужно оперировать Олега,— ты его знаешь, все готово, а осмелиться не могу. Боюсь своих рук.

Николаю стало жаль ее. А чем утешить, когда у него самого путались мысли.

Простились они без обычной сердечности, как-то неловко, виновато, словно заключив неблаговидную сделку.

Оставшись одна, Аня положила голову на руки, обмякла.

«Что предпринять? Отпустить Сергея на работу?..» Но ради чего она тогда жила все эти годы, училась в медицинском институте, работала, читала, собирала знания по крохам?.. Глаза, глаза. Всякие. И с отслоен-

ной сетчаткой, и с помутненными хрусталиками, и с забеленными роговицами, и совсем незрячие. Операции. Вначале простенькие, затем сложные, трудные. Год за годом... И вот наконец Сергей выдернут из тьмы. Перед ним засверкали краски. Победа!.. И крах!.. Все ее труды, все ее священные помыслы, упрямство, воля — все, все рассыпалось как карточный домик. Сгорело. «Что делать?» — заученно, безответно повторяет Аня.

Очнулась она в палате, на койке. У нее в ногах сидит сестра.

— Как я попала сюда? — недоуменно спросила Аня, с удивлением осматривая комнату.

— С вами случился обморок, Анна Ивановна. Мы перенесли вас в одиночную палату, раздели, уложили, сделали укол. Главврач сказал — если что, пусть его позвут...

Аня обеспокоилась.

— Не хватало мне еще в постели валяться! — Она попыталась подняться.

— Лежите, Анна Ивановна, лежите, — вежливо, но повелительно, сказала сестра. — Вам велено лежать. Врачей надо слушаться.

— Я не могу оставаться здесь! — запротестовала Аня. — Меня ждут муж, дети. Я обязана быть с ними.

Сестра подтянула простыню к подбородку больной.

— Сегодня никуда не выпустим. Приказ главного. Завтра будет видно. — Она наклонилась к уху Ани. — У вас нервное истощение — отдохнуть надо. А что касается мужа и детей — уладится очень просто. Скоро ваша дочка прибежит к Олегу, я ей передам, что вам необходимо немного отдохнуть. Она скажет отцу и брату.

Вряд ли удержали Ань, если бы она смогла встать на ноги. Тело было тяжелым, будто налитое свинцом. Не хватало сил подняться, иди куда-то. Аня крепко заснула. Спала долго, а когда открыла глаза, определила: «Утро...» Вернулась бодрость.

Главврач привел невропатолога.

— Бывает, что врачу положен ремонт, — проговорил своим густым басом главврач.

Женщина-невропатолог осмотрела больную.

— Ничего. Дня три полежит и может оперировать.

Не успела Аня восстановить в памяти подробности разговора с Николаем, как вошел Сергей, обеспокоенный, сумрачный.

— Что с тобой, Анюта? — присаживаясь на койку, робко спросил он, уныло всматриваясь в ее глаза.

— Со мной ничего. Пустяки, Сережа. — Аня подобрала ноги, прислонилась к спинке кровати. — А ты почему не спал?

Сергей расправил спину, выпятил вперед грудь, протестующе заявил:

— Ничего подобного! Я спал. — Но напускная игризость тут же слетела. От уголков рта заметнее пролегли морщинки, лицо было серое, усталое. — Прости, Анюта, это я виноват. Я уговорил Николая поехать к тебе. Сам не смог... Признаю, нанес удар тебе в спину. Виноват. Но я так больше не могу...

Аня переложила подушку на колени мужа, легла. От Сергея пахло улицей и чем-то домашним.

— Мне все ясно, Сережа. Я не учла твоего характера, твоей непоседливости, неумения жить впустую. Точнее, недооценила эту черту характера. Я считала, свет восполнит любые утраты. Ошиблась...

Сергей гладил шелковистые волосы Ани. Нет-нет да проблескивала в них паутинка седины.

— Может быть, оттого, что я начну работать, с моим зренiem ничего не случится? — уныло спросил Сергей, пытаясь найти и для себя и для Ани успокоение.

Его зрячий глаз находился рядом, совсем рядом от ее глаз. Она видела каждый оттенок бельма, очертания наростов, видела стеклышко телескопчика, через которое Сергей сейчас смотрит на нее. Она видит и другое. Из-за металлического обрамления — ободка, в которое ввинчена линзочка, — протягивают свои отростки сосуды. Они выбились из помутненной ткани роговицы, как выбиваются весной из-под земли вокруг родничка травинки. Потом эти травинки вытянутся, сомкнутся над родничком и скроют его. Точно так же затянется сосудами, новыми наростами окошечко глаза Сергея. Не станет иллюминатора, зашторится мир... И рухнет ее крутая лестница, по которой она добиралась до этого волшебного протеза многие годы.

— Нет, Сережа. Работа — злой попутчик твоему зренiu. Но и одиночество, покой — тоже не попутчики.

Сергей поднес к губам прядь ее волос и поцеловал.

— За меня не тревожься, Анюта. Мы вернемся к счастью, к радостям. Я буду работать, делать свое дело. Ты — лечить больных. Знаю, ты стала врачом из-за ме-

ня и я твой главный пациент. Знаю — мое зрение для тебя как праздничный салют. И для меня то же самое. Но, воскликнув вместе с тобой «ура!», я должен шагать дальше, туда, где ждет меня мой собственный праздничный салют... И ты будешь тогда радоваться вместе со мной, Аньютка. А ты спасай зрение людям, вручай им радость света, красок. Я буду гордиться твоими успехами. За все, что ты сделала для меня, я перед тобой в неоплатном долгу. Буду рассчитываться, как смогу. А рассчитываться покоем — слишком низкая цена. Прости...

Какой можно навязывать ему щадящий режим? В нем кипит энергия, кипит жизнь.

Аня прижала его голову, погладила.

Сергей лечил Анию. Спасал, склеивал надтреснутое счастье их семьи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кончились будни. Для Сергея наступил праздник. Он собирался в школу. Побравшись, выгладил брюки, достал белую рубашку, галстук.

Из кухни крикнула Светлана:

— Папа! Завтрак готов! — Увидев отца, она ахнула: — Ты куда?

Этот новый черный костюм он надевал только в театр да на торжественные собрания.

— На работу, дочь! В школу. — Сергей как-то бережно, ласково выговаривал каждое слово. Подошел к ней, повернулся к свету. — Аньютка ты, моя Аньютка! — мечтательно сказал он для себя, внимательно рассматривая дочь. Лицо его стало печальным.

— Ты меня опять называешь именем мамы? Как тогда, помнишь...

— Когда я пришел из больницы... Да, тогда я впервые увидел тебя. Точно такой была твоя мама перед моей потерей зрения. — Он положил на ее плечи ладони. — Теперь, доченька, я расстаюсь с тобой и Аньюткой — твоей мамой, какой она была в молодости и какая она есть сейчас.

— Зачем так говорить?

— Что поделаешь... — Сергей отвел взгляд в сторону. — Надо трудиться, а глазу это противопоказано. Дома сидеть невозможно. Одним словом, все противопока-

зано. Отдыхать довольно. Будем работать, доченька!— Конец фразы прозвучал весело.

— Мама говорила....— Губы Светлáны мелко задрожали, ресницы взмокли. Она обняла отца за шею, прижалась к его груди, жестко пообещала:— Я стану врачом-окулистом и верну тебе зрение. Тогда у науки будет больше открытий, новых препаратов, техники.— Она приподняла лицо.— Не обвиняй маму. Она хотела сделать как лучше.— Светлана замолчала, чтобы не расплакаться.

— Буду ждать, дочка,— успокоенно сказал Сергей.— Учись! Как позовешь на операцию, явлюсь сразу. В то время я буду на пенсии. Тогда можно будет любоваться одними красками... А сейчас этого мало! Ничтожно мало!

Раннее солнце, не успев еще смыть с себя оранжевую дымку, сонно и глуповато уставилось на Сергея, будто он вступил в запретную зону. Он, сильно щурясь, горько усмехнулся: «Иду на работу!.. Удивляешься? Без дела скучно и с тобой. Ты трудишься, и мне надо трудиться». Оно светило навстречу, словно заставляло Сергея образумиться: «Посмотри, как я наряжаю землю! Сколько вокруг красоты!» Сергей шагал и шагал, впитывая в себя эту яркость утра. Вот железнодорожное полотно. Колеи покрыты инеем. Прямо мутным нагромождением застроек просматривается шахта. Его, Сергея, шахта «Дальняя». Там он ослеп, но теперь видит. «Зачем тебе слепнуть снова?— бормочет недовольный внутренний голос.— Опомнись!» Все кричит, останавливает Сергея, гонит назад. Зрение!.. Зрение!.. Свет... Небо!.. Улыбки людей!.. Весенняя зелень!.. Цветы!.. Сергей шагает упрямо, захваченный нетерпением увидеть то, что строил сам. На повороте он остановился. Дорога вправо, влево пересекает линию. «Мне вправо»,— вспоминает он тот путь, по которому сотни раз ходил в школу вслепую. Солнце осталось сбоку и сразу как-то потускнело. Он всмотрелся в темнеющие силуэты каких-то домов. Неужели школа?.. Здание ближе, ближе, яснее, все отчетливее. У Сергея замирает сердце. Забор. Проходная. Вот недлинный двухэтажный дом — служебные помещения. А вот большой корпус — учебный, в прошлом — цех. А там — жилые здания. Вот оно какое все это! Сергей готов был не то смеяться, не то плакать. Родное, его родное предстало перед ним!

Ему мерещилось, что окна построек с веселым любопытством рассматривают его. Как-никак он их родитель. Где же вход в контору? Ага, вон те двери,— припомнил по незрячим ориентирам.

В приемной секретарь бросилась к Томилову.

— Сергей Михайлович! Вы!.. Ой, как хорошо, что пришли! Мы соскучились по вас!

Сергей пожал девушке руку, кивнул на дверь, обитую лоснящимся дерматином.

— Тут?..

Девушка подтвердила:

— Ага. Проходите.

Марьянов оторвался от чтения бумаг и, увидев Томилова, не сразу нашелся, что сказать.

— Здравствуйте, Василий Никанорович.

Марьянов стукнул ладонью по столу и воскликнул:

— Наконец-то! А я заждался.

— Принимайте, Василий Никанорович, на любую должность. Вышел на работу.—Томилов говорил вполне серьезно. Он готов был принять любое предложение.

— На любую должность?— изумился Марьянов и достал из ящика стола телеграфный бланк.—Послушайте распоряжение Центрального правления.—Он расправил лист, прочитал:— «Ваша просьба удовлетворена...» Это по поводу моего заявления. Теперь по поводу вас: «Случае согласия восстановить директором школы Томилова».—Марьянов придвинул к себе чистый лист бумаги, написал что-то, встал и торжественно объявил:— Мои полномочия кончились. Садитесь, Сергей Михайлович, пишите приказ, что приступаете к своим обязанностям. Поздравляю с выходом на работу.—Он подал руку.—Искренне рад вашему возвращению!

Томилову было и неловко, что сместил человека, и радостно, что вступал в общую трудовую жизнь коллектива. Он уже не один, с людьми.

— Садитесь, Сергей Михайлович,— видя его замешательство, подталкивал Марьянов.

Тот не спешил.

— Потом, Василий Никанорович! Мне ведь не обязательно в это кресло. Я могу пойти преподавателем.

— Скромность — черта характера неплохая. Но когда ею злоупотребляют, это уже похоже на нескромность.

Василий Никанорович усадил Томилова за письменный стол.

— Пишите сейчас же, чтобы мне передать школу как положено!

Из приемной послышался гул. Марьянов вышел и тут же вернулся.

— Сергей Михайлович, персонал школы желает встретиться с вами! — Он распахнул дверь и доброжелательно попросил: — Заходите!

В кабинет никогда не вмещалось столько людей. Большинству не хватило стульев, пришлось стоять. У всех на лицах одно выражение — откровенная радость.

— Здравствуйте, товарищи! — взволнованно произнес он.

Все они были незнакомы Сергею.

В хоре голосов отличил хрипловатый голос Арского, низкий, грудной — его жены, узнал голос Кулаккова, Полякова, Ильиной. К нему тянулись руки, и он пожал каждую. Из дальнего угла пробрался Федор Иванович, поклониввшись, сказал:

— Вот и снова вместе!

Его слова оживили всех. Послышалось: «Не зря ждали!», «Хорошо, что пришли!», «Мы хотели послать к вам делегацию уговаривать». Надежда Васильевна радовалась в открытую:

— Вновь вы дома!

«Дома...» — отозвалось в Сергеев. Да, он вернулся домой, в большую семью тружеников. Марьянов видел, как сотрудники встречают Томилова, и не ревновал, понимая, что подобные отношения не случайны. Их нужно заслужить. Истинное уважение, любовь приходят неспроста. Томилов ценил людей. По-доброму завидуя ему, Марьянов извлек и себе урок на будущее. Человек всегда и везде должен оставаться человеком.

— Согласно распоряжению Центрального правления передаю «капитанский мостик» Томилову Сергею Михайловичу, — объявил он.

Все недоуменно повернули головы в его сторону. О нем просто забыли. Потом заулыбались. Раздалось несколько хлопков.

Сергей попросил разойтись всех по местам, обещал побывать у каждого, познакомиться с работой.

Шагая рядом с Томиловым, старший мастер Поляков по привычке взял его под руку. Томилов шутливо заметил:

— Не верится, что вижу?

Илья Максимович отдернул руку. Да, он просто забыл, что директор видит.

— Забыл, Сергей Михайлович,— застеснялся он.— Теперь к вам надо приспосабливаться по-новому.

«Вряд ли придется»,— хотелось поправить Сергею, но он промолчал.

Обход начали с учебного корпуса.

Класс наглядных пособий... Макеты, игрушки, рельефные чертежи, схемы карт. Знакомо. Все это он ощущал незрячим. И незнакомо. Виделась форма в линиях, красках. Ему показалось, что когда-то он видел это, но время стерло цвета, контуры, и сейчас зрячий глаз восстанавливал забытое.

В классах занимались учащиеся. Марьянов представлял нового директора. «Из старых учеников никого...» Учащиеся дружно поздоровались.

Одну из бытовых комнат Томилов наметил отдать под физкультурный тренаж, какой он видел в цехе на предприятии.

В общежитии Надежда Васильевна показала ученицу со сложным заболеванием, ослепшую в раннем детстве.

— Знали бы вы, Сергей Михайлович, сколько мучений мы перенесли, чтобы уговорить ее искупаться в ванне. Стала садиться—испугалась воды. Забилась, зашибла колено.

Перед Томиловым сидела светловолосая девушка, одетая в простенькое ситцевое платье. Ее довольно миловидное лицо оставалось безучастным и когда в комнату вошли люди, и когда стали с ней разговаривать. Казалось, что девушка лишена эмоций.

— Тебя как зовут?— спросил Томилов.

— Лена.— Голос приятный, высокий.

— Откуда привезли?

Оказалось, живет с бабушкой в тайге, в маленькой, затерявшейся в глухи деревушке. Родителей не знает. Кем ей приходится эта бабушка, тоже неизвестно. Старушка вырастила ее, не приспособив ни к передвижению, ни к самообслуживанию. Девушка ела из чужих рук, не имея представления о ложке, вилке. Считая де-

вочку полной калекой, жалея ее, бабушка велела ей сидеть на сколоченном из досок топчане и довольствоваться тем, что подадут, выведут на крылечко послушать шуршание листьев, пение птиц да говорок речного переката. В зимние месяцы она вообще не выходила из хаты, лежала, сидела в своем углу и ждала, когда покормят утром, в обед, потом в ужин. Отвечая на расспросы, девушка не меняла ни позы, ни интонации голоса. «И я чуть ли не оказался в таком же положении,—облегченно подумал Сергей.—Что бы я мог рассказать через год, через пять лет? Лежал бы, ходил по квартире, смотрел на освещенную землю». Ставя себя рядом с этой ученицей, Сергей острее почувствовал правильность своего выбора. Не верилось, что сидящая перед ним девушка когда-то засмеется, заговорит о музыке, напишет своей рукой точечный текст, прочтет брайлевскую книгу, сможет танцевать — в школе научат и этому, будет сервировать стол. Не верилось. А будет, обязательно будет. Сколько таких уже вышло отсюда. Пройдет курс обучения, станет работать на производстве.

— Сергей Михайлович! Сергей Михайлович!

Томилов очнулся, оторвался от своих мыслей.

— Да, да! Слушаю, Надежда Васильевна.

— Леночка спрашивает, сможет ли она научиться ходить по общежитию.—Надежда Васильевна смеялась.

Томилов тоже засмеялся.

— По общежитию? Да ты будешь ездить одна в магазины, будешь покупать, что захочешь.

Девушка скучающе ответила:

— Мне бы здесь ходить...

Домой возвращался Сергей в самом наилучшем настроении. Он прожил день честно, с пользой. Сегодня-то ему не пришлось подстегивать стрелки часов. Наоборот, их бы сдержать, сделать бы еще что-то. «Жаль, нет Ани, а то рассказал бы ей столько новостей!»

Но Аня оказалась дома.

— Ты как это?—обрадованно удивился он.

Аня обняла мужа, поцеловала:

— Неужели я смогла бы улечь там, если ты сбежал на работу? Втихую выбралась.—Она повела его в гостиную.—Ну рассказывай, как отработал?

Раздвинулась перегородка отчуждения. Они вместе. Аня — его! Ей не надо обманывать самое себя. «И меня». Сошла с нее сдержанность. Она стала прёжней — близкой, родной Анютой. Не сразу зараастет ее рана, утихнет, исчезнет боль. Пусть счастье, любовь, откровение будут восстановлены, хоть и такой дорогой ценой.

Марьянов уехал. Через некоторое время Сергей получил от него письмо и замечания по диссертации. Замечаний оказалось немного, и он немедленно приступил к правке. Потерянные месяцы в вынужденной отсидке забылись. Их словно и не было. На работе дни мелькали за днями, только когда он шел домой, вспоминал о видящем глазе, отмечал: «Недавно стоял розовый туман, теперь туман поголубел». Зрение меркло. Сергей постепенно опускался в густоту мрака, опускался медленно, но неотвратимо. Он смотрел на то, что мог еще различить, и чувствовал, как тоненькая-тоненькая струнка в душе щемяще издает какой-то жалобный, слабый звук, словно соболезнуя об утраченном. А когда он входил в квартиру или шагал в школу, та же тоненькая струнка в полный голос восторженно пела о происходящем, вновь обретенном. Дома — Аня, дети. В школе — работа. На улице — простор и люди.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Динамик просыпается первым. Бьют куранты, звучит гимн. Гимн возвещает новый день, приветствует солнце.

Просыпается и Аня. Шесть часов. Кровать Сергея пуста. Он опять перебрался на диван в гостиную, чтобы работать допоздна. Аня спешит в больницу. Сегодня операция, к которой она готовилась столько, сколько к операции Сергея. Сегодня на стол ляжет Олег.

Вошел Сергей, в пижаме, побритый.

— Доброе утро, Анюта!

Ей теперь не нужно было избегать его, скрываться. Теперь, наоборот, она, как и до его операции, старалась делиться всеми помыслами, удачами и неудачами, получать совет, поддержку, сочувствие.

— Ну, доктор, дай благословлю тебя на подвиг! — Сергей поцеловал ее в лоб.

Она обняла его.

— Я уверена в успехе. Олег должен увидеть!

Спит больница. Не спит Олег. Он думает. Ему есть о чем думать, волноваться, гадать, сомневаться. Несчастный случай в детстве оставил ему матовый свет солнца, электрических лампочек. Все это горело тусклыми фонарями в глухой туманной ночи. Какие-то тени плыли, двигались, но он не знал, что это такое. Они не имели определенных форм, окраски. Они для него были так же неразличимы, непонятны, как для нормальных зрячих глаз затененные лунные пятна. Зрительная память пыталась что-то подсказать: травы, лес окрасить в зеленые цвета, а небо в синий — ничего не получалось. У памяти как бы не хватало той влаги, которой можно было бы смочить высохшие краски, и кисть воображения напрасно, впустую водила по черному экрану. Временами мелькнувшим отпечатком мигал красный цвет флага. Олег помнил лоскут материи, развевающейся на ветру над крышей школы. Он спросил мать:

«Что это, мама?»

Она пояснила:

«Флаг, сынок».

И это цветное мелькало довольно часто, как только он вспоминал разговор с матерью.

Снимет ли операция бельмовую портьеру в глазу? Если да, что за ней, за портьерой? Тем, кто теряет зрение в более позднем возрасте, не приходится раздумывать, когда им врачи обещают вернуть свет. Они видели его, видели, чем он богат, чем насыщен. А для Олега земля и небо — одни названия. Он «видел» пальцами дома, улицы, деревья, дороги. Он видел ощущением. Но разве познаешь ощущением выражение глаз, лиц, жестов? И все это придется познавать заново, словно осваивать какой-то новый иноземный язык.

Он любит, очень любит Свету. У нее приятный голос, и вообще манера говорить, и шаги, и смех. Но это лишь слуховые ассоциации. А если он увидит?.. Олег наслышан комплиментов в ее адрес: «Какая хорошенькая девушка». Слышал он и другие слова: «Как жалко, что такая красивая девчонка, а не нашла себе никого лучше, чем этого слепого». А что значит — красивая? Как понять, как отличить красивое от некрасивого? А вдруг он не оценит, не поймет ее красоту и она станет для него одинаковой со всеми, не так, как сейчас? Сейчас Света не похожа ни на кого. Лучше всех. Если случит-

ся так, что зрение сравняет ее с другими, тогда лучше не нужно ему этого зрения. Какая она? «Какая ты?..— спрашивает Олег.— Красивая, да?» Она молчит. Ее нет. «А какой у меня папа?» — задает он новый вопрос. Олег ощупывал его лицо: широкие лохматые брови, перекошенный морщинами лоб, полные губы, глазницы, а в них округлые выпуклости.

Каким покажется папа? А какие буквы, цифры? Они ведь не из точек? Их придется читать не пальцами, а глазами? Как смотреть и читать? Говорят, бумага белая, а буквы и цифры черные. Ну как не перепутать белое и черное? Наверное, привыкнуть к этому будет трудно. А как он станет отличать людей, если не имеет ни малейшего понятия о возрасте, формах, цветах? Олега страшил этот новый мир, который мог ему открыться после операции. И пугало — сможет ли он приспособиться там, освоиться в той среде?

К дверям приблизились шаги. Олег узнал — Светлана.

Да, вошла Света. Поздоровалась вполголоса, словно он был тяжело больным.

Олег засмеялся.

— Я, Света, пока совсем здоров. Чувствую себя прекрасно!

Светлана удивилась:

— И ты спокоен?

Прислушавшись к себе, Олег сознался:

— Чуть-чуть боюсь. Страшновато... Будут резать. А потом вдруг увижу — и тоже страшно!

Зашла Аня.

— Стрекоза, опередила.

Светлана обиделась.

— Не стрекоза, а будущий окулист! — И заговорила серьезно: — Желаю тебе, мамочка, успеха! И тебе, Олежка! Побегу. Мне пора в институт.

— После операции, пока не разрешу, к нему не заходи, — попросила дочь Аня и обратилась к Олегу: — Спал нормально?

— Нормально, Анна Ивановна.

Она взяла его руку, проверила пульс.

— Ну что же, Олег, скоро в операционную.

Олег вырос здоровым, сильным и спокойным парнем. Но сегодня он волновался, неизвестность тяготила, будоражила, и он опасался, как бы его возбуждение не

повлияло на исход операции. В медицине и это предусмотрено. Пришла сестра.

— Пора? — испугался Олег.

— Скоро, скоро... — неопределенно пообещала женщина. — Давай-ка сделаем укол.

Лекарство сняло возбуждение. Чувство страха притупилось. Его охватило безразличие, равнодушие ко всему.

Закончив приготовление, переодевшись, Аня подошла к операционному столу решительная, собранная, уверенная в себе. В операционной студенты, ассистент — профессор глазной кафедры медицинского института, одобравший в свое время смелый замысел врача Томиловой. После того как Аня, исследовав глаза Олега, несколько лет наблюдала за ним, проводила лечение препаратами и убедилась, что хирургическое вмешательство возможно, допустимо, она приступила к поискам наиболее верного пути его разрешения. Обожженная огнем роговица потеряла свою округлость, серые нарости белыма плотно закрыли глаза. Можно, конечно, вместо пораженной роговой оболочки вживить донорский материал, но это слишком большой риск. Может возникнуть тканевая несовместимость, отторжение — и вновь прочная слепота. Протезирование, как у Сергея, тоже риск. И Аня выбрала комбинированный вариант: взять неповрежденную роговицу со второго глаза Олега, ослепшего не вследствие ожога, а от других заболеваний, и пересадить ее на больной глаз. Подобная пересадка исключала отторжение.

Больной готов к операции. В щель, точно в амбразуру, — видны только глаза. Один глаз с прозрачной роговицей, с темным зрачком, другой — с матовой поверхностью, оплетенный густой сеткой тончайших красноватых сосудов. Яркий свет освещает операционное поле. Большого это беспокоит, он просит убавить свет. На его переносице выступает пот.

— Потерпи. Иначе нельзя, — спокойно говорит хирург и прошивает мышцы глаз, заставляя их не двигаться.

Аня берет трепан. Кольцевидное лезвие касается прозрачной роговицы. Аня осторожно поворачивает его. Роговица пройдена. Все, дальше нельзя. Дальше

хрусталик. Аня пинцетом берет шестимиллиметровый в диаметре прозрачный диск, переносит его, как величайшую драгоценность, на операционный столик, на котором сверкают различные инструменты. Среди них — обыкновенная резиновая пробка, словно нечаянно попавшая сюда. На ее пятаке лежит заранее подготовленный полиэтиленовый лепесток, а на нем — пластмассовое колечко. На это колечко Аня кладет чистую роговицу — трансплантат. Тончайшие миниатюрные иглы с вдетьми в их ушки шелковистыми паутинками ниток аккуратным хороводом впились остриями в пробку. Аня бережно приподнимает нижний лепесток, вместе с ним снимает сооруженьице с игл и подносит к прозрачной половинке контейнера. Уложив в нее лепесток и накрыв второй крышкой, Аня сцепляет их специальным запором. Получился маленький ларец, игрушечный контейнер, в котором укрылось волшебное сооружение, способное вернуть глазу свет. Ларец со свесившимися из него микроскопическими нитями на время откладывают в сторону. Аня берет приготовленный ассистентом прозрачный диск — роговицу донора, вкладывает его в ложе. Отверстие закрыто. Диск пришивается к основной роговице. На слепом глазе операция закончена. Его накрывают влажной салфеткой, и хирург приступает к основной операции. Напряжение врача возрастает, внимание концентрируется на пораженном бельме. Что под ним? Аня работает не спеша, расчетливо, ни малейшего лишнего движения. В ее деле все микро. И ткани, и сосуды, и инструменты. Незаметно дрогнет рука, а это в мире микро — катастрофа, непоправимая ошибка, беда.

В руках врача снова трепан. Инструмент нависает над роговицей и начинает просверливать бельмо. Кульминационная минута. Взгляды всех присутствующих на операции устремляются к одной точке — основанию буравчика, который входит в роговицу. Большой шумно вздохнул. Аня взяла контейнер, отбросила крышечку, достала трансплантат, положила его на сделанное отверстие, сняла верхний лепесток, бросила в таз. Прозрачный диск с пластмассовым колечком, которое должно прикрыть соединение трансплантата с основной роговицей при их вживлении — потом, через несколько дней, когда произойдет срастание, он удаляется, — Аня пришила к краям оболочки. Она оторвалась от окуляров

микроскопа, распрямила спину, подумала: «Ну вот, закончена еще одна операция, сдана многолетняя работа». Так, наверно, прощается художник со своей картиной, делая последний мазок, и с грустью смотрит на законченное произведение, словно прощаюсь с ним.

Сколько у Ани было операций, сколько их будет впереди, и все равно операции Сергея и Олега останутся незабываемыми, самыми значительными. «Мы вместе будем возвращать зрение людям», — припоминает она слова Сергея и про себя произносит: «И вот мы с тобой, Сережа, дали свет Олегу».

Больного увезли. Свет выключили. Операционная осиротела, превратилась в обыкновенную комнату. Профессор похвалил:

— Ваши руки, Анна Ивановна, талантливы, как руки виртуоза-музыканта.

— Спасибо, но ваши руки гораздо талантливее! — ответила Аня, помня операции профессора, на которых она присутствовала еще в институте.

— У меня они уже потеряли былую подвижность, гибкость. — Профессор сжал и разжал кулаки и сокрушенно пожаловался: — Не те. Закостенели. Просят смены.

Что произошло с глазом, разобраться Олег не успел. Свет обжег яркостью, смыл тени, затем ослаб, тени заслегли снова. Затем глаза перебинтовали, и больного увезли в палату.

Светлана после занятий в институте четвертый день дежурила у Олега. Неужели он увидит ее? Не верится просто! Никак не верится. Она привыкла к нему к такому, какой он есть — к незрячему, читающему книги пальцами, пишущему шильцем, не разбирающемуся в цветах, не знающему ее лица. Каким он станет, когда увидит свет, ее?..

— А вдруг я не понравлюсь тебе, — лукаво спрашивает Светлана Олега.

Сегодня будут снимать повязку, и она забежала на часок для участия в таком торжественном событии.

— Какая ты есть, Света, все равно лучше всех, — горячо уверил Олег. — И о красоте вообще я буду судить по тебе.

Приоткрылась дверь. Больного пригласили к врачу. Светлана повела его, волнуясь не меньше, чем больной.

Перед темной комнатой — Аня, Елизавета Дмитриевна.

Олег и Светлана поздоровались. В голосах тревога. Олега посадили на стул.

— Что у нас там? — сказала Аня тоже не без тревоги и взялась за узелок бинта.

Светлана ждала, ждала с затаенным страхом и любопытством. Трошина прислушивалась к шороху, к дыханию матери и дочери, читая по ним происходящее. Дыхание стало еле слышно — значит бинт делал последний круг... Да, слепая женщина читала правильно. Бинт остался в руках Ани. Олег зажмурился сильнее.

— Не бойся, Олежка, открывай глаза, — подбадривает Аня больного, а сама волнуется не меньше его.

Олег с усилием размыкает веки. Роговица левого глаза чистая, следы операции не заметны. Правого изменена.

В темной комнате Аня берет офтальмоскоп, пускает светящийся зайчик в черноту зрачка, сама смотрит в прорезь прибора. Отраженный луч света проникает к глазному дну, засвечивает розоватую поверхность сетчатки. Видно ускользающее зернышко макулы. Желтое пятно отзыается на ворвавшийся луч света. Олег ничего не понимает, но что-то видит. Врач чувствует это — видит. Она выводит больного в залитую светом комнату.

Олег ошелошло стоит посреди комнаты и боязливо озирается вокруг. Он делает шаг вперед, все колыхнулось. Он забыл, что такое движение. Он воспринимал его по-своему, а тут — вдруг двинулось все. Закружила голова. Он закрыл глаза и тут же попал в знакомую, привычную темноту. Она была густой, спрессованной, чуть ли не осязаемой. Своей густотой она успокаивала его. А это светлое пространство?.. Ресницы дрогнули и медленно раздвинулись. А это пространство какое-то невесомое, неощутимое. Он подбирал подходящие слова, чтобы дать ему определение. Но все они не точны, не те. Это пространство не держало его, и ему пришлось протянуть руку к чему-то белому, яркому. Рука уперлась в стену — это подсказала осязаемая память. Зрячий глаз впервые видел руки. Олег поочередно ощупал их. «Вот они какие!..» Пошевелил пальцами. Это они заменяли зрение, читали, ощупывали предметы,

по-своему создавали картины окружающего мира. Теперь он их видит. Чудные! В поле зрения попало что-то удивительно знакомое. Олег шагнул, протянул руку, хотел взять, но пространство обмануло его, уличило в невежестве, в незнании самых элементарных определений расстояния. Так с протянутой рукой он дошагал до предмета, не зная на вид, что это. Но зрительный мозг напомнил о красном цвете флага, и теперь цвет не ускользал, как раньше, а, наоборот, окрашивался ярче. «Флаг...» — вспомнил он. Но рука схватила книгу, лежащую на столе. Стол тоже пришлось ощупать. «Обложка книги красная...» — сказал Олег про себя. И произнесенные мысленно слова точно приоткрыли занавес памяти. Если до сих пор глазное дно служило экраном, освещенным пучком света киноаппарата без изображения, то сейчас будто в аппарат вставили заснятую пленку и зрительный нерв послал в центр уже какие-то отпечатки, вроде снимка проявляющегося негатива. Разбуженная память протянула через многолетний пласт мглы запечатлевшиеся в детстве видения, и они, соединяясь с осозаемой записью, начали постепенно приближать Олега к зрителю яви. Он увидел три человеческие фигуры. Шаг... Другой... Олег приблизился к наблюдавшему за ним врачу, к Светлане и растерянно, смущенно всмотрелся в их глаза. Глаза... Вон какие глаза! Большие... На ощупь кажутся меньше. Кто Анна Ивановна? Елизавета Дмитриевна? Светлана? Лица у всех одинаковы. Он сомкнул веки. Вот здесь стоит Света. Слышится ее дыхание, знакомый запах духов. Открыв глаза, он счастливо улыбнулся.

— Светоночка!

— Узнал! — кинулась она к Олегу. — Мама, он узнал меня! Увидел! — Она обняла его за шею и поцеловала.

Олег засмущался, покраснел, заулыбался еще радостнее. Рассматривая двух других женщин, он узнал Анну Ивановну. Узнал по глазам. Они такие же, как у Светы. Вторая женщина — это, конечно, Елизавета Дмитриевна. Олег повернулся к Анне Ивановне, взял ее руку, пристально рассмотрел, зачем-то сосчитал пальцы и приложил их к своим губам. Он старался сдержать слезы. Ведь его губы целовали те пальцы, нежные, мягкие женские пальцы, которые вернули ему зрение, которые позволили увидеть их самих.

К вечеру Олегу снова разрешили снять повязку. Он с удивлением разглядывал вещи, предметы, находящиеся в палате. Он оглядывал их и ощупывал, узнавал. Посмотрев на улицу, он долго не мог разгадать, что это там за коробки стоят друг за другом. Потом, припомнив макеты жилых зданий, воскликнул:

— Дома! Такие огромные!

В палату вошли двое.

— Папа! — Олег крепко обнял отца.

Перед ним стоял отец, его отец, которого он любил. И любовь сама по себе говорила о красоте.

— Сынок! Видишь! Счастье-то какое, а, сынок, родимый! — Федор Иванович, не стесняясь, заплакал.

Второго человека при вечернем свете Олег не узнал сразу. Он подошел поближе. Опять знакомые духи, дыхание выручили его.

— Света, ты?

— Я, Олег, ну конечно, я!

За окном зажглись вечерние огни. Олег взглянул на город, на его светящийся рой лампочек, поднял глаза к небу и удивился. Там горели такие же лампочки, только крошечные, точно город окутал своими огоньками всю вселенную.

— А там что? — спросил он, указывая вверх.

Светлана и Федор Иванович стояли рядом. Светлана подсказала:

— Небо, Олежек, небо...

— Значит, я вижу и небо! — возликовал Олег.

Федор Иванович ласково похлопал его по спине.

— Да разве ты увидаешь только такое!

Олег с жадностью рассматривал звезды.

— Вспомнил я, вспомнил! — восторженно закричал он. — Небо! Синее... Вспомнил — синее!

Он не ошибся. Память подсказала ему этот цвет, ту окраску неба, которую он видел мальчиком, до слепоты. «Свет, здравствуй!»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В здании электростанции людей немного, только те, которым положено быть здесь по должности и профессии. Они не суеверны, деловиты. Лица их сосредоточен-

ны, одухотворенны и одновременно строги. Это специалисты — инженеры, техники, рабочие, прошедшие школу испытания, пуска таких же станций где-то в других местах. Зато сколько народа на улицах! Море голов!

На площади сооружена трибуна. Радиорепродукторы объявляют открытие митинга. Тысячи глаз смотрят туда, где на возвышенности стоят руководители партийных, советских организаций, представители министерства, строители — ударники коммунистического труда.

Говорил председатель горисполкома Юрий Николаевич:

— Скоро Родина получит от нас миллионы киловатт-часов электроэнергии. Но то, что мы сдаем сейчас в эксплуатацию, лишь часть запроектированного комплекса. Сегодня оживает первый блок. Завтра строители начнут второй, а там появятся десятки таких блоков, и наша станция со временем станет одной из самых мощных станций страны. И вам, молодежь, предстоит продолжить строительство этого замечательного сооружения. И мы надеемся на вас. А сейчас мы говорим вам спасибо за прокладку теплотрассы к городу Дальнему. Тысячи девушек и юношей без отрыва от производства и учебы, в дождь, в жару и холод строили этот немаловажный объект и сдали его досрочно. Конечно, это не БАМ, но там и тут — ударные стройки. Пусть по масштабам они различны, а вера в свое будущее, в свою цель у вас, молодежи, одинакова.

Выступали строители, эксплуатационники. От молодежи — прокладчиков теплотрассы — выступила Светлана Томилова. Услышав свою фамилию, Костя взял руку Любы и удовлетворенно произнес:

— Сестрица-то моя! А?!

Люба стояла прямо, хотя пальцы на ногах еще болели. Врачи сделали все, чтобы спасти ее от ампутации.

Светлана говорила свободно, бойко. Рассказав об инициативе комсомольцев, она от имени молодежи заверила, что молодежь, где бы ни была, какое бы ни поручили ей дело, выполнит его с честью.

Светлану проводили с трибуны мощной овацией. Председатель облисполкома зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и ме-

далями большой группы строителей электростанции.

Он назвал одну фамилию, другую, третью и вдруг:

— Медалью «За доблестный труд» награждается Томилова Светлана Сергеевна...

Аня подалась вперед.

— Неужели нашу Светку награждают? — с волнением спросила Аня у Сергея.

— Аньота ты моя родная, ты разве плохо слышишь? — Сергей смеясь обнял жену.

Ясное весеннее небо темнело. Солнце медленно оседало в тайгу.

И, точно по команде, взамен угасающему солнцу вспыхнули лампочки. Электричество загорелось в зданиях ГРЭС, осветились окна, зажглись огни вокруг. Стало светло как днем. Несколько прожекторов протянули свои желтоватые споны света к площади. Люди закричали «ура», зааплодировали. Заиграл духовой оркестр. Олег Журавлев вместе со всеми радовался огням, фейерверку, улыбающимся лицам. Смотрел на Светлану, отца и не прятал катившихся по щекам слез. Недавно, после операции, он воскликнул: «Свет, здравствуй!» Сейчас он снова повторял эти слова: «Здравствуй, свет!»

• Несмотря на воскресный день, город Дальний проснулся рано. Неизвестно, по какой связи в квартиры поступал сигнал, но жители выглядывали из окон, быстро одевались, выбегали в подъезды. На улицах народу, как на демонстрации.

— Что случилось? — спрашивали они друг друга, спеша по лестницам вниз.

А на улицах радостные, довольные люди весело показывали на небо и торжественно говорили: «Чистое как стеклышко!..», «За ночь подключили теплотрассу...», «Котельные загасили...»

А небо было по-настоящему чистое. Возвышающиеся над домами трубы не дымили. Они застыли, угасли навечно.

Томилов не был в этот час вместе со всеми на улице. Он сидел в своем кабинете, поочередно принимал вновь

прибывших учащихся. Зазвонил телефон, Сергей поднял трубку.

— Это я, Сергей Михайлович.

Томилов узнал Полякова, хотя голос его дрожал.

— Что у тебя там случилось? — отозвался директор.

— Я... Мы... просим дать небольшой отпуск, — сбивчиво объяснял Илья.

— Не пойму, кому и зачем. Зайди ко мне.

Поляков замялся.

— Я у вас на квартире. Анна Ивановна посоветовала проводить Надежду Васильевну к ее маме.

Раздался голос Ани:

— Приходи, Сережа, скорее. Растолкуем подробнее здесь. Пусть едут они вдвоем. Ждем. Слышишь, сколько нас?

— Кого «нас»? — не понял Сергей.

Аня рассмеялась.

— Много нас: Илья Максимович, Надежда Васильевна, Федор Иванович, Олег, Елизавета Дмитриевна с Анатолием Георгиевичем, Николай с Галей, папа с мамой, мы со Светой и Костя с Любашей.

Сергей встал:

— Анюта, в чем дело?

— Говорю, иди быстрее. У нас гости. Я их пригласила еще днем. — Аня помолчала. — Тут тебе пришли телеграммы от Марьяновых и из Центрального правления. Тебя поздравляют с присуждением ученой степени кандидата педагогических наук. Поздравляю, Сережа!

— Бегу! — крикнул Сергей.

Дослушав посетителя, он оделся, вышел из конторы и торопливо зашагал домой. Солнце как ни в чем не бывало светило в небе. Сергей видел его блеск... Эта капля света появится завтра утром, и пусть, кроме этого света, этого пятнышка солнца, у Сергея не будет ничего, зато есть у него другое, все остальное — радость, счастье, жизнь, работа и любовь. Есть заполненный трудом день. Свет рядом. Он всюду. Сергей чувствует это. Он чувствует и звезды. Они горят для него. Он видит их внутренним зрением. Мрака нет. Нет его потому, что он, Сергей, не остается с ним один на один, забывает о нем. Ему всегда некогда. А поскольку занят всегда — значит нужен людям!

И сейчас его ждут. Ожидает друзья, родные. Как это хорошо, как замечательно! И счастье определяется

не яркостью солнца. Не было бы любви и труда — не было бы и жизни на земле!

«Поздравляю, Сережа!» Это сказала ему Аня. Два слова, а как они произнесены! Сколько в них тепла и света!

Вот он, свет! Здравствуй!

СВЕТ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Я стал думать о нем, не поняв однажды логики его поступка. Мы были знакомы давно, мне казалось, что я хорошо знаю Владимира Сергеевича. Но вдруг случайно услышал: он отказался от операции. Операция могла вернуть ему зрение.

Зрение было потеряно почти сорок лет назад. И все эти годы он больше всего мечтал увидеть краски мира. Мечта о свете являлась ему поводырем, если можно так сказать о мечте. И Ворошилов уверенно шел по жизни. Когда он стал писателем, детская, упрямая жажда видеть определила даже названия его книг: «Солнце продолжает светить», «И не погаснет!», «Капля света».

Раньше операция казалась невозможной — была не готова медицина. Ворошилов следил за новейшими исследованиями в области глазной хирургии, сам предсказал, когда наконец ему скажут: можно. И вот теперь...

Я спросил его: «Почему?» Он помедлил и ушел от прямого ответа: «Да все ведь решено несколько лет назад. В моей новой книжке есть даже схожая ситуация».

Я не сомневался: это не отговорка. Он не умел лукавить. Я читал его романы и прежде, знал: они пользуются популярностью, издаются и у нас в стране, и за рубежом. Но теперь перечитал книги Ворошилова иначе. И опять убедился: в произведениях писателей часто кроется неожиданная разгадка судеб самих творцов.

Свою жизнь он разделил на две части: первую и вторую. Сказал как-то мне: «Первая жизнь была короткой, я ее плохо помню. Вторая уже в два раза длиннее».

Первая жизнь началась в 1919 году в городе Ленинске-Кузнецком, где он родился, закончилась осенью сорок первого — после ранения, навсегда закрывшего ему свет. Первая жизнь продолжалась таким образом двадцать два года.

В той жизни было несколько маленьких городков и поселков Кузбасса, куда семья переезжала вслед за отцом, почтовым работником. Больше других запомнились мальчику Мыски — тогда обычна шорская деревня. Во второй половине дома, где они жили, была почта. Володя своеобразно видел чужую, взрослую жизнь — рядом с почтовым окошечком: чью-то одинокую старость, чью-то радость, любовь, всегда внезапно приходящую — вместе с телеграммой смерть. Сразу за деревней начинался лес: те березы, ягодные поляны снились ему потом в цветных снах. Володя выучил шорский язык. Увлекся, как многие тогда, радиотехникой. Дружил с девоч-

кой Клавой. Они походили друг на друга, нередко приезжие спрашивали: вы не брат и сестра? Когда они познакомились, ей было девять лет, ему — десять; они не поссорились, не надоели друг другу — за два года перед войной поженились. Окончив школу, Ворошилов работал воспитателем в детском доме, учителем начальных классов. Война началась для него рано — в тридцать восьмом: в авиационном училище, на Дальнем Востоке, в летном полку, где потом служил Ворошилов, говорили о большой войне как о чем-то бесспорном, только никто не знал точно — когда?

Что было еще в той первой его жизни? «Так, лирика...» Много играл в драмкружке, особенно почему-то удавались роли купцов в пьесах Островского. Писал стихи — «глупые, сопливые». Мечтал — видел себя в будущем то Качаловым, то Есениным, то знаменитым воздушным асом, то даже архитектором.

Он был еще мальчишкой, самым молодым летчиком полка. А где-то в Сибири уже росла дочь, мыкалась по частным квартирам Клава, занималась в учительском институте, потом проверяла нотами тетрадки первоклассников. Песни под гармошку или гитару (он уже тогда умел играть почти на всех музыкальных инструментах); усиленные занятия спортом; затем, с началом войны, письма: «люблю вас обеих, скучаю, отомщу за нашу тоску врагу»; ни с чем не сравнимое ощущение полета...

Песни остались — он любил петь до самой смерти. Письма пропали куда-то в жизненном вихре. Полетов было не так много, как хотелось — последний тридцатого сентября сорок первого.

II

В госпитале Ворошилов чувствовал себя счастливым. Я удивился, первый раз услышав от него об этом. Он негромко повторил то изумившее меня слово: счастье. Рядом в Ворошиловым в палате лежал человек, лишившийся рук, ног, зрения. Сосед говорил мечтательно: «Мне бы хоть два пальца...» Таких молодых ребят в госпитале было много; просто, жалея наши нервы, их не показывали в тогдашних мажорных фильмах. Про свое ранение Владимир Сергеевич думал с радостью и стыдом: легкое...

Горечь пришла потом. Когда в сентябре сорок второго Ворошилова вывели из поезда на перрон в Новокузнецке, к нему бросилась Клава, а он понял, что никогда не увидит это родное лицо.

Сначала жили большой семьей в двух комнатах: родители, два брата, сестра с ребенком, они с дочкой. Затем поселились отдельно. С болью, однако решительно, навсегда, Клава оставила работу и на многие годы стала для него всем — не только любимой, другом, но и секретарем, стала его глазами. Это был обычный, негромкий подвиг любви. Но о том надо писать отдельно.

Он решил стать писателем. И хорошо понимал: писательству, как и всему на свете, надо учиться. За несколько лет они прочитали почти всю мировую классику. Где-то еще шла война. Они прерывали чтение, когда по радио передавали сводки Совинформбюро. Жили на пенсию Владимира Сергеевича — экономно и дружно. Быстро росла дочь. Каждый вторник прохожие смотрели, как молодая женщина ведет слепого военного во Дворец культуры металлургов. Там собиралась литературная группа. Рядом сидели разные люди,

одинаково влюбленные в литературу: школьники и старый щорский сказитель, медсестра из госпиталя, рабочие, журналисты.

Быстро, спеша утвердиться в своем новом призвании, Ворошилов написал несколько рассказов из фронтовой жизни. Рассказы были плохие, хотя их печатала районная газета — скорее всего из-за нехватки материалов и из сочувствия к автору. Еще быстрее он сочинил пьесу. Пьеса была тоже о фронте и тоже слабая. Перепечатывали, волновались, гадали, куда отослать, вместе шли на почту, послали почему-то не в театр, а в Новосибирское издательство, каждый день ждали почтальона, верили и не верили в удачу. Спасибо рецензенту: он сказал правду. Не оставил от пьесы и камня на камне. Но жалость была бы обиднее. Они страдали, скрывая это друг от друга, но не скрывали надежду.

III

...Он не писал десять лет. Жажда творчества никуда не ушла, только он решил подождать. Рано или поздно вдохновение возвращается к человеку — если не бояться ожидания.

Как жил он эти годы? О чём думал?

В сорок пятом Ворошиловы переехали в Кемерово — Владимир Сергеевич стал председателем областного правления Всероссийского общества слепых. Он погрузился в жизнь, которую раньше не знал. И жизнь эта стала переделывать Ворошилова, а он в свою очередь начал перестраивать ее. Если сказать коротко, это и определило темы его романов.

Нет, их не назовешь автобиографическими в привычном смысле слова. Главный герой Ворошилова Сергей Томилов — горный инженер, он потерял зрение во время аварии в шахте. А Ворошилов спускался в шахту всего несколько раз, когда писал свою книгу; конечно, ему читали учебники по горному делу; чтобы проверить себя, он даже упросил преподавателя принять специальный экзамен. И все же...

Схожим однако было другое, главное. Я думаю сейчас не о сходстве лиц, но о сходстве характеров, наблюдений, об энергии преодоления человеком самых горьких обстоятельств, которой была наполнена и жизнь героев, и жизнь автора книги. Владимир Сергеевич, к примеру, не раз вспоминал тяжелое чувство, возникшее у него после знакомства с предприятиями, где трудились незрячие. Эта горечь появляется и у читателя, когда он подходит к тем страницам романа «Солнце продолжает светить», где описываются смрадные будни пимокатной мастерской. Здесь-то и начинает директорствовать Сергей Томилов. Но идет время, движется повествование, и вот уж нет маленькой мастерской с затхлым воздухом, вечно пьяными рабочими. Есть новые цехи, современное оборудование, а главное — перед нами люди, побеждавшие свою беду и судьбу.

Романы Ворошилова выделяются в довольно большом потоке произведений, героя которых пытаются преодолеть свои невзгоды, тот или иной недуг. Как правило, в центре подобных произведений одна, пусть и яркая, интересная личность. Перед читателями же Ворошилова одновременно проходит много жизней и судеб. Люди, лишенные зрения, объединены здесь в содружество, в коллектив. Вместе с автором мы попадаем в особый, чаще всего совсем не знакомый нам мир, где есть и свои проблемы, и свои острые вопросы.

Знаю: кое-кто, прочитав произведения Ворошилова, скептически восклицал: все это похоже на сказку, автор — мечтатель и явно выдает желаемое за действительное. Но в данном случае литература легко «поверяется» жизнью. Скептик может совершить экскурсию на одно из многих предприятий общества слепых. Я начал когда-то такую экскурсию с музея завода в Кемерове. Здесь была выставлена продукция, которая давно не выпускается, но которая порой все еще соединяется в нашем представлении с обществом слепых,— щетки, пимы, бумажные коробочки, матрацы. Здесь же была и сложная продукция сегодняшнего дня; она идет во многие страны мира. Скептик увидит конвейеры и полуавтоматы, по-настоящему передовую организацию труда... А рядом с предприятием — целый городок: большой детский комбинат, несколько жилых домов, построенных обществом слепых. Я не раз приходил сюда — и один, и с Владимиром Сергеевичем. Был в Доме культуры на «голубых огоньках» и концертах самодеятельности, которой так гордился Ворошилов, листал в библиотеке свежие журналы — необычно толстые, напечатанные с помощью системы Брайля, слушал звуковые книги, записанные на магнитную пленку. Жизнь человека далеко не всегда можно измерить цифрами. И все же приведу две — их любил повторять Владимир Сергеевич: когда-то Кемеровское общество слепых выпускало продукции на пятнадцать тысяч рублей, теперь — более чем на десять миллионов! Что цифры! Но я вижу за ними годы: его почти спартанский образ жизни, пятичасовой сон, вечные командировки, планы, о которых он говорил, будто читал стихи, — планы реконструкции старых и создания новых предприятий в Новокузнецке, Белове, Прокопьевске... Да, писатель предпочитал простой, на первый взгляд, но, наверное, самый трудный творческий метод: сначала пройти вместе со своими персонажами отрезок жизни, сначала построить эту жизнь, а потом рассказать о ней читателю.

IV

Я не раз думал: почему его слово было услышано и понято тысячами людей?

Проще всего говорить о художественных достоинствах книги, но я, к примеру, легко вижу и некоторую прямолинейность психологического анализа в романах Ворошилова. Пушкин писал, что произведения каждого художника нужно судить по законам, им самим над собой признанным. У Ворошилова эти законы обнажены. Перед нами книги-проповеди. Книги, дающие урок и созданные ради этого урока.

Писателей трудной биографии часто сравнивают с Николаем Островским. Это не всегда правомерно. Но в данном случае сравнение оправданно. Я ставлю рядом две человеческие судьбы, сознавая разницу в их масштабах и разницу времени.

Вот итог жизни Николая Островского, точно написанный критиком Л. Аннинским: «Его судьба была словно очищена от случайностей. Она удивительно точно выявила свой смысл, удивительно ясно воплотилась. Его судьба содержала в себе великий исторический урок, и он знал это». Островский понимал значительность и самоценность собственной жизни, видел в ней портрет поколения, к которому принадлежал. Потому и взялся за перо. Ворошилов же не видел в своей судьбе ничего особенного. Он стал писать не

только и не столько потому, что хотел зафиксировать пережитое. Он всегда мечтал стать литератором. И стал им, найдя в жизни такое, о чем считал важным поведать всем.

Но в одном их судьбы схожи. Как схожи своим пафосом и книги. Оба писателя рассчитывали на урок. И — преподали его. «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесполезно прожитые годы...» Жизнь прекрасна — как бы добавляет Ворошилов. Слепота, горе не должны затмить вечную радость бытия. Урок оказался очень нужным многим. Я понял это, прочитав сотни писем, которые получал Ворошилов от читателей. Это нам только кажется, что все происходящее с нами — впервые. А все уже было. И уже множество раз приходило к людям горе. И негромко, но требовательно, властно стучалось в окно одиночество. Но люди должны быть счастливы, снова и снова настаивает писатель. Он показывает реальную дорогу к счастью. Сергей Томилов борется не только со слепотой, но с трагической завершенностью судьбы. Он обретает не только товарищей — обретает семью, простые жизненные радости, которые не заменишь ничем.

...Владимир Ворошилов был одним из организаторов и участников гуманного, уникального по своей сути нравственно-социального опыта. Он сумел рассказать об этом правдиво, романтически, но без сентиментальности. Может быть, примечательнее других его последний роман «Капля света». Сергей Томилов становится здесь педагогом, создает школу восстановления трудоспособности незрячих. Перед нами раскрывается еще одна сторона этой одаренной личности. Томилов пишет интересный научный труд — кандидатскую диссертацию, в центре которой актуальная для всех времен этическая проблема: как вернуть гармонию человеку, которому врачи уже не в силах вернуть зрение, как достичь жизненной гармонии, если она кажется утерянной навсегда... На многих страницах этой книги есть размышления героя, в которых легко узнаются размышления самого автора.

А я узнал и другое. То, о чем мы когда-то говорили с Ворошиловым. Сергей Томилов получает здесь возможность прозреть. Но только отказавшись от любимой работы. Перед героем выбор: быть зрячим и пребывать в духовном вакууме или снова вернуться во мрак, но при этом остаться самим собой. Герой выбирает второе. Еще раньше тот же выбор совершил автор.

...Он умер в пути. Наверное, даже не поняв, что умирает. Он заснул в машине, возвращаясь из командировки. И не проснулся. Кто-то сказал: счастливая смерть. А я подумал: счастливая жизнь. Она была освещена ярким, тревожным светом дерзания.

Е. Цейтлин

СОДЕРЖАНИЕ

КАПЛЯ СВЕТА

- Часть первая. Капля света 3
Часть вторая. Живые должны
жить 198
Часть третья. Свет, здравствуй! 302
E. Цейтлин. Свет одной жизни 427

Владимир Сергеевич Ворошилов

КАПЛЯ СВЕТА

Роман

Редактор Л. В. Глебова.
Художник В. И. Мезеров.
Художественный редактор
В. П. Кравчук.
Технический редактор
Г. Н. Манохина.
Корректор Е. А. Царева

ИБ № 647

Сдано в набор 25.08.81. Подписано к печати 10.06.82. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 22,89. Уч.-изд. л. 24,14. Тираж 50 000 экз. Заказ № 15016. Цена 1 р. 60 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.